ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Уроки пекинской авантюры во Вьетнаме

Об основных аспектах маоистской фальсификации

«Четыре модернизации»: наметки и реальность

Важный документ из истории советско-китайских отношений

Коммунист-интернационалист, верный ленинец

Японская экономика: проблемы остаются

Чё

2
1979

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2[30] 1979

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

3 Уроки пекинской авантюры во Вьетнаме

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

13 Курс, враждебный миру и социализму

* * *

Об основных аспектах маоистской фальсификации истории
26 *М. И. Сладковский*

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Кампучия: крах маоистского «эксперимента»
41 *Е. В. Васильков*

«Четыре модернизации»: наметки и реальность
В. И. Акимов,
52 *В. И. Потапов*

Наступление реакции на права и свободы граждан Японии
65 *В. Н. Еремин*

Тень Китая над Южной Азией и Средним Востоком
76 *С. Г. Юрков*

Роль и место зарубежных китайцев в политике Пекина
86 *Т. М. Котова*

Англия во внешней политике Китая
99 *А. Г. Ларин*

Японская экономика: проблемы остаются
111 *Ю. П. Шипов*

Фальсификация истории исследования Центрального Тянь-Шаня с целью оправдания территориальных притязаний Пекина к СССР
121 *В. Е. Иринин*

Пекин: курс на провоцирование мировой войны
131 *А. Г. Апалин*

ИСТОРИЯ

Важный документ из истории советско-китайских отношений
141 *М. С. Капица*

Антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г. в Китае
147 *В. П. Илюшечкин*

КУЛЬТУРА

158 Проблема перевода и истолкования текста
Н. Т. Федоренко

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

172 Коммунист-интернационалист, верный ленинец
К. В. Шевелев

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

180 О связях Петербургского университета и Восточного института (Владивосток) в начале XX в.
А. А. Бабинцев

ВОСПОМИНАНИЯ

183 Из записок советского специалиста
Л. Н. Кутаков

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

190 Важные справочники по Китаю
В. К. Закаменский

193 Трудные пути китайской культуры
М. Е. Шнейдер

195 Судьба творческого наследия Лао Шэ
А. Н. Желоховцев

197 Польское издание «Новейшей истории Китая»
Л. М. Гудошников

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

200 Против маоистских фальсификаций истории

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

© «*Проблемы Дальнего Востока*», *1979*

Редакционная коллегия:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Уроки пекинской авантюры во Вьетнаме

Развязанная Пекином в феврале нынешнего года агрессия против Социалистической Республики Вьетнам, как известно, закончилась позорным провалом пекинских авантюристов. Столкнувшись со стойкостью и мужеством вьетнамской армии и народа, решительными выступлениями Советского Союза, других стран социалистического содружества в поддержку СРВ, с гневными протестами миролюбивой общественности повсюду на земном шаре, агрессор отступил, не добившись ни одной из целей, которые он ставил перед собой, предпринимая вторжение во Вьетнам. Жестокая тридцатидневная война, развязанная руководством Китая против соседней социалистической страны и оставившая на ее теле глубокие раны, отошла в прошлое. Однако уроки кровавой авантюры маоистов не забылись, они сохраняют всю свою актуальность и сегодня.

Пекинская агрессия против Вьетнама разоблачила перед всем миром крайне опасный характер великодержавной, гегемонистской политики китайских лидеров. Как отмечалось в речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 2 марта 1979 г., «теперь все видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире. Теперь более, чем когда-либо, ясна вся опасность любых форм пособничества этой политике».

Нападение Китая на Вьетнам продемонстрировало, с какой преступной легкостью китайское руководство пускает в ход оружие ради достижения своих гегемонистских целей, проявляя высокомерное пренебрежение и к правам суверенных государств, и к судьбам мира. Ни одно государство, ни один народ не могут считать себя в безопасности, когда группировка, стоящая у власти в 900-миллионном Китае, проводит столь безответственную, авантюристическую политику. Это относится прежде всего к странам Юго-Восточной Азии — района, где проживает более двадцати миллионов «хуацяо» и который Пекин рассматривает как «сферу своих особых интересов», китайского политического влияния. Агрессия Китая во Вьетнаме, как справедливо подчеркивалось, например, в заявлении Компартии Индонезии в связи с событиями в Индокитае, — «это серьезный урок и предостережение всем азиатским народам, особенно народам стран Юго-Восточной Азии, зловещее напоминание об угрозе нашей безопасности и суверенитету, исходящей из Пекина».

Предпринимая вторжение во Вьетнам, китайское руководство при активном содействии западной пропаганды приложило немало усилий, чтобы скрыть от международной общественности подлинный характер и цели своих преступных действий, приуменьшить их опасность. Для этого в Пекине сперва была изобретена версия, согласно которой нападение китайских войск на СРВ являлось «ограниченной по времени и масштабам» операцией, призванной «наказать» Вьетнам за якобы осуществлявшиеся им «пограничные провокации против Китая». Нелепость

этой версии была настолько очевидной, что никто ее не принял всерьез даже на Западе. Была предпринята и более «тонкая» попытка фальсифицировать суть происшедшего в Индокитае. Дело изображалось таким образом, будто китайские войска вторглись в СРВ, чтобы «проучить» эту страну за помощь народу Кампучии, свергнувшему реакционную клику Пол Пота — Иенг Сари, и за «стремление к созданию индокитайской федерации». Эта ложь была широко подхвачена западными средствами массовой информации, равно как и другая: в Пекине-де решили преподать урок Вьетнаму, поскольку он возомнил себя «самой мощной военной державой в Азии», бросив тем самым вызов могуществу Китая. И, наконец, еще одно толкование мотивов, которыми руководствовались маоисты: они, мол, хотели «отомстить» соседней стране за ее тесное сотрудничество с Советским Союзом.

Пекинским руководителям, безусловно, было выгодно, чтобы их действия изображались как реакция на политику Вьетнама, ибо при этом жертва агрессии фактически выставлялась в качестве «виновного», а агрессор — чуть ли не в роли «защитника» других стран Индокитая и ЮВА.

При таком объяснении мотивов агрессии значительно приуменьшалась и опасность политики Пекина как для Вьетнама, так и для всей Юго-Восточной Азии, для дела мира во всем мире, ибо «наказание» суверенного государства силой оружия — это действие, заслуживающее, разумеется, осуждения с точки зрения права и морали, но его можно выдавать за некую «ограниченную» по времени и последствиям акцию, за «эпизод» в международной политике, который, по завершении, уходит в прошлое, никому ничем не грозит и потому может быть забыт. Именно так изображали события в Индокитае многие органы информации на Западе, отражая в одних случаях пособническую, в других — примиренческую позицию правящих кругов соответствующих стран, диктуемую их классовыми интересами. При таком подходе к делу нет необходимости заботиться о том, чтобы вскрыть и в конечном итоге вырвать корни опасных для дела мира разбойничьих действий Пекина.

Действительные масштабы опасности пекинской авантюры в Индокитае куда более значительны. Их можно в полной мере оценить, если принять в расчет не мнимые, а подлинные причины, породившие агрессию, и цели, которые на деле, а не на словах преследовали ее инициаторы. Для этого следует прежде всего вспомнить, какой линии в отношении Вьетнама и других стран Индокитайского полуострова, всей Юго-Восточной Азии придерживались в Пекине в период, предшествовавший нападению на СРВ.

Как подчеркивалось в заявлении Советского правительства от 18 февраля 1979 г., «агрессия Пекина против социалистического Вьетнама является прямым результатом политики шантажа и давления, которую китайские власти проводили в течение ряда лет в отношении Юго-Восточной Азии вообще и в отношении Вьетнама в особенности».

В силу полного разрыва маоистского руководства Китая с социалистическими принципами и его перехода на позиции великоханьского шовинизма Пекин давно уже поставил во главу угла своей внешней политики стремление к гегемонии и прежде всего к установлению своего политического господства в Юго-Восточной Азии. Эта цель была откровенно сформулирована Мао Цзэдуном, заявившим еще в 1965 г., что Китай должен «обязательно заполучить Юго-Восточную Азию».

Вьетнам — государство Юго-Восточной Азии, непосредственно граничащее с Китаем, — оказался в числе первых объектов экспансионистских устремлений маоистов.

Замысел подчинить себе Вьетнам, как и другие страны Индокитайского полуострова, превратить его в послушное марионеточное государство, лишенное политической самостоятельности, зрел в китайских пра-

вящих кругах на протяжении многих лет. «Пекин,— говорил премьер-министр СРВ Фам Ван Донг,— давно вынашивает великодержавные гегемонистские замыслы в отношении нашей страны и других стран данного региона».

Известно, что еще в 1954 г. в Китае была опубликована карта, относившая Вьетнам наряду с Лаосом, Камбоджей, Таиландом, Малайзией, Непалом и целым рядом других государств к «составным частям китайской территории, присвоенным империалистами». «Что это, как не доказательство того, что эти господа переняли от древнекитайских императоров мечту о мировой гегемонии?» — писала в 1978 г. газета «Нян зан», орган ЦК Компартии Вьетнама.

В ожидании момента, когда можно будет осуществить этот замысел, маоисты постепенно и исподволь пытались ослабить Вьетнам и заставить его следовать в фарватере своей политики. Это наглядно проявилось в действиях Пекина по отношению к Вьетнаму уже во второй половине 60-х годов, когда вьетнамский народ героически отражал агрессию американского империализма. Политика китайского руководства во Вьетнаме в тот период была двуличной и коварной, основывалась на сочетании «кнута и пряника», помощи и нажима.

Пекинское руководство всячески стремилось тогда изолировать Демократическую Республику Вьетнам от СССР, других стран социалистического содружества, прекрасно понимая, что союз с ними является самой надежной гарантией независимости и источником силы Вьетнама. Это было одной из главных причин того, почему китайские лидеры отвергли все предложения Советского Союза о совместных мерах по оказанию помощи борющемуся Вьетнаму, отклонили просьбу самих вьетнамских руководителей об участии Китая в создании всемирного фронта солидарности с ДРВ.

Идя дальше по пути предательства интересов вьетнамского народа, Пекин постоянно различными способами препятствовал доставке во Вьетнам через китайскую территорию грузов помощи из Советского Союза и других социалистических стран. Раскрывая цели политики маоистов, заместитель министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхать говорил в интервью газете «Нью-Йорк таймс» в октябре 1978 г.: китайцы «хотели, чтобы война продолжалась по возможности вечно... а главное, они манипулировали поставками, чтобы нарушить наши связи с Советским Союзом».

Пекинские руководители в годы войны в Индокитае настойчиво добивались того, чтобы решение вьетнамской проблемы и, в конечном счете, будущее Вьетнама оказались в их руках. Исходя из этого расчета, в 1971—1973 гг. и позднее Пекин немало сделал для того, чтобы фактически в сговоре с США воспрепятствовать близившейся победе вьетнамского народа, добиться увековечения раскола Вьетнама, сохранения у власти на Юге этой страны марионеточного сайгонского режима. «Маоистский Китай,— говорил секретарь ЦК Компартии Вьетнама Суан Тхюи в интервью кубинскому журналу «Верде оливо»,— практически поддерживал разделение Вьетнама и не выступал против присутствия США в Юго-Восточной Азии».

Пытаясь изолировать и ослабить борющийся Вьетнам, пекинские лидеры в то же время домогались поддержки Компартией Вьетнама и ее руководством «идей Мао» и практической политики маоистов, в том числе пресловутой «культурной революции». Твердый отказ вьетнамских коммунистов и народа следовать в фарватере маоистской политики вызывал со стороны Мао и его приближенных все более открытое недовольство, которое они не раз давали почувствовать руководству ДРВ.

Одним из основных средств установления своей гегемонии на Индокитайском полуострове, подчинения своему контролю Вьетнама, а так-

же Лаоса и Кампучии пекинские лидеры всегда считали внесение раскола между народами этих трех стран, разобщение их сил.

Клеветнически обвиняя Вьетнам в «региональном гегемонизме», в стремлении к созданию «индокитайской федерации», китайские руководители, как отмечалось в передовой статье газеты «Нян зан» от 2 сентября 1978 г., «приписывают другим замыслы, вынашиваемые ими самими». В то время как Вьетнам на протяжении трех десятилетий революционной борьбы, которую вели народы Индокитая за независимость и свободу своих стран, неукоснительно хранил верность пролетарскому интернационализму и бок о бок с народами Лаоса и Кампучии вел борьбу против общего врага, Китай «держался в стороне, провозглашая лишь на словах «солидарность и поддержку», но продолжая на деле тайные маневры с целью внести раскол между тремя народами Индокитая».

Разъясняя вопрос о так называемой индокитайской федерации, который всячески стремятся извратить и истолковать в своих интересах пекинские лидеры и те круги на Западе, которые продолжают вынашивать враждебные Вьетнаму замыслы, орган ЦК КПВ писал, что лозунг «превратить Индокитай в зону независимости и идти по пути создания индокитайской федерации» был выдвинут Коммунистической партией Индокитая в 1930 г. и основывался на осуществлении права на национальное самоопределение. Он отвечал конкретной обстановке 30-х и 40-х годов, интересам борьбы, которую в тот период вели народы трех стран — Вьетнама, Лаоса и Кампучии. В связи с изменением обстановки в Индокитае и в мире Коммунистическая партия Индокитая на своем втором съезде в феврале 1951 г. по инициативе вьетнамских коммунистов, поддержанной коммунистами Лаоса и Кампучии, приняла решение о самороспуске. КПИК полностью выполнила свою историческую миссию, и лозунг создания «индокитайской федерации» отошел в прошлое.

Как до, так и после полного освобождения страны в 1975 г. Коммунистическая партия и правительство Вьетнама следовали и следуют линии на развитие подлинно равноправных, товарищеских отношений и сотрудничества между народами Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

«Что же касается китайских властей,— писала газета «Нян зан»,— то хватит ли у них мужества ответить на несколько вопросов?» После того как в марте 1970 г. агенты американского империализма организовали государственный переворот в Кампучии с целью ликвидации ее независимости и нейтралитета, в апреле того же года состоялось совещание представителей народов Индокитая на высшем уровне, созванное с целью объединить их усилия для победы над общим врагом. «Но кто умышленно вынудил их провести эту встречу на китайской территории и умышленно оповестил мировую общественность о конкретном месте ее проведения — в Гуанчжоу? Чего хотели добиться, поступив таким образом, как не заставить поверить весь мир, в том числе американский империализм, в то, что дело трех стран Индокитая находится под покровительством Пекина?» Когда в 1971 г. возникла идея проведения второго совещания представителей народов Индокитая на высшем уровне, «кто использовал клику Пол Пота — Иенг Сари для того, чтобы помешать проведению этого совещания, и предложил провести вместо этого «конференцию пяти стран и шести сторон» (Китая, Кореи, Лаоса, Кампучии и двух зон Вьетнама), с тем чтобы противостоять... Японии?! Почему в то время, как американский агрессивный империализм был непосредственным врагом, угрожавшим самому дальнейшему существованию трех народов, нам советовали противостоять Японии? О чем ином это свидетельствует, как не о намерении совлечь с верного пути борьбу народов Индокитая, помешать упрочению их боевой солидарности на основе независимости и суверенитета каждого из

них, вовлечь все три страны Индокитая в китайскую орбиту и нажить себе политический капитал на крови народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии в своем торге с американским империализмом?»

«Но вьетнамский народ не дал вовлечь себя в орбиту гегемонизма китайских властей, — пишет в заключение газета. — Он остался верен своей правильной линии независимости, суверенитета и международной солидарности, благодаря чему он одержал полную победу в 1975 г.».

Одержанная вьетнамским народом в 1975 г. победа, воссоединение Вьетнама, исторический IV съезд КПВ, наметивший путь к превращению СРВ в развитое, процветающее социалистическое государство, нанесли непоправимый удар по гегемонистским замыслам китайского руководства в отношении этой страны, других стран Индокитая, всей Юго-Восточной Азии. Социалистическая Республика Вьетнам твердо встала на путь проведения принципиальной внутренней и международной политики, не имеющей ничего общего с маоистскими установками, на путь упрочения сотрудничества СРВ со странами социалистического содружества, развивающимися и всеми другими государствами мира. Вьетнам не только не стал сателлитом Китая, но объективно превратился в основное препятствие на пути установления китайской гегемонии в Юго-Восточной Азии. Высокий авторитет и прочные позиции Вьетнама в движении неприсоединения, его принципиальная политика, направленная на усиление антиимпериалистического характера этого движения, упрочение его сотрудничества с миром социализма превратили СРВ в серьезную помеху проискам Пекина также и среди неприсоединившихся стран.

В этих условиях китайское руководство, начиная с 1975 г., встало на путь усиливавшегося великодержавного давления на Вьетнам. «Вскоре после полной победы вьетнамского народа,— отмечается в ноте правительства СРВ правительству КНР от 17 июня 1978 г.,— китайская сторона начала проводить политику, которая идет вразрез с традиционной дружбой и солидарностью между двумя народами».

Основные этапы этой политики, носившей характер откровенной эскалации давления на соседнее суверенное государство, сейчас уже общеизвестны. Пекин начал с мер экономического «воздействия»: в 1975 г. была прекращена безвозмездная китайская помощь Вьетнаму; с 1977 г. Китай отказался предоставлять СРВ также и кредиты; на объектах, сооружавшихся во Вьетнаме при техническом содействии КНР, стали создаваться различного рода искусственные трудности, строительство и ввод в эксплуатацию этих объектов умышленно задерживались. Весной 1978 г. Китай полностью прервал экономические связи с СРВ, отозвал всех своих специалистов, в одностороннем порядке разорвал все экономические соглашения.

Для подрыва внутриполитической стабильности во Вьетнаме пекинское руководство активно использовало проживающую там многочисленную китайскую колонию. Эта форма вмешательства во внутренние дела СРВ приняла особенно широкий размах весной 1978 г., когда пекинская агентура во Вьетнаме спровоцировала массовый выезд в Китай десятков тысяч «хуацяо», сопровождавшийся развертыванием широкой антивьетнамской пропаганды в Пекине.

Китайские власти в последние годы все шире использовали против СРВ свои вооруженные силы. После захвата Китаем в 1974 г. Парасельских островов, о принадлежности которых Вьетнаму неоднократно заявляло вьетнамское правительство, на китайско-вьетнамской границе по вине китайской стороны начались постоянные осложнения: обстрелы, проникновение на вьетнамскую территорию китайских вооруженных подразделений, а также групп гражданского населения с целью «обживания земель», вторжение китайских самолетов в воздушное пространство и судов военно-морского флота в территори-

альные воды Вьетнама. В последние месяцы 1978 и в начале 1979 г. вооруженные провокации на границе с СРВ осуществлялись китайскими властями практически непрерывно.

Крупнейшей военно-политической диверсией, которую китайскому руководству удалось организовать против Вьетнама, явилось натравливание на него соседней Кампучии, находившейся под властью пропекинской группировки Пол Пота — Иенг Сари. В результате беспрерывных нарушений кампучийскими войсками территориальной целостности СРВ в 1975—1978 гг. тысячи вьетнамских граждан были убиты или ранены, множество поселков разрушено, экономике южных провинций страны нанесен значительный ущерб. Как говорил в ноябре 1978 г. секретарь ЦК КПВ Суан Тхюи, «мы вынуждены противостоять военной ситуации на границе с Кампучией и враждебности китайской стороны на севере. Эти две проблемы в действительности являются одной проблемой, поскольку обе они созданы Пекином».

Стремясь проводить в Юго-Восточной Азии политику «разделяй и властвуй», Пекин развернул активную пропагандистскую и дипломатическую деятельность, призванную изолировать Вьетнам в регионе, подорвать его связи с другими странами ЮВА. Запугивая правящие круги этих стран мифической опасностью «вьетнамского регионального гегемонизма», китайские власти пытаются тем самым отвлечь внимание политических кругов и общественности в странах ЮВА от собственных гегемонистских замыслов Пекина.

Неуклонно нараставшее великодержавное давление Китая на СРВ нанесло этой стране немалый урон, задержало реализацию принятой на IV съезде КПВ программы социалистического строительства. Однако Пекину не удалось ослабить решимость Вьетнама следовать независимому политическому курсу, не удалось нарушить единство вьетнамского народа и его Коммунистической партии. Напротив, грубый китайский нажим еще больше сплотил вьетнамский народ на платформе защиты суверенитета и независимости своей родины от посягательств великоханьских шовинистов.

В январе нынешнего года пекинские гегемонисты потерпели новое крупное поражение в своих попытках внедриться в Индокитай. Революционные, патриотические силы Кампучии, объединившиеся вокруг созданного в декабре 1977 г. Единого фронта национального спасения, свергли пропекинский режим Пол Пота — Иенг Сари. Помощь кампучийским патриотам со стороны Вьетнама при этом выразилась, как отмечал премьер-министр СРВ Фам Ван Донг в интервью японской газете «Асахи», в оборонительном контрнаступлении в районе кампучийско-вьетнамской границы против армии Пол Пота.

Ликвидация антинародного, реакционного режима Пол Пота — Иенг Сари в Кампучии лишила Китай орудия подрывной деятельности против Вьетнама. Вместе с тем маоисты лишились своего основного плацдарма в борьбе за подчинение Юго-Восточной Азии контролю КНР. В этих условиях китайское руководство, полностью раскрыв свои гегемонистские замыслы, решило прибегнуть к силе оружия. Была ускорена подготовка к вторжению китайской армии на территорию СРВ, которое последовало 17 февраля 1979 г.

Предыстория агрессии позволяет совершенно четко и однозначно определить ее цели и характер и не оставляет места для каких-либо попыток фальсификации и приукрашивания намерений агрессора. Будучи продолжением многолетних попыток Пекина подчинить своему контролю Вьетнам, равно как и другие страны Индокитая и Юго-Восточной Азии, китайское нападение на СРВ в феврале 1979 г. преследовало не какие-то «ограниченные», а далеко идущие гегемонистские цели. Оно было рассчитано на то, чтобы ослабить военный и экономический потенциал Вьетнама, подорвать внутреннюю стабильность, запу-

гать и морально сломить коммунистов и народ этой страны и заставить их подчиниться китайскому диктату. Агрессор ставил своей целью силой оружия проложить себе путь в Индокитай, превратить его, а затем и весь район ЮВА в сферу китайского политического контроля.

Предпринимая нападение на СРВ, пекинские милитаристы позаботились о том, чтобы заручиться одобрением и поддержкой правящих кругов западных держав, в первую очередь США.

Как известно, вторжение китайских войск во Вьетнам последовало сразу же после поездки Дэн Сяопина в Соединенные Штаты Америки, в ходе которой пекинский визитер выступил с открытыми угрозами в адрес Вьетнама. Принимавшие его вашингтонские руководители не дали сколько-нибудь четкого отпора поджигательским речам Дэна и тем самым фактически одобрили и потворствовали агрессивным планам Пекина.

Ничего неожиданного, впрочем, в этом не было. Как и весь антисоциалистический курс Пекина, его антивьетнамская политика постоянно основывалась и основывается на блокировании с империалистами, рассчитана на их одобрение и пользуется их поддержкой. От переговоров между китайскими лидерами и Никсоном в Пекине в 1972 г., когда США и КНР пытались совместно определять и диктовать Вьетнаму условия урегулирования вьетнамской проблемы, а точнее — капитуляции перед агрессором, до визита Дэн Сяопина в США в январе нынешнего года, когда было достигнуто «взаимопонимание» относительно «карающего» удара Китая по СРВ,— такова длительная история сговора между китайским руководством и лидерами капиталистического мира с целью ослабления и ликвидации форпоста социализма в Юго-Восточной Азии.

Как и во всех других случаях, касающихся Индокитая, расчет Вашингтона, который на этот раз, судя по всему, пытался руками пекинских вояк ослабить и унизить Вьетнам, оказался крайне близоруким. Поощряя агрессивные замыслы пекинских милитаристов в отношении Вьетнама, правящие круги США по существу потворствовали политике, которая в конечном итоге представляет большую опасность для всех государств Юго-Восточной Азии, в том числе входящих в АСЕАН. В то же время попытка Пекина вооруженным путем добиться своих целей в отношении Социалистической Республики Вьетнам неизбежно должна была окончиться и действительно окончилась постыдным фиаско.

Осуществив массированное вторжение на вьетнамскую территорию на всем протяжении китайско-вьетнамской границы, пекинское руководство явно рассчитывало быстро оккупировать северные приграничные провинции СРВ, чтобы оттуда угрожать жизненным центрам республики, в том числе и ее столице Ханою.

Тот факт, что войска агрессора за месяц боев продвинулись в глубь территории Вьетнама не более чем на 20—40 км, да и то лишь на тех направлениях, где были сконцентрированы основные силы армии вторжения (города Лаокай, Каобанг и Лангшон), изображался пекинской и западной пропагандой как свидетельство «ограниченности» замыслов, «сдержанности» Пекина. В действительности эта вынужденная «сдержанность», как и конечное фиаско агрессивной затеи Пекина, явилась результатом того, что военная авантюра маоистов натолкнулась на решительный и суровый отпор.

Военные действия на территории Вьетнама с самого начала приняли неблагоприятный для агрессора оборот. Вьетнамские войска, как это сразу стало очевидным, обладали превосходством над силами вторжения и с точки зрения тактического мастерства, и с точки зрения качества вооружения, не говоря уже о моральном духе и боеспособности. Вьетнамская народная армия, главным образом ее пограничные войска,

и силы народного ополчения сумели эффективно противодействовать замыслам противника, удерживая его натиск, одновременно нанося ему крупные потери в людях и технике. По опубликованным в СРВ данным, только за период с 17 февраля по 2 марта китайские агрессоры потеряли в боях 27 тыс. солдат, около 200 танков и много другой боевой техники. Вторгшиеся в СРВ войска, хотя их численность была доведена в общей сложности до 25 дивизий, по существу, увязли и не могли продвигаться вперед. До начала марта агрессору так и не удалось, в частности, овладеть Лангшоном, который он первоначально намеревался взять «с ходу».

Важнейшим фактором, способствовавшим провалу военной вылазки пекинских авантюристов против Социалистической Республики Вьетнам, стала мощная поддержка справедливой борьбы вьетнамского народа против агрессора прогрессивными и миролюбивыми силами земного шара.

Агрессии Китая и попыткам империалистических кругов Запада взять агрессора под свое покровительство были немедленно противопоставлены, энергичные и целеустремленные выступления правительств, общественных организаций, дипломатии и средств массовой информации стран социалистического содружества, направленные на разоблачение разбойничьих действий маоистов против СРВ, на решительную поддержку правого дела Вьетнама. В заявлении Советского правительства от 18 февраля 1979 г., выступлениях советских руководителей нападение китайских войск на Вьетнам было четко квалифицировано как агрессия против независимой и суверенной страны, как действия, идущие вразрез с принципами ООН, грубо нарушающие международное право. Советское правительство, подчеркнув опасный для дела мира характер этих действий китайских экспансионистов, обратило внимание всех правительств, всех честных людей земного шара на необходимость решительно выступить с осуждением китайской агрессии и с требованием незамедлительно положить ей конец.

Своевременные и аргументированные выступления Советского Союза, других социалистических стран против агрессии Китая во Вьетнаме способствовали тому, что повсеместно в мире сразу же поднялась волна протестов против действий китайских экспансионистов, развернулось широкое движение под лозунгом «Руки прочь от Вьетнама!». Самыми решительными и энергичными были выступления в поддержку жертвы китайской агрессии со стороны коммунистических и рабочих партий многих стран мира. С осуждением китайской агрессии против Социалистической Республики Вьетнам выступили многие национальные и международные демократические и пацифистские организации, а также политические деятели и правительства ряда государств Азии и Африки. Развернувшееся повсеместно движение протеста против авантюры пекинских правителей в отношении социалистического Вьетнама показало, что Пекину приходится расплачиваться за свои преступные действия усилением изоляции на международной арене, дальнейшим саморазоблачением в глазах мировой общественности.

Китайское руководство вынуждено было считаться с серьезными предупреждениями в его адрес со стороны Советского Союза, твердо заявившего, что он выполнит обязательства по советско-вьетнамскому Договору о дружбе и сотрудничестве.

Особое значение имело заявление о поддержке Вьетнама, прозвучавшее в речи Л. И. Брежнева перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 2 марта 1979 г. «Советский народ вместе с миролюбивыми народами всего мира требует немедленного прекращения китайской агрессии против Вьетнама, вывода всех войск интервентов до последнего солдата с вьетнамской земли,— сказал Л. И. Брежнев.— Наша дружба с братским Вьетнамом испытана на деле в течение

многих лет. И сегодня, в этот трудный для вьетнамского народа час, мы целиком и полностью солидарны с ним. И ни у кого не должно быть сомнений: Договору о дружбе и сотрудничестве, связывающему наши страны, Советский Союз верен».

Широким потоком в Социалистическую Республику Вьетнам из Советского Союза, других братских стран шла необходимая помощь, обеспечивающая надежную оборону страны, бесперебойное снабжение армии и населения, работу промышленных предприятий и транспорта.

Стойкая оборона вьетнамских войск, твердая поддержка Вьетнама Советским Союзом, другими странами социалистического содружества, миролюбивой общественностью всего мира спутали расчеты Пекина. Война, развязанная пекинской верхушкой против соседней социалистической страны, породила протесты даже в самом Китае, что нашло отражение, в частности, в появлении в китайской столице «дацзыбао» антивоенного содержания.

5 марта 1979 г. китайское руководство вынуждено было заявить, что оно начинает отводить войска на свою территорию из Вьетнама. К концу марта основные подразделения войск агрессора отступили за пределы вьетнамо-китайской границы.

Китайское руководство потерпело во Вьетнаме крупное военное и политическое поражение, оказавшись дальше от поставленных целей, чем до начала агрессии. Как писала американская газета «Уолл-стрит джорнэл», «Китай вышел из войны с подпорченной репутацией и разбитым носом».

Вьетнамский народ, сплоченный вокруг Компартии Вьетнама, попрежнему исполнен решимости отстаивать до конца свою независимость и социалистические завоевания, опираясь на тесное единство и сотрудничество с Советским Союзом, на дружбу и боевой союз с братскими странами Индокитая — Лаосом и Кампучией. Наглые действия Пекина укрепили стремление трех стран Индокитайского полуострова рука об руку противостоять гегемонистской политике маоистов. Ярким подтверждением этого явилось подписание Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Социалистической Республикой Вьетнам и Народной Республикой Кампучия, который, как и заключенный ранее договор о дружбе и сотрудничестве между СРВ и Лаосом, стал символом интернациональной солидарности и тесных отношений между этими суверенными государствами Индокитая.

Потерпели провал и замыслы тех кругов на Западе, которые связывали с авантюрой пекинских милитаристов в Индокитае свои корыстные расчеты, в том числе надежды на то, что конфликт в Индокитае и «втягивание» в него Советского Союза нанесут удар по политике разрядки международной напряженности.

Демонстрируя добрую волю, стремление к упрочению мира в ЮВА, правительство СРВ проявило готовность начать переговоры с Китаем об установлении стабильной границы, сохранении мира и восстановлении нормальных отношений между двумя странами и выступило на переговорах, которые начались в Ханое в середине апреля, с рядом конструктивных предложений, направленных на достижение указанных целей. Вместе с тем оно призвало народ и армию Вьетнама сохранять бдительность и высокую боеготовность. «Клика китайских реакционеров имеет привычку после каждого поражения идти на обман и мошенничество, — писала газета «Нян зан» 21 марта 1979 г., — мы это хорошо помним. Мы одержали победу, но опасность агрессии еще остается серьезной».

Несмотря на заявления правящих кругов Китая о завершении отвода своих войск, китайская армия продолжает удерживать на территории СРВ ряд пунктов и районов; на вьетнамо-китайской, а также лаосско-китайской границах Пекин продолжает концентрировать круп-

ные военные силы. Не прекращаются вооруженные провокации китайской стороны против Вьетнама; пекинские руководители вновь выступают с угрожающими заявлениями в его адрес. В то же время китайская делегация на переговорах в Ханое всячески уклоняется от конструктивного диалога. Отказываясь обсуждать внесенные вьетнамской делегацией предложения, она выступила со своими «принципами урегулирования», которые нельзя расценить иначе, как ультиматум правительству СРВ. За «нормализацию» отношений с Китаем Вьетнам, как этого потребовала китайская делегация, должен заплатить отказом от самостоятельной внешней политики, подключаться к «антигегемонистскому», а на деле — антисоциалистическому курсу китайского руководства, предать дружбу с народами Лаоса и Кампучии, отказаться в пользу пекинских экспансионистов от части своей территории. Эти абсурдные и наглые требования продемонстрировали намерение Пекина использовать переговоры в Ханое для продолжения великодержавного давления на социалистический Вьетнам, для достижения тех же самых целей, которых китайским гегемонистам не удалось добиться путем агрессивной войны против СРВ. Понятно, что правительство Вьетнама отвергло китайский ультиматум, согласившись обсуждать лишь те предложения, которые в действительности могут способствовать справедливому урегулированию отношений между двумя странами.

Факты свидетельствуют о том, что в Пекине не только не проявляют готовности к справедливому урегулированию вопросов в отношениях между Китаем и Вьетнамом, к принятию мер по нормализации обстановки, но и не отказываются от дальнейшего нагнетания напряженности в пограничных с СРВ и ЛНДР районах как средства давления на соседние страны Индокитая. Такая политика несет в себе угрозу нового серьезного обострения обстановки в этом районе мира.

В этих условиях полностью сохраняет силу главный урок китайской агрессии во Вьетнаме: пока у власти в Пекине стоят люди, которые с такой легкостью и безответственностью могут переходить от политики шантажа к развязыванию военных действий, переступать роковую черту, отделяющую мир от войны, любое попустительство их политике — крайне опасно. До тех пор пока пекинское руководство не откажется от политики гегемонизма, от попыток подчинить своему диктату соседние государства, интересы упрочения мира и безопасности народов, обеспечения их суверенных прав и независимости требуют самой высокой бдительности в отношении дальнейших замыслов и планов китайских лидеров, решительного отпора любым их новым авантюрам.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Курс, враждебный миру и социализму

Развитие событий в Китае в последнее время показывает, что политика пекинской верхушки приобретает все более опасный, агрессивный, проимпериалистический характер. Это наглядно подтверждается курсом, проводимым нынешним китайским руководством как внутри страны, так и на международной арене. Смыкаясь с наиболее реакционными империалистическими кругами, Пекин все более обнаженно демонстрирует свое стремление сорвать разрядку международной напряженности, ввергнуть мир в пучину новой мировой войны. Наиболее концентрированно эта политика маоистов проявилась в развязывании вооруженной агрессии против Вьетнама. Совершив нападение на социалистический Вьетнам, китайские лидеры еще раз показали, что они ведут безответственную игру судьбами мира*.

Вопросы нынешнего положения в Китае, особенности внешне- и внутриполитического курса пекинского руководства стали предметом очередного обсуждения в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», в котором приняли участие ученые-китаеведы Советского Союза и ряда социалистических стран.

Ниже приводится изложение наиболее существенных проблем современного Китая, выражающее согласованную точку зрения участников «Круглого стола».

ВОПРОС: Как можно охарактеризовать внутриполитическую ситуацию в КНР в настоящее время?

ОТВЕТ: Внутриполитический курс нынешнего китайского руководства целиком и полностью нацелен на решение задачи создать к концу текущего века внутренние предпосылки для непосредственной реализации глобальных гегемонистских целей маоизма. В поисках более эффективных средств и методов управления страной вносятся коррективы в определенные маоистские положения. Маоизм приспосабливают к особо острым требованиям стабилизации режима и реализации так называемых «четырех модернизаций». Это «обновление» маоизма, при помощи которого нынешнее китайское руководство стремится открыть новые просторы для своей деятельности, осуществляется им, так сказать, через переход от псевдолевого ортодоксального маоизма периода «культурной революции» к неприкрыто правому, крайне прагматическому маоизму. Этот правый маоизм определяется девизом Дэн Сяопина: «Неважно, какая кошка — черная или белая, лишь бы ловила мышей». Он не гнушается никакими средствами, если только они служат достижению гегемонистских целей. Этот поворот с псевдолевых позиций на ультраправые по-новому раскрывает антинаучность и несостоятельность маоизма.

---

* Подробнее по этому вопросу см. статью «Уроки пекинской авантюры во Вьетнаме».

Переход от крайне ортодоксального к «модернизированному» варианту маоизма обостряет борьбу в китайском руководстве и вызывает новые кризисные ситуации в стране. Происходит новая дифференциация и поляризация политических сил в КНР. Прагматический курс пекинского руководства усиливает не только внутреннюю противоречивость маоизма, но и идеологическое замешательство и дифференциацию среди руководящих кадров и трудящихся масс Китая. Наряду с нерешенными основными противоречиями наблюдается возникновение новых социальных дифференциаций. Приведем несколько примеров. У 170 миллионов молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет нет ясной перспективы. Часть «образованной молодежи» продолжают направлять в сельские местности. Рабочая и сельская молодежь в связи с введением новых приемных экзаменов почти не имеет шансов на поступление в университет по сравнению с детьми представителей интеллигенции. По оценкам, в Китае насчитывается примерно 400 миллионов неграмотных и малограмотных. Не хватает кадров с серьезным экономическим образованием. Политическая и идеологическая неуверенность среди кадровых работников не только не преодолена, но даже отчасти усиливается в связи с нерешенными вопросами оценки «культурной революции», политики «трех красных знамен» и т. д.

ВОПРОС: Как следует оценивать экономическую политику нынешнего руководства Китая, учитываются ли им материальные интересы китайских трудящихся?

ОТВЕТ: Китайское руководство наметило ряд мер, направленных на известное восстановление принципов планирования народного хозяйства. Оно заявляет, что намерено укрепить государственную и коллективную собственность и продвинуть процесс обобществления производства. Пекинская верхушка вносит определенные коррективы в области распределения и дает установку на утверждение принципа оплаты по труду. Нынешнее руководство разглагольствует о необходимости экономического стимулирования предприятий и трудящихся в интересах развития производства. Объявлено о предстоящих изменениях в политике цен и о проведении реформы заработной платы. Дана установка на повышение выпуска товарной продукции любыми средствами. В сфере общественных наук ведется широкая дискуссия об экономических законах и их использовании. Означает ли все это, что нынешнее руководство Китая готово и в состоянии привести свой экономический курс в соответствие с требованиями объективно действующих экономических законов?

Анализ экономической политики и практики показывает, что хотя в экономическую политику вносятся определенные изменения, но сущность и цели этой политики остаются неизменными. В центре внимания всей деятельности китайского руководства стоит наращивание военно-экономического потенциала в интересах реализации великодержавных шовинистических целей. В этой связи предусматривается укрепление материальной базы режима для усиленного развития производства под знаком антисоветизма, милитаризации страны и подготовки к новой войне.

Нынешнее руководство Китая пытается реализовать свои великодержавные шовинистические, антисоветские и антисоциалистические планы при помощи «политики с позиции силы». Подготовка к войне составляет основу всего хозяйственного планирования. Так, в передовой статье журнала «Хунци», посвященной 29-й годовщине образования КНР, говорится: «Мы должны позаботиться о том, чтобы к началу войны быть во всем готовыми к ней. Самой лучшей и самой полной подготовкой является осуществление четырех модернизаций». А министр обороны Сюй Сянцянь потребовал превращения всей страны в военный лагерь, заявив: «В современной войне нет разницы между фронтом и тылом... Поэтому

необходимо превратить дальний тыл в стратегическую базу, которая будет в состоянии обеспечить снабжение в ходе затяжной войны и самостоятельно вести военные действия». Отправной точкой политики китайского руководства, следовательно, является не основной закон социализма, а стремление при помощи «четырех модернизаций» превратить Китай в державу, способную оказывать господствующее влияние в мире.

Определенные коррективы, вносимые сейчас китайским руководством в свою политику, являются не более чем вынужденной мерой, поскольку маоистский экономический курс последних 20 лет в целом оказался не в состоянии обеспечить устойчивое и быстрое развитие военно-промышленного потенциала и существенно нарушил весь процесс производства и воспроизводства. Противоречие между маоистской политикой и интересами трудящихся обострилось до такой степени, что стало серьезно сковывать развитие производства. Разрыв между КНР и промышленно развитыми государствами еще более увеличился, что поставило под сомнение реализацию глобальных целей маоизма.

Видоизменение экономической политики со стороны нынешнего руководства Китая содержит, по нашему мнению, три основных момента. **Первый** из них состоит в том, чтобы модернизировать инструментарий маоистской экономической политики и эффективнее использовать существующую государственную и коллективную собственность в интересах ускоренного развития современного военно-промышленного потенциала Китая. На это в конечном счете направлены все шаги по укреплению планирования и руководства хозяйством в области производства, обмена, распределения и потребления. Характерно, однако, что китайское руководство, избегая упоминания об основном экономическом законе социализма, в то же время усиленно, но весьма индифферентно с классовой точки зрения указывает на другие экономические законы, такие, как закон планомерного пропорционального развития экономики, закон стоимости и закон оплаты по труду.

Второй момент названных видоизменений — это проявление прагматической тенденции. С одной стороны, она находит свое выражение в фетишизации производительных сил, напоминающей буржуазные концепции типа «технотроники». С другой — в принципиальном отказе от опыта СССР и других социалистических стран (если не считать живой интерес к югославской системе самоуправления) в области планирования, руководства и экономического стимулирования. Эта тенденция проявляется в усиливающемся стремлении перенимать опыт крупных империалистических монополий в организации и управлении производством.

Наконец, **третий момент** этих видоизменений заключается в компромиссах, на которые идет китайское руководство при проведении своей социально-экономической политики. К ним относятся прежде всего мероприятия, направленные на определенное улучшение материальных условий жизни трудящихся, а также наделение крестьян индивидуальными приусадебными участками.

Уступки китайского руководства, связанные с учетом материальных интересов трудящихся, призваны в первую очередь вновь поднять их производственную активность. Так, специальный обозреватель «Жэньминь жибао» писал: «Если мы не сумеем правильно решить эту проблему, это неблагоприятно скажется на производственной активности широких масс трудящихся, что затруднит осуществление «четырех модернизаций». По крайней мере часть китайского руководства, по всей вероятности, пришла к выводу, что соответствующее улучшение условий воспроизводства рабочей силы, а также квалификация трудящихся представляют собой необходимые предпосылки для реализации программы «четырех модернизаций». Одновременно имеющиеся сведения показывают, что китайское руководство, идя, например, на уступки крестьянству, не отказалось пока от маоистской концепции народных коммун.

Вокруг видоизменений экономической политики идет острая и многоплановая борьба и в руководстве, и среди общественности. Между тем, что обсуждается в теоретическом плане и отчасти зафиксировано в центральных директивах, и хозяйственной практикой имеются существенные различия. Так, например, введение премий еще находится в стадии эксперимента, а оплата по труду — в стадии обсуждения.

Уже сегодня можно отметить, что модификация экономической политики не содействует разрешению противоречия между маоистской политикой и объективными требованиями укрепления и дальнейшего развития социалистических элементов в экономическом базисе и в классовой структуре. Наоборот, эти элементы находятся под угрозой дальнейшего ослабления.

ВОПРОС: Конец прошлого и первые месяцы нынешнего года были отмечены значительными волнениями среди китайских трудящихся. Что можно сказать по этому поводу?

ОТВЕТ: Нарастание недовольства в широких массах китайского народа вызвано насаждением тех порядков, которые существовали при Мао Цзэдуне и которые в главных чертах сохранены нынешними китайскими руководителями.

Последние события в Китае, в том числе и «кампания дацзыбао», и демонстрации крестьян в Пекине, свидетельствуют о накоплении в народе сильнейшего заряда недовольства, проявлением которого были и апрельские волнения 1976 г. Авторы дацзыбао подняли вопросы, которые ударили не только по Мао Цзэдуну и некоторым нынешним пекинским лидерам, но и по самому режиму. Об этом говорит данная в дацзыбао характеристика строя и порядков, существующих в Китае, как «феодально-фашистских», «контрреволюционных», «варварских», «драконовских».

В дацзыбао выдвигались требования демократизации жизни страны, обеспечения прав народа, соблюдения законности, пересмотра итогов «культурной революции» и исторической роли Мао Цзэдуна, возвращения к решениям VIII съезда КПК и др. В этих требованиях проявилась та стихийная антимаоистская тенденция, которая пока еще не переросла в организованное движение, однако оказывает известное влияние на всю обстановку в стране, в определенной мере размывает устои военно-бюрократической диктатуры.

Реакция китайских руководителей — Хуа Гофэна и Дэн Сяопина — на ноябрьскую волну дацзыбао также свидетельствует о том, что верхи не ожидали, что дело может зайти столь далеко. Экстраординарными для Китая были публикации в «Жэньминь жибао» текстов интервью, данных Дэн Сяопином и Ли Сяньнянем иностранцам. В их высказываниях был сделан упор на призывы к «единству и сплоченности», осуждались критические оценки деятельности Мао Цзэдуна, указывалось на необходимость защищать самого Мао и его «идеи». Дэн Сяопин без обиняков подчеркнул, что «ЦК КПК выступает против критики Мао Цзэдуна». Затем появились сообщения об официальном указании ЦК КПК относительно недопустимости критики Мао. В Пекине начались собрания, на которых от населения потребовали не вывешивать дацзыбао с критикой руководителей страны, прекратить демонстрации с требованием демократических порядков, положить конец несанкционированным контактам с иностранцами. Пресса стала подчеркивать необходимость «беречь и защищать единство и сплоченность».

Все это показывает, что пекинские правители, «сбросив» в какой-то мере давление народного недовольства, вновь завинчивают клапан. Они явно намерены и дальше сохранять в основном те же порядки военно-бюрократической диктатуры, которые были установлены Мао Цзэдуном.

СИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНИОН АН СССР

ВОПРОС: Какие изменения произошли или происходят в аппарате власти и в области идеологии?

ОТВЕТ: В аппарате власти маоистского режима в этом году также произошли дальнейшие изменения.

В системе политической организации общества активизирована Коммунистическая партия Китая. Восстанавливаются органы системы местных собраний народных представителей и Народного политического консультативного совета, органы правосудия. Недавно состоялись также всекитайские съезды профсоюзов, комсомола и Всекитайской федерации женщин. В научной и культурной жизни под вновь используемым маоистским лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ!» проводятся новые широкие и многоплановые мероприятия.

Означают ли эти перемены, что свертывается военно-бюрократическая диктатура и происходит либерализация маоистского режима? Какими бы далеко идущими ни были коррективы в отдельных сферах надстройки (например, в области образования и культуры), сущность и структура военно-бюрократической власти сохраняются.

Армия даже по конституции по-прежнему остается опорой этого режима и, несмотря на происходящие и в ней чистки, самой организованной и самой влиятельной силой в стране. Аппарат насилия, включая и правовые инстанции, продолжает расширяться и крепнуть. Он призван подавлять многогранную оппозицию режиму. Одновременно предпринимаются попытки бороться с возросшей преступностью и распространенным бандитизмом (особенно среди безработной молодежи) и подчинить все общество жесткому контролю. В этих целях осуществляется реорганизация и мобилизация так называемого «народного ополчения». Оно непосредственно подчиняется армии и увеличивает тем самым контингенты вооруженных сил. На всекитайской конференции, посвященной работе «народного ополчения», заместитель начальника Генерального штаба Ян Юн заявил: «Народное ополчение не только должно активно готовиться к войне, оно не только является главной силой производства, но и активно используется как инструмент охраны общественного порядка, подавления «саботажной деятельности классовых врагов», а также укрепления нынешней власти».

Мерам по обеспечению решающей роли армии и расширению аппарата насилия нынешнее руководство пытается придать «демократическую» окраску. Но даже самые ярые антикоммунисты из среды буржуазных журналистов, как, например, Г. Кремп, пришли к выводу, что либерализации режима не происходит.

Перемены, происходящие в аппарате власти, выражаются прежде всего в расширении и в большей изощренности системы политической организации общества. Реакционное содержание военно-бюрократической диктатуры ныне все больше проявляется и в злоупотреблении определенными формами, которые оправдали себя раньше, в период народно-демократической власти в КНР.

Для этих процессов характерно развитие маоистской партии. Нынешнее руководство Китая предпринимает попытки повысить ее роль как главного идейно-политического инструмента утверждения своего курса. В рамках продолжающейся кампании чистки и наведения порядка осуществляются реорганизация и мобилизация местных органов партии. В 1978 г. в ряде провинций на уровне уездов и районов были проведены партийные конференции и открыты новые партийные школы. Имеются сообщения о проведении пленумов местных партийных комитетов.

Но одновременно становится очевидным, что в ряде провинций руководящие партийные деятели не претворяют в жизнь, например, указания центра в области сельскохозяйственной политики и политики по

отношению к интеллигенции и под влиянием ортодоксального маоизма отчасти продолжают противодействовать линии XI съезда КПК. Выявилось также, что представители прагматического, правого маоизма в нынешнем китайском руководстве сумели расширить свои позиции и на уровне местного партийного аппарата. Уже само распространение этой тенденции в партийном аппарате свидетельствует о том, что мелкобуржуазная шовинистическая суть нынешней Компартии Китая ни в чем не изменилась.

Такая же тенденция прослеживается и в идеологической области, хотя здесь процессы еще более противоречивы, сложны и долговременны. Носителями этой тенденции здесь являются общественные науки, возобновившие свою деятельность.

Имевшие и имеющие место социальные столкновения и теоретические дискуссии не раскрывают решающую причину глубоких противоречий и конфликтов современного китайского общества. Они протекают на основе мелкобуржуазно-крестьянского национализма и полного отмежевания от реального социализма. Их отправной точкой продолжает оставаться реализация великодержавных шовинистических целей маоизма. Так неизбежная необходимость отказа от практики псевдолевого маоизма приводит к возникновению другой его крайности. В настоящее время обнаружилась тенденция к оформлению правопрагматической маоистской идеологии и философии: происходит релятивизация личности Мао, отказ от ряда маоистских постулатов и заметное приспособление маоизма в целом к требованиям нынешнего курса.

Становится также очевидным, что большая маневренность этой идеологии порождает новые противоречия и среди маоистских сил, представленных в нынешнем китайском руководстве, и их новую дифференциацию. Это проявляется сегодня особенно в вопросе о конкретном соотношении между маоизмом и объективной реальностью в интересах достижения максимальной эффективности великодержавной шовинистической политики. Размежевание происходит сегодня между теми силами, которые склоняются к экономизму и отсюда к определенной деидеологизации маоистской политики, и теми силами, которые под лозунгом маоистской «классовой борьбы» хотят наращивать военно-промышленный потенциал в качестве «главного звена». Ведущиеся в настоящее время дискуссии вокруг «практики» как «единственного критерия истины», возможно, являются отражением дальнейшего продвижения вперед правых сил и начала новой фазы в этом противоборстве.

Этот ход развития, курс, направленный на широкую националистическую мобилизацию всех пригодных сил, включая и иностранную буржуазию, на форсированное развитие сотрудничества с империализмом на основе антисоветизма и антикоммунизма в экономической, научной и культурной областях, а также в области образования, объективно открывают перед буржуазной идеологией небывало широкий простор.

ВОПРОС: С приходом к власти в Китае нынешних руководителей буржуазные китаеведы и пропагандисты усиленно развивают тезис о «демаоизации», будто бы имеющей место в КНР. Что можно сказать по этому поводу?

ОТВЕТ: Под давлением группы Дэн Сяопина предприняты серьезные шаги для «модернизации» маоизма, для придания ему более пристойного вида. Цель корректив — ликвидация идеологических ограничений, мешающих полному развертыванию прагматизма. Ныне уже осуждают прежнюю практику обращения с маоизмом как с религией, ликвидирован культовый характер почитания Мао. Однако перемены не касаются сути маоизма — искаженных классовых воззрений, чуждых марксизму, великоханьского шовинизма, антисоветизма. Более того, новое толкование

отдельных тезисов прямо служит идеологическому аргументированию беззастенчивого смыкания маоизма с империализмом.

Таким образом, мы неизменно придерживаемся мнения, что нет причин говорить о демаоизации. По нашей оценке, происходящий процесс заслуживает внимания по двум причинам: во-первых, он направлен на то, чтобы придать большую жизнеспособность системе маоистских идей; во-вторых, из-за отсутствия единого подхода к нынешним коррективам маоистской политики этот процесс может привести к новому разобщению в масштабах всего общества, к идеологическому размежеванию, а возможно, и к новому кризису руководства, что явится еще одним свидетельством полного противоречия между интересами трудящихся масс и политикой всего нынешнего руководства Китая.

Запутанность идеологической обстановки, отсутствие единства, обострение противоречий тесно связаны с тем, что руководство оказалось неспособным провести «общее упорядочение партии», хотя провозгласило это своей первоочередной задачей. Первостепенной организованной политической силой и решающим фактором по-прежнему является армия, за поддержку и контроль над которой продолжается борьба.

ВОПРОС: Известно, что нынешние китайские руководители уделяют подчеркнутое внимание развитию науки. Какое воздействие может оказать эта кампания на политическую ситуацию в Китае?

ОТВЕТ: Политические аспекты активизации китайской науки и системы высшего образования являются одним из наиболее ярких проявлений того внутриполитического курса маоистов, по которому Китай следует уже свыше десяти лет. Многочисленные реформы образования, массовые гонения на деятелей науки привели к тому, что в КНР практически так и не сформировалась собственная новая научная интеллигенция. Следствием такого положения вещей явилось то, что ядро возрожденной ныне системы науки и высшего образования составляют люди в возрасте 70—80 лет. В огромном своем большинстве это выпускники, аспиранты, а зачастую и бывшие преподаватели американских или западноевропейских университетов и научно-исследовательских центров. В послужном списке многих нынешних активных и влиятельных ученых Китая значится длительный период работы в военных научно-исследовательских институтах Соединенных Штатов. Например, бывший полковник американской армии, с 1969 г. член ЦК КПК профессор Цянь Сюэсэнь — один из создателей китайской атомной бомбы.

На облик возрождающейся системы науки и высшего образования очень сильное, если не решающее влияние оказывает группа старой интеллигенции, которая поддержала когда-то политику КНР по чисто националистическим соображениям. Это группа четкой прозападной ориентации, стремящаяся расширить контакты с научными центрами США и других развитых стран капитализма. Общественно-идейный облик научной среды указывает на то, что она будет стремиться вносить в сознание масс те или иные формы китайского национализма, китаецентризма и великодержавного шовинизма. Более того, она будет объединять это содержание с современной буржуазной идеологией. Это реальная и очень серьезная опасность. Короче говоря, современное положение в китайской научной среде показывает нам во всей полноте опасность дальнейшей эволюции Китая вправо. Такого рода угрозу необходимо реально себе представлять и учитывать.

ВОПРОС: Последнее время наблюдается явное усиление внешнеполитической активности КНР. Как в общих чертах можно охарактеризовать международную деятельность Пекина на современном этапе?

ОТВЕТ: Внешняя политика Китая вносит качественно новые, глубоко отрицательные моменты в развитие международных отношений. Речь идет не просто о продолжении прежнего маоистского курса, а о возрастающем углублении его самых реакционных, шовинистических черт, которое сочетается с еще большей гибкостью и еще более изощренной демагогией. В политике пекинского руководства произошел резкий сдвиг вправо. Как показывают участившиеся за последние месяцы зарубежные поездки ведущих китайских деятелей, их активность на международной арене резко возросла и охватывает все районы мира. Нет сомнения, что с полным правом можно говорить о «глобальном антисоциалистическом курсе» китайского руководства, о попытках вступить в «глобальный стратегический союз» с империализмом, в первую очередь с империализмом США. Это планомерное развитие взаимодействия империалистической и китайской политики становится все более наглядным во всех районах мира.

При всем этом четко вырисовывается то обстоятельство, что внешнеполитическая активность преемников Мао Цзэдуна, как и их внутренняя политика, целиком и полностью служит только наращиванию мощи Китая. Усиленная внешнеполитическая активность соответствует стратегии ускоренного развития экономического и военного потенциала Китая. Было бы близоруко и опасно рассматривать эту активность как пропагандистский маневр или как призывы к мобилизации, которые лишь в далеком будущем могут дать результаты. Запад распространяет клеветнические измышления о так называемой «советской угрозе» и вместе с тем не только говорит о правомерности военного усиления Китая, но и идет навстречу пекинским просьбам об оказании военно-научной и военно-технической помощи. Так, бывший государственный секретарь США Киссинджер не так давно, а именно 2 декабря 1978 г., выступая с докладом в Западном Берлине в институте «Аспен», хотя и призывал к осторожности при «разыгрывании китайской карты», недвусмысленно высказался «за усиление оборонной мощи Китая». Весьма осторожно нужно подходить и к тезису о выигрыше времени, распространяемом самими китайскими руководителями. Нет сомнения, что стратегия китайских руководителей, отвечающая их китаецентристским традициям, является стратегией «долгого дыхания». Стремление к максимальному выигрышу времени до конца нашего столетия ввиду малой материальной обеспеченности великодержавных амбиций продиктовано реальным положением дел. Но вместе с тем китайское руководство и теперь уже пытается использовать сложные процессы всемирного классового противоборства между социализмом и империализмом для максимального укрепления своих международных позиций.

Неизменно продолжается подстрекательская политика, заключающаяся в провоцировании вооруженного столкновения между социалистическими и империалистическими странами, и прежде всего между СССР и США, в отклонении всех конструктивных шагов в сторону разоружения, в провокационных маневрах в целях нагнетания напряженности, разжигания очагов международных конфликтов, как существующих, так и вновь возникающих. Этому служит и пресловутый тезис о роковой неизбежности новой мировой войны. Все это свидетельствует о том, что нынешние китайские руководители по-прежнему придерживаются положения Мао Цзэдуна о «строительстве нового мира на развалинах старого».

ВОПРОС: Что можно сказать о современном состоянии межгосударственных связей СССР с КНР?

ОТВЕТ: Китайские лидеры без устали трубят о якобы враждебном отношении Советского Союза к КНР. «Это — клевета, рассчитанная на простаков, — говорил Л. И. Брежнев. — Ни один здравомыслящий чело-

век не мог бы понять, зачем Советскому Союзу враждовать с Китаем, а не иметь КНР в числе своих друзей и союзников».

Советский Союз всегда выступал за нормализацию советско-китайских отношений. Однако сейчас всем должно быть ясно, что руководителей Китая не устраивает равноправный подход к этому вопросу. Их интересует лишь великодержавная цель: обеспечить превосходство Китая над всеми и всюду. Ради этого они идут на сотрудничество с самыми реакционными силами империализма, рассчитывая таким путем как можно быстрее увеличить свой военно-экономический потенциал, обеспечить возможность будущей экспансии.

Тем не менее иногда все еще ставится вопрос: все ли сделал Советский Союз для улучшения отношений между СССР и КНР?

В этой связи можно было бы еще раз напомнить, что Советский Союз настойчиво и последовательно выступал и выступает за нормализацию отношений с Китаем. По инициативе Советского Союза в 1969 г. были начаты советско-китайские переговоры по пограничному урегулированию, которые не завершены по сей день. Не по вине советской стороны они не дают результатов. Переговоры затянулись из-за обструкционистской позиции китайской стороны. Месяцами советская делегация во главе с заместителем министра иностранных дел СССР находится в Пекине, но никаких конструктивных предложений с китайской стороны перед ней не выдвигается.

В 1970 и 1973 гг. советская сторона выступала с предложениями о проведении новых встреч между советскими и китайскими руководителями на любом, в том числе и самом высоком, уровне для обсуждения вопросов, связанных с нормализацией отношений между СССР и КНР. Советский Союз предлагал Китаю заключить договор о неприменении силы в отношениях между двумя странами (1971), договор о ненападении (1973), выступал с конкретными предложениями о расширении торговли и т. п. Однако все советские предложения были отвергнуты.

Для того чтобы улучшить атмосферу в отношениях между двумя странами, Советский Союз неоднократно выступал с предложениями о прекращении открытой полемики. Китайская пропаганда не только не последовала примеру СССР, не только не ответила взаимностью, но, напротив, усилила клеветническую кампанию и враждебные выпады против Советского Союза.

Пекин грубо отклонил и такую важную инициативу, как Обращение Президиума Верховного Совета СССР к Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей от 24 февраля 1978 г., в котором содержалось предложение о проведении переговоров с целью выработки текста совместного заявления о принципах взаимоотношений между СССР и КНР на основе мирного сосуществования, равноправия, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Заявления Советского Союза о готовности нормализации отношений с КНР, в том числе на принципах мирного сосуществования, а также его практические акции по достижению этой цели, предпринимавшиеся на протяжении многих лет, не встретили ни малейшего позитивного отклика с китайской стороны. 3 апреля 1979 г. КНР объявила о решении не продлевать действие Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 1950 г.

ВОПРОС: Какое место во внешнеполитической доктрине Пекина занимает ныне пресловутая «теория трех миров»?

ОТВЕТ: После прихода к власти нынешнего китайского руководства «теория трех миров» усиленно муссировалась в официальных заявлениях и пропагандистских выступлениях Пекина. Достойной в этом отноше-

ОТВЕТ: Внешняя политика Китая вносит качественно новые, глубоко отрицательные моменты в развитие международных отношений. Речь идет не просто о продолжении прежнего маоистского курса, а о возрастающем углублении его самых реакционных, шовинистических черт, которое сочетается с еще большей гибкостью и еще более изощренной демагогией. В политике пекинского руководства произошел резкий сдвиг вправо. Как показывают участившиеся за последние месяцы зарубежные поездки ведущих китайских деятелей, их активность на международной арене резко возросла и охватывает все районы мира. Нет сомнения, что с полным правом можно говорить о «глобальном антисоциалистическом курсе» китайского руководства, о попытках вступить в «глобальный стратегический союз» с империализмом, в первую очередь с империализмом США. Это планомерное развитие взаимодействия империалистической и китайской политики становится все более наглядным во всех районах мира.

При всем этом четко вырисовывается то обстоятельство, что внешнеполитическая активность преемников Мао Цзэдуна, как и их внутренняя политика, целиком и полностью служит только наращиванию мощи Китая. Усиленная внешнеполитическая активность соответствует стратегии ускоренного развития экономического и военного потенциала Китая. Было бы близоруко и опасно рассматривать эту активность как пропагандистский маневр или как призывы к мобилизации, которые лишь в далеком будущем могут дать результаты. Запад распространяет клеветнические измышления о так называемой «советской угрозе» и вместе с тем не только говорит о правомерности военного усиления Китая, но и идет навстречу пекинским просьбам об оказании военно-научной и военно-технической помощи. Так, бывший государственный секретарь США Киссинджер не так давно, а именно 2 декабря 1978 г., выступая с докладом в Западном Берлине в институте «Аспен», хотя и призывал к осторожности при «разыгрывании китайской карты», недвусмысленно высказался «за усиление оборонной мощи Китая». Весьма осторожно нужно подходить и к тезису о выигрыше времени, распространяемом самими китайскими руководителями. Нет сомнения, что стратегия китайских руководителей, отвечающая их китаецентристским традициям, является стратегией «долгого дыхания». Стремление к максимальному выигрышу времени до конца нашего столетия ввиду малой материальной обеспеченности великодержавных амбиций продиктовано реальным положением дел. Но вместе с тем китайское руководство и теперь уже пытается использовать сложные процессы всемирного классового противоборства между социализмом и империализмом для максимального укрепления своих международных позиций.

Неизменно продолжается подстрекательская политика, заключающаяся в провоцировании вооруженного столкновения между социалистическими и империалистическими странами, и прежде всего между СССР и США, в отклонении всех конструктивных шагов в сторону разоружения, в провокационных маневрах в целях нагнетания напряженности, разжигания очагов международных конфликтов, как существующих, так и вновь возникающих. Этому служит и пресловутый тезис о роковой неизбежности новой мировой войны. Все это свидетельствует о том, что нынешние китайские руководители по-прежнему придерживаются положения Мао Цзэдуна о «строительстве нового мира на развалинах старого».

ВОПРОС: Что можно сказать о современном состоянии межгосударственных связей СССР с КНР?

ОТВЕТ: Китайские лидеры без устали трубят о якобы враждебном отношении Советского Союза к КНР. «Это — клевета, рассчитанная на простаков, — говорил Л. И. Брежнев. — Ни один здравомыслящий чело-

век не мог бы понять, зачем Советскому Союзу враждовать с Китаем, а не иметь КНР в числе своих друзей и союзников».

Советский Союз всегда выступал за нормализацию советско-китайских отношений. Однако сейчас всем должно быть ясно, что руководителей Китая не устраивает равноправный подход к этому вопросу. Их интересует лишь великодержавная цель: обеспечить превосходство Китая над всеми и всюду. Ради этого они идут на сотрудничество с самыми реакционными силами империализма, рассчитывая таким путем как можно быстрее увеличить свой военно-экономический потенциал, обеспечить возможность будущей экспансии.

Тем не менее иногда все еще ставится вопрос: все ли сделал Советский Союз для улучшения отношений между СССР и КНР?

В этой связи можно было бы еще раз напомнить, что Советский Союз настойчиво и последовательно выступал и выступает за нормализацию отношений с Китаем. По инициативе Советского Союза в 1969 г. были начаты советско-китайские переговоры по пограничному урегулированию, которые не завершены по сей день. Не по вине советской стороны они не дают результатов. Переговоры затянулись из-за обструкционистской позиции китайской стороны. Месяцами советская делегация во главе с заместителем министра иностранных дел СССР находится в Пекине, но никаких конструктивных предложений с китайской стороны перед ней не выдвигается.

В 1970 и 1973 гг. советская сторона выступала с предложениями о проведении новых встреч между советскими и китайскими руководителями на любом, в том числе и самом высоком, уровне для обсуждения вопросов, связанных с нормализацией отношений между СССР и КНР. Советский Союз предлагал Китаю заключить договор о неприменении силы в отношениях между двумя странами (1971), договор о ненападении (1973), выступал с конкретными предложениями о расширении торговли и т. п. Однако все советские предложения были отвергнуты.

Для того чтобы улучшить атмосферу в отношениях между двумя странами, Советский Союз неоднократно выступал с предложениями о прекращении открытой полемики. Китайская пропаганда не только не последовала примеру СССР, не только не ответила взаимностью, но, напротив, усилила клеветническую кампанию и враждебные выпады против Советского Союза.

Пекин грубо отклонил и такую важную инициативу, как Обращение Президиума Верховного Совета СССР к Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей от 24 февраля 1978 г., в котором содержалось предложение о проведении переговоров с целью выработки текста совместного заявления о принципах взаимоотношений между СССР и КНР на основе мирного сосуществования, равноправия, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Заявления Советского Союза о готовности нормализации отношений с КНР, в том числе на принципах мирного сосуществования, а также его практические акции по достижению этой цели, предпринимавшиеся на протяжении многих лет, не встретили ни малейшего позитивного отклика с китайской стороны. 3 апреля 1979 г. КНР объявила о решении не продлевать действие Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 1950 г.

ВОПРОС: Какое место во внешнеполитической доктрине Пекина занимает ныне пресловутая «теория трех миров»?

ОТВЕТ: После прихода к власти нынешнего китайского руководства «теория трех миров» усиленно муссировалась в официальных заявлениях и пропагандистских выступлениях Пекина. Достойной в этом отноше-

нии внимания была публикация в ноябре 1977 г. в «Жэньминь жибао» редакционной статьи «Теория трех миров Председателя Мао Цзэдуна — великий вклад в марксизм-ленинизм». Эта статья, явно антимарксистского толка, являет собой «идейно-теоретическую базу» великодержавной политики пекинских руководителей, отражает истинную картину их намерений, установок и стремлений, шовинистическую и гегемонистскую линию, которая означает дальнейшую милитаризацию Китая, стремление отравить атмосферу международных отношений, спровоцировать новую мировую войну.

В этом контексте необходимо рассматривать и пекинскую «теорию трех миров». В ней отражается китаецентристский взгляд китайских руководителей на мир. Эта теория берет свои истоки в предпринятых Мао Цзэдуном в 40-х годах попытках поставить Китай в особое положение между двух систем, которое позволило бы ему подняться до положения господствующей над всем миром державы. Но так как в то время этим планам не суждено было сбыться и развитие шло по иному руслу, то был избран другой путь — достичь этой цели с помощью временного союза с СССР. Результаты этой политики общеизвестны.

Сегодня, когда мировой социализм, опираясь прежде всего на мощь и влияние СССР, все больше определяет ход истории, он стал главным препятствием к осуществлению пекинских планов мирового господства. Китайские руководители, мыслящие категориями политического господства, вынуждены признать, что мировой социализм по сравнению с империализмом является восходящей силой.

Поэтому основная идея «теории трех миров» в соответствии с маоистским стратегическим положением о нанесении «главного удара по главному врагу» сводится к созданию всемирного антисоветского единого фронта. Союзниками в достижении этих целей избираются «третий мир», «второй мир» и даже «первый мир» в лице США. Вопреки своей собственной теории, по которой «третий мир» является «основной силой в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма», Пекин сегодня на практике в качестве союзников предпочитает империализм, то есть «второй мир». Но это противоречие мнимое, поскольку речь идет о наращивании мощи Китая, являющегося якобы «составной частью третьего мира». В этом и заложена причина того, что китайское руководство вместе с империализмом выступает против солидарности мирового социализма с силами национально-освободительных движений, которые в своих странах борются за прогрессивное развитие и стоят на антиимпериалистических позициях. Более того, проводя такую политику, китайские руководители толкают эти силы в объятия неоколониализма, ибо считают это менее опасным для своих амбиций, чем их союз с социализмом. Этим объясняются также их возросший интерес к движению неприсоединения, их яростные атаки против тех государств, которые внутри этого движения отстаивают интересы социализма.

Однако в последнее время смыкание Пекина с империализмом идет настолько быстрыми темпами, что китайские руководители временно приглушили пропаганду «теории трех миров». Видимо, маоисты собираются внести в нее коррективы и в максимально возможной степени приспособить «теорию трех миров» к задачам своего нынешнего курса.

ВОПРОС: Известно, что Африканский континент давно уже является одним из основных объектов внимания со стороны Пекина. Как развивались отношения КНР со странами Африки в последнее время?

ОТВЕТ: Характерными чертами политики Пекина в странах Африки является активная поддержка Китаем действий империализма и другой реакции в стремлении изолировать африканские страны от их естественных союзников, создать на Африканском континенте обстановку конф-

ликтов, благоприятствующую, по мысли китайского руководства, достижению его великодержавных целей, нанесению максимального ущерба силам социализма, национально-освободительному движению.

Принимая африканские делегации в Пекине или находясь в Африке, китайские руководители пытались навязать африканцам свой курс в отношении стран социализма, «советовали» укреплять связи с Западом, стремились поставить под сомнение необходимость проведения VI конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване, приостановить рост критики в адрес африканской политики Пекина. Однако результаты визитов показали, что подавляющее большинство африканских политических деятелей не согласилось со взглядами китайского руководства, их трактовкой событий в Африке, будь то на Африканском Роге, в Анголе или на юге континента. Такая позиция африканских политических деятелей вынуждала китайских руководителей во время их поездок по Африке избегать грубых антисоветских выпадов.

В то же время китайское руководство усилило свой контрреволюционный курс в Африке, пошло на дальнейшее пособничество империализму в борьбе против национально-освободительного движения. В Заявлении Советского правительства от 23 июня 1978 г. отмечалось: «Пекинское руководство, наряду с НАТО и ЮАР, является активным соучастником в нагнетании напряженности в Африке. Оно сомкнулось с империализмом, с силами агрессии и реакции, неоколониализма и расизма и тем самым поставило себя в ряды противников не только социалистических стран, но и всего национально-освободительного движения, единства африканских народов, борьбы стран Африки за свою независимость и свободу, против империалистического господства».

В мае 1978 г. во время визита в КНР помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский потребовал от Пекина более активных действий в Африке. В ответ Дэн Сяопин заверил США, что Китай сделает «все, что может, чтобы противодействовать советской политике в Африке». Тогда же Дэн Сяопин выразил и неудовлетворение «недостаточно решительной» реакцией США на события в Африке.

Осуществляя фактически согласованную с США линию, китайское руководство проводило враждебный курс в отношении Анголы. Пекин не только пытался представить диверсионные акции проимпериалистической организации УНИТА, пользующейся всемерной поддержкой расистов Претории, в качестве какой-то справедливой борьбы, но и поставлял этой организации различное оружие. Эта политика китайских лидеров была решительно осуждена в совместном ангольско-вьетнамском коммюнике от 7 октября 1978 г., в котором сказано, что власти Китая «в союзе с самыми реакционными силами империализма совершают агрессии и маневры... угрожающие миру и безопасности в Юго-Восточной Азии, Африке и во всем мире». А в декларации Международной конференции солидарности с борьбой африканских и арабских народов против империализма и реакции (конференция была проведена в сентябре 1978 г. в Аддис-Абебе, в ней приняли участие представители более 130 организаций из 100 с лишним стран) отмечалось, что участники конференции с возмущением обращают внимание на сотрудничество китайских руководителей с реакционными империалистическими и фашистскими режимами, осуждают их соучастие в агрессии против Анголы и Эфиопии. Резкая критика политики Пекина в Африке содержалась в заявлении первой встречи коммунистических и рабочих партий Тропической и Южной Африки. В течение года с ней выступали и различные общественные организации африканских стран, прогрессивная печать континента.

Выдавая себя на словах за друзей африканских народов, противников расистских режимов, китайские лидеры в то же время пытались

представить само существование режимов Претории и Солсбери как следствие политики... СССР, направить борьбу Африки против стран социализма. Пекин, по существу, одобрил неоколониалистский англо-американский план для Родезии, поддерживал «инициативы» западных государств по Намибии, вел торговлю с ЮАР. Согласно сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 20 декабря 1978 г., имелось «взаимопонимание» между Пекином и Вашингтоном по проблемам юга Африки и последний обращался с просьбой к китайскому руководству уговорить некоторых лидеров ЗАНУ «присоединиться к тем белым и африканским лидерам, которые подписали соглашение о «внутреннем урегулировании» в Родезии». Под прикрытием раздувавшейся империализмом и Пекином пропаганды о «советской угрозе» народам юга Африки США, ЮАР и КНР сколачивали на африканском юге альянс, призванный помочь Западу сохранить свое влияние в этой части континента на неоколониалистской основе.

ВОПРОС: В прошлом китайские руководители изображали китайско-албанские отношения как пример «братского сотрудничества». Каково ныне состояние отношений между КНР и Албанией?

ОТВЕТ: Противоречия между Китаем и Албанией по некоторым основным идеологическим и политическим вопросам привели к прекращению отношений по партийной, экономической и военной линиям. После июля 1977 г. бывший союзник Китая на Балканах начал разоблачать «теорию» и практику китайского руководства, его связи с империализмом и реакцией, цели и намерения на Балканах, неравноправные отношения Китая с малыми странами, его политику шовинизма и гегемонизма. Межгосударственные связи были сведены к формальному поддержанию дипломатических отношений.

Полностью прекращено сотрудничество между Китаем и Албанией в экономической области. Все китайские специалисты покинули Албанию, многие сооружавшиеся с их участием объекты остались незаконченными. Прекращен торговый обмен. Из-за прекращения переговоров не был подписан протокол на 1978 г. 27 сентября 1978 г. албанское правительство прекратило деятельность албано-китайского общества морского транспорта. Прекращены полеты китайских самолетов в Тирану. Прекращено всякое сотрудничество и в области культуры.

Крайне резкой критике подвергаются в Албании многие внешнеполитические акции Пекина, в особенности его агрессия против СРВ.

Ныне можно сказать, что произошел полный разрыв между Китаем и Албанией и что возможностей нормализации отношений в обозримом будущем не существует. Вместе с тем следует отметить, что албанское руководство разоблачает действия нынешних китайских руководителей, не уменьшая своей враждебности к СССР.

ВОПРОС: На протяжении уже двух десятков лет китайское общество переживает затяжной политический кризис. Где, на ваш взгляд, пролегает путь возвращения Китая на позиции научного социализма?

ОТВЕТ: В условиях военно-бюрократического маоистского режима единственный выход для трудящихся состоит в решительной и последовательной борьбе против военно-бюрократической диктатуры маоистов, борьбе политической, идеологической, экономической.

В политическом плане — ликвидация военно-бюрократического режима и восстановление власти трудящихся, народно-демократического строя, основанного на союзе рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса; возрождение Компартии Китая как партии марксистско-ленинского типа.

В идейно-теоретическом плане — борьба против националистиче-

ской идеологии маоизма: утверждение в сознании рабочего класса, всех трудящихся идей научного социализма, пролетарского интернационализма.

В экономическом плане — отказ от политики милитаризации страны, полное восстановление общественного характера государственной и кооперативной собственности в городе и деревне, социалистических методов хозяйствования, подчинение развития экономики основному закону социализма — удовлетворению потребностей трудящихся.

В международном плане — отказ от экспансионистского, гегемонистского курса и возвращение к социалистическим принципам внешней политики, к дружбе и всестороннему сотрудничеству с социалистическим содружеством, всеми братскими государствами. Такой, видимо, можно представить себе программу китайских интернационалистов, борющихся за социалистическую перспективу Китая.

ВОПРОС: Каковы основные направления борьбы с маоизмом на современном этапе?

ОТВЕТ: Маоизм — серьезный и коварный противник. С ним придется вести длительную, трудную борьбу. Можно с полным основанием сказать, что марксистская наука, китаеведы и обществоведы социалистических стран провели большую полезную работу по критике маоизма, по разоблачению его принципиальной враждебности марксистско-ленинскому учению, мировому социализму, коренным интересам китайского народа и социалистической перспективе развития этой великой страны.

Эта работа приносит свои плоды. Она способствует правильному пониманию политики Пекина и того, что происходит в Китае.

Марксистская критика маоизма в ряду других причин вынуждает китайское руководство вносить коррективы в наследие Мао, смещать в нем акценты, а от кое-чего даже и отказываться.

Современная обстановка обязывает и дальше вести систематическую серьезную работу по своевременному анализу различных сторон китайской проблемы, обоснованную критику маоистской политики и идеологии в их современном виде. При этом одной из центральных задач новейших исследований по Китаю должна быть углубленная и конкретная критика маоизма как идеологии и политической практики, в корне враждебной научному социализму, несущей угрозу жизненным интересам всех народов.

Разоблачение и разгром маоизма продолжают оставаться актуальнейшей задачей. И чем решительнее это будет сделано, тем быстрее будет восстановлена Компартия Китая как пролетарская, марксистско-ленинская партия, которая вновь сможет занять прочное и почетное положение в мировом коммунистическом движении; тем быстрее будет восстановлено братское сотрудничество КНР со всеми социалистическими странами; тем надежнее будут обеспечены подлинные национальные интересы китайского народа.

Об основных аспектах маоистской фальсификации истории

М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР

Международные события последнего времени, прежде всего неприкрытая агрессия Китая во Вьетнаме, в полной мере обнажили авантюристическую политику маоистского руководства КНР, реакционную сущность маоистской идеологии, основывающейся на великоханьских, гегемонистских устремлениях, несущих угрозу миру и безопасности народов. Они в то же время убедительно подтверждают глубочайший научный вывод, сделанный в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему» [1]. Именно эту враждебность пытается использовать империалистический лагерь, чтобы превратить Пекин в орудие борьбы против социализма, а маоистское руководство с большой охотой идет навстречу пожеланиям империалистических стратегов и свою верность им подтверждает решениями съездов и даже конституционным законодательством.

Империалистические круги пытаются, как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в ответах американскому журналу «Тайм», «всемерно поощрять и подбадривать приманками экономического характера, а теперь постепенно и поставками современного оружия, военной техники и технологии тех, кто, стоя во главе одной из крупнейших стран мира, открыто объявил о своей враждебности делу разрядки, разоружения и стабильности в мире; кто претендует на территорию многих стран и организует провокации против них; кто провозгласил войну неизбежной и развернул активную подготовку к войне»[2].

Вместе с тем нельзя не заметить, что даже в буржуазных кругах, среди тех, кто либо в результате недостаточного знакомства с теорией и практикой маоистов, либо исходя из конъюнктурных, тактических, как правило антисоциалистических, соображений сочувственно относился к маоистскому руководству КНР и поддерживал его, начинают появляться опасения, возникают сомнения в полезности «подкармливания» маоизма. Такой процесс отрезвления в лагере приверженцев маоистского Китая особенно ускорился в связи с вероломным нападением КНР на социалистический Вьетнам.

Перекраивание всемирной истории по-маоистски

Маоистские руководители отравляют сознание китайского народа ядом великоханьского гегемонизма. Они стараются подорвать все те новые революционные идеи, которые зародились и распространились

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11.
[2] «Правда», 16.I.1979.

в Китае под влиянием социалистической революции. Они перечеркнули всю героическую революционную деятельность китайских коммунистов, таких видных деятелей коммунистического движения, как Ли Дачжао, Цюй Цюбо и другие.

Несмотря на жестокий террор, массовые репрессии, проводившиеся Мао Цзэдуном и его последователями против китайских коммунистов-интернационалистов, сторонников социалистической генеральной линии в переходный период (1949—1967 гг.), принятой в начале 50-х годов, брошенные на китайскую землю семена марксизма-ленинизма давали благоприятные всходы и до сих пор маоистам не удается их полностью растоптать.

Маоистские руководители не могут игнорировать и тот факт, что вся 2—3-тысячелетняя история Китая не дает им оснований для великоханьской кичливости, для притязаний на мировое господство.

В средневековой и новой истории Китая, тем более в революционной истории китайского народа в XX в., маоистские руководители не могут найти достоверного обоснования своих великоханьских, гегемонистских притязаний. Они впадают в очевидное противоречие и с всемирной историей, обобщающей общественно-политический опыт народов мира.

Поэтому главные цели, поставленные маоистами в развернутой ими кампании по пересмотру всемирной истории, состоят в том, чтобы фальсифицировать всемирную историю, включая и историю Китая, принизить и умалить исторические достижения, ценности других народов, вложить все исторические события в китаецентристские рамки, лишить неханьские народы, населяющие Китай и соседние страны, самобытной истории, приобщив их к «единой китайской нации», и на этой основе дать историко-теоретическое обоснование великоханьскому гегемонизму. Таковы стратегические задачи, поставленные маоистскими руководителями перед китайской исторической наукой.

На основе таких идеологических установок в Китае, особенно после «культурной революции», когда была разрушена народно-демократическая общественная надстройка и созданы военно-бюрократические органы власти, развернулась широкая пропагандистская кампания по утверждению идеологии великоханьского шовинизма, по созданию теоретического обоснования гегемонистских концепций.

Начало последней кампании было положено публикацией трех статей в журнале «Хунци» под псевдонимом «Ши Цзюнь»: «Изучать всемирную историю» (1972, № 4), «Еще раз об изучении всемирной истории» (1972, № 5) и «Изучать историю империализма» (1972, № 6).

Эти статьи служат образцом лженаучных приемов маоистских пропагандистов, используемых ими для перекраивания всемирной истории, беспардонной фальсификации ее. С одной стороны, пытаясь создать впечатление «защиты» марксизма-ленинизма, они обильно оснащают свои статьи цитатами из произведений классиков марксизма, либо не относящимися к рассматриваемой теме и относящимися к другому историческому периоду, либо явно искаженными. С другой стороны, они после каждой цитаты классиков приводят высказывания Мао Цзэдуна, стараясь убедить читателей в тождестве марксизма-ленинизма с маоизмом, с тем чтобы последующие рассуждения основывать на «идеях» Мао. В статьях маоистских пропагандистов дается следующая схема всемирно-исторического процесса: Азия, Африка и Латинская Америка являются колыбелью древней цивилизации; начиная с XV в. они подвергаются безудержной экспансии, грабежу и угнетению со стороны европейских колонизаторов и ведут освободительную борьбу против капиталистов, империалистов и социал-империалистов.

В этой схеме ни слова не говорится о Европе как о колыбели революционного движения, игнорируется прогрессивная роль европей-

ских народов в развитии мировой цивилизации. Маоистские авторы утверждают, что колыбелью мировой цивилизации являются только материки Азия, Африка и Латинская Америка, преднамеренно историю народов сводят к истории царей, реакционных правителей. В статье Ши Цзюня дается следующее пояснение: «Начиная с конца XV в. в течение нескольких столетий народы Азии, Африки и Латинской Америки подвергались грабежу и угнетению со стороны западного колониализма и империализма, поднимали один за другим революционные ураганы и предпринимали яростные наступления на колониалистов и империалистов. В конце XVIII — начале XIX в. на Латиноамериканском континенте вспыхнула освободительная война за независимость колоний. На архипелаге несколько сотен рабов-негров подали пример, поднявшись на борьбу, они вели войну в течение десяти с лишним лет и постепенно разгромили французскую и испанскую колониальную армию численностью 600 тыс. человек и вынудили пойти на небывалую в мире капитуляцию агрессивную наполеоновскую армию, что закончилось тем, что в 1804 г. было образовано первое в Латинской Америке негритянское независимое государство, сбросившее с себя господство колониалистов и рабовладельческий строй. Затем народы множества латиноамериканских стран поднялись на борьбу и разбили колониальную систему Испании и Португалии в Латинской Америке. В середине XIX в. началось стихийное пробуждение народов Азии — от Персидского залива, Индии до Китая поднялась первая революционная волна в Азии против капитализма и феодализма» [3].

Нетрудно заметить, что в такой маоистской схеме полностью игнорируются всемирно-исторические процессы, столкновения между отдельными могущественными империями, господство которых в мире чередовалось в зависимости от исторических материальных условий, исключаются классовая борьба, социальные революции.

Переходя к XX в. и мимоходом упоминая об Октябрьской социалистической революции, авторы упомянутых статей вновь утверждают, что решающую роль в революционном процессе играли народы Азии, Африки, Латинской Америки. Они стремятся придать борьбе этих народов чисто националистическое направление, отрывают ее от борьбы рабочего класса промышленно развитых стран против империализма, игнорируют роль авангарда рабочего класса — коммунистической партии.

Особое место в статьях занимает тема антисоветизма. В статье «Изучать историю империализма» [4] авторы многочисленными ссылками на работы В. И. Ленина стараются создать впечатление, что свой анализ они основывают на этих трудах. Недобросовестность маоистов-историков наглядно раскрывается в том, что они перечеркивают всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, игнорируют распад мировой системы на два основных противоборствующих лагеря, а сформулированные В. И. Лениным законы борьбы против империализма в дооктябрьский период они обращают, по существу, против Советского Союза, обвиняя его в «социал-империализме» — этот термин Ленин применял к ренегатам социализма, поддерживавшим империалистические круги во время первой мировой войны.

Статьи Ши Цзюня — под этим псевдонимом скрывалось высшее маоцзэдуновское руководство — носили установочный характер, давали основные параметры возможных исторических «рассуждений» и обязательных «выводов». Так, в статье «Изучать всемирную историю» выражалась уверенность в том, что все «работники, занимающиеся ми-

[3] Ши Цзюнь. Еще раз об изучении всемирной истории. — «Хунци», 1972, № 5.

[4] «Хунци», 1972, № 6.

ровой историей в нашей стране... приложат силы для написания нескольких кратких и ясных популярных книг по всеобщей истории»[5].

Эти статьи послужили началом развернувшейся в Китае широкой кампании, инспираторы которой ставили цели придать движению за пересмотр всемирной истории «общенародный характер», поставить ученых-историков перед дилеммой: либо склонить головы «перед суждениями народа», либо оказаться в лагере «каппутистов», «врагов и предателей».

Одной из главных целей маоистских фальсификаторов истории было ошельмовать историю народов России — Советского Союза — «врага № 1», приглушить критику империалистических стран, в том числе Англии, история отношений с которой была для Китая историей империалистического порабощения китайского народа. «Дополняющие» установки для составления всемирной истории давались уже на основе позиции нового, послемаоцзэдуновского руководства КНР, ставшего на путь прямого и открытого блокирования с империалистическими и реакционными кругами мира, подтвердившего свой проимпериалистический курс решениями XI Всекитайского съезда КПК (август 1977) и узаконившего его новой конституцией КНР (март 1978). В докладе на XI съезде КПК Хуа Гофэн отнесся с большим снисхождением к американскому империализму. Он повторил высказывание Мао Цзэдуна о том, что «у Соединенных Штатов есть в мире интересы, которые они стремятся защитить», добавив от себя, что «американский империализм обороняется»[6]. Борьбу с Советским Союзом как «главным врагом» Китая новое маоистское руководство закрепило и конституционно.

Для «корректировки», точнее — для фальсификации всемирной истории на основе общего политического курса XI съезда КПК, маоистское руководство привлекает уже «фундаментальную» историческую науку, причем по-прежнему «корректировка» начинается с фальсификации истории России, СССР, русско-китайских отношений.

В 1978 г. в КНР начала издаваться четырехтомная «История агрессии царской России в Китае», в которой фальсифицируются все принятые китайской историей факты и делается попытка «доказать», что Китай имеет «право на наследство» всех соседних народов, в том числе и советских народностей.

О «единой китайской нации»

Маоистская пропаганда старается создать впечатление, что предпринимаемый в КНР «пересмотр» всемирной истории имеет целью прежде всего разоблачать исторические концепции советских и других «ревизионистов», стыдливо умалчивая о своих принципиальных расхождениях с китайскими историками-марксистами. И если «исправление истории» других государств маоисты сопровождают шумными кампаниями, газетно-журнальными публикациями, преподнося это мировой общественности как «отповедь абсурдной теории советских ревизионистов», то «корректировка истории» Китая проводится, так сказать, в «рабочем порядке», путем молчаливой замены отдельных концепций, формулировок, либо интерпретации их в «новом», маоистском духе. Они не прочь признать и некоторую фальсификацию истории, допущенную в прошлом историками КНР, но вину за это целиком возлагают на «банду четырех». При этом говорится лишь о тех «искажениях», упоминания о которых выгодны нынешним руководителям КНР в их борьбе с «четверкой». Так, выступая на XI съезде КПК, Хуа Гофэн заявил: «Историография, находившаяся под властью «четверки»,

[5] «Хунци», 1972, № 4.

[6] См. Хуа Гофэн. Политический отчет на XI Всекитайском съезде КПК. — В кн. XI Всекитайский съезд КПК (Документы). Пекин, 1977, с. 63—65 (на рус. яз.)

произвольно фальсифицировала историю, с тайным умыслом превозносила «императриц», критиковала «первых министров», исполняющих обязанности первого министра»[7].

Хуа Гофэн, разумеется, умолчал о главных и принципиальных фальсификациях всемирной истории и истории Китая, которые при послемаоцзэдуновском руководстве приняли еще большие масштабы, чем при руководстве «банды четырех». Появлявшиеся за последние 2—3 года на страницах китайской прессы статьи и выступления подтвердили полный отход маоистской историографии от выводов и оценок виднейших китайских историков-марксистов, как Фань Вэньлань, Шан Юэ и других; стали пропагандироваться крайне реакционные, расистские теории, извлеченные из императорских и правогоминьдановских архивов.

В концентрированном виде маоистские концепции по истории Китая содержались в выводах Расширенной конференции, посвященной вопросам изучения неханьских народов Китая, и в практических решениях этой конференции (20—22 марта 1978 г.) [8]. Главный вывод конференции сводится к тому, что в Китае существует одна нация — «китайская», а все другие народности являются лишь «ветвями» этой единой нации. Как видно из материалов конференции, особую тревогу у маоистских «историков» вызывают тибетские архивы, наиболее обширные и лучше других документированные. На конференции было принято решение об установлении строгого контроля над тибетскими архивами, особенно над документами, отражающими отношения Тибета с Китаем и с третьими государствами.

«Историкам» конференция дала общее директивное направление: доказывать, что Тибет извечно был составной частью «родины», подразумевая под этим, конечно, только Китай.

Пропагандируемая теория «единой китайской нации», «извечной гармонии и братства» между отдельными народностями, населяющими территорию современного Китая, не является каким-либо новым открытием. Глашатаем такой теории был не кто иной, как сам Чан Кайши. В главе «Становление и развитие китайской нации» своей книги «Судьбы Китая» Чан Кайши писал:

«Что касается истории становления нации, то наша китайская нация образовалась путем смешения многочисленных родов. Эти многочисленные роды по своему происхождению представляют собой ответвления одной и той же расы, одной и той же системы, которая распространилась на восток от Памирского плато между бассейнами рек Хуанхэ, Хуайхэ, Чанцзян, Хэйлунцзян и Чжуцзян. Они имеют различную культуру, которая определяется различиями их географического окружения. В силу же различий в культуре возникали различные родовые фамилии. Однако на протяжении последних пяти тысяч лет между ними имели место многочисленные контакты, происходили постоянные миграции, вследствие чего они непрерывно перемешивались друг с другом и превратились в одну нацию. Однако движущей силой их слияния была культура, но не сила оружия, способы же слияния представляли собой покровительство, но не покорение» [9].

Общеизвестно, что Чан Кайши не был марксистом и никогда и не пытался представить себя таковым. Он стоял на позициях великоханьского национализма, расизма, и следует признать, что свою позицию автор излагал достаточно откровенно и ясно. По-другому ведут себя маоистские историки. Они стыдливо скрывают родоначальников своей великоханьской националистической теории, по-прежнему рядятся в тогу ортодоксального марксизма, хотя для каждого объективного ис-

[7] См. XI Всекитайский съезд КПК (Документы), с. 48—49.
[8] См. «Гуанмин жибао», 26.III.1978.
[9] Чан Кайши. Судьба Китая. Тайбэй, 1976, с. 2.

следователя вполне ясно, что в теории извечной монолитности и единства китайской нации нет ни грана марксизма. Маоисты утверждают, что не материальные средства производства, орудия труда, обусловившие в своем развитии разделение труда, что и привело человечество, как писал Ф. Энгельс, «к порогу цивилизации» [10], а этническое расовое родство и культурное общение лежат в основе образования «на протяжении последних пяти тысяч лет» китайской нации.

Между тем именно история образования наций и государств народов Азии, в том числе Китая, служит блистательным подтверждением правдивости, научности марксистского учения о развитии общества. Отношения между Китаем, основой экономики которого были земледелие и выделившееся из него ремесленное производство, и соседними кочевыми народами, хозяйственной основой которых было животноводство, определялись вовсе не их этническими и расовыми тождеством или различиями, а способом материального производства и материальными потребностями. Утверждение Чан Кайши и современных маоистских историков о том, что отношения между Китаем и народами, ныне населяющими территорию Китая, а в прошлом имевшими свою суверенную государственность, якобы постоянно оставались дружественными и их «способы слияния представляли собой покровительство, но не покорение», не имеет под собой оснований и противоречит историческим фактам. Это подтверждает история формирования централизованного китайского государства под руководством Цинь Шихуана, царствование которого (246—210 вв. до н. э.) сопровождалось кровавым террором, беспощадным истреблением неханьских народов, существовавших в рамках самостоятельных государств на территории южнее реки Янцзы. Известно, что Цинь Шихуан, создавший систему государственного управления из 36 административных подразделений, установил довольно четкие государственные границы, на севере и северо-западе окаймленные Великой китайской стеной. С того времени и до середины XX в. во всех китайских исторических трудах Китай всегда подразделялся на внутренний и внешний, чем и подчеркивались национальное различие и обособленность «застенных» народов. Последующая история Китая сопровождалась многовековой борьбой между «застенными» народами и Китаем, которая большей частью кончалась жестоким поражением Китая, и его императорский престол в течение последнего тысячелетия монархического строя 700 лет находился в руках чужеземцев.

Жестокие и суровые войны во многих случаях заканчивались унизительными для Китая договорами.

В «Истории Китая» под редакцией Шан Юэ приводятся данные о тяжелых потрясениях в Китае, вызванных поражением китайских войск Сунской династии от вторгнувшихся в северный Китай войск чжурчжэней в XII в. Подписывая мирный договор (Шаосиньский) с императором государства Цзинь Агудой, император Сунской династии Гаоцзун давал следующее обязательство: «Я, Гао, заявляю: отныне граница (между нашими государствами) устанавливается по реке Хуайшуй. Вашему государству передаются земли, расположенные на западе Таичжоу и Дэнчжоу... Если я буду удостоен милости и мне будет разрешено стать Вашим вассалом, я клянусь вечно соблюдать верность. Я обязуюсь постоянно в день рождения императора и в первый день нового года посылать гонцов с поздравлениями и подарками, платить ежегодно дань (суйгун) в размере 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелка» [11].

[10] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. (2-е изд.), т. 21, с. 165.

[11] Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ (пер. с кит.). М., 1959, с. 334.

Вторжение чжурчжэней в Китай в XII в. расценивалось китайской исторической наукой как агрессивная война, а одного из китайских военачальников в этой войне, Юэ Фэя, китайский народ до сих пор прославляет как национального героя [12]. Все эти исторически достоверные факты свидетельствуют не об извечной «братской гармонии» между ханьцами и неханьцами, а об антагонизме в их отношениях, о суровой вековой борьбе между ними. Даже в статьях Мао Цзэдуна мы находим признания того, что «на протяжении тысячелетий... народы многонационального Китая всегда выступали против чужеземного ига» [13].

Нынешние маоистские историки не решаются открыто отказаться от оценок, устоявшихся и в науке и в народе, тем более официально дезавуировать Мао Цзэдуна. Поэтому они прибегают к обычной для них уловке — дают иную, противоположную истинному смыслу интерпретацию фактам и историческим явлениям. И войны, происходившие на протяжении тысячелетий между Китаем и неханьскими народами и соседними азиатскими государствами, объявляются внутренними войнами единого китайского народа. В феврале 1979 г. китайская газета «Гуанмин жибао» следующим образом истолковала упоминание Мао Цзэдуна о тысячелетней борьбе «против чужеземного ига»: «...это понятие целиком верно лишь применительно к агрессии капиталистических и империалистических держав против Китая, но абсолютно неприменимо в отношении внутренних национальных войн». Поэтому агрессия чжурчжэней против Ханьской династии Сун объявляется примером «внутренних национальных противоречий и борьбы». В данном случае, говорится в статье, можно считать, что чжурчжэни вели несправедливую «внутреннюю национальную войну» [14].

Такую явно фальсификаторскую интерпретацию нельзя считать частным мнением газеты «Гуанмин жибао». Она руководствовалась установками все той же конференции, проходившей в марте 1978 г., на которой присутствовали и выступали Хуа Гофэн и Дэн Сяопин.

История в достаточной степени изобличает захватнический и жестокий характер войн, осуществлявшихся китайскими императорами во времена древней и новой эпох. Китайский историк Фань Вэньлань, излагая историю завоевания Цинской династией «застенного» Восточного Туркестана (китайцы переименовали его в провинцию Синьцзян, что значит «новая граница»), заселенного преимущественно уйгурами, отмечает исключительно кровавый, даже истребительный характер этой завоевательной войны.

В 1876 г., писал Фань Вэньлань, армия Цзо Цзунтана (китайского генерала Цинской династии. — М. С.) выступила за пределы Внутреннего Китая, «развернула наступление в северном направлении... Вступив в Синьцзян, он (Цзо Цзунтан. — М. С.) зверски расправился с населением южного Синьцзяна, совершая такие же жестокости, что и во Внутреннем Китае. В 1878 г. Цзо Цзунтан завершил «усмирение» южного и северного Синьцзяна» [15]. Этими историческими свидетельствами вряд ли можно подтвердить «извечную гармонию» в составе «единой китайской нации».

Маоистские историографы, видимо, еще не выработали какого-либо особого «толкования» ужасающих преступлений, неприкрытого геноцида, применявшегося цинскими завоевателями по отношению к коренному населению бывшего Восточного Туркестана. Они просто замалчивают все исторические факты, не укладывающиеся в измыш-

[12] См. Очерки истории Китая..., с. 327—333.

[13] Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. II. Пекин, 1969, с. 383 (на рус. яз.).

[14] См. «Гуанмин жибао», 13.II.1979.

[15] Фань Вэньлань. Новая история Китая (пер. с кит.). М., 1955, с. 331—332.

ленную ими схему либо противоречащие ей. Будет не удивительно, если мы услышим об уничтожении научных трудов классической историографии, памятников, архивов как «вредных», «вражеских», придуманных «бандой четырех», чтобы унаследовать все реликвии почитавшегося Мао Цзэдуном деспотического императора Цинь Шихуана.

Вопреки историческим фактам

Традиционная политика реакционных правителей прошлых и нынешних времен не подтверждает «извечного единства» китайской нации. Напротив, история достаточно убедительно показывает, в какой суровой борьбе складывалось китайское государство, какое тяжелое наследство национального неравенства и угнетения осталось в Китае. Переломным моментом в судьбах многонационального Китая должна была стать народно-демократическая революция 1949 г. Однако завоевания этой революции и провозглашенное Конституцией КНР в 1954 г. равенство всех национальностей были перечеркнуты маоцзэдуновским руководством, отменившим в 1958 г. социалистическую генеральную линию КПК. В Китае с этого времени стали вновь пропагандироваться старые великоханьские теории, унаследованные от Чан Кайши.

Теория «извечного единства китайской нации» лишает неханьские народности своей самобытности, национальной истории, затушевывает их многовековую борьбу за сохранение независимости, умаляет их специфическую культуру, язык, традиции и ставит своей целью утвердить господствующие позиции ханьцев.

Эта политика, по замыслам маоистского руководства, должна «теоретически» обосновать и внешнюю великоханьскую гегемонистскую политику, проводимую им в наши дни.

В последнее время маоистские историографы особое внимание уделяют гуннам (называемым китайцами «сюнну»). Вопреки установившимся в мировой науке представлениям о гуннах как о древнем кочевом народе, сложившемся в основном из тюркоязычных народностей, перекочевавших в Приуралье из Центральной Азии, маоистские «историки» заявляют: «Сюнну являлись одной из малых национальностей Древнего Китая, а не некими захватчиками, пришедшими извне» [16]. Такие утверждения делаются вопреки выводам многочисленных исследований историков старого и нового Китая. В «Истории Китая» под редакцией Шан Юэ подробно описываются опустошительные нашествия гуннов в конце III и в начале II в. до н. э., в результате которых они заняли провинции Хэнань, северную часть провинций Хэбэй и Шаньси. В результате жестокого поражения ханьский император Гаоцзу (Лю Бан — основатель Ханьской династии) в 192 г. до н. э. вынужден был подписать унизительный договор с вождем гуннов Модунем, по условиям которого «ханьский» императорский двор вступил в родство с гуннами (была отдана Модуню в жены китайская принцесса), ежегодно им посылались дары: вата, шелковые ткани, вина и яства. Тем не менее гунны продолжали время от времени вторгаться в пограничные области Ханьской империи, подрывая своими набегами хозяйство, и уводили в рабство ханьских людей [17].

Маоистские же «историки» унизительные для Китая договоры с гуннами называют «договорами о мире, основанными на родстве», и заявляют, что они «играли в истории нашей страны несомненно активную роль в деле развития сплоченности между различными братскими

[16] Сяо Чжисин. Договоры о мире, основанном на родстве периодов Хань и Тан, способствовали дружбе и сплоченности различных национальностей в истории нашего государства. — «Гуанмин жибао», 9.XII.1978.

[17] См. Очерки истории Китая.., с. 77—78.

национальностями» [18]. В такие суждения, выдающие унижение и капитуляцию государства за положительный факт, якобы содействовавший «сплоченности братских национальностей», маоистские руководители вкладывают глубокий политический смысл. Объявив гуннов «братьями» ханьцев, они тем самым становятся наследниками всех завоеваний гуннов, имеют «историческое право» пройти по дорогам гуннских походов во многие районы Азии и в далекую Европу.

Еще в годы гоминьдановского господства националистические китайские историки искали «братства» и с Чингисханом с явным желанием пристроиться к историческому наследству могущественной монгольской державы, существовавшей в XIII и XIV вв. Такое «братание» с Чингисханом встречало осуждение как со стороны китайских историков-марксистов, так и в кругах революционно-демократической общественности Китая.

В 1934 г. Лу Синь, иронизируя по поводу националистических фальсификаций истории и «братания» с Чингисханом, писал: «В двадцать лет я услышал, что когда «наш» Чингисхан покорил Европу, то был «наш» золотой век. Лишь когда мне исполнилось 25 лет, я узнал, что на самом деле в так называемый «наш» золотой век монголы покорили Китай и мы стали рабами. В августе сего года я перелистал три книги по истории Монголии, чтобы уточнить некоторые исторические факты, и только тогда уяснил, что, прежде чем покорить весь Китай, монголы покорили Русь, вторглись в Венгрию и Австрию. Тогда Чингисхан еще не был «нашим» ханом. Ведь русские раньше нас были порабощены, это они должны были бы сказать: «Когда наш Чингисхан покорил Китай, наступил наш золотой век» [19].

Маоистские руководители не хотят считаться с тем фактом, что если даже следовать по их пути, то есть образование нации и государства выводить не из материальных условий жизни людей, а из этнического и расового родства, то и в этом случае следует прийти к выводу, что не монголы должны включаться в китайскую нацию, а наоборот, китайцы подлежат включению в монгольскую национальность, поскольку по основным антропологическим признакам монголоидной расы, к которой относятся и китайцы и монголы, наиболее представительным является монгольский народ.

Маоистских руководителей, однако, не смущает научная бездоказательность их аргументации. Более того, фальсификации, к которым они прибегают, вовсе не результат невежества «творческих групп», привлекаемых к «историческим исследованиям». Это преднамеренный прием, запрограммированный «мозговым» центром маоистов, стремление заставить историческую науку «научно обосновывать» законность замыслов маоистских стратегов, прославлять великоханьский гегемонизм.

Научный исторический анализ подтверждает антинаучность, авантюристичность теории и практики маоистских руководителей КНР.

Территориальные притязания

В политической практике современного маоистского руководства КНР теория единой китайской нации, «гармонии и братства» народов, населяющих Китай, и всех других этнически близких к Китаю является важнейшим внешнеполитическим инструментом, положенным в обоснование территориальных притязаний ко всем соседним с Китаем странам.

Центром своего наступления на территориальные права соседних

[18] Сяо Чжисин. Указ. соч.
[19] Лу Синь. Сочинения, т. 6. Пекин, 1934, с. 109.

государств маоистское руководство избрало Советский Союз как «врага № 1», хотя соответствующий «реестр» притязаний оно имеет и к другим странам. Публикация «исторических трудов» началась в 1978 г. с издания четырехтомной «Истории агрессии царской России в Китае». Первый том этой истории посвящен «обоснованию прав Китая» на «исконные китайские» территории в районах рек Амура и Уссури, появлению русских в этих районах и их столкновениям с маньчжурскими войсками, первым посольствам Российского государства и их дипломатической деятельности. Вся аргументация маоистских историографов строится все на той же пресловутой теории «единства китайской нации», и на этой основе все народы этих районов, предки советских тунгусов, гиляков, гольдов, орочонов, якутов, бурятов и других народностей, зачисляются в «братья» китайцев, и из этого выводится «право» Китая на эти территории.

Во всех исторических исследованиях древнего заселения земель Приамурья (нынешнего советского Приморья) нет существенных различий. Все они сходятся на том, что аборигенами этих территорий были древние племена мохэ тунгусского происхождения, потомки которых дважды создавали крупные государственные объединения — «Бохай» (694—926 гг.), уничтоженное киданями (монгольские племена), и «Цзинь» (1126—1215 гг.), погибшее при вторжении в районы Маньчжурии орд Чингисхана.

Во время монгольского нашествия маньчжурские и тунгусские племенные союзы были уничтожены и племена рассеялись по долинам рек и лесам. После распада монгольской державы и воцарения на китайском престоле династии Мин китайцы заняли южную Маньчжурию и создали там военные посты, но на территории Приамурья и Приморья не переходили.

За все годы царствования династии Мин китайцы лишь дважды направляли небольшие экспедиции по реке Сунгари в низовья Амура, однако, кроме так называемых тырских памятников, никакого следа от своего пребывания в Приамурье не оставили. Эти экспедиции занимались главным образом изъятием у туземного населения пушнины и других ценностей.

К моменту появления на Амуре и у Охотского побережья первых русских землепроходцев там не было ни китайских поселений, ни тем более властей, не существовало и никаких постоянных связей местного тунгусского населения с Китаем.

Маоистские авторы первого тома «Истории агрессии царской России в Китае» при всей своей предвзятости и преднамеренности не могли привести факты, которые могли бы подтвердить наличие поселений ханьцев на территории Советского Дальнего Востока. Они вынуждены признать, что «согласно историческим документам, предки маньчжуров — сушэни — были одними из самых ранних жителей, населявших древние северо-восточные (Маньчжурию.— М. С.) районы нашей страны» [20]. Причастность Китая к судьбе сушэней маоистские историки «подтверждают» следующими сведениями: «Еще в XI в. до н. э. они (сушэни. — М. С.) установили политические контакты с Западным Чжоу, когда принесли ему в дань стрелы из прутняка и пращи для метания камней. Когда в 1016 г. до н. э. сушэни с данью прибыли ко двору, чжоуский Чэнван в свою очередь приказал сановнику Жун Бо составить «Повеление о вручении даров роду сушэней» [21].

В научном мире известны многочисленные факты, когда подарки

[20] История агрессии царской России в Китае, т. 1, с. 8—9 (на кит. яз.).

[21] Так было даже с Англией, когда цинский император Цянь Лун, принимавший в 1793 г. первого английского посланника лорда Макартнэя, объявил привезенные подарки английского короля «данью» и к Англии обращался как к своему вассалу.

любого государства ханьские правители объявляли «данью» и на эт основании считали такие государства своими вассалами [22]. Следо тельно, приводимые китайскими историками факты ни в какой м нельзя считать доказательством вассальной зависимости сушэней китайского царства Чжоу.

Авторы первого тома пускаются в многословное повествование военных столкновениях русских с цинскими войсками на Амуре во в рой половине XVII в., приписывая агрессивность только России. Ме ду тем авторы стыдливо замалчивают, что вооруженные столкновен русских были не с китайцами, а с маньчжурами, захватившими кита ский престол в 1644 г. и продолжавшими завоевывать Китай до 90 годов XVII в., что китайские историки именно маньчжуров и созда ную ими династию Цин рассматривали как агрессора. Вторжение ман чжуров в Китай, отмечается в «Истории» под редакцией Шан Ю вызвало коренные изменения во внутренних противоречиях в Кита «Теперь основным стало национальное противоречие между маньчж рами и китайцами» [23]. Маоистские историки оценки маньчжуров к тайскими историками-марксистами стараются не замечать, они их з малчивают.

Второй том «Истории агрессии царской России в Китае» маоист ские историки посвящают преимущественно русско-китайским отноше ниям середины XIX в. и русско-китайским договорам, определивши государственную русско-китайскую границу, существующую и в насто щее время. Они стараются представить Россию главным врагом Ки тая, замалчивая то, что все китайские историки, в том числе и сам Мао Цзэдун, считали главным врагом Китая в этот период Англию «опиумные» войны которой положили начало закабалению Китая ино странным капиталом. Вопреки историческим фактам они стараются извратить истинную ситуацию на Дальнем Востоке в середине XIX в и фальсифицировать русско-китайские договоры: Айгуньский и Тянь зиньский, Пекинский (дополнительный).

Между тем в действительности к середине XIX в. на Дальнем Восто ке сложилась обстановка, когда Россия и Китай, поддерживавшие между собой добрососедские отношения, но не связанные какими-либо союзными оборонительными договорами, оказались перед лицом об щих врагов — Англии и Франции.

Отношения между Россией и противостоящими ей Англией и Францией к середине XIX в. крайне обострились. Связи дальневосточ ных владений России, которые поддерживались лишь морским путем (экспедиции через Якутск были крайне ограниченны), могли быть лег ко прерваны более сильным неприятельским флотом. Положение осо бенно осложнилось после того, как Англия в результате первой «опи умной войны» с Китаем (1840—1842 гг.), по условиям Нанкинского договора 1842 г., вынудила Китай предоставить ей односторонние преимущества и привилегии — «открыть» для торговли пять важней ших портов: Кантон (Гуанчжоу), Шанхай, Нинбо, Амой и Фучжоу С этого времени английский флот стал хозяином на обширных просто рах Тихого океана и морские коммуникации России между ее европей скими портами и русскими владениями — Камчаткой, Охотским побе режьем и факториями на Аляске — оказались под английским кон тролем.

В этих условиях проблема навигации по Амуру, забытая из-за не правильных выводов ряда морских экспедиций, вновь привлекла вни мание. Решение проблемы Амура было ускорено начавшейся в 1853 г Крымской войной между Россией и Англией и ее союзницей — Фран

[22] См. Очерки истории Китая..., с. 496.

[23] J. K. Fairbank, S. Y. Teng. On the China Tributary System. — "Harvar Journal of Asiatic Studies", June, 1941.

цией. С началом войны англо-французский флот появился у русского побережья Охотского моря. В 1854 г. русским судам пришлось укрыться в устье Амура от преследований неприятельского флота, в том же году здесь был создан первый русский морской пост — Николаевский. Малочисленный гарнизон не мог, однако, рассчитывать на длительное сопротивление англо-французским силам. Необходимо было незамедлительное подкрепление войсками из Восточной Сибири.

В апреле 1854 г. Н. Н. Муравьев с санкции своего правительства уведомил Китайскую палату по делам «зависимых» территорий (Лифаньюань) о намечавшейся отправке русских войск по Амуру к берегам Тихого океана, мотивируя эти действия общей заинтересованностью России и Китая в том, чтобы не допустить проникновения в Амур английских судов.

Положение русских войск на Охотском побережье и на Камчатке становилось критическим, и угроза захода англо-французских судов в устье Амура стала реальной. В мае 1854 г. Н. Н. Муравьев уведомил местную китайскую администрацию на правом берегу верховья Амура о предполагаемом «сплаве» русских войск. Местная китайская администрация хотя и не выразила официального одобрения планов Муравьева, однако заявила, что она готова даже оказать содействие в обеспечении продовольствием русских караванов.

Международная обстановка на Дальнем Востоке, таким образом, оказалась благоприятной для развития добрососедских русско-китайских отношений.

К. Маркс в своем определении состояния русско-китайских отношений в середине XIX в. обращал внимание на неучастие России в морской торговле, которая являлась главным каналом проникновения иностранного капитала, и в борьбе за установление контроля, из-за которого велись «опиумные войны» — Англией (первая «опиумная война») и затем в союзе с Францией и США (вторая и третья войны),— положившие начало превращению Китая в полуколонию, то есть К. Маркс не отождествлял позицию России, не располагавшей достаточным военно-морским флотом на Дальнем Востоке, с позициями Англии и Франции [24]. Именно эти «специфические» условия предопределили сближение России с Китаем и позволили им урегулировать многие вопросы в своих отношениях, в том числе заключить договоры, определившие их смежные государственные границы.

Свыше 100 лет государственная граница между двумя соседними государствами — в прошлом Россией и Китаем, а ныне Советским Союзом и Китайской Народной Республикой — являлась границей добрососедских отношений между ними и никаких споров не вызывала.

Известно, что правительство Советской России уже в первые дни своего существования аннулировало определенные договоры, заключенные царской Россией с колониальными и зависимыми странами, по условиям которых царская Россия вмешивалась во внутренние дела этих стран и вместе с другими империалистическими государствами навязывала им капитулянтские режимы.

Всякий раз, объявляя об отказе Советского государства от царских договоров как неравноправных, Советское правительство точно указывало, каких договоров это касается. Такая же определенность декларировалась Советским правительством и в отношении «царских договоров» с Китаем.

Декларации, заявления Советского правительства («Обращение правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая 25 июля 1919 г.» и др.) в полной мере изобличают необоснованность попыток маоистского руководства отнести рус-

[24] См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 157—158.

ско-китайские договоры о границах к неравноправным договорам. В. И. Ленин с исчерпывающей полнотой определил позицию Советского правительства по отношению к старым «царским договорам».

В отношении аннулирования этих договоров В. И. Ленин говорил: «Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи,— ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях... Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»[25].

Ленинский анализ дает ясный ответ, почему Советское правительство не включило в число аннулируемых «царских договоров» те договоры, которые регулируют государственную границу между СССР и Китаем. Небезынтересно отметить, что, когда в 1924 г. советский полпред Л. М. Карахан вел переговоры и подписывал первый для Китая в новейшее время равноправный договор — Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, никаких вопросов о ревизии границ не поднималось. Более того, договаривающиеся стороны условливались о проверке национальных границ, подтверждая существующие.

При заключении договоров и соглашений между Советским Союзом и правительством Китайской Народной Республики китайская сторона никаких территориальных притязаний к СССР не предъявила, хотя в этих документах рассматривался весь комплекс межгосударственных отношений. Руководители КНР высоко оценивали советско-китайские договоры и соглашения. «Они,— говорил Мао Цзэдун,— дали нам надежного союзника. Они облегчили нам работу в области внутреннего строительства и совместное противодействие империалистической агрессии во имя сохранения мира во всем мире».

На основе договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. были заключены конкретные договоры и соглашения, регулирующие режим судоходства по пограничным рекам и озерам (Соглашение от 21 декабря 1957 г.), условия торговли и мореплавания (Договор о торговле и мореплавании от 23 апреля 1958 г.) и др.

Разумеется, что на советско-китайской границе протяженностью 7,5 тыс. км возникают некоторые частные вопросы, например уточнение того или иного пограничного знака, пограничной линии по рекам.

В соответствии с общим антисоветским курсом националистическое руководство КНР эксплуатирует «территориальный вопрос» в политических целях. Срывая пограничные переговоры, оно искусственно нагнетает в стране военный психоз, запугивает народ «угрозой» агрессии со стороны СССР и в атмосфере антисоветизма жестоко расправляется с оппозиционными ему силами, изображая их «агентами СССР». Провокация маоистского руководства на реке Уссури весной 1969 г. была той преднамеренной акцией, которая должна была облегчить ему разжигание антисоветизма. Территориальные притязания маоистского руководства роднят его с реваншистами Западной Германии и Японии, создают ему в империалистических кругах США репутацию «надежного союзника».

* * *

Современная историография Китая, если она и дальше будет исполнять политические заказы маоистского руководства, не ограничится

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 20.

изданными «историческими исследованиями» и движением за «пересмотр» истории, то есть фальсификация в маоистском великоханьском духе всемирной истории будет продолжаться. И если сейчас маоисты концентрируют свое внимание на истории России — СССР и советско-китайских отношений, то далее, судя по их глобальным замыслам, фальсификации подвергнутся истории соседних, а затем и дальних народов и государств.

Маоистские руководители ставят своей задачей воспитать почти миллиардное население Китая в духе воинствующего великоханьства, разжечь в нем фанатизм, чувства высокомерия и превосходства над другими народами. Такие слабости в общественном сознании китайских масс существовали. Их потенциальную опасность и для самого Китая отмечал выдающийся китайский демократ д-р Сунь Ятсен. «Сам Китай,— писал Сунь Ятсен,— очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным. В результате у Китая появились стремления к изоляции. Поэтому, проводя какие-либо реформы, китайцы опирались на свой собственный опыт и средства и не пытались заимствовать что-либо у других» [26]. Размышляя о путях развития Китая, Сунь Ятсен отмечал и другую весьма опасную черту в представлениях китайских правителей — склонность к насилию, к разжиганию фанатизма, насаждению милитаризма.

Перед китайским народом он ставил вопрос: «Должны ли мы организоваться и сплотиться для войны или нам следует организоваться и сплотиться для мира?» И на этот кардинальный вопрос он отвечал: «Наши милитаристы и реакционеры стоят за первое и хотят японизировать Китай, с тем чтобы, когда придет время, поднять новое боксерское восстание (антиимпериалистическое движение 1900—1901 гг.) и бросить вызов цивилизованному миру. Но как основатель Китайской Республики я хочу видеть Китай организованным для мира. Поэтому я беру перо во имя мирного развития Китая и пишу эти планы — планы более эффективные, чем то оружие, за которое я брался, чтобы свергнуть маньчжурскую династию» [27].

Мировой общественности хорошо известно, что Мао Цзэдун избрал и провозгласил первый путь — путь милитаристский: превратить страну в «единый военный лагерь», в могущественное милитаристское государство, способное достичь военным путем (в первую очередь путем провоцирования войн между великими державами) великоханьских целей.

Будущее Мао Цзэдун не связывал с построением бесклассового социалистического и коммунистического общества. Оценивая перспективы ближайших 50—100 лет, Мао Цзэдун призывал китайский народ быть готовым «вести великую борьбу, формы которой по своей специфичности намного отличаются от форм борьбы прошлых времен» [28].

Вполне очевидно, что, игнорируя всю предшествующую историю революционной борьбы народов за построение бесклассового общества, Мао провозгласил какие-то иные формы борьбы, не решившись публично обнародовать их, хотя и известно, что в своих многочисленных выступлениях он всегда на первый план выдвигал националистическую, расовую борьбу, руководящую роль в которой он отводил Китаю.

Оценивая развернувшуюся в Китае под маоистским руководством кампанию за пересмотр, а по существу, за фальсификацию всемирной истории, можно сделать следующие выводы:

— Эта кампания ничего общего не имеет с научными дискусси-

[26] Сунь Ятсен. Избранные произведения, т. 1. Пекин, 1956, с. 190 (на кит. яз.).
[27] Сунь Ятсен. Избранные произведения, т. 1, с. 335.
[28] Эти высказывания Мао Цзэдуна были приведены в докладе ЦК КПК на IX Всекитайском съезде КПК. — См. IX Всекитайский съезд КПК (Документы), с. 97.

ями, неизбежно возникающими в научно-исторических кругах п оценке тех или других исторических событий. Она проводится маоис ским руководством по строго очерченному политическому плану — создать историко-теоретическое «обоснование» великоханьской, ге монистической экспансии и с этой целью в истории Китая и други стран освещать лишь те исторические факты, события, которые укл дываются в «маоистские рамки», либо давать им заведомо фальсиф цированную интерпретацию.

— Маоистские историки исключают из научных исследований ис торико-материалистический метод и оправдание китаецентризма осно вывают на лженаучном этногенезе, ставя в центр исследования хан скую национальность, как якобы главную и определяющую, а все дру гие, неханьские народы, населяющие территорию и современного Ки тая, и соседних стран, рассматривают как «родственные ветви» хан ской национальности.

— Утверждаемая маоистским руководством концепция «извечно сти единой китайской нации» должна, по их замыслам, обосновать ве ликоханьскую политику внутри Китая, оправдать насильственную ас симиляцию неханьских народностей, лишить их самобытной нацио нальной истории.

— Антинаучная, подчиненная маоистским политическим установ кам концепция «извечности единой китайской нации» маоистским ру ководством привлекается для обоснования «законности унаследования» исторического наследства неханьских народов — «ветвей ханьской на ции». Ведущиеся в Китае пропагандистские кампании ставят своей целью приобщить к «китайской нации» и древних гуннов и монголов и таким путем обосновать свои притязания на обширные территории, некогда завоевывавшиеся гуннами, ордами Чингисхана.

— Маоистская фальсификация всемирной истории является отра жением общей экспансионистской политики маоистского руководства. Она является продолжением политической борьбы маоистов против теории и практики научного социализма и не может оставить нас без участными в борьбе против великоханьского гегемонизма, несущего опасность всему человечеству, а не только СССР и социалистическим странам, как пытается представить дело маоистское руководство перед своими империалистическими союзниками.

Героическая борьба вьетнамского народа против китайской агрес сии убедительно продемонстрировала нашу интернациональную соли дарность в борьбе с маоизмом на всех фронтах.

Проявляющаяся в китайском народе, хотя и недостаточно актив ная, оппозиция маоистскому курсу убеждает, что даже в условиях террористического маоистского режима милитаристский великоханьский курс и великоханьские теории не популярны в Китае. Они не от вечают коренным интересам китайского народа. «Мы не отождествля ем выступления и действия нынешнего китайского руководства, — гово рил Л. И. Брежнев, — ни с чаяниями и стремлениями, ни с подлинны ми интересами Коммунистической партии Китая, всего китайского на рода. Мы глубоко убеждены, что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть до стигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие» [29].

---

[29] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. т. 2. М., 1973, с. 396.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Кампучия: крах маоистского «эксперимента»

Е. В. Васильков

Время — хороший лекарь. Но никакие месяцы и годы не изгладят из памяти людей трагедию в Кампучии. Эта страна стала одной из первых жертв великоханьского экспансионизма, экспериментальным полем для применения экспортной «модели» политического устройства общества по маоистскому образцу, для испытания в действии на чужой территории пресловутой «великой пролетарской культурной революции».

Результаты трех лет и восьми месяцев испытания этой чудовищной «модели» заставили содрогнуться весь мир — около трех из восьми миллионов кампучийцев, то есть немногим менее половины населения страны, пало жертвой маоистских палачей, а страна была отброшена в своем развитии на десятилетия назад, поставлена на грань полного разрушения и хаоса.

Как могло произойти такое на земле Кампучии — древнейшего государства на Индокитайском полуострове, страны высокой культуры и развитой еще в далеком прошлом цивилизации? Для того чтобы дать достаточно ясный ответ на этот вопрос, выяснить истоки кампучийской трагедии, приведшей в конце концов к мощному революционному взрыву, к победе кампучийских национально-патриотических сил и провозглашению 11 января 1979 г. Народной Республики Кампучии, следует вернуться на несколько лет назад.

Немного истории

До 1953 г. Кампучия (тогда — Камбоджа) вместе с Вьетнамом и Лаосом являлась частью французского «Индокитайского союза». Камбоджийские патриоты бок о бок с вьетнамскими и лаосскими братьями вели самоотверженную борьбу против колонизаторов за национальное освобождение своего народа.

Этой борьбой до 1951 г. руководила Коммунистическая партия Индокитая. К 1951 г. обстановка в Индокитае изменилась. Национально-освободительные революции во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии надвинулись на различных этапах развития, что, естественно, ставило перед коммунистами трех стран различные по своему характеру, масштабам и методам решения задачи. В феврале 1951 г. на II съезде КПИК было принято решение о разделении этой партии на три самостоятельные. Так возникли Партия трудящихся Вьетнама (ныне Коммунистическая партия Вьетнама), Народная партия Лаоса (ныне Народно-революционная партия Лаоса) и Народно-революционная партия Кампучии (ныне Коммунистическая партия Кампучии).

Созданная на базе кхмерской секции Компартии Индокитая, воспитанная в духе верности марксизму-ленинизму, Народно-революционная партия Кампучии последовательно выступала в роли политическо-

го авангарда патриотических сил Кампучии, боровшихся за национ ную независимость своей страны, поддерживала тесные братские от шения с Партией трудящихся Вьетнама и Народной партией Лао координируя с ними борьбу против колонизаторов.

Женевские соглашения 1954 г. по Индокитаю, зафиксировав совместную победу народов Индокитайского полуострова в войне С противления против французских колонизаторов, гарантировали не висимость Кампучии. Страна вступила на путь мирного, самостоятел ного развития. Советский Союз и другие социалистические страны явили о признании и уважении провозглашенной Кампучией полити нейтралитета, ее независимости и территориальной целостности.

В 60-х годах началась вооруженная агрессия США в Индокит Американская военщина рассматривала нейтральную Кампучию к своего рода брешь в цепи баз, создаваемых ею тогда на Индокита ском полуострове. 18 марта 1970 г. правые кампучийские деятели с п мощью агентов американского ЦРУ совершили в Пномпене государ венный переворот. Открытое вмешательство США в дела страны в звало законное возмущение кампучийского народа. Созданный в м 1970 г. патриотическими силами Национальный единый фронт Кам чии возглавил вооруженную борьбу кампучийского народа против ам риканских интервентов и их ставленников.

Важнейшее значение для успешного развития этой борьбы име боевая сплоченность национально-патриотических сил Вьетнама, Ла са и Кампучии, которую агрессорам и их пособникам так и не удал поколебать. Победа вьетнамского народа, зафиксированная в Пари ском соглашении 1973 г., привела к решающему укреплению позиц национально-патриотических сил на Индокитайском полуострове. В а реле 1975 г. увенчалась славной победой самоотверженная борьба ка пучийского народа. Проамериканский марионеточный режим был св ложен, власть перешла в руки Национального единого фронта Ка пучии.

Перед кампучийским народом открылась возможность мирн строительства новой жизни. Однако события в стране неожиданно ст ли развиваться вразрез с чаяниями народа. Через неделю после ос бождения Пномпеня на столичном аэродроме Почентонг приземли китайский самолет, на борту которого находились Пол Пот и Иенг С ри. С этого дня в Кампучии началось маоистское действо — почти тырехлетняя «варфоломеевская ночь».

Кривая предательства

Кто же такой Пол Пот? Как у всякого наемного убийцы, биог фия его покрыта мраком. В единственном интервью, данном им за бежным журналистам в 1977 г., он именовал себя «пролетарием». верждал, что с детских лет проникся «революционным духом». Одна вот что о нем сказал бывший принц Н. Сианук, который сам в тече трех лет находился в полпотовской Кампучии на положении заключ ного: «Фактически режимом руководили всего лишь четыре челове двойка Пол Пот — Иенг Сари и их жены — сестры Кхиеу Полнар Кхиеу Тирит. Все они называли себя пролетариями, выходцами из б ных крестьянских семей, но на самом деле они — буржуа. Мы с П Потом учились в одном классе школы, которая носила имя моего де Семья Иенг Сари тоже принадлежала к крупной буржуазии...»[1] Сам Пол Пот в упомянутом интервью дополнил эти сведения рассказом том, что он в молодости шесть лет провел в буддийском монастыре, них два года соблюдал даже обет монашества.

[1] "Matin", 30.I.1979.

По завершении среднего образования Пол Пот, получив государственную стипендию, выехал в Париж для продолжения учебы. Там он примкнул к троцкистской группе, где познавал азы «ультрареволюционной» науки. Кончилось это тем, что за неуспеваемость Пол Пота исключили из учебного заведения. Некоторые зарубежные журналисты прежде всего этим объясняют прямо-таки патологическую ненависть Пол Пота к образованным людям, которых, придя к власти в Кампучии, он начал истреблять в первую очередь.

Разумеется, было бы проявлением вульгарного социологизма объяснять вышеназванными особенностями происхождения и идейного формирования Пол Пота его палаческие наклонности, в такой жуткой форме проявившиеся впоследствии. Все эти особенности происхождения и идейного формирования теряют значение, если, вопреки им, революционер становится на позиции рабочего класса, на позиции марксистско-ленинского учения. Пол Пот же никогда не был даже знаком с марксизмом-ленинизмом, с принципами научного социализма. Он был смолоду напичкан мешаниной из левоэкстремистских лозунгов и религиозно-мистических представлений, в последующем с помощью пекинских наставников сдобренной маоистскими установками.

После восстановления мира в Индокитае в 1954 г. Пол Пот вернулся в Пномпень и активно включился в деятельность НРПК, которая продолжала действовать в подполье. Лучше ориентируясь в городских условиях, чем ветераны партии, проведшие много лет в партизанских отрядах в джунглях, ловко манипулируя ультрареволюционными лозунгами, Пол Пот быстро набирал силу и вскоре захватил в свои руки руководство пномпеньской партийной организацией.

Затем ему удалось навязать партии дискуссию по жизненно важным вопросам тактической линии. Какая форма борьбы партии после ухода колонизаторов должна быть главной — вооруженная или политическая? Поддерживать ли антиимпериалистическую политику находившегося тогда у власти правительства принца Н. Сианука или бороться против него? Оставаться ли НРПК в составе единого фронта патриотических сил Индокитая или под флагом «независимости и самостоятельности» вести борьбу обособленно? На все эти вопросы Пол Пот давал однозначные ответы: только вооруженная борьба, никакой поддержки правительству, партия должна идти «независимым курсом».

Во главе НРПК и ее интернационалистского, марксистско-ленинского крыла стоял в те годы ветеран коммунистического движения в Индокитае Тусамут. В начале 1959 г. в разгар дискуссии, навязанной Пол Потом, он был при загадочных обстоятельствах убит. Тогда причина его убийства осталась для членов партии неизвестной. Ныне кампучийские коммунисты убеждены, что это злодейское убийство — на совести Пол Пота и его подручных [2].

Расправившись с Тусамутом, Пол Пот вскоре занял его место и стал перестраивать на левоэкстремистский лад деятельность партии, которая с сентября 1960 г. стала называться Коммунистической партией Кампучии. В этой деятельности ему было на кого опереться. Еще в конце 20-х годов Компартия Китая создала в Кампучии среди хуацяо — граждан китайского происхождения — свои ячейки. Впоследствии через эти ячейки маоистское руководство КПК, порвавшее с международным коммунистическим движением, стало оказывать воздействие на деятелей, подобных Пол Поту и его сторонникам, в Компартии Кампучии. При этом маоисты использовали не только идейную, но и этническую близость к Китаю Пол Пота и Иенг Сари, так как в их жилах текла и китайская кровь.

[2] «Новости Вьетнама», № 4, Ханой, 1978, с. 13.

фактически под домашним арестом, их долго не показывали даже высокопоставленным китайским визитерам. Премьер-министром „Демократической Кампучии" Собрание назначило Пол Пота, его заместителем по иностранным делам — Иенг Сари, по военные делам — Сон Сена, по национальной экономике — Вон Вета. Эта четверка и составила ядро пресловутой «Ангка», от имени которой три года и восемь месяцев огнем и мечом насаждался в Кампучии «новый порядок».

«Социализм» по пекинскому рецепту

В истории человечества трудно найти пример, когда в какой-либо стране пытались в столь широких масштабах навязать социально-политический режим, который так противоречил бы нуждам развития производительных сил, так откровенно глумился бы над элементарными принципами справедливости и здравым смыслом. Режим Пол Пота и Иенг Сари — это нечто даже более страшное, чем возврат на тысячелетий назад, к первобытнообщинному строю, так как в нем были элементы самого оголтелого фашизма. В целом «весь этот монстр,— отмечал член Секретариата ЦК Коммунистической партии Кубы Р. Вальдес Вивo,— на радость антикоммунистов получил название «радикального, чистого социализма»»[3].

Возможно, Пол Пот действительно верил, что является «первооткрывателем», показывает на деле «всем этим ревизионистам», как надо «быстро и эффективно» строить «бесклассовое общество». Если это было так, то он не «заметил», что всего лишь повторяет зады маоизма. Причем маоистский эксперимент приобрел в Кампучии еще более чудовищные, чем в Китае, формы, возможно, потому, что китайским «советникам» Пол Пота и его подручным на чужой территории вообще не надо было стесняться в средствах и методах.

Один из главных постулатов маоизма — «деревни окружают город». В Кампучии он осуществлялся особенно рьяно.

«Винтовка рождает власть»,— утверждает маоизм. И всеобщая милитаризация страны, установление военно-казарменного режима стала стержнем всей внутриполитической деятельности клики Пол Пота — Иенг Сари.

«Каждое поколение китайцев должно пройти через свою культурную революцию»,— еще совсем недавно твердили в Пекине. Кампучийский вариант «культурной революции» превзошел все мыслимые масштабы злодеяний. Физическое уничтожение инакомыслящих; навешивание ярлыка «враг», со всеми вытекающими отсюда последствиями, на представителей наиболее передовой в культурном отношении части населения — интеллигенцию, студенчество, служащих; ликвидация системы просвещения; искоренение «наследия прошлого», сопровождавшееся разрушением памятников древней культуры и сожжением на кострах научных, учебных и художественных изданий, — все эти опробованные маоистами в Китае методы процветали в Кампучии.

Как это было и в Китае, полпотовские продолжатели дела «культурной революции» обрушили главный удар на коммунистическую партию своей страны, подвергли ее разгрому и заменили демократическое по своему характеру руководство государством со стороны партии террористической диктатурой пресловутой «Ангка», которая вершила суд и расправу над миллионами кампучийцев.

Был в Кампучии и свой «большой скачок», который принял форму кампании под лозунгом «Будет рис — будет все!». В результате осуществления этой кампании экономика страны была ввергнута в хаос, отброшена на десятки лет назад.

[3] "Granma", 12.I.1979.

Многие журналисты задавали кампучийским патриотам вопрос, ем они могут объяснить звериную жестокость режима Пол Пота в тношении собственного народа, как могла появиться следующая полиическая установка: «Для того чтобы построить новое общество, Камучии вполне достаточно одного миллиона человек». Мы сами, отвеали кампучийцы, долго думали над этим, пока нам не стало совершенно ясно, что объяснение может быть только одно: целью «безжалостного истребления нашего народа была, в конечном счете, подготовка Пекином нового «жизненного пространства» для заселения его хуацяо, превращения Кампучии в опорную базу воинственного экспансионизма в Юго-Восточной Азии — богатом районе мира с почти 400-миллионным населением»[4].

Карта Пекина

О том, какой удобной пешкой, выгодной картой в экспансионистской «игре» Пекина в Юго-Восточной Азии был режим Пол Пота, можно судить по внешнеполитической линии «Демократической Кампучии». С первых же дней после прихода к власти режим Пол Пота — Иенг Сари взял курс на разрыв традиционных уз солидарности народов Индокитая, исторически сложившихся в ходе длительной совместной борьбы против общих врагов.

4 мая 1975 г., через четыре дня после победы вьетнамских патриотов, водрузивших знамя освобождения в Сайгоне, вооруженные силы полпотовской Кампучии атаковали вьетнамский остров Фукуок. 8 мая они вторглись на вьетнамскую территорию в различных районах между городами Хатьен и Тэйнинь, а 10 мая оккупировали остров Тхотю. Жертвами набегов кампучийской военщины стали тысячи мирных жителей южных провинций СРВ. Начиная с этого времени полпотовские войска стали вторгаться на территорию Вьетнама систематически и вдоль всей вьетнамо-кампучийской границы, протянувшейся более чем на 1100 км. С апреля 1977 г. в набегах на вьетнамскую землю участвовали полки и дивизии вооруженных сил «Демократической Кампучии», началась крупномасштабная пограничная война[5].

Вместе с военными акциями на границе клика Пол Пота развернула в стране неистовую кампанию национальной ненависти к Вьетнаму, вьетнамцам, ко всему вьетнамскому. В 1977—1978 гг. передачи пномпеньского радио, первую полосу единственного в столице газетного листка, документы и листовки, распространявшиеся в армейских частях, «коммунах» и «трудовых армиях», заполонили антивьетнамские лозунги: «Вьетнам — враг номер один Кампучии!», «Кампучиец, убей 30 вьетнамцев, и мы победим!», «Готовы воевать с Вьетнамом 700 лет!», «За нами — миллиард китайцев». Пол Пот начал выступать с претензиями на значительные территории Вьетнама, заявив по пномпеньскому радио: «Еще при своей жизни я надеюсь освободить Сайгон».

Правительство Социалистической Республики Вьетнам постоянно предлагало кампучийской стороне решать имеющиеся или возникающие проблемы путем переговоров, договориться о восстановлении нормальных отношений. Однако все эти конструктивные предложения грубо отвергались кликой Пол Пота — Иенг Сари при прямом подстрекательстве со стороны китайского руководства. В Кампучию морем и по воздуху сплошным потоком шла китайская военная помощь — самолеты, танки, тяжелая артиллерия, стрелковое оружие. Режиссерами растущих агрессивных действий против Вьетнама выступали более 20 тысяч китайских «советников» и военнослужащих, наводнивших Кампу-

[4] Цит. по «Правда», 12.III.1979.
[5] «К истории вьетнамо-кампучийского конфликта», Ханой, 1979, с. 16.

чию. Китайцы сколотили колоссальную для такой небольшой страны, как Кампучия, армию, имевшую в своем составе более 20 дивизий. К концу 1978 г. 16—18 дивизий были постоянно дислоцированы на восточном и южном участках кампучийско-вьетнамской границы.

Сегодня уже можно со всей определенностью сказать, что кампучийская трагедия — это печальное производное от общей экспансионистской стратегии Пекина, которая на определенном этапе приобрела направленный антивьетнамский характер. «Руками» полпотовской Кампучии, используя ее как слепое орудие, китайские гегемонисты надеялись оказывать постоянный нажим на СРВ, шантажировать ее, сорвать мирный созидательный труд вьетнамского народа, строящего социализм, чтобы таким образом заставить руководство СРВ отказаться от независимого внешнеполитического курса и следовать в фарватере политики Пекина.

Гнев народа

Вскрывшиеся за последнее время факты и свидетельства очевидцев позволяют дать обобщенную характеристику чудовищной социально-политической «модели», которая была навязана маоистами Кампучии.

Нужно ли доказывать, что такую «модель» государства народные массы никогда не согласились бы терпеть сколько-нибудь длительное время? Революционный взрыв был неизбежен, и он произошел. Всего за 12 дней волна народной революции смела банду узурпаторов.

Режим Пол Пота развалился, как карточный домик, при первом же мощном ударе народной революции. Крупных боев практически не было, основная часть городов была освобождена без боя. В Пномпень Революционные вооруженные силы вошли почти без единого выстрела. Еще до падения Пномпеня около 80% личного состава армии полпотовского режима перешло на сторону народа или разбежалось. Режим Пол Пота настолько дискредитировал себя, потеряв всякую опору в стране, приобрел настолько зловещий, бесчеловечный, антинациональный характер, стал настолько одиозным и внутри страны, и на международной арене, что его уже ничто не могло спасти.

Борьба против антинародной клики Пол Пота началась с первых же дней после ее прихода к власти.

В сентябре 1975 г. восстали жители провинции Сиемреап. В феврале 1977 г. вспыхнул мятеж шестисот солдат 170-й дивизии, на которых была возложена охрана Пномпеня. Мятеж был подавлен. Командира дивизии Ча Края расстреляли, трех других руководителей заживо сожгли на столичном стадионе[6]. Крупные восстания произошли в ноябре 1977 г. и в мае 1978 г. в северо-западных и восточных районах Кампучии. В последнем руководящую роль играл член парткома восточной зоны, командир дивизии Хенг Самрин, который ныне является председателем Народно-революционного совета Народной Республики Кампучии.

Хотя оба эти восстания были потоплены в крови, дело повстанцев не пропало. После восстаний в сельских районах Кампучии появились первые освобожденные районы, которые ширились день ото дня. Туда стекались все, кто уцелел от расправ полпотовских палачей, кого переполняла ненависть к убийцам и желание с оружием в руках бороться за освобождение страны. С середины 1978 г. многие ветераны национально-освободительной борьбы возвращаются на родину, чтобы установить контакт с революционными силами и включиться в решительную борьбу за освобождение Кампучии от тирании пекинских ставлен-

[6] А. Левин. Народ, который хотели убить. М., 1979, с. 27.

ников. На залитой кровью кампучийской земле крепли и собирались воедино мощные силы, способные бросить вызов антинародному режиму. К осени 1978 г. в шестнадцати из девятнадцати провинций появились районы, находившиеся под полным контролем революционно-патриотических сил.

2 декабря 1978 г. в одном из освобожденных районов был созван Конгресс народных представителей, который объявил о создании Единого фронта национального спасения Кампучии. В руководство Фронта вошли истинные патриоты, представители здоровых сил Компартии Кампучии. Конгресс принял декларацию ЕФНСК, в которой призвал весь народ подняться на решительную борьбу за свержение реакционного, диктаторского режима, за установление в Кампучии подлинного народно-демократического строя, за построение мирной, независимой, демократической, неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму.

Призыв ЕФНСК нашел широчайший отклик среди всех слоев кампучийского народа, увидевшего в нем путь к долгожданному освобождению от кошмара тирании и средневекового варварства. Всенародная поддержка Фронта объяснялась прежде всего тем, что в своей программе ЕФНСК выдвинул общенациональные задачи, созвучные миллионам кампучийцев, задавленных полпотовской тиранией, вселил в народ надежду на возвращение к нормальной жизни, к своим семьям, в родные деревни и города, провозгласил отмену принудительного труда, казарменного образа жизни, насильственных браков, заявил о гарантировании демократических свобод, свободы вероисповедания, равенства всех граждан, уважения их достоинства и личности.

Фронт выступил за немедленное прекращение вооруженных конфликтов и провокаций на границах Кампучии с Вьетнамом, Таиландом и Лаосом. В противоположность внешней политике клики Пол Пота — Иенг Сари, носившей агрессивный антинациональный характер, ЕФНСК заявил о проведении на международной арене политики мира и сотрудничества со всеми странами, выразил готовность к восстановлению дружественных, добрососедских отношений с государствами Юго-Восточной Азии.

По пути созидания

Победа январской революции в Кампучии оставила позади мрачные дни средневековой тирании. Сегодня из Народной Республики Кампучии приходят сообщения о позитивных переменах в стране. В соответствии с программой ЕФНСК и декретами Народно-революционного совета в стране утверждается подлинное народовластие, проводятся мероприятия по демократизации всех сторон общественно-политической жизни, налаживается производство, восстанавливаются служба здравоохранения, система образования, народная культура. Революционные власти твердо контролируют положение в стране. Население с энтузиазмом участвует в работе по искоренению тяжелого наследия прошлого, утверждению основ новой жизни.

Во всех провинциях созданы избранные населением местные органы власти — народные комитеты самоуправления. Сформированы отряды народной милиции и подразделения регулярной армии республики. Воссозданы и действуют массовые профсоюзные, крестьянские, женские, молодежные и другие общественные организации. На принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма возрождается Коммунистическая партия Кампучии.

Событием большого политического значения стала проведенная в Пномпене в апреле 1979 г. национальная конференция ЕФСНК, ко-

торая проанализировала обстановку в стране и наметила основны задачи в деле строительства новой Кампучии. Участники конференци единодушно одобрили положения и выводы, содержавшиеся в докла заместителя председателя Народно-революционного совета Кампуч Пен Сована. В документах конференции отмечается, что народна революция после свержения клики предателей вступила в новый этап – этап мира, независимости, демократии и поступательного движени к подлинному социализму.

Перед кампучийским народом стоят на этом пути огромные трудно сти, полпотовский режим довел экономику страны до состояния полно разрухи и анархии. Ко дню освобождения почти все население Кампу чии фактически голодало, не имело реальных средств к существова нию. Был нанесен большой ущерб сельскохозяйственному производст ву. Разрушена или выведена из строя значительная часть промышлен ных предприятий. Потребуют серьезных восстановительных работ бо гатые в прошлом плантации каучуконосов. Дополнительные трудност порождает и происходящая сейчас обратная миграция населения в го рода, разрушенные полпотовскими «экспериментаторами».

Исключительно сложную проблему представляет для революцион ных властей почти полное отсутствие административных и инженерно технических кадров, специалистов в области сельского хозяйства, здра воохранения, образования. Как уже отмечалось, именно представител этой категории уничтожались головорезами Пол Пота в первую оче редь. Ко дню освобождения Кампучии на всю страну осталось в жи вых только два врача.

Но все эти трудности, разумеется, носят временный характер. У новой Кампучии много верных друзей. Ее решительно поддерживают страны социалистического содружества, освободившиеся страны, вся прогрессивная мировая общественность.

Наша страна одной из первых признала Народную Республику Кампучию. В приветственной телеграмме товарищей Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина председателю Народно-революционного совета НРК председателю ЦК ЕФНСК Хенгу Самрину подчеркивалось: «Советский Союз будет и впредь развивать и укреплять традиционные отношения дружбы и сотрудничества между нашими странами, оказывать кампучийскому народу поддержку в строительстве мирной, независимой, демократической, неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму»[7]. В ответной телеграмме Хенг Самрин высказал глубокую признательность народу и правительству СССР за вдохновляющую поддержку справедливого дела кампучийской революции, выразил чувства боевой солидарности и самой сердечной дружбы кампучийских патриотов к советским людям.

* * *

Победа народной революции в Кампучии, образование НРК имеют важное международное значение. Как указывал товарищ Л. И. Брежнев, в Кампучии одержали победу силы социализма и демократии, и это — крупное завоевание мирового революционного движения[8]. Кампучия вернулась в лагерь прогрессивных сил современности. Перед кампучийским народом открылась реальная перспектива строительства новой жизни на действительно социалистических началах, на принципах научного социализма.

Положен конец длительной вооруженной конфронтации между двумя братскими странами Индокитая — Вьетнамом и Кампучией. После

[7] «Правда», 10.I.1979.
[8] См. Л. И. Брежнев. Во имя счастья советских людей. М., 1979, с. 10.

подписания Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между НРК и СРВ, соглашений о разностороннем сотрудничестве между НРК и ЛНДР еще больше окреп союз трех народов Индокитая. Солидарность народов Кампучии, Вьетнама и Лаоса, которая развивается на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, уважения независимости и суверенитета друг друга, является важным фактором, гарантирующим полную и окончательную победу революционного дела в каждой из стран.

Крах антинародной клики, почти четыре года создававшей кризисную ситуацию в Юго-Восточной Азии, коренным образом изменил обстановку в этом регионе. Создались реальные предпосылки для налаживания и развития устойчивых, основывающихся на дружбе, взаимном доверии и добрососедстве отношений между всеми странами Индокитайского полуострова, включая и Таиланд, для углубления в Юго-Восточной Азии процессов разрядки, превращения этого региона в зону мира, независимости, свободы, нейтралитета, в зону стабильности и процветания.

В Кампучии имело место, несомненно, уникальное явление. Впервые в истории мирового революционного, национально-освободительного движения произошла революция **антимаоистская,** победило революционное выступление народных масс, направленное против антинаучных, антинародных по своему существу теоретических схем и политической практики маоизма, против реакционной политики нынешнего китайского руководства, выразителем которой стал в Кампучии кровавый режим Пол Пота — Иенг Сари.

В Кампучии был нанесен сильнейший удар по маоизму, показана его несостоятельность, порочность, авантюристичность так называемого «китайского пути» к «социализму» военно-казарменного типа, который пекинская пропаганда упорно пытается навязать народам. События в Кампучии еще раз подтвердили, что попытки социально-политического устройства по маоистскому образцу не имеют будущего. Значение победы народной, антимаоистской революции в Кампучии выходит, таким образом, далеко за рамки одной этой страны и требует дальнейшего глубокого изучения и осмысления.

События в Кампучии с убедительной наглядностью показали: тот, кто связывает себя с пресловутыми маоистскими установками, с реакционной международной деятельностью Пекина, тот действует вразрез с жизненными интересами нации, своей страны и неизбежно терпит поражение. Бесславный финал маоистского «эксперимента» в Кампучии, безусловно, должен оказать отрезвляющее воздействие на политические силы, которые кое-где еще сохраняют иллюзии в отношении истинной роли пекинских перерожденцев на мировой арене. Несомненно, должны будут пересмотреть свои взгляды и те, кто еще продолжает по инерции считать революционерами действующих во многих странах доморощенных маоистов, чаще всего прямых китайских агентов, в среде которых Пекин готовит новых пол потов и иенг сари для осуществления своих гегемонистских замыслов. В этом, пожалуй, один из наиболее ценных уроков победы народной, антимаоистской революции в Кампучии.

«Четыре модернизации»: наметки и реальность

В. И. Акимов,
доктор экономических наук
В. И. Потапов,
кандидат экономических наук

I сессия ВСНП пятого созыва, состоявшаяся в феврале — марте 1978 г., наметила стратегическую задачу пекинского руководства: превратить Китай к концу столетия в «великую и могучую» державу. В документах сессии отмечалось, что к концу XX в. Китай должен «приблизиться, достичь или превзойти передовой мировой уровень по экономическим показателям», с тем чтобы выйти по уровню развития народного хозяйства в ряды первых стран мира. Выполнение этой задачи тесно увязывается с осуществлением так называемых четырех модернизаций, то есть с модернизацией промышленности, сельского хозяйства, военного дела, науки и техники [1].

В общей форме эта задача выдвигалась на I сессии ВСНП четвертого созыва в 1975 г., в документах которой предусматривалась возможность «развития народного хозяйства в два шага». На первом этапе, до 1980 г., предполагалось создать «самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства». На втором этапе — к концу нынешнего века — модернизировать сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику. I сессия ВСНП четвертого созыва поручила Госсовету КНР разработать перспективный план развития народного хозяйства, выполнение которого создало бы предпосылки для осуществления второго намеченного «шага» — выведения Китая в ряды первых стран мира по уровню развития народного хозяйства.

Задачу ускорения развития экономики Китая можно было бы воспринять позитивно, если бы она действительно была направлена на строительство социализма в стране, на всестороннее развитие производительных сил, повышение материального и культурного уровня жизни китайского народа.

Однако жизнь показывает, что программа «четырех модернизаций» служит главным образом выполнению задачи ускорения милитаризации страны, превращения Китая в мощную военную державу, создания материальной базы для наращивания военно-промышленного потенциала во имя «подготовки к войне». Уже сегодня китайская печать заявляет, что вопрос улучшения материального положения трудящихся сложен, что для его решения необходимо длительное время. Иными словами, уже сейчас китайский народ ориентируют на то, что повышение его материальной обеспеченности откладывается на неопределенно долгое время.

Материалы последней сессии ВСНП, третьего пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.) со всей очевидностью показывают, что во главу угла своей политики китайское руководство ставит курс на подготовку к

[1] См. I сессия Всекитайского собрания народных представителей КНР пятого созыва (Документы). Пекин, 1978, с. 42—43.

войне. Выступая на сессии, Хуа Гофэн призвал «поднять на новый уровень работу по подготовке к войне». Чему должна служить модернизация промышленности, видно из заявления председателя Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньина: «Нам обязательно нужно ускорить развитие основных отраслей промышленности с упором на производство стали, чтобы создать мощную базу для нашей оборонной промышленности и добиться большего ее прогресса» [2].

Третий пленум ЦК КПК вновь заявил о «существовании серьезной опасности войны» и указал на «необходимость укрепления обороноспособности» страны, чему должна служить программа «четырех модернизаций». На пленуме был подтвержден внешнеполитический курс нынешнего пекинского руководства, направленный на дальнейшее блокирование с империалистическими державами, на «расширение международного единого фронта борьбы против гегемонизма», конфронтацию с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Как видно из материалов XI съезда КПК, последней сессии ВСНП и третьего пленума ЦК КПК, «нынешние руководители Китая проводят в целом единый стратегический курс внутри страны и на международной арене, чтобы добиться ускорения экономического развития страны и модернизации вооруженных сил, создавая тем самым более прочный фундамент для великодержавных притязаний» [3].

На сессии ВСНП (1978) впервые за многие годы были обсуждены «Основные положения десятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1976—1985 гг.», которые рассматриваются китайским руководством как отправной пункт на пути к реализации всей долгосрочной экономической программы. «Для осуществления указанных выше величественных задач, — говорилось в докладе Хуа Гофэна на этой сессии, — период с 1976 по 1985 г. является решающим десятилетием».

В соответствии с материалами сессии предполагается в каждом из шести экономических районов (Юго-Западном, Северо-Западном, Центрально-Южном, Восточно-Китайском, Северо-Китайском и Северо-Восточном) создать самостоятельный экономический комплекс. Намечается по основным видам промышленной продукции превзойти прирост производства, достигнутый за годы после образования КНР, к 1985 г. увеличить добычу угля в два раза, а производство стали довести до 60 млн. т. Намечено в 1985 г. собрать 400 млн. т зерна. Поставлены задачи в области развития транспорта, модернизации науки и техники, что рассматривается пекинским руководством как одно из основных условий преобразования материально-технической базы промышленности и сельского хозяйства и перевооружения армии. Важное место в планах экономического развития страны отводится развитию внешнеэкономических связей Китая, преимущественно с развитыми капиталистическими странами, с их монополиями.

Наметки модернизации отдельных отраслей экономики

В промышленности в течение «решающего десятилетия» (1976—1985) намечено осуществить следующие основные задачи [4]:

1. Ускорить темпы развития основных отраслей, поднять еще выше ведущую роль индустрии в народном хозяйстве.

2. Создать легкую промышленность, выпускающую разнообразную качественную и дешевую продукцию, и обеспечить значительный рост производства ее продукции на душу населения.

[2] Цит. по «Красная звезда», 19.V.1978.
[3] «Коммунист», 1978, № 13, с. 93.
[4] См. «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

3. Построить развитую тяжелую индустрию, добиться дальнейшего развития на новой технической основе металлургической, топливной, энергетической, машиностроительной и других уже имеющихся отраслей, выйти в ряды первых стран мира по выплавке стали, добыче угля и нефти и выработке электроэнергии, сделать относительно развитыми нефтехимическую, электронную и другие новые отрасли промышленности.

4. Значительно укрепить военную промышленность, которая должна, в полной мере используя имеющиеся производственные мощности «энергично разрабатывать, осваивать и выпускать в большом количестве и более высокого качества современные виды обычного оружия и оружия стратегического назначения».

5. Обеспечить за 1978—1985 гг. среднегодовой прирост валовой продукции промышленности в размере более 10%. За этот период по главным видам промышленной продукции значительно перекрыть прирост производства, достигнутый за истекшие 28 лет.

6. В 1985 г. выплавить 60 млн. т стали, удвоить добычу угля[5].

7. Создать крупные промышленные базы: 10 баз черной и 9 баз цветной металлургии, 8 угольных баз, 10 нефтегазовых промыслов, а также 30 электростанций и ряд других промышленных объектов. После завершения строительства «120 объектов» создать вместе с уже существующими промышленными предприятиями 14 сравнительно мощных рационально размещенных промышленных баз.

Поскольку, как отмечается в китайской печати, в промышленности длительное время в силу ряда причин недоиспользуются производственные мощности[6], признано необходимым в предстоящий 8-летний период, и особенно в ближайшие три года, ориентироваться в увеличении производства на уже имеющуюся базу. В связи с этим поставлена задача рационально сочетать использование имеющихся резервов, внедрение технических усовершенствований и реконструкцию существующих предприятий со строительством новых предприятий. Ставится задача в широких размерах осуществлять специализацию и кооперирование (эти формы организации производства были серьезно подорваны маоцзэдуновским «большим скачком» и «культурной революцией»). Китайское руководство надеется таким путем «выиграть время, ускорить темпы и сэкономить вложения».

В области капитального строительства признано необходимым повысить уровень планирования, сконцентрировать усилия на сооружении важнейших объектов, добиться высокого качества строительных работ и быстрого формирования «комплексных производственных мощностей». Вновь подчеркивается важность строительства и деятельности мелких и средних предприятий. Перед всеми провинциями, городами центрального подчинения и автономными районами поставлена задача, используя местные ресурсы, активно создавать средние и небольшие угольные шахты, небольшие электростанции, рудники, цементные и туковые заводы, всемерно укреплять и развивать производство на средних и небольших предприятиях черной и цветной металлургии, увеличивать производство химического сырья. В отличие от предыдущих лет признано необходимым охватить все мелкие и средние предприятия государственным планом, повышать технико-экономический уровень этих предприятий, улучшать управление ими. Подчеркивается, что в области материального обеспечения надо учитывать прежде всего потребности крупных предприятий.

Поставлена задача перестроить машиностроительную промышленность на принципах специализации и кооперирования, работы по еди-

[5] См. «Жэньминь жибао», 4.I.1978.

[6] Только за 1974—1978 гг. страна недополучила валовой продукции промышленности на 100 млрд. юаней и 28 млн. т стали («Жэньминь жибао», 7.III.1978).

ному плану, стандартизации, систематизации и унификации продукции, добиться выпуска первоклассных машин и оборудования, повысить уровень производства современного крупного и прецизионного комплектного оборудования.

В области сельского хозяйства намечены следующие конкретные задания:

1. За период 1978—1985 гг. обеспечить годовой прирост валовой сельскохозяйственной продукции в размере 4—5%.

2. Довести к 1985 г. производство зерна до 400 млн. т.

3. Более чем на 85% механизировать главные виды сельскохозяйственных работ.

4. Площадь полей стабильных высоких урожаев, гарантированных от засух и наводнений, довести до одного му[7] в расчете на душу населения.

5. Поднять и освоить около 13,5 млн. га целины.

Одна из главных задач 10-летнего плана — создание «прочной сельскохозяйственной базы». В плане подчеркивается необходимость «мобилизовать всю страну на всемерное развитие сельского хозяйства». Нынешнее китайское руководство считает, что подъем сельского хозяйства должен осуществляться главным образом путем «серьезного овладения передовым опытом Дачжая», внедрения научного земледелия и ускорения темпов механизации сельскохозяйственных работ. Объявлено, что в развитии сельского хозяйства решающее звено — производство зерновых.

Подъем сельского хозяйства намечено осуществлять по двум основным направлениям: по пути дальнейшего улучшения работы 12 крупных баз товарного зерноводства и госхозов, которым надлежит за 8 лет увеличить поставки товарного зерна в 3—4 раза, и за счет улучшения работы в районах, где урожаи низки и ощущается нехватка зерна. Перед этими районами выдвинута задача в ближайшие 2—3 года не только обеспечить себя достаточным количеством зерна, но и добиться получения излишков.

В подъеме сельского хозяйства определенная роль отводится плановому освоению целинных земель, с тем чтобы пахотная площадь из года в год «заметно увеличивалась». В соответствии с принципами специализации и рационального размещения предприятий в районах, где позволяют природно-климатические условия, намечается создать базы по выращиванию хлопчатника, масличных, сахароносных и других технических культур, превратив их в основных поставщиков этих видов продукции.

В плане в самой общей форме зафиксирована необходимость всемерного развития лесного хозяйства, животноводства, подсобных промыслов и рыбоводства.

По-прежнему большое значение придается привлечению крестьян к широкому капитальному строительству в земледелии с упором на улучшение почвы и ирригацию. Государство берет на себя сооружение крупных водохозяйственных объектов. Подчеркивается, что необходимо продолжить повсеместное строительство средних и небольших ирригационных объектов и работы по улучшению земель на горных склонах, красноземов и солончаков.

Одной из важных мер социального характера признано усиление руководства «бедными производственными бригадами», чтобы они как можно быстрее достигли уровня богатых бригад.

Китайское руководство декларировало увеличение в бюджетных расходах удельного веса вложений в сельскохозяйственное капитальное строительство и рост ассигнований в фонд помощи сельскому хо-

[7] 1 му — $^1/_{15}$ га.

зяйству, а также «соответствующее регулирование» в распределении материалов и техники.

В области транспорта и связи указано на необходимость строительства сети путей сообщения и средств связи, отвечающих нуждам промышленного и сельскохозяйственного развития, перевести железнодорожный транспорт на электрическую и тепловозную тягу и ускорить развитие автодорожного, речного, морского и воздушного транспорта. В 1978—1985 гг. намечено осуществить строительство шести железнодорожных магистралей и пяти главных портов (эти магистрали и порты входят в число «120 объектов» капитального строительства).

Как заявил министр железных дорог КНР, за 1978—1985 гг. предполагается удвоить объем пассажирских и грузовых перевозок. Наряду со строительством новых шести железнодорожных магистралей будут реконструированы десять уже существующих, включая линии Пекин — Гуанчжоу, Тяньцзинь — Шанхай. На самых загруженных линиях намечено уложить вторые пути или осуществить переход на электрическую тягу. За рассматриваемый период предусматривается увеличить долю электровозов и тепловозов в общем объеме грузоперевозок с 13 до более чем 60%, механизировать погрузочно-разгрузочные и строительные работы, а также работы по содержанию дорог не менее чем на 80%.

Из других видов транспорта наибольшее внимание уделяется водному транспорту. Ведется работа по реконструкции и строительству пяти основных портов (Шанхай, Тяньцзинь, Хуанпу, Ляньюнган, Циньхуандао). Поставлена задача превратить их в современные комплексные и специализированные порты. Намечено реконструировать Великий китайский канал (Пекин — Ханчжоу), провести необходимые работы (расчистка русла, создание автоматической диспетчерской службы и пр.) на реке Янцзы, с тем чтобы увеличить объем перевозок по ней, реконструировать и расширить порт Ухань.

В планах китайского руководства придается большое значение развитию науки и техники. Ставится задача в кратчайший срок преодолеть научно-техническую отсталость [8]. Подчеркивается, что это — непременное условие быстрого развития экономики и укрепления военной мощи страны. Судя по материалам Всекитайского совещания по вопросам развития науки (март 1978 г.), принятый 8-летний план развития науки и техники предусматривает активизацию научно-исследовательской деятельности в 27 областях, причем первостепенное значение будут иметь сельское хозяйство, источники энергии, производство материалов, электронно-вычислительная техника, лазерная техника, космическая наука и техника, физика высоких энергий, генная инженерия.

Поставлена задача «достичь определенных успехов» в целом ряде передовых отраслей науки и техники для обеспечения низкой себестоимости и высоких и устойчивых урожаев, комплексного развития сельского хозяйства. Подчеркивается, что необходимо «внести вклад в дело технической реконструкции всех отраслей промышленности», «в дело выявления еще большего количества минеральных ресурсов» и «особенно в дело быстрейшего изменения облика таких слабых звеньев, как топливная, электроэнергетическая и добывающая промышленность, а также транспорт» [9].

В области источников энергии научные изыскания будут направлены не только на развитие гидро- и теплоэлектроэнергетики, но и на исследование возможностей использования солнечной энергии, энергии

[8] По официальным данным агентства Синьхуа, Китай отстает на 15—20 лет от развитых стран в области практического применения многих новейших достижений науки и техники.

[9] См. «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

ветров и приливов, геотермальной энергии, на развитие атомной электроэнергетики. В области производства материалов ставятся задачи вывести Китай в число ведущих производителей ванадия и титана, приблизиться к мировому уровню или достигнуть его по технологии извлечения меди, алюминия, никеля, кобальта, редкоземельных металлов. Все эти материалы, как известно, имеют важное значение для различных отраслей техники, включая и военную.

Наряду с развитием прикладных направлений в науке и технике поставлена задача «с полным вниманием относиться к теоретическим работам в области естественных наук, включая такие фундаментальные науки, как современная математика, физика высоких энергий, молекулярная биология».

Восьмилетним планом развития науки и техники намечается увеличить численность научных работников до 800 тыс. человек, построить ряд современных научно-экспериментальных баз, создать общегосударственную многоотраслевую систему научно-технических исследований, развивать научное приборостроение.

В КНР не опубликованы конкретные показатели 23-летней программы модернизации экономики, относящиеся к 2000 г. Известно только, как уже говорилось, о намерении вывести Китай по уровню развития народного хозяйства «в ряды первых стран мира». Однако некоторые министерства сообщали о наметках развития ряда важных отраслей. Так, министр угольной промышленности КНР заявил, что задача этой отрасли состоит в том, чтобы удвоить добычу угля по истечении 10 лет, а к концу нынешнего столетия вновь удвоить ее. В январе 1978 г. состоялось совещание по работе металлургической промышленности, на котором была выдвинута задача ежегодного увеличения выплавки чугуна и стали на 4—6 млн. т, что составит к 2000 г. 92—138 млн. т. Весной 1977 г. на совещании в Дацине была поставлена задача «построить к концу XX столетия примерно 10 таких крупных нефтепромыслов, как Дацин» [10], то есть, по приблизительным оценкам, довести добычу нефти до 250—300 млн. т.

О примерном плане развития электронной промышленности в завершающей четверти нашего столетия известное представление дают материалы Всекитайского совещания по распространению передового опыта Дацина в электронной промышленности в конце 1977 г. Разработанным перспективным планом поставлена задача «ускорить поход за модернизацию электронной науки и техники, автоматизацию производства и управления научными способами, чтобы заложить прочную основу для развития электронной промышленности за 3 года, добиться повышения общего уровня ее развития и крутого подъема в важнейших ее отраслях за 8 лет, построить мощную современную электронную промышленность и вступить в ряды передовых в этом отношении стран мира за 23 года» [11].

Возможности реализации программы «четырех модернизаций»

Осуществление в намеченные сроки и в предполагаемых масштабах программы «четырех модернизаций», этой новой программы «сверхиндустриализации», или нового своеобразного «большого скачка», представляется совершенно нереальным. Попытаемся доказать это на примерах хотя бы таких важнейших отраслей китайской экономики, как сельское хозяйство, электроэнергетика и черная металлургия.

[10] «Жэньминь жибао», 8.V.1977.
[11] Там же, 7.XII.1977.

Китай сталкивается с огромными трудностями в развитии сельского хозяйства, которое считается основой экономики страны, и в решении продовольственной проблемы. Достаточно отметить, что за 1958—1978 гг. среднегодовой рост сбора зерна не достигал и 1,5%. Как официально признано в КНР, в 1977 г. на душу населения приходилось такое же количество продовольствия, как и в 1955 г., — производство продовольствия «всего лишь соответствовало приросту населения»[12]. Хроническая нехватка зерна и других видов сельскохозяйственной продукции вынуждает Китай затрачивать крупные валютные ресурсы на закупку продовольствия и хлопка. Так, в 1977 г. Китай импортировал 7 млн. т зерна, а в 1978 г. — 8 млн. т. В 1977 г. КНР закупила 160 тыс. т растительного масла, 362 тыс. т соевых бобов, 1,6 млн. т сахара, 1,5 млн. кип хлопка [13] и т. д. Закупка продовольствия и хлопка обходится КНР ежегодно в 1,5 млрд. долл.

Задача собрать в 1985 г. 400 млн. т зерна является нереальной и непосильной для китайского сельского хозяйства, которое еще несколько десятилетий будет оставаться одной из наиболее отсталых отраслей народного хозяйства. За ближайшие 8 лет невозможно коренным образом преобразовать сельское хозяйство страны, которое, как вынуждена признавать китайская печать, базируется на ручном труде, отличается крайне низкой производительностью труда, невысокой товарностью и низким уровнем накоплений [14]. Для достижения в 1985 г. запланированного показателя сбора зерна необходимо, начиная с 1978 г., добиться абсолютного прироста в 160 млн. т или ежегодного — в 20 млн. т. Темпы ежегодного роста производства зерна на 1978—1985 гг. должны быть, исходя из плановых заданий, повышены до 6% с лишним, что в четыре раза больше фактических показателей за последнее двадцатилетие. Наиболее вероятно ожидать ежегодного среднего прироста сбора зерна в размере 2—3%, что позволит в 1985 г. собрать 290—310 млн. т зерна. Такой объем производства зерна позволит лишь незначительно увеличить его количество в расчете на душу населения. Острота продовольственной проблемы будет усугубляться значительными трудностями в обеспечении быстро растущего населения продуктами животноводства, рыбой, овощами и фруктами [15].

Для осуществления программы модернизации сельского хозяйства Китая к 1985 г. потребуется примерно 1,5 млн. тракторов (в условном 15-сильном исчислении), то есть в три раза больше, чем в 1977 г.; при этом необходимо резко повысить их качество, освоить выпуск новых моделей, улучшить их техническое обслуживание, заменить изношенную технику новой. Думается, что столь сложная задача не по силам китайской экономике в ее нынешнем состоянии. Нельзя забывать, что сегодня в Китае тракторами обрабатывается лишь $^1/_{10}$ часть всей пахотной земли, а на гектар пашни приходится лишь 2,5% того количества тракторов, которое имеется в США [16]. Отнюдь не случайно китайское руководство вынуждено отодвигать сроки осуществления механизации. Если еще в 1975 г. ставилась задача к 1980 г. на 70% осуществить механизацию главных видов сельскохозяйственных работ, то уже в конце 1978 г. было заявлено о нереальности этого плана. В китайской печати отмечалось, что к 1980 г. можно осуществить лишь «выборочную механизацию», когда «одни районы смогут превысить показатели механизации ручного труда в сельском

[12] «Жэньминь жибао», 6.X.1978.
[13] См. "South China Morning Post", 5.VII.1978.
[14] См. «Хунци», 1978, № 9.
[15] Такая точка зрения изложена в одной из статей в газете «Жэньминь жибао» за 12 февраля 1979 г.
[16] См. "Far Eastern Economic Review", 6.X.1978.

хозяйстве на 70%, другие — не достичь этого уровня»[17]. Явно нереальна и более сложная задача — механизировать к 1985 г. главные виды сельскохозяйственных работ на 85%.

Едва ли сможет Китай к 1985 г. достаточно эффективно освоить около 13,5 млн. га целинных земель. Как показывают расчеты, для этого требуется более 20 млрд. юаней капиталовложений[18], многие десятки тысяч мощных тракторов и большое количество другой современной техники, проведение крупных мелиоративных и ирригационных работ, строительство новых заводов минеральных удобрений и т. д.

С большими трудностями осуществляется в Китае химизация сельского хозяйства. Ставка на сооружение множества мелких заводов химических удобрений (в 1976 г. они дали 69% всей продукции) себя не оправдала, поскольку их продукция невысокого качества, а издержки производства повышенные. В последние годы Китай пошел на закупки за рубежом 13 крупных заводов химических удобрений мощностью примерно по 1 млн. т в год каждый. Семь из них вступили в эксплуатацию. По китайским данным, в 1978 г. (с января по начало октября) было произведено 44 млн. т удобрений[19]. Однако дозы внесения удобрений на гектар пашни в Китае остаются низкими (в 6 раз ниже, например, чем в Японии[20]).

Огромные военные расходы пекинского руководства предопределяют тот факт, что на нужды сельского хозяйства выделяются мизерные средства. Как показывают подсчеты, в государственном бюджете на долю сельского хозяйства приходится лишь 5% всех ассигнований. Дальнейшее развитие сельского хозяйства в решающей степени связывается с проведением курса «опоры на собственные силы», то есть путем самофинансирования «народных коммун» и производственных бригад, с усилением интенсификации труда сотен миллионов крестьян.

Таковы реальные перспективы проведения так называемой модернизации сельского хозяйства Китая.

Рассмотрим положение дел в электроэнергетике страны.

Выработка электроэнергии в КНР, а также в ряде развитых стран мира в 1977 г. составила:

Таблица 1

Страны	Производство электроэнергии		Во сколько раз в КНР меньше	
	Всего, млрд. кВт·ч	На душу населения, кВт·ч	Общее производство	На душу населения
Весь мир	7254	1759	—	11,1
СССР	1150	4442	8,4	28,1
США	2300	10609	16,8	67,2
Япония	533	4681	3,9	29,6
ФРГ	326,3	5483	2,4	34,7
Англия	289,4	5173	2,1	32,7
КНР	137	158	—	—

Источники: Народное хозяйство СССР в 1977 г. М., 1978, с. 73—76; «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 2, с. 30.

Из табл. 1 видно, что КНР во многом отстает от США и СССР и значительно — от ряда других стран по абсолютным размерам выработки электроэнергии и в десятки раз отстает от многих стран мира

[17] «Жэньминь жибао», 12.XI.1978.
[18] См. там же, 1.XII.1977.
[19] См. там же, 4.X.1978.
[20] См. "Far Eastern Economic Review", 6.X.1978.

по выработке электроэнергии на душу населения. К сказанному можно добавить, что в 1977 г. Китай занимал по общей выработке электроэнергии девятое место в мире, а по выработке на душу населения — 84—85-е. Расчеты показывают, что к 1985 г. положение вряд ли существенно изменится. К этому времени выработка электроэнергии в КНР, по расчетам, не достигнет 300 млрд. кВт·ч, то есть будет меньше, чем в США, СССР, Японии, ФРГ, Канаде в 1977 г. Англия и, возможно, Франция к 1985 г. будут также вырабатывать электроэнергии больше, чем КНР.

Для достижения даже современного среднемирового уровня выработки на душу населения электроэнергии (1759 кВт·ч) Китаю в 2000 г. необходимо будет выработать около 2100 млрд. кВт·ч (численность населения принята в 1,2 млрд. человек). В этом случае суммарная мощность электростанций должна составить около 490 млн. кВт против 42 млн. кВт в 1977 г.

Для достижения подобной мощности Китаю необходимо, начиная с 1978 г., увеличивать мощность своей электроэнергетики в среднем примерно на 20 млн. кВт и направлять на это 20—22 млрд. юаней капиталовложений ежегодно. Для сравнения отметим, что в 1978 г. прирост мощностей электростанций, включая и установленное импортное оборудование, составил 4 млн. кВт, причем этот год был расценен как год, «ознаменовавшийся большим приростом энергетических мощностей». Затраты на нужды капитального строительства в электроэнергетике в 1977 г., по оценочным данным, равнялись примерно 4 млрд. юаней. Небезынтересно также отметить, что годовая мощность оборудования китайских предприятий энергомашиностроения не превышала в 1977 г. 4 млн. кВт, но и эти мощности систематически недоиспользуются. Ограничены также и возможности импорта оборудования.

Все изложенное, думается, позволяет сделать вывод, что к 2000 г. Китай не сможет достигнуть даже современного среднемирового уровня производства электроэнергии в пересчете на душу населения и по этому важнейшему комплексному показателю по-прежнему будет уступать многим странам мира.

Аналогичная ситуация наблюдается и в черной металлургии.

Выплавка стали в 1977 г. в КНР и в некоторых развитых странах мира составила:

Таблица 2

Страны	Выплавка стали		Во сколько раз в КНР меньше	
	Всего, млн. т	На душу населения, кг	Общая выплавка	На душу населения
Весь мир	677	164	—	5,9
СССР	147	566	6,1	20,4
США	116	535	4,8	19,3
Япония	102	899	4,3	32,4
ФРГ	38,9	654	1,8	23,6
КНР	24	27,7	—	—

Источник: Народное хозяйство СССР в 1977 г. М., 1978, с. 62—67, 77.

В 1977 г. КНР по выплавке стали заняла пятое место в мире, уступая особенно сильно СССР, США и Японии, а в расчете на душу населения — нескольким десяткам стран мира.

Как уже отмечалось, на 1985 г. поставлена задача выплавить 60 млн. т стали. По официальным китайским данным, выплавка стали в 1978 г. составила 31 млн. т (рост производства связан с улучшением общего положения в черной металлургии, что способствовало полному

использованию имеющихся производственных мощностей; кроме того, увеличилось производство на мелких предприятиях, выплавляющих низкокачественную сталь). Таким образом, за 1979—1985 гг. выплавка стали должна увеличиться на 29 млн. т, или более чем на 4 млн. т ежегодно. Примерно в таких же масштабах необходимо наращивать новые производственные мощности. Часть такого прироста может быть получена за счет совершенствования технологии, улучшения организации производства, использования имеющихся резервов. Однако основной путь — это сооружение дорогостоящих предприятий современного типа, а также коренная реконструкция существующих крупных и средних предприятий, технический уровень которых по нынешним мировым стандартам является низким.

Промышленность КНР не в состоянии обеспечить вполне современным оборудованием отечественную металлургию, чтобы достичь в 1985 г. запланированных показателей выплавки стали. С наибольшими трудностями Китай сталкивается в производстве прокатного и адъюстажного оборудования, мощных воздуходувок, кислородных установок, высокопроизводительного комплектного оборудования для крупных доменных печей, конвертеров, обогатительных и агломерационных фабрик, а также для добычи железной руды. Судя по многочисленным переговорам с фирмами капиталистических стран, Китай намерен обеспечить значительную часть прироста производства черных металлов путем импорта комплектного и разрозненного оборудования. В частности, в конце 1978 г. в районе Шанхая с помощью японской компании «Ниппон стил корпорейшн» началось сооружение Бошаньского металлургического комбината, который входит в число «120 крупных объектов», предусмотренных строительством на 1978—1985 гг. Комбинат включает в себя две доменные печи полезным объемом по 4063 куб. м и три кислородных конвертера мощностью по 300 т каждый. Все процессы будут автоматизированы с использованием ЭВМ. Мощность комбината — 6 млн. т чугуна и столько же стали. Строительство ведется в две очереди, работы должны завершиться к 1983 г.[21]. Сооружение комбината обойдется в 2,5 млрд. долл.[22].

По сообщениям иностранной печати, Китай ведет переговоры с фирмами Японии, ФРГ, Англии и ряда других стран о модернизации и удвоении производственных мощностей Аньшаньского, Бэньсийского и Шицзиншаньского металлургических комбинатов, а также о реконструкции Уханьского и Тайюаньского комбинатов. Сообщалось о возможной закупке оборудования еще для двух крупных комбинатов мощностью по 6 млн. т стали в провинциях Хэбэй и Шаньси. По оценкам австрийских экономистов, для сооружения с иностранной помощью новых предприятий и достижения в 1985 г. объема выплавки стали в 60 млн. т требуются инвестиции в размере 30—40 млрд. долл., что для КНР, на наш взгляд, нереально.

В целом, учитывая невозможность импорта оборудования в требуемых размерах, ограниченные возможности отечественного машиностроения, слабость железорудной и коксохимической промышленности, нехватку материальных и финансовых ресурсов, можно полагать, что Китай не сможет обеспечить в 1985 г. производство 60 млн. т стали. Предварительные расчеты показывают, что КНР в 2000 г. окажется не в состоянии превзойти нынешний уровень выплавки стали в СССР и США и, видимо, Японии. Не будет также достигнут и современный среднемировой уровень выплавки стали на душу населения.

В осуществлении программы «четырех модернизаций» нынешнее китайское руководство возлагает большие надежды на помощь разви-

[21] См. «Жэньминь жибао», 20.XII.1978.
[22] См. "Financial Times", 25.X.1978.

тых капиталистических стран Европы, США и Японии. Китайская печать подчеркивает, что «активное развитие внешней торговли, гибкое использование методов и способов, применяемых обычно в международной практике, использование иностранных финансовых средств, применение передовой техники — все это должно осуществляться для укрепления дела экономического строительства»[23]. Отбросив практически принцип «опоры на собственные силы» в торговых и других экономических отношениях с капиталистическими странами, Китай в последние два-три года активно ведет переговоры с Западом о кредитах, о создании в КНР смешанных промышленных предприятий, совместно управляемых компаний. Разработаны планы широкого привлечения в экономику американского, английского, французского, японского и другого иностранного капитала. Для того чтобы привлечь этот капитал, пекинское руководство, как свидетельствует зарубежная печать, готово издать специальные законы, которые бы гарантировали капиталистам получение прибыли на вложенный капитал.

По сообщениям зарубежной печати, между Китаем и Японией ведутся переговоры о сотрудничестве в освоении энергетических ресурсов в Китае, в том числе в разработке нефтяных месторождений в южной части Бохайского залива, в строительстве гидроэлектростанций, в разработке месторождений каменного угля в провинциях Шаньдун и Шаньси.

Новым видом сотрудничества с Западом, который активно предлагается Китаем, является заключение компенсационных сделок, а также организация совместных предприятий, совместное освоение природных ресурсов Китая. По условиям сделок, Китай получает оборудование, помощь в его монтаже и технологию, а оплачивает это продукцией предприятий, на которых оборудование используется. Например, в соответствии с соглашением между Англией и КНР о сотрудничестве в разработке месторождений цветных металлов в Китае предусматривается поставка технологии и оборудования, финансирование добычи на основе компенсационных сделок, техническое содействие в проведении геологоразведочных работ. Предполагаемая разработка нефтяных месторождений с помощью Японии в Бохайском заливе также будет осуществляться на условиях компенсации затрат японских предпринимателей поставками нефти.

Указанные выше изменения во внешнеэкономической политике нынешнего китайского руководства говорят о переориентации Китая на капиталистические страны. Такой курс китайского руководства все больше и больше втягивает Китай в капиталистическую систему разделения труда, создает серьезные предпосылки для все большей экономической зависимости его от ведущих империалистических государств.

На мировом капиталистическом рынке Китай в ближайшее десятилетие намеревается закупить большое количество машин и оборудования. По данным «Чайна бизнес ревью», издаваемого Национальным советом по американо-китайской торговле, эти закупки в 1978—1985 гг. могут оцениваться в 40—43 млрд. долл. Импорт машин и оборудования в таких размерах выдвигает острую проблему его финансирования.

В 1978 г. было заключено частное японо-китайское торговое соглашение сроком на 8 лет и на сумму 20 млрд. долл. По этому соглашению Япония должна поставлять оборудование для промышленных предприятий и новейшую технологию в обмен на китайское сырье, главным образом на нефть и каменный уголь. Подписаны контракты на оборудование для металлургического комбината, строительство которого уже ведется недалеко от Шанхая.

[23] См. «Жэньминь жибао», 4.XII.1978.

Имеются сообщения, что консорциум западногерманских банков заявил о готовности предоставить Китаю кредит в 14 млрд. долл., в том числе для строительства предприятий черной металлургии. Переговоры о получении кредитов ведутся с монополиями других капиталистических стран Европы, а также США. С Парижским национальным банком подписано соглашение, предусматривающее предоставление Китаю кредита в сумме до 7 млрд. долл. для оплаты импортируемых из Франции товаров. По оценкам зарубежных специалистов, общая сумма кредитов стран Запада Китаю может составить около 40 млрд. долл. Эти кредиты имеют целевое назначение — предоставляются только под закупку машин и оборудования и не могут быть использованы Китаем по его усмотрению.

Важным источником финансирования отдельных намеченных проектов могут стать государственные кредиты западных стран. Китай проявил заинтересованность в получении кредита из правительственного фонда международного экономического сотрудничества Японии, который выделяется под 3—3,5% годовых против 7,5% по банковским кредитам. Заключение соглашений о кредитах будет зависеть от определения китайским руководством суммы задолженности капиталистическим странам.

Основным источником оплаты импорта, в том числе из развитых капиталистических стран, до настоящего времени являлся экспорт. Этот источник будет оставаться главным и в будущем. Газета «Жэньминь жибао» в статье «Внешняя торговля должна получить значительное развитие» подчеркивала, что, какие бы формы техники и использования иностранных денежных средств ни применялись, в конечном счете надо расширять экспорт для оплаты импорта. «Нужно активно развивать экспорт, — говорится в статье, — создавать значительные инвалютные запасы, и только в этом случае можно непрерывно улучшать платежеспособность нашей страны» [24]. С целью расширения производства товаров на экспорт намечается, как заявляет китайская печать, создание «экспортных баз, специальных предприятий и цехов», изменение структуры экспорта, то есть «наряду с вывозом таких традиционных экспортных товаров, как продукция сельского и побочного хозяйства, продукция легкой и текстильной промышленности и кустарно-художественные изделия, необходимо значительно повысить удельный вес промышленной продукции, продукции горнодобывающей промышленности и потребительских товаров длительного пользования» [25].

Большие надежды возлагаются на экспорт нефти. Однако для того, чтобы резко увеличить вывоз нефти, потребуется наладить ее добычу в больших количествах, а также хранение и транспортировку, что связано с большими трудностями. Прошедшие два года подтверждают это. В 1978 г. в Японию, которая является главным потребителем китайской нефти, было экспортировано 7 млн. т против 6,5 млн. т в 1977 г. Сравнительно небольшие количества нефти были поставлены в США (570 тыс. т) и Италию (100 тыс. т). Кроме нефти, намечается расширить экспорт путем вывоза в больших количествах угля, железной руды, концентратов цветных металлов, то есть в основном топлива и промышленного сырья.

В торговле с капиталистическими странами Запада Китай имеет значительное пассивное сальдо, которое будет увеличиваться в будущем. Уже в истекшем 1978 г. в результате резкого увеличения импорта (около 7 млрд. долл.) по сравнению с экспортом (около 4 млрд. долл.) пассивное сальдо в торговле Китая с этими странами возросло

[24] «Жэньминь жибао», 4.XII.1978.
[25] Там же.

до 3 млрд. долл. против 1,1 млрд. долл. в 1977 г. Планируемые большие закупки современного вооружения в развитых капиталистических странах значительно увеличат задолженность Китая.

Естественно, что большая задолженность капиталистическому Западу окажет отрицательное влияние на дальнейшее экономическое развитие Китая. Китайское руководство вынуждено будет ввести строгий режим экономии в стране, главным образом за счет гражданских отраслей народного хозяйства, что неизбежно повлечет за собой замораживание низкого уровня жизни китайских трудящихся.

Подводя итоги, следует отметить, что в дальнейшем при самых благоприятных условиях, включающих политическую стабильность в стране, проведение экономической политики, направленной на повышение производительности труда за счет возврата к методам управления экономикой, характерным для первой пятилетки и периода «урегулирования», экономика КНР выйдет в лучшем случае на уровень СССР начала 70-х годов. В области сельского хозяйства даже к 2000 г. Китай с его населением в 1,2 млрд. человек не сможет достигнуть по производству всех видов продукции на душу населения среднемирового уровня, а тем более уровня передовых стран мира, в том числе Советского Союза. Трудности с реализацией намеченных планов развития сельского хозяйства отрицательно повлияют на осуществление всей программы «четырех модернизаций».

Таким образом, несмотря на увеличение закупок современного оборудования за рубежом, к 2000 г. Китай не войдет в число передовых, экономически развитых стран мира из-за невозможности реализовать свои планы по производству важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции и по-прежнему будет отставать в экономическом отношении от Советского Союза.

Наступление реакции на права и свободы граждан Японии

В. Н. Еремин,
кандидат юридических наук

Современное японское право обладает целым рядом внешних признаков демократизма, среди которых особенно привлекательны для непосвященных нормы, провозглашающие широкий спектр прав и свобод граждан. Однако эти права и свободы на деле остаются без надлежащих гарантий и, более того, ограничиваются в самом же законодательстве, в его толкованиях властями и буржуазными теоретиками, в правоприменительной практике карательных органов. Ущемление прав и свобод граждан является основным содержанием процесса, происходящего сейчас в японском обществе и известного как «реакция в юстиции» (сихоно хандо).

Разоблачая антинародную сущность «реакции в юстиции», японские юристы-демократы подчеркивают, что «кризис юстиции есть кризис основных прав человека, кризис конституции, кризис демократии»[1].

«Реакция в юстиции» имеет следующие стороны, или составные части: формирование и развитие политико-репрессивного законодательства; усиление реакционного характера карательного аппарата; расширение практики правового политического подавления демократических сил.

Формирование и развитие политико-репрессивного законодательства

В современном буржуазном государстве Японии существует разветвленная система уголовно-правовых и административно-правовых норм, либо специально предназначенных для осуществления политико-репрессивных целей, либо устойчиво вошедших в практику правовой политической репрессии. Анализ этих норм и их применения показывает, что они используются правящими кругами для посягательств на многие права и свободы граждан.

Японские юристы обозначают уголовно-правовые и административно-правовые нормативные акты, содержащие установления такого рода, термином «законодательство в области общественного спокойствия» (тиан риппо). Степень действительного антидемократизма японского права и практики его применения становится особенно очевидной при ознакомлении с диапазоном этих актов и ущемляемых прав и свобод. «Законодательство в области общественного спокойствия» включает в себя прежде всего Закон о предотвращении подрывной деятельности, который «угрожает предусмотренным конституцией правам и свободам собраний, объединений в союзы и коллективных действий», а также представляет собой «грубую ломку принципов наказания, утвердившихся в современном уголовном праве (ненаказуемость

[1] См. Ц. Кицукава, Т. Одзпака. Тиан то дзинкэн (Общественное спокойствие и права человека). Киото, 1974, с. 35—36.

идей...)»[2]. Наказания отдельных лиц и меры по отношению к организациям, предусмотренные в этом законе, как свидетельствуют японские правоведы, «наносят серьезный ущерб обеспечиваемым конституцией свободам идей и совести, свободе верований, свободам собраний, объединений в союзы, слова, печати и других способов выражения убеждений, свободе научной деятельности, правам трудящихся на объединение и на коллективные действия»[3]. В это законодательство входят также ряд статей уголовного кодекса, Закон о легких преступлениях, законы о государственном и муниципальном персонале, Особый уголовный закон, Закон об охране оборонной тайны, Закон о силах самообороны.

«Законодательство в области общественного спокойствия», принимаемое на парламентском уровне, дополняют постановления об общественной безопасности (коан дзёрэй) — нормативно-правовые акты, принимаемые решениями муниципальных собраний. Они имеют некоторые различия в разных административно-территориальных единицах, однако по содержанию всем этим постановлениям присущи, в общем, следующие черты: обязательность получения разрешений «комиссий общественной безопасности», которые якобы осуществляют контроль общественности за деятельностью полиции, но в действительности зачастую легализуют своими решениями точку зрения полицейской бюрократии, на проведение митингов, массовых шествий и демонстраций или же обязательность их заблаговременного извещения о том, что эти мероприятия будут проводиться; наделение полицейских органов полномочиями в отношении названных мероприятий; уголовное наказание нарушителей данных установлений. Японские юристы-демократы указывают, что «постановления об общественной безопасности, имея целью поставить в зависимость от регулирования прямой полицейской властью свободу митингов и иных способов выражения мнений, гарантированную статьей 21 конституции, являются такой частью законодательства в области общественного спокойствия, которая вызывает весьма сильные подозрения в антиконституционности»[4].

В целях ограничения прав и свобод граждан, прежде всего права на собрания и демонстрации, карательные органы используют также административно-правовые установления, которые по своему содержанию, по существу, не отличаются от уголовно-правовых. Так, полиция, для того чтобы устанавливать личность участников митингов и демонстраций, выяснять их организационную принадлежность, осматривать имеющиеся при них вещи, настаивать на прекращении мероприятия, ограничивать или запрещать движение демонстрантов по улицам, разгонять участников демонстрации с применением физической силы, прибегает в качестве обоснования к нормам статей 2 и 5 Закона о выполнении чинами полиции служебных обязанностей, статьи 2 Закона о полиции, статьи 7 Закона о дорожно-транспортном движении.

Первое, что бросается в глаза при анализе политико-репрессивного законодательства в Японии, — это фронтальный подрыв положений о правах и свободах, содержащихся в конституции. Помимо посягательств на права и свободы через каналы уголовного и административного права, нельзя не отметить противоречащие конституции нормы и установления в области уголовно-процессуального права. Так, хотя конституция прокламирует возможность задержания того или иного лица (ст. 33), равно как и возможность обыска или изъятия предме-

---

[2] См. К. Накаяма. Гэндай сякай то тиан-хо (Современное общество и право в области общественного спокойствия). Токио, 1977, с. 102.

[3] Ц. Кицукава, Т. Оданака. Указ. соч., с. 249. Подробнее о законе см. В. Н. Еремин. Японский закон «О предотвращении подрывной деятельности» на службе реакции. — «Советское государство и право», 1972, № 2.

[4] Ц. Кицукава, Т. Оданака. Указ. соч., с. 269.

тов (ст. 35), лишь на основании судебного ордера или же на месте преступления, уголовно-процессуальным кодексом введен третий вариант — «срочное задержание» (ст. 210), «срочный обыск» и «срочное изъятие» (ст. 220).

Ощутимой тенденцией развития «законодательства в области общественного спокойствия» являются попытки отмены или изменения в худшую сторону актов, не устраивающих правящие круги, и введения более реакционных положений, позволяющих шире осуществлять посягательства на права и свободы, и новых норм, формулировки которых допускают произвольные толкования.

Прежде всего следует отметить наступление реакции на наиболее прогрессивные нормы действующей конституции. Для того чтобы дезавуировать положительное содержание этого акта, его объявляют даже «навязанным» японскому народу оккупационными властями.

Вслед за покушениями на конституцию большую опасность для прав и свобод граждан несет готовящаяся правительством реформа уголовного права, центральное место в которой должен занять пересмотр уголовного кодекса.

Проект нового УК (1974) содержал положения о заговоре как самостоятельном виде преступлений, о разглашении служебной тайны и добывании производственных секретов, о подготовке «массовых беспорядков» как самостоятельном виде преступлений, об удлинении срока ареста как уголовного наказания и расширении возможностей его применения. В случае принятия УК в такой редакции эти положения могут стать опасным инструментом посягательства на права и свободы. Представители средств массовой информации неоднократно подчеркивали, что положения о разглашении служебной тайны и о добывании производственных секретов создадут угрозу для свободы информирования общественности о замыслах правящих кругов.

Воспользовавшись акциями экстремистов по угону самолетов, министерство юстиции Японии в феврале 1978 г. разработало законопроект, принятие которого дало бы возможность в ряде случаев рассматривать в суде без участия защиты даже дела по обвинению в совершении таких уголовных преступлений, за которые предусматриваются в качестве меры наказания смертная казнь или лишение свободы пожизненно. В то же время статья 289 действующего уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что такие дела не могут рассматриваться без участия защиты; более того, конституция Японии в статье 37 провозглашает, что «при любых обстоятельствах обвиняемый по уголовному делу может обратиться к помощи квалифицированного адвоката». Характер планируемого закона как орудия судебного произвола особенно ярко проявился в части, допускающей рассмотрение дела тогда, когда «защитник покинул зал суда, получив на то указание председательствующего в суде в целях поддержания порядка в зале суда». Широкая демократическая общественность Японии выступила с резкими протестами против этого законопроекта.

Предпринимались попытки пересмотреть Закон о выполнении чинами полиции служебных обязанностей в сторону расширения полномочий полицейских по применению принудительных мер к гражданам и ужесточить иммиграционное законодательство, с тем чтобы расширить возможности использования его против демократов из числа иностранцев, постоянно проживающих в Японии.

Усиление реакционного характера карательного аппарата

В Японии создан и функционирует мощный полицейский механизм, находящийся в непосредственном подчинении премьер-министра (через так называемую Государственную комиссию общественной безопасно-

сти). Наиболее универсальные возможности посягательств на права и свободы граждан имеет административная полиция, действующая на основе Закона о выполнении чинами полиции служебных обязанностей. Расплывчатые формулировки данного закона позволяют, в частности, бросать на подавление массовых народных выступлений военизированные формирования полиции — «мобильные отряды». Уголовная полиция, действующая на основе уголовно-процессуального кодекса, активно используется для подготовки судебных процессов против представителей демократических сил. Политическая полиция (кэйби коан кэйсацу — полиция охраны и общественной безопасности) ведет тайный политический сыск.

Многочисленные судебные процессы над политическими противниками монополистической буржуазии, проходившие в послевоенной Японии, как нельзя убедительнее характеризуют роль судебных органов в ограничении прав и свобод граждан. Это процессы по «делам» Симояма, Митака, Мацукава, Сиратори, Суго, Суйта, Осу, Асибэцу и др. Судебные органы, образуя формально самостоятельную систему, на практике связаны прочными узами с министерством юстиции, которое благодаря этому располагает рычагами для воздействия на органы суда. Широкие массы населения отстранены от участия в отправлении правосудия, чему в значительной степени способствует принцип назначаемости судей (в соответствии с положениями статей 79 и 80 конституции). Усилению политико-репрессивной функции суда придают дополнительный стимул такие формы «реакции в юстиции», как «пропаганда антикоммунистической идеологии среди судебных чинов, формирование привилегированной юридической бюрократии»[5].

Широкие слои трудящихся приходят к обоснованному выводу о том, что «суд ни в коей мере не является священным местом; нельзя сказать, что приговоры обязательно выносятся по справедливости»[6].

Важное место в карательном механизме принадлежит органам прокуратуры. Их особые возможности в деле ограничения прав и свобод обусловлены тем, что по нормам японского уголовно-процессуального права только прокуратуре принадлежит право возбуждения обвинения. Органы прокуратуры в Японии входят в систему министерства юстиции, что способствует подчинению их воле правящих кругов.

Закон о предотвращении подрывной деятельности предусматривает такие меры по отношению к организациям, как «ограничение деятельности» и «указание о роспуске», решения о которых принимает жюри общественной безопасности (коан синса иинкай) — узкая коллегия, специально созданная для этой цели при министерстве юстиции. «То, что жюри общественной безопасности, являющееся административным органом, может на основе закрытого разбирательства применять к организациям меры регулирования вплоть до их роспуска, противоречит гарантии соблюдения законной процедуры, содержащейся в статье 31 конституции»[7].

Японская демократическая печать приводит многочисленные примеры того, как политическая полиция («полиция охраны и общественной безопасности») и управление расследований общественной безопасности (коан тёсатё) при министерстве юстиции ведут тайную слежку за представителями прогрессивных сил, незаконно организуют проникновение своих сотрудников и агентов в помещения демократических организаций и квартиры их участников, осуществляют негласный

---

[5] См. Марукусусюги хогаку кодза (Курс марксистской науки права), т. 6. Гэндай нихон-хо бунсэки (Анализ современного японского права). Токио, 1976, с. 434.

[6] Свободы и права человека подвергаются угрозе (Редакционная статья). — «Сохё симбун», 27.III.1978.

[7] Ц. Кицукава, Т. Оданака. Указ. соч., с. 249.

просмотр корреспонденции, подслушивают телефонные и иные разговоры, внедряют провокаторов в ряды классовых противников монополистической буржуазии и т. п.[8] Очевидно, что для правящих кругов подобные способы нарушения прав и свобод граждан наиболее удобны, ибо позволяют (в той степени, в какой они остаются неразоблаченными) сохранять маску радетелей буржуазной демократии.

В муниципальном университете Нагоя в марте 1970 г. была разоблачена женщина — агент полиции, которая в 1966—1967 гг. сотрудничала с управлением расследований общественной безопасности, а с 1967 г. — с полицией. В 1972 г. факты шпионажа против коммунистов, проводимого органами расследований общественной безопасности, вскрылись в префектуре Исикава. В апреле 1973 г. в одной из комиссий парламента обсуждался случай в префектуре Симанэ, где сотрудник органов расследований общественной безопасности понуждал члена КПЯ к секретному сотрудничеству. В том же месяце в одной из парламентских комиссий обсуждался факт шпионажа против КПЯ, когда непосредственным руководителем внедренного агента был сотрудник органов расследований общественной безопасности префектуры Яманаси. В ноябре 1972 г. Токийский префектуральный комитет КПЯ заявил протест директору управления расследований общественной безопасности в связи с так называемым делом клуба PS, в результате которого обнаружился целый «букет» противоправных действий органов расследований общественной безопасности, начиная с понуждения граждан к тайной деятельности против КПЯ в качестве агентов[9].

В число объектов, о которых «полиция охраны и общественной безопасности» собирает информацию, входят профсоюзы, студенческие, молодежные, женские, культурные и научные организации, объединения борцов за мир и против ядерного оружия, общества дружбы и связей с СССР, даже общества врачей[10]. Многие способы добывания политической полицией информации «угрожают присущим народу свободам идей и совести, собраний, объединений и выражения мнений, тайне корреспонденции, праву на объединение трудящихся и другим основным конституционным правам человека»[11].

Осуждая деятельность управления расследований общественной безопасности, демократическая общественность Японии подчеркивает, что официальное наделение этого органа правом ведения административного расследования никоим образом не может служить основанием для присвоения им себе права тайного политического сыска. Управление расследований общественной безопасности «является совершенно новым послевоенным органом по сбору информации, созданным вне полиции, и оно не имеет такого, как у полиции, права расследования с применением принудительных мер, а в основном осуществляет шпионскую деятельность»[12]. Более того, действия управления расследований, нарушая конституционные права и свободы граждан, во многих случаях образуют конкретные составы преступлений по японскому законодательству. Так называемая расследовательская деятельность (тёса кацудо), осуществляемая управлением, «в действительности представляет собой не что иное, как шпионскую деятельность по типу

---

[8] См. например: Х. Номура, Т. Оно и др. Кэйсацу кокусё (Черная книга о полиции). Токио, 1969; Т. Сугимура, Х. Мияути, М. Окадзаки. Сэнго химицу кэйсацу-но дзиттай (Подлинный облик послевоенной тайной полиции). Киото, 1960.

[9] См. «Акахата», 31.X. и 5.XI.1972.

[10] См. Ц. Кицукава, Т. Одданака. Указ. соч., с. 55. Авторы ссылаются на «Полный обзор деятельности охранной полиции» (Кэйби кэйсацу дзэнсё), подготовленный Обществом по изучению охранной полиции в 1969 г.

[11] К. Накаяма. Указ. соч., с. 179.

[12] Гэндай нихон-хо бунсэки, с. 433.

сти). Наиболее универсальные возможности посягательств на права и свободы граждан имеет административная полиция, действующая на основе Закона о выполнении чинами полиции служебных обязанностей. Расплывчатые формулировки данного закона позволяют, в частности, бросать на подавление массовых народных выступлений военизированные формирования полиции — «мобильные отряды». Уголовная полиция, действующая на основе уголовно-процессуального кодекса, активно используется для подготовки судебных процессов против представителей демократических сил. Политическая полиция (кэйби коан кэйсацу — полиция охраны и общественной безопасности) ведет тайный политический сыск.

Многочисленные судебные процессы над политическими противниками монополистической буржуазии, проходившие в послевоенной Японии, как нельзя убедительнее характеризуют роль судебных органов в ограничении прав и свобод граждан. Это процессы по «делам» Симояма, Митака, Мацукава, Сиратори, Суго, Суйта, Осу, Асибэцу и др. Судебные органы, образуя формально самостоятельную систему, на практике связаны прочными узами с министерством юстиции, которое благодаря этому располагает рычагами для воздействия на органы суда. Широкие массы населения отстранены от участия в отправлении правосудия, чему в значительной степени способствует принцип назначаемости судей (в соответствии с положениями статей 79 и 80 конституции). Усилению политико-репрессивной функции суда придают дополнительный стимул такие формы «реакции в юстиции», как «пропаганда антикоммунистической идеологии среди судебных чинов, формирование привилегированной юридической бюрократии»[5].

Широкие слои трудящихся приходят к обоснованному выводу о том, что «суд ни в коей мере не является священным местом; нельзя сказать, что приговоры обязательно выносятся по справедливости»[6].

Важное место в карательном механизме принадлежит органам прокуратуры. Их особые возможности в деле ограничения прав и свобод обусловлены тем, что по нормам японского уголовно-процессуального права только прокуратуре принадлежит право возбуждения обвинения. Органы прокуратуры в Японии входят в систему министерства юстиции, что способствует подчинению их воле правящих кругов.

Закон о предотвращении подрывной деятельности предусматривает такие меры по отношению к организациям, как «ограничение деятельности» и «указание о роспуске», решения о которых принимает жюри общественной безопасности (коан синса иинкай) — узкая коллегия, специально созданная для этой цели при министерстве юстиции. «То, что жюри общественной безопасности, являющееся административным органом, может на основе закрытого разбирательства применять к организациям меры регулирования вплоть до их роспуска, противоречит гарантии соблюдения законной процедуры, содержащейся в статье 31 конституции»[7].

Японская демократическая печать приводит многочисленные примеры того, как политическая полиция («полиция охраны и общественной безопасности») и управление расследований общественной безопасности (коан тёсатё) при министерстве юстиции ведут тайную слежку за представителями прогрессивных сил, незаконно организуют проникновение своих сотрудников и агентов в помещения демократических организаций и квартиры их участников, осуществляют негласный

[5] См. Марукусусюги хогаку кодза (Курс марксистской науки права), т. 6. Гэндай нихон-хо бунсэки (Анализ современного японского права). Токио, 1976, с. 434.

[6] Свободы и права человека подвергаются угрозе (Редакционная статья). — «Сохё симбун», 27.III.1978.

[7] Ц. Кицукава, Т. Одданака. Указ. соч., с. 249.

просмотр корреспонденции, подслушивают телефонные и иные разговоры, внедряют провокаторов в ряды классовых противников монополистической буржуазии и т. п.[8] Очевидно, что для правящих кругов подобные способы нарушения прав и свобод граждан наиболее удобны, ибо позволяют (в той степени, в какой они остаются неразоблаченными) сохранять маску радетелей буржуазной демократии.

В муниципальном университете Нагоя в марте 1970 г. была разоблачена женщина — агент полиции, которая в 1966—1967 гг. сотрудничала с управлением расследований общественной безопасности, а с 1967 г. — с полицией. В 1972 г. факты шпионажа против коммунистов, проводимого органами расследований общественной безопасности, вскрылись в префектуре Исикава. В апреле 1973 г. в одной из комиссий парламента обсуждался случай в префектуре Симанэ, где сотрудник органов расследований общественной безопасности понуждал члена КПЯ к секретному сотрудничеству. В том же месяце в одной из парламентских комиссий обсуждался факт шпионажа против КПЯ, когда непосредственным руководителем внедренного агента был сотрудник органов расследований общественной безопасности префектуры Яманаси. В ноябре 1972 г. Токийский префектуральный комитет КПЯ заявил протест директору управления расследований общественной безопасности в связи с так называемым делом клуба PS, в результате которого обнаружился целый «букет» противоправных действий органов расследований общественной безопасности, начиная с понуждения граждан к тайной деятельности против КПЯ в качестве агентов[9].

В число объектов, о которых «полиция охраны и общественной безопасности» собирает информацию, входят профсоюзы, студенческие, молодежные, женские, культурные и научные организации, объединения борцов за мир и против ядерного оружия, общества дружбы и связей с СССР, даже общества врачей[10]. Многие способы добывания политической полицией информации «угрожают присущим народу свободам идей и совести, собраний, объединений и выражения мнений, тайне корреспонденции, праву на объединение трудящихся и другим основным конституционным правам человека»[11].

Осуждая деятельность управления расследований общественной безопасности, демократическая общественность Японии подчеркивает, что официальное наделение этого органа правом ведения административного расследования никоим образом не может служить основанием для присвоения им себе права тайного политического сыска. Управление расследований общественной безопасности «является совершенно новым послевоенным органом по сбору информации, созданным вне полиции, и оно не имеет такого, как у полиции, права расследования с применением принудительных мер, а в основном осуществляет шпионскую деятельность»[12]. Более того, действия управления расследований, нарушая конституционные права и свободы граждан, во многих случаях образуют конкретные составы преступлений по японскому законодательству. Так называемая расследовательская деятельность (тёса кацудо), осуществляемая управлением, «в действительности представляет собой не что иное, как шпионскую деятельность по типу

---

[8] См. например: Х. Номура, Т. Оно и др. Кэйсацу кокусё (Черная книга о полиции). Токио, 1969; Т. Сугимура, Х. Мияути, М. Окадзаки. Сэнго хнмицу кэйсацу-но дзиттай (Подлинный облик послевоенной тайной полиции). Киото, 1960.

[9] См. «Акахата», 31.X. и 5.XI.1972.

[10] См. Ц. Кицукава, Т. Оданака. Указ. соч., с. 55. Авторы ссылаются на «Полный обзор деятельности охранной полиции» (Кэйби кэйсацу дзэнсё), подготовленный Обществом по изучению охранной полиции в 1969 г.

[11] К. Накаяма. Указ. соч., с. 179.

[12] Гэндай нихон-хо бунсэки, с. 433.

тайной полиции мыслей, проводимую с применением противоправн средств и способов»[13].

Политический сыск среди широких слоев японского народа вед также специальные службы вооруженных сил Японии; идет интенси ная подготовка личного состава вооруженных сил к насильственно подавлению массовых выступлений сторонников демократии[14].

Тайный политический сыск, осуществляемый среди широких ма японского народа, является средоточием грубейших нарушений прав свобод граждан.

С одной стороны, нарушаются права и свободы лиц и организа ций — объектов политического сыска. В феврале 1972 г. в префектур Фукуи был разоблачен агент управления расследований и политиче ской полиции, которого эти органы угрозами принудили выполнять и задания среди коммунистов. В связи с этим заместитель председателя префектурального комитета КПЯ Арасияма заявил: «Действия полиции явно нарушают не только статью 19 конституции, гарантирующую сво боду идей и совести, но и статью 21, гарантирующую свободу собраний. объединения в союзы, выражения убеждений»[15].

С другой стороны, зачастую нарушаются права и свободы лиц, на сильственно принуждаемых к шпионской деятельности. В марте 1972 г. в префектуре Тоттори был выявлен работавший в среде коммунистов агент управления расследований и политической полиции, который, кстати, приступил к антикоммунистической деятельности еще в 1947 г., когда стал агентом американской контрразведки. Признав, что он осу ществлял шпионаж за коммунистами, этот агент выразил протест в адрес полиции, заявив, что его «насильственно заставляли быть шпи оном, игнорируя права человека»[16].

Расширение практики правового политического подавления демократических сил

История социально-политической борьбы в послевоенной Японии показывает, что весьма распространенным способом нарушения прав и свобод граждан является нарушение уголовно-процессуальных норм путем фальсификации доказательств, давления на лиц, привлеченных в качестве подозреваемых, а также на обвиняемых и свидетелей за щиты, дискриминации в ходе судебного разбирательства. Сравнитель но недавним примером фальсификации доказательств может служить «дело Сансуй дэнки», фабула которого сводится к провокационной по пытке обвинить профсоюзного активиста Такэо Мацуда в торговле наркотиками (март 1974). Следственные работники, ставя подследст венных в известность о конституционном праве воздерживаться от дачи невыгодных для себя показаний (ст. 38), вместе с тем оказывают на них давление, давая понять, что для самого подследственного лучше не пользоваться этим правом[17].

Одним из примеров посягательств на конституционные права и свободы граждан, неправомерного, расширительного толкования зако нов и фальсификации доказательств является «дело об установке пла-

---

[13] Ц. Кицукава, Т. Одзанака. Указ. соч., с. 111.

[14] См., в частности, Я. Хосино, С. Хаяси. Истинное лицо японской армии. М., 1965, с. 38—44.

[15] «Асахи симбун», 10.11.1972.

[16] См. там же, 29.III.1972.

[17] См. Т. Хиронака. Сэнго нихон-но кэйсацу (Полиция в послевоенной Японии). Токио, 1969, с. 75.

катов в Ота». Молодой человек и его невеста установили два плаката, извещающие о митинге демократической молодежи. Они были схвачены переодетыми полицейскими на «месте преступления» и преданы суду. На суде выявились вопиющие противоречия в показаниях полицейских. Прогрессивная общественность, вскрывая допущенные полицией и прокуратурой нарушения законов (в частности, статьи 4 Закона о легких преступлениях, запрещающей злоупотребление положениями этого закона), особенно подчеркивала попрание статьи 21 конституции, провозглашающей свободу выражения мнений.

Путем произвольного толкования правовых норм правомерные действия демократических сил, направленные на реализацию ими конституционных прав и свобод, квалифицируются как преступные, а посягательства властей на эти права и свободы — как выполнение предписаний закона. Так, когда в городе Кумамото были выявлены переодетые полицейские, тайно фотографировавшие демонстрацию, и представители демократических сил принимали меры к прекращению этого бесчинства, полицейский начальник заявил им: «Вы что делаете? Задержу вас за препятствование исполнению служебных обязанностей», то есть за преступление, предусмотренное УК в статье 95 [18].

Полицейские власти пользуются отсутствием четких критериев для определения пределов так называемой охраны (кэйби), состоящей главным образом в применении крупных контингентов полиции. В декабре 1977 г. члены Японского крестьянского союза в префектуре Ниигата устроили сидячую демонстрацию протеста в зале заседаний муниципального собрания, настаивая на переговорах с губернатором об отмене нового порядка регулирования производства риса, который ущемлял интересы крестьян. Для ликвидации сидячей демонстрации впервые в истории префектуры в зал заседаний муниципального собрания были введены мобильные силы полиции. Представители Японского крестьянского союза и СПЯ заявили, что задержание полицией участников демонстрации в зале заседаний представляло собой неправомерное действие — превышение необходимых пределов «охраны» [19].

Мирные массовые выступления трудящихся неоднократно квалифицировались властями как действия, подпадающие под состав преступления «беспорядки», предусмотренные УК. Наиболее известными в послевоенной Японии случаями применения против демократических сил норм о беспорядках были дела Тайра, Первого мая, Суйта и Осу, когда этот состав преступления инкриминировался участникам массового протеста против неправомерных действий полиции, демонстрантам, участникам собрания.

Практика ущемления прав и свобод граждан с использованием уголовного и уголовно-процессуального права включает в себя также затягивание судебных процессов вопреки провозглашенному в ст. 37 конституции праву на незамедлительное судебное разбирательство. По состоянию на декабрь 1972 г. в Японии были наиболее известны из-за своей продолжительности тридцать пять судебных процессов, которые рассматривались в течение от восьми (одно дело) до двадцати (семь дел) лет [20]. Садистский характер этого способа состоит, в частности, в том, что «лица, которым предъявлено обвинение, в течение этого длительного периода, из-за того что они названы обвиняемыми, не могут получить шанса на достойную работу, ограничиваются в свободе поездок за границу и испытывают разного рода иной ущерб юридического и фактического характера» [21].

---

[18] См. Х. Номура, Т. Оно и др. Указ. соч., с. 29.
[19] См. «Сякай симпо», 13.XII.1977.
[20] См. «Хорицу дзихо», 1973, № 4.
[21] Ц. Кицукава, Т. Оданака. Указ. соч., с. 264.

Этот прием особенно характерен для процессов по делам о «беспо рядках». Как отмечают прогрессивные юристы, «нормы о беспорядка порождают двойное нарушение прав человека: возможность подавле ния массовых движений, вытекающую из неопределенности состав этого преступления, и — вдобавок к этому — максимально долгое при нятие судебного решения, непременное при применении этих норм»[22]. На практике «более или менее крупномасштабные дела о беспоря ках всегда требуют для своего завершения 10—20 лет»[23]. В частности судебный процесс над участниками первомайской демонстрации 1952 г. был завершен только в 1972 г.

Ограничиваются возможности прогрессивной общественности по влиять на ход и исход судебных процессов путем проведения массовых движений в поддержку жертв готовящегося судебного произвола — так называемой борьбы вокруг судебных решений (сайбан тосо), которая представляет собой «не что иное, как борьбу за превращение суда в орган защиты прав человека»[24]. «Реакция в юстиции» осуществляется и в таких формах, как «нападки на критику судебных решений со стороны народа, усиление права управления процессом и судебно-полицейского права»[25]. Проводятся в жизнь «ограничения процессуальной деятельности участников процесса (со стороны обвиняемого), ограничения возможности критики судебных решений, ограничения для публики в зале»[26].

Для того чтобы исключить активные формы выражения мнений демократических сил по поводу разрешения судебных дел, фактически носящих политико-репрессивный характер, принят целый ряд нормативных актов, предусматривающих судебно-полицейские санкции в отношении подсудимых, публики в зале суда и даже лиц, находящихся поблизости от помещения, в котором проходит процесс. За период с 25 сентября 1952 г. по 31 декабря 1968 г., то есть примерно за 16 лет и три месяца, нормы о поддержании порядка в зале суда применялись по всей Японии 63 раза, а за период с 1 января 1969 г. по 31 декабря 1971 г., то есть за три года, — 418 раз[27].

Особые полномочия властей по ограничению прав и свобод иностранцев и на случай «чрезвычайного положения»

Прогрессивные японские юристы указывают, что действующее в стране законодательство наделяет иммиграционные власти чрезмерными полномочиями в отношении иностранцев, позволяя ущемлять их права и свободы, чем власти и пользуются для пресечения демократической деятельности иностранцев[28]. Внимание юристов-демократов привлекает такое узаконенное ущемление прав иностранцев, как ограничение их физической свободы (водворение в фильтрационный лагерь, высылка из страны) в административном порядке, в то время как в отношении граждан Японии ограничение физической свободы допускается лишь по решению суда. Демократические силы Японии неоднократно выступали против такого тенденциозного применения иммиграционного законодательства, как высылка находившихся в Японии активи-

[22] Ц. Кицукава, Т. Одзанака. Указ. соч., с. 264.
[23] Там же.
[24] Там же, с. 16.
[25] См. Гэндай нихон-хо бунсэки, с. 434.
[26] Ц. Кицукава, Т. Одзанака. Указ. соч., с. 9.
[27] См. там же, с. 217.
[28] См. М. Нисигаки. На что направлен новый закон об иммиграционном контроле. — «Асахи дзянару», 1970, № 8, с. 19—22; Х. Окудайра. Сознание прав человека перешагивает государственные границы. — Там же, с. 10—18.

стов движения против тайваньских, южнокорейских, южновьетнамских марионеток, передача их в руки господствующих у них на родине режимов. Прогрессивная общественность Японии протестовала и по поводу чинимых властями ограничений политической деятельности демократов-иностранцев.

24 ноября 1977 г. министерство юстиции Японии отказало в разрешении на повторный въезд в страну семи представителям Всеяпонской федерации корейцев, проживающих в Японии, которые были делегированы для участия в работе сессии Верховного народного собрания КНДР. В протесте, заявленном федерацией, говорилось: «Отказ японского правительства является весьма неправомерным действием, которое попирает основные права человека и общепризнанные международные обычаи и оскорбляет суверенитет КНДР; японские власти продолжают занимать неправомерную позицию, превращая вопрос об основных правах человека применительно к корейцам, проживающим в Японии, в орудие сделки с кликой Пак Чжон Хи»[29].

Стремясь к еще большему ужесточению иммиграционного законодательства, министерство юстиции Японии 10 октября 1968 г. обнародовало документ «Об изменении Указа об иммиграционном контроле». 31 марта 1969 г. законопроект об изменении указа был представлен на рассмотрение парламента. Законопроект предусматривал расширение возможностей административно-правового вмешательства иммиграционных властей под предлогом расследования фактов, вызывающих подозрение в нарушении иммиграционного режима. Министр юстиции наделялся правом устанавливать для того или иного иностранца «пункты, подлежащие уважению и соблюдению», причем определение содержания этих пунктов отдавалось на усмотрение самого министра. Протесты широкой общественности и некоторые обстоятельства хода сессии привели к тому, что законопроект был снят с повестки парламентского обсуждения. Однако правящие круги не оставили своих планов. Различные варианты изменений этого законодательства выдвигались правительством в 1971, 1972, 1973 и 1974 гг.

Решительно протестуя против ужесточения иммиграционного режима, демократически и либерально мыслящие представители юридической общественности Японии рассматривают эту проблему как весьма важную с точки зрения прав человека.

В момент, когда правящие круги Японии посчитают это целесообразным и возможным, наступление на права и свободы граждан может быть интенсифицировано под предлогом введения «чрезвычайного положения». «С введением в действие права периода чрезвычайного положения полностью или частично приостанавливаются конституционные гарантии, а в определенных органах концентрируется сильная диктаторская власть»[30].

Конституция Японии не содержит никаких норм относительно чрезвычайного положения, однако некоторые законодательные акты тем не менее предусматривают связанные с ним меры. Так, глава 6 Закона о полиции посвящена «специальным мерам в связи с чрезвычайным положением», где ст. 71 устанавливает порядок его введения по всей стране или в отдельных районах, а ст. 72 предоставляет премьер-министру на этот период право прямого руководства полицейскими силами, благодаря чему резко усиливается централизация в полиции. Карательный механизм расширяется и укрепляется за счет включения в него вооруженных сил, которые в связи с чрезвычайным

[29] «Акахата», 27.XI.1977.
[30] Ц. Кицукава, Т. Одзанака. Указ. соч., с. 343.

положением приобретают полицейские полномочия (Закон о силах самообороны, ст. 78, абз. 1). Закон о силах самообороны предусматривает возможность такой формы действий войск, как «выступление для обеспечения общественного спокойствия» по приказу премьер-министра, отдаваемому либо по его собственной инициативе (ст. 78), либо в ответ на запрос губернатора префектуры (ст. 81); кроме того, в ст. 90 указывается, что и в случае «выступления для обеспечения обороны» войска «при необходимости могут действовать в целях поддержания общественного порядка». Сама процедура объявления «чрезвычайного положения» (решением премьер-министра, то есть исполнительной власти, лишь с последующим обращением к парламенту за санкцией) имеет антидемократический характер.

Большую опасность для политических и личных прав и свобод несут непрерывно вынашиваемые правящими кругами проекты создания системы чрезвычайного законодательства, которое было бы значительно полнее и суровее существующих норм в этой области. Бывший начальник Управления национальной обороны Масухара, выступая 25 июля 1962 г. с лекцией на тему «Развитие сил самообороны и безопасность Японии», выдвинул предложение выработать указ о введении военного положения, заявив, что «необходимо расширить компетенцию как премьер-министра, так и начальника Управления национальной обороны в случае чрезвычайного положения». Это предложение выходило за рамки выражения личного мнения Масухара, что можно было видеть из следующей его фразы: «Об этом мы уже давно ведем разговоры в правительстве».

В ходе командно-штабных учений «сил самообороны» рассматривались средства реализации более ста «специальных мер», в том числе введение трудовой повинности, ограничение забастовок, принудительная эвакуация, принятие чрезвычайного законодательства в области гражданского и уголовного права, меры по «поддержанию общественной безопасности в государстве», расширение компетенции премьер-министра, учреждение военных трибуналов. В документе Исследовательского бюро при кабинете министров Японии от февраля 1969 г. «Политика на 1970 год и ее перспективы» говорилось: «Если в случае непосредственной угрозы подрыва конституционного порядка будут применены даже надконституционные меры, они будут оправданы и с юридической точки зрения как неизбежные исключения». Легко представить себе, что правящие круги всегда в состоянии изобразить действия демократических сил «как угрозу конституционному порядку», а также то, какие формы могут приобрести «надконституционные меры». 28 июля 1973 г. был опубликован доклад Совета ЛДП по изучению «договора безопасности», в котором настаивалось на необходимости срочного рассмотрения мер на чрезвычайный период.

20 октября 1977 г. тогдашний премьер-министр Японии Фукуда, отвечая в одной из комиссий палаты советников на вопрос о законодательстве военного времени, заявил: «Для сил самообороны быть готовыми к чрезвычайным обстоятельствам является обязанностью. Изучать, что следует делать, имея в виду чрезвычайные обстоятельства, естественно; проводить это изучение по указаниям начальника (управления национальной обороны. — В. Е.) желательно». Комментируя ответ премьер-министра, газета «Акахата» писала, что премьер-министр Фукуда открыто признает, что ведется работа над законодательством военного времени, и что «в Управлении национальной обороны на этом основании приступили к конкретному изучению вопроса»[31].

---

[31] «Акахата», 27.XI.1977.

* * *

Решительные протесты широкой демократической общественности Японии являются основной силой, препятствующей реакционным изменениям уголовного, уголовно-процессуального, иммиграционного и административно-полицейского законодательства. Активная борьба ведется и в области правоприменительной практики.

Фактическими пособниками правящих кругов в осуществлении курса на дальнейшую «реакцию в юстиции» являются экстремисты различных — «левацкого», троцкистского, маоистского — оттенков. Экстремисты нападают на полицейских, совершают ограбления банков, закладывают бомбы с часовым механизмом в помещениях корпораций. В 1970 и 1973 гг. они захватывали самолеты японской авиакомпании «Джал», в 1974 и 1975 гг. нападали на посольства Франции в Гааге, США и Швеции в Куала-Лумпуре, в 1972 и 1974 гг. учинили дерзкие вооруженные вылазки в Израиле и Сингапуре. Правящие круги Японии, карательные органы цепляются за эти злодейские выходки, с тем чтобы продолжить и усилить попытки ужесточить «законодательство в области общественного спокойствия» и практику его применения против демократических сил.

Кровавые междоусобные стычки (ути-гэба) различных экстремистских формирований позволяют полиции, подавляя их, создавать себе авторитет «охранителя общественных интересов», в результате чего в коммерческой прессе «полиция охраны и общественной безопасности в конце концов приобрела устойчивое «право гражданства». Воспользовавшись буквально непрерывными ути-гэба, она сделала присущие ей стратегию и тактику утонченными до пределов, не имеющих сравнения в прошлом... По причине «ужасности и жестокости» (междоусобных стычек. — В. Е.) в повседневную практику введено также расширительное толкование применяемых законов»[32]. Проект закона о возможности суда без участия защиты выдвинут властями весной 1978 г. под предлогом борьбы с угоном самолетов экстремистами. Новые репрессивные предложения появились после бандитского налета экстремистов на токийский аэропорт Нарита, совершенного также весной 1978 г. Так прослеживается взаимосвязь между, с одной стороны, наиболее провокационными акциями экстремистских элементов и, с другой — политико-репрессивными мероприятиями властей.

[32] Х. Такигава, А. Исомура. Ути-гэба. Коан кися мэмо кара (Междоусобные стычки. Из записок репортеров по делам общественной безопасности). Токио, 1975, с. 21—22.

Тень Китая над Южной Азией и Средним Востоком

(Расчеты и просчеты Пекина)

С. Г. Юрков

В планах китайской экспансии на первом месте стоит Юго-Восточная Азия. Этот район в Пекине считают «утраченной территорией» якобы когда-то принадлежавшей Китаю. Пекинские правители вмешиваются во внутренние дела всех государств Юго-Восточной Азии, создают там свои «пятые колонны» [1]. Дэн Сяопин во время визита в некоторые страны этого района в ноябре 1978 г. отказался дать гарантию невмешательства Китая в их дела. Что несет с собой распространение влияния Китая на зарубежные страны, мир убедился на примере Кампучии, где свыше трех лет, создавая маоистскую модель общества, бесчинствовала кровавая клика Пол Пота — Иенг Сари. Против Социалистической Республики Вьетнам, не пожелавшей подчиниться китайскому диктату и ставшей препятствием на пути экспансии Пекина, осуществлялись военные провокации, переросшие затем в широкую агрессию.

Не обходят китайские «стратеги» своей заботой также страны Южной Азии и Среднего Востока.

В Южной Азии главная цель Пекина состоит в том, чтобы окружить Индию государствами, которые бы относились к ней недоверчиво и даже враждебно, чтобы ослабить и расчленить эту страну, которую в Пекине считают основным препятствием на пути экспансии Китая в Южную и Западную Азию.

Находясь в плену собственных иллюзий, китайское руководство исходит из того, что давление на Индию, грубое вмешательство во внутренние дела этой страны вынудят ее правительство пойти на серьезные уступки ради нормализации отношений с Китаем. Поэтому Пекин долгое время вообще оставался глухим к предложениям Дели вернуть отношения в нормальное русло и продолжал выдвигать одно условие за другим. 14 сентября 1969 г. представитель правительства Индии заявил: «Индия держит свои двери открытыми для переговоров с Китаем». Пекин не ответил. 3 октября 1969 г. министр иностранных дел Индии отметил, что растет угроза Индии со стороны Китая.

1971—1975 гг. ознаменовались резким усилением враждебности Пекина в отношении Индии. Подписание в августе 1971 г. договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией вызвало особое раздражение у пекинской верхушки. Она утверждала, будто договор является индо-советским сговором и направлен против Китая. В связи с восстанием в Восточном Пакистане, образованием Бангладеш и войной между Пакистаном и Индией в декабре 1971 г. в Пекине и с трибуны ООН, когда на ней появлялся представитель КНР, Индию обвиняли в «экспансионизме», «агрессии» против Пакистана, грозили

[1] Подробнее о политике Пекина в Юго-Восточной Азии см. «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 3.

ей репрессалиями. В январе 1972 г. китайская пропаганда стала заявлять, будто Индия намерена организовать «реакционный мятеж» в Тибете, что было категорически опровергнуто индийской стороной. Весной 1973 г. в Китае были переизданы документы по пограничному спору Китая с Индией, в которых высказывались претензии на индийскую территорию. Новым потоком клеветнических материалов разразился Пекин во время визита Л. И. Брежнева в Индию в ноябре 1973 г. Руководители КНР пытались охаять экономическое сотрудничество между СССР и Индией, показать, будто в советско-индийском сближении таится «угроза безопасности» соседних стран.

Китайские власти, которые продолжают гонку ядерных вооружений и не раз выступали против соглашений, ограничивающих распространение оружия массового уничтожения, квалифицировали индийский ядерный взрыв в мирных целях в мае 1974 г. как ядерный шантаж в отношении стран Южной Азии, как акт, усиливающий нестабильность в этой части мира.

Время от времени китайские власти поднимали вопрос о Кашмире; в феврале — марте 1975 г. они выступили против достигнутой договоренности между кашмирскими деятелями и центральным правительством Индии о включении Кашмира в состав Республики Индии на правах штата. Вспышка яростного гнева в Пекине была зафиксирована, когда Сикким стал штатом Индии; маоисты стремились представить это как «угрозу соседним странам». Пекин заявил, что не признает этот акт. «Китайцы, — отмечала индийская газета «Пэтриот», — адресуют Индии завуалированные угрозы, предсказывая, что народности, входящие в Индийский союз — нага, мизо, сиккимцы и кашмирцы, — восстанут против центральной власти. Это должно открыть глаза тем, кто вершит политику нашей страны. Могущественная Индия, независимая в политическом, экономическом и военном отношении, представляется Китаю препятствием на пути к осуществлению его шовинистических замыслов. В этом все дело» [2].

Пекин по-прежнему продолжал обучать вооруженных агентов, засылая их в Индию, всячески провоцировал военные действия племен нага и мизо против правительства. «Жэньминь жибао» выступила со статьей, в которой содержалась угроза расчленить Индию путем создания государств Нага, Мизо, Сиккистан [3]. Китайские власти подталкивают промаоистские группировки С. Сингха, А. Чаттерджи и многие другие на вооруженную борьбу с правительством. В марте 1975 г. было введено президентское правление в Нагаленде, политическая нестабильность в котором, как отмечалось в докладе правительства парламенту, явилась результатом, в частности, «вмешательства китайской агентуры во внутренние дела Нагаленда».

В 1972—1975 гг. правительство Индии не раз приглашало Пекин к диалогу по поводу нормализации индо-китайских отношений. Однако Пекин продолжал вмешиваться во внутренние дела Индии. С целью оказания нажима на Индию китайские войска 20 октября 1975 г. на одном из участков северо-восточной границы Индии обстреляли индийский пограничный патруль, убив несколько солдат.

В итоге длительных переговоров Дели и Пекин договорились в апреле 1976 г. обменяться послами. Посол Индии прибыл в Пекин в июле, а посол КНР в Дели — в сентябре 1976 г. В Индии надеялись на улучшение отношений, но его не последовало. Индийская газета «Трибюн» указывала в связи с этим: «Китаю не по вкусу особые отношения Дели с Москвой».

---

[2] "Patriot", 7.V.1975.
[3] См. «Жэньминь жибао», 31.I.1972.

Некоторые изменения в позиции Пекина наметились после выборов в Индии в марте 1977 г., когда Индийский национальный конгресс потерпел поражение и было сформировано правительство Джаната парти. Правда, Пекин продолжал настраивать соседние государства против Индии, требовал изменения внешнеполитического курса этой страны. В этой связи газета «Хинду» отмечала: «Индия не хочет, чтобы индийско-советская дружба стала камнем преткновения на пути к улучшению ее отношений с Китаем и Соединенными Штатами, но в то же время она, естественно, не хочет и ослабления этой дружбы под влиянием каких-либо посторонних соображений» [4].

Индийские комментаторы обращали внимание на то, что инициатива КНР, проявлением которой стал визит в Дели делегации доброй воли КНР во главе с Ван Биннанем в марте 1978 г., последовала после десяти месяцев наблюдений, которые вел Пекин за политикой правительства Джаната парти. Пекин рассчитывал на то, что новое правительство денонсирует договор о мире, дружбе и сотрудничестве с СССР, а когда этого не произошло, выразил свое недовольство и предпринял несколько пропагандистских вылазок против правительства М. Десаи. В Пекине надеялись, что, возможно, при нынешнем политическом положении в Индии им будет легче ухудшить отношения между Дели и Москвой.

Индия готова пойти по пути постепенного улучшения отношений, однако она считает, как сказал Ван Биннаню премьер-министр М. Десаи, что «полная нормализация отношений невозможна без урегулирования главной нерешенной проблемы — пограничного спора» [5].

В то же время продолжающееся вмешательство Пекина в дела Бирмы, Таиланда, Малайзии и поддержка антиправительственных сил, несмотря на «нормализацию» отношений КНР с этими странами, вызывают недоверие к реверансам китайских руководителей. Индийский еженедельник «Блитц» так охарактеризовал настроения, превалировавшие в Индии: «Особенный интерес представляют сообщения о том, что Пекин не только не ослабил (в качественном и количественном отношениях) помощь оружием враждебным племенам нага и мизо, но фактически стал предоставлять более «крупные субсидии для подрывных действий» в северо-восточных районах Индии. Еще одним обстоятельством, которое вызывает серьезную тревогу у наших руководителей, разрабатывающих политический курс, является усиливающийся интерес китайцев к Сиккиму. Сейчас широко известно, что Пекин активно финансирует одну непальскую группировку, действующую из Катманду, с целью вызвать беспорядки в Сиккиме посредством разжигания традиционной враждебности племен. Активизировали свои действия подрывающие стабильность силы на всей территории Северо-Восточного района, и особенно в Сиккиме, что явно свидетельствует о тайном сговоре между традиционными проамериканскими элементами и так называемыми ультрарадикалами.

...Таким образом, — продолжал «Блитц», — ...если рассматривать китайскую традиционную враждебность к Индии на этом фоне, то становится ясно, что вряд ли будет осуществлен какой-либо значительный сдвиг на пути к урегулированию давнишних разногласий между двумя странами... Дели, — писал в заключение «Блитц», — уже разъяснил свою позицию. Она состоит в том, что должны быть выполнены два

---

[4] "Hindu", 22.IX.1977.

[5] На границе между Синьцзяном и Тибетом, с одной стороны, и Джамму и Кашмиром — с другой, а также на центральном участке границы Китай оккупирует 44 тыс. кв. км территории, которую Индия считает своей. Кроме того, Пекин претендует на район к югу от так называемой «линии Макмагона» площадью 90 тыс. кв. км.

основных условия для значительного улучшения отношений между Индией и Китаем [6].

Во-первых, как часто повторяет премьер-министр Десаи, Китаю следует сделать действительный шаг на пути к урегулированию пограничного конфликта с Индией.

Во-вторых, необходимо, чтобы Пекин изменил свою региональную позицию, сменив неизменную враждебность к Индии на дружелюбие и стремление к сотрудничеству.

К сожалению, Пекин упорно сохраняет свою прежнюю позицию в отношении Южной Азии: как всегда, пытается изобразить Индию своим главным соперником и старается строить свою политику в отношении других стран района таким образом, чтобы не допустить того положения Дели на Индийском субконтиненте, которого он по праву заслуживает» [7].

Министр обороны Индии Дж. Рама заявил 17 октября 1978 г. на ежегодном совещании высшего командного состава сухопутных войск, что Китай лихорадочно вооружается, закупая оружие в западном мире, и получает большую поддержку со стороны определенных держав. Хотя Индия намерена улучшить свои отношения с Китаем, она не может пройти мимо того факта, что наращивание военных приготовлений китайцами в Тибете продолжается [8]. 8 декабря 1978 г. Дж. Рама сообщил парламенту, что Китай повышает боеспособность войск, дислоцированных в Тибете в непосредственной близости от границы с Индией. Китай забрасывает в Индию своих агентов, разжигает сепаратистские настроения в ряде штатов, обучает мятежников из племени нага, засылает в Индию враждебную литературу [9].

12 февраля 1979 г. начался долго откладывавшийся визит министра иностранных дел Индии А. Б. Ваджпаи в Китай. Назвав свой визит «исследовательским», А. Б. Ваджпаи рассчитывал добиться сдвига в решении территориального вопроса и прекращения поддержки Пекином повстанцев из народностей нага и мизо.

Надо сказать, что, соглашаясь на визит А. Б. Ваджпаи с 12 февраля, китайские власти уже готовили на 17 февраля нападение на Вьетнам. Тем самым они стремились поставить гостя в трудное положение. А. Б. Ваджпаи пришлось прервать визит и вернуться в Индию 18 февраля.

Что касается существа переговоров, то, хотя Ваджпаи был принят Хуа Гофэном, Дэн Сяопином и имел беседы с Хуан Хуа, вопросы, интересовавшие индийскую сторону, не вызвали энтузиазма у китайской стороны. Ничего, кроме взаимно выраженного желания «урегулировать пограничную проблему», Пекин не обещал. Индия не получила и гарантий прекращения вмешательства в ее внутренние дела. Ушли китайские собеседники и от разговора по проблеме Кашмира.

Китайская агрессия во Вьетнаме перечеркивает и без того скромные результаты поездки А. Б. Ваджпаи, как констатировало агентство ЮНИ, комментируя возвращение министра. «Процессу нормализации отношений между Индией и Китаем, — сделало вывод агентство, — нанесен серьезный ущерб». Газета «Амрита базар патрика» писала 18 февраля: «Нет нужды скрывать, что эта поездка не принесла успеха». Генеральный секретарь Джаната парти М. Лимайе заявил в парламенте 20 февраля, что, предприняв вторжение во Вьетнам во время пребывания в Пекине с официальным визитом индийского министра

---

[6] "Blitz", 19.III.1978.
[7] Ibid.
[8] См. "Times of India", 21.X.1978.
[9] См. «Правда», 10.XII.1978.

иностранных дел, Китай «нанес высокому гостю из Индии удар ножом в спину».

Индия осудила агрессию Китая против Вьетнама. Пока весь мир не оказался под угрозой, сказал 20 февраля в парламенте А. Б. Ваджпаи, необходимо как можно скорее приостановить дальнейшее расширение конфликта, вызванного массированным вооруженным вторжением китайских войск на вьетнамскую территорию [10]. В совместном советско-индийском коммюнике, подписанном в итоге визита А. Н. Косыгина в Индию в марте 1979 г., Советский Союз и Индия потребовали немедленного, безоговорочного вывода китайских войск с территории Вьетнама.

Пытаясь создать вокруг Индии кордон из враждебных ей государств, руководители Китая прежде всего сделали ставку на Пакистан. Учитывая сложность отношений между Пакистаном и Индией, Пекин прилагал усилия к тому, чтобы завлечь Пакистан в сети своей политики. Он всячески подогревал разногласия между этими странами, поощрял антииндийские выступления в Пакистане.

Когда в Восточном Пакистане вспыхнули волнения и военной администрацией была устроена резня, Пекин вначале занял выжидательную позицию, затем открыто одобрил действия пакистанских военных, хотя ряд деятелей Восточного Пакистана был тесно связан с Пекином. Больше того, китайские руководители попытались сыграть на эмоциях, царивших в Исламабаде, и выступили в роли «защитников» Пакистана. Агентство Синьхуа сделало 4 апреля 1971 г. предупреждение против «наглого вмешательства индийского правительства во внутренние дела Пакистана». В таком же духе говорилось о политике Индии в послании Пекина президенту Пакистана.

Снабжая режим Яхья Хана оружием, Пекин подтолкнул его на репрессивные действия, приведшие к войне между Пакистаном, с одной стороны, и Индией и Бангладеш — с другой. Когда Пакистан, а следовательно, и Пекин потерпели поражение, руководители Китая всячески тормозили урегулирование возникших проблем, в том числе установление отношений Пакистана с Бангладеш, с чем было связано и решение проблемы возвращения военнопленных. Соглашение между Индией и Пакистаном, подписанное в Симле в июле 1972 г., и признание Бангладеш Пакистаном в феврале 1974 г. были холодно встречены в Пекине.

Стремясь удержать Исламабад в орбите своей политики, китайские лидеры разжигали ажиотаж в Пакистане вокруг проблемы Кашмира, стремились помешать закреплению статус-кво по линии перемирия. В то же время китайские представители старались пробраться в армию, молодежное движение, обрабатывали пропагандистский аппарат, чтобы иметь рычаги воздействия на политику Пакистана.

В декабре 1977 г. с неофициальным визитом Китай посетил глава новой администрации Зия уль-Хак. Хуа Гофэн и Дэн Сяопин подтвердили намерение поддерживать тесные отношения с Пакистаном, говорили о «справедливой борьбе Пакистана за самоопределение Джамму и Кашмира». В июне 1978 г. в Пакистане побывал заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. Китайские эмиссары подталкивают Пакистан на враждебные действия против Демократической Республики Афганистан. Ли Сяньнянь, посетивший Пакистан в январе 1979 г., обещал, «как и раньше», твердо поддерживать усилия народа и правительства Пакистана в вопросе о Джамму и Кашмире.

В то же время Пекин недоволен тем, что Пакистан пошел на нормализацию отношений с Индией, расширяет связи с СССР, высказывается за разрядку международной напряженности, за ограничение вооружений.

[10] Цит. по «Правда», 21.II.1979.

Образование Бангладеш было расценено в Китае как результат «происков» Индии и СССР [11]. В Пекине выступили против борьбы 70-миллионного народа за освобождение и образование своего государства. КНР дважды воспользовалась правом вето в Совете Безопасности на принятие Бангладеш в ООН и отказалась признать молодую республику, хотя Дакка несколько раз выражала готовность забыть прошлое и предлагала установить нормальные отношения. Пекин делал все, чтобы испортить отношения Бангладеш с Индией. Население Бангладеш он запугивал «экспансионистскими устремлениями» Индии, выдвигал лозунг создания «великой Бенгалии», рассчитывая поссорить эти страны. В то же время китайцы разжигали вражду к правительству Бангладеш со стороны нацменьшинств. В Бангладеш были созданы, финансировались и вооружались Пекином экстремистские группы, которые прибегали к террору, громили органы власти. В мае 1974 г. ряд пропекинских группировок образовал «объединенный фронт»; расширились связи между легальными и нелегальными группами. Пропекинская агентура налаживала сотрудничество с реакционными религиозно-общинными силами.

Переворот в Бангладеш и убийство Муджибура Рахмана в августе 1975 г. вызвали благоприятный отклик в Пекине. КНР сразу же признала Бангладеш и стала подстрекать на недружественные действия в отношении Индии, явно действуя параллельно с ЦРУ США.

Глава новой администрации, а затем президент Бангладеш в 1976—1978 гг. трижды посетили Китай. В марте 1978 г. в Дакке побывал Ли Сяньянь. В итоге состоявшихся визитов КНР стала главным поставщиком оружия Дакке. Пекин поощрял спор Бангладеш с Индией относительно распределения вод реки Ганг. Усилилась китайская пропаганда в Бангладеш, активизировали свою деятельность промаоистские группы (их лидеры М. Тоха и К. З. Ахмед посетили в 1977 г. Китай). Левацкие пропекинские группы нередко входят в блок с крайне правыми группировками для противодействия правительству.

Пекин спекулирует на некоторых трудностях в отношениях между Непалом и Индией, поощряет антииндийские настроения в Непале, намекая, что в случае чего Непал может положиться на Китай. Делегация КНР во главе с Го Можо во время поездки в Непал в феврале — марте 1970 г. много говорила о неизменной дружбе КНР и поддержке справедливой борьбы Непала против иностранного вмешательства, в защиту национальной независимости. В январе 1971 г. китайская печать выступила с угрозами в адрес Дели в связи с возникшими между Индией и Непалом трудностями по вопросам транзита и торговли. Китайские руководители убеждали делегацию национального панчаята, посетившую КНР в марте 1971 г., что Китай и Непал — добрые соседи, чья традиционная дружба уходит корнями в далекое прошлое и неуклонно развивается, что она может даже служить примером отношений между государствами с различным социальным строем. Забыв о погромах местных хунвэйбинов в Непале во время «культурной революции», руководители КНР твердили, что «решительно выступают против великодержавного шовинизма, выражающегося в оскорблении большими странами малых и третировании сильными странами слабых».

Задаче усилить китайское присутствие в Непале, ослабить политические и экономические связи этой страны с Индией были подчинены переговоры, которые вели китайские руководители с королем Бирендра, посетившим КНР в декабре 1973 г. Собеседники короля «восхищались» смелостью, с которой Непал-де «бойкотирует давление извне». Для запугивания Непала «угрозой» со стороны Индии был использо-

[11] См. «Жэньминь жибао», 28.IV.1971.

ван факт включения Сиккима в состав Индии в качестве ассоциированного штата.

Демонстрируя на словах дружелюбие к правительству Непала, Китай на деле не отказывается от подрывной деятельности в этой стране. Непальский еженедельник «Самикша» сообщал в начале июня 1974 г. о разгроме в одном из южных районов Непала банды местных маоистов в составе 18 человек. Потеряв надежду заинтересовать «идеями Мао» жителей, члены пропекинской организации перешли к грабежам. На допросе один из руководителей маоистов в зоне Лумбини признал, что его банда грабила местное население, чтобы добыть средства для своей подпольной деятельности. Еженедельник указывал, что банда награбила имущества на 20 тыс. рупий. Несколько ранее он сообщил о суде над группой пекинских агентов, совершивших ряд убийств с целью грабежа. Группа М. Б. Сингха ведет нелегальную работу среди интеллигенции и студентов; группа Н. Ламы привлекается посольством КНР для оказания влияния на администрацию и ведения пропекинской пропаганды; организация наксалитов используется для крайних, в том числе террористических, актов против представителей властей. Некоторые бывшие промаоистские группировки отказались от ориентации на Китай на конференции в Бирганже в июле 1978 г., заявив, что «внешняя политика Китая приобрела реакционное содержание».

Во время бесед с премьер-министром и королем Непала, посетившими Китай соответственно в апреле и в июне 1976 г., китайские руководители, фабрикуя легенды об угрозе со стороны Индии, заверяли непальских государственных деятелей в энергичной поддержке сопротивления «экспансионизму».

В феврале 1978 г. Непал посетил Дэн Сяопин. Китай обязался построить в Непале сахарный завод и бумажную фабрику. Стороны договорились о воздушном сообщении. С 27 сентября по 4 октября 1978 г. в Китае находился премьер-министр Непала К. Н. Биста. Гость и хозяева изложили свои позиции, непальский государственный деятель поблагодарил за поддержку Китаем идеи объявления Непала зоной мира.

Помощь Китая Непалу подчинена военно-политическим соображениям. Не случайно упор делается на строительство дорог, особенно в пограничных с Индией районах. Китайские обязательства по оказанию помощи составляют 130,4 млн. долл., фактически использовано менее 40 млн. долл.

Политика «двойного дна» проводится Пекином в отношении Шри Ланки. Китай оказывает ей некоторую помощь, из года в год происходят обменные сделки — риса на каучук. Внешне отношение Пекина к правительству Шри Ланки как будто лояльное. На деле же китайские агенты стремятся вызвать в стране политическую нестабильность, обрабатывают в этом духе партийных фракционеров из партии свободы, пытаются прибрать к рукам газеты, в том числе рупоры троцкистских групп. Как сообщалось в печати, Пекин был причастен к выступлениям в марте — апреле 1971 г. левоэкстремистских групп, которые прибегли к террористическим актам и даже вооруженным нападениям. Лидер мятежников Рохан Виджевера был связан с Китаем. Полиция обнаружила тайные склады оружия. Правительство ввело чрезвычайное положение. Китайскому руководству пришлось искать пути выхода из щекотливого положения. Премьер Государственного совета КНР направил в мае 1971 г. письмо премьер-министру Шри Ланки, в котором предложил заем в размере 150 млн. рупий (25 млн. долл.). Касаясь выступлений мятежников, глава китайского правительства заявил, что «иностранные шпионы проникли в ряды гевараистов», и вы-

разил удовлетворение тем, что мятежники взяты под контроль. Тем не менее в Шри Ланке продолжают действовать пропекинские группы.

В последние годы влияние Китая в Шри Ланке заметно поубавилось. Нормализация обстановки на субконтиненте, подписание 25 марта 1976 г. соглашения о морской границе между Шри Ланкой и Индией сократили возможности оказания воздействия Пекина на Коломбо.

Суть политики Китая в отношении стран Среднего Востока состоит в том, что он пытается спровоцировать ухудшение их отношений с северным соседом, помочь империализму в создании на советской южной границе враждебного СССР пояса. Это часть общего замысла о создании «широкого международного фронта» против Советского Союза. Пекин был немало встревожен апрельской революцией в Афганистане и значительным улучшением советско-турецких отношений в 1978 г.

Иран долго рассматривался Пекином как ключевое звено в его политике на Среднем Востоке. Китайские руководители хотели видеть в этом районе блок правых режимов под главенством Тегерана. Китай поощрял наращивание военного потенциала Ирана, заявляя, будто это способствует обеспечению безопасности в Персидском заливе. Тегеран, понимая, что возможности КНР крайне ограничены, тем не менее старался использовать поддержку Китая для достижения своих целей: превратить Иран в империалистическую державу, установить господство в Персидском заливе и во всей Юго-Западной Азии.

Правители Пекина и правительство шахиншаха под предлогом недопущения «военного присутствия сверхдержав» выступали против присутствия советских кораблей в Индийском океане, поддержали Сомали в конфликте с Эфиопией, одобрительно отнеслись к сепаратным переговорам Египта с Израилем, имели совпадающие точки зрения на обстановку на Юге Аравийского полуострова. В то же время из-за негативного подхода КНР к вопросам разрядки международной напряженности, обеспечения безопасности в Азии, разоружения их позиции расходились.

Для усиления влияния на Иран китайские руководители практиковали частые контакты. В 1972—1978 гг. Иран посетили заместители премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин и Ли Сяньнянь, парламентские делегации во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Уланьфу и Дэн Инчао, министры иностранных дел Цзи Пэнфэй, а затем Хуан Хуа. В свою очередь в Китай приглашались шахиня, сестры и братья шаха, министр экономики, торговые, культурные, спортивные делегации.

Пекин явно навязал Тегерану визит председателя ЦК КПК, премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна, состоявшийся 29 августа — 1 сентября 1978 г. В Иране проходили мощные антиправительственные демонстрации, атмосфера была накалена, и шаху было не до дипломатических бесед с гостем из Китая. Пекин считал, что именно в этой обстановке важно продемонстрировать поддержку правительству Ирана.

Китайский руководитель вновь заявил об одобрении политики Ирана в зоне Персидского залива и Индийского океана, советовал оказать большую помощь Пакистану, чтобы предотвратить там такие же события, как в Афганистане. В то же время, учитывая позицию Ирана, он не мог дать волю антисоветским эмоциям и был вынужден ограничиться репликами о «гегемонизме и экспансионизме сверхдержав». Никакого совместного коммюнике принято не было, не состоялась и пресс-конференция Хуа Гофэна, хотя она была запланирована. Визит завершился подписанием соглашения по вопросам культуры, предусматривающего обмен в области информации и образования. Было также парафировано соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Шах Ирана принял приглашение посетить КНР. Итоги явно скудные.

Товарный обмен между двумя странами был небольшой — около 60 млн. долл. Научно-технические связи концентрировались на проблемах разведки, добычи и переработки нефти; китайские представители проявляют также интерес к опыту сооружения атомных электростанций.

В Пекине с тревогой встретили мощные антимонархические выступления в Иране, заявления народно-демократических сил, что Иран должен выйти из военных блоков, отказаться от проимпериалистической ориентации и перейти на позиции неприсоединения. На пресс-конференции в Вашингтоне 31 января 1979 г. Дэн Сяопин заявил, что «стратегическое положение Ирана очень важно», Китай практически ничего не может сделать в связи с событиями в Иране, но США, дескать, «должны предпринять более активные меры» [12]. Визитер из Пекина явно призывал к империалистической интервенции в Иране.

Китай настойчиво добивается активизации отношений с Турцией. Практическая деятельность Пекина развертывается в двух плоскостях: с одной стороны, он пытается придать более динамичный характер двусторонним отношениям, а с другой — оживить деятельность маоистских организаций, чтобы показать правительству Турции масштабы влияния КНР и пригрозить возможными внутренними беспорядками. Реакция Турции на инициативы Китая носит сдержанный характер, в правительственных кругах допускают возможность взаимодействия с Пекином, но в таких рамках, чтобы это не нанесло ущерба отношениям с Советском Союзом. Точек соприкосновения двух сторон мало, зато немало различий в подходе к международным проблемам. В отличие от пекинского руководства, выступающего с апологетикой войны, премьер-министр Турции Б. Эджевит заявил, что «правительство будет проводить внешнюю политику, направленную не на нагнетание международной напряженности, а на ее разрядку, укрепление мира во всем мире». Если китайские власти ратуют за разработку новых видов оружия массового уничтожения, то турецкое правительство призывает «воспрепятствовать тем достижениям в военной технологии, которые представляли бы угрозу человечеству». Противоположны подходы Турции и Китая к таким проблемам, как нераспространение ядерного оружия, полное и всеобщее запрещение испытаний ядерного оружия, урегулирование на Ближнем Востоке (Турция — за созыв Женевской мирной конференции с участием Организации освобождения Палестины) и т. д.

В силу этих причин совершенно бесплодным оказался визит Хуан Хуа в Турцию в июне 1978 г. Китайский визитер прибыл в Турцию накануне поездки премьер-министра Б. Эджевита в Советский Союз. Поддерживая Турцию по кипрскому вопросу, Хуан Хуа старался заодно навязать мысль о «советской угрозе» Турции. Турецкая сторона подчеркнула, что такой «угрозы» она не видит. Крупный успех визита Б. Эджевита в СССР и турецко-советское сближение лишний раз свидетельствовали, что китайский эмиссар старался зря.

На нежелание турецкого правительства идти по пути ухудшения отношений с СССР Пекин ответил оживлением деятельности маоистов в Турции. Он побуждает их к объединению; в январе 1978 г. состоялось собрание «учредителей» «рабоче-крестьянской партии». Однако многие группы маоистов не вошли в эту «партию», и единый маоистский центр создать не удалось. К тому же маоисты в Турции разделились на пропекинскую и проалбанскую фракции. Малочисленные и разобщенные маоистские группы тем не менее создают угрозу общественному порядку, прибегая к террору, совершая другие уголовные преступления. Они нередко блокируются с правоэкстремистскими организациями.

[12] "New York Times", 1.II.1979.

Китайско-турецкие торговые связи незначительны и не имеют перспектив развития.

Что касается Афганистана, то, пытаясь сбить его на враждебные СССР позиции, Пекин создавал там группы своих сторонников, старался оказывать влияние на правительство через межгосударственные отношения, толкал правящие круги на сближение с западными державами и странами СЕНТО. Апрельскую революцию в Пекине встретили со скрытым негодованием, с явным опозданием (на одиннадцатый день) признали Демократическую Республику Афганистан. Китайские руководители сразу же присоединились к происками империалистических государств и реакционных сил в Пакистане и Иране, целью которых являются создание в Афганистане обстановки хаоса и неуверенности, ликвидация демократической республики. Распространяя небылицы о «руке Москвы», о стремлении СССР якобы пробиться к Индийскому океану, пекинские правители подталкивают империалистические державы, Иран и Пакистан к более решительным мерам против ДРА. Китайская агентура устанавливает связи с контрреволюционными силами, пытается доставить им оружие. Одна из банд террористов, арестованная в июне 1978 г., была вооружена китайским автоматическим оружием. Совершают вылазки и местные маоисты. Они призывают к борьбе против народно-демократической власти в ДРА, называя ее не иначе как «социал-империалистическое» правительство.

Правительство демократического Афганистана видит эту враждебную деятельность и должным образом оценивает ее. «Мы не хотим на данном этапе называть какую-либо страну, — заявил Н. М. Тараки в интервью 21 сентября 1978 г., — но знаем, что некоторые государства, которым наша революция не понравилась, подстрекают против нее черную реакцию и левых экстремистов. В соответствующее время мы предадим все это гласности и скажем, какая страна вмешивается в наши внутренние дела».

Особенно наглядно раскрылась враждебность Пекина к ДРА, когда СССР и ДРА подписали 5 декабря 1978 г. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Пекин не удержался и выступил с заявлением, будто заключение договора означает создание военного союза, угрожающего безопасности соседних государств [13].

Правительство ДРА в заявлении от 20 февраля 1979 г. выступило с осуждением вооруженного вторжения Китая на территорию Вьетнама и выразило полную поддержку доблестному народу этой страны. Оно потребовало немедленного вывода всех иностранных вооруженных сил с территории СРВ.

В заключение следует отметить, что политика Пекина как во времена Мао Цзэдуна, так и при нынешних правителях направлена на то, чтобы посеять семена раздора в Южной Азии и на Среднем Востоке, содействовать сохранению и укреплению позиций империализма, проложить путь для распространения влияния «срединной империи». Однако обстановка здесь развивается вовсе не так, как того хотели бы китайские руководители. Несмотря на старания империалистической пропаганды выставить нынешний Китай этаким большим, но слабым ребенком, народы Южной Азии и Среднего Востока на практике убеждаются, что политика Пекина носит деструктивный, провокационный характер, что она чужда их чаяниям и опасна для дела мира.

[13] См. «Жэньминь жибао», 7.XII.1978.

Роль и место зарубежных китайцев в политике Пекина

Т. М. Котова,
кандидат исторических наук

В течение длительного времени ряд объективных факторов способствовал сохранению тесных семейных, экономических и политических связей зарубежных китайцев с родиной и все события, происходившие в стране, находили непосредственную реакцию в зарубежных китайских общинах. При этом нередко значительное влияние на формирование позиций зарубежных китайцев оказывала политическая агитация противников существовавших в Китае режимов. В годы, предшествовавшие падению цинской монархии, таким фактором была революционная деятельность Сунь Ятсена, приведшая к росту революционных настроений в китайских общинах, созданию революционно-демократических организаций, активно поддерживавших прогрессивные революционные преобразования в Китае. Зарубежные китайцы оказывали моральную поддержку и материальную помощь китайскому народу в борьбе против японского милитаризма. Вместе с тем после Синьхайской революции, разгрома милитаристского (1924—1927) и правогоминьдановского режимов (1948—1949) из страны бежала многомиллионная армия активных контрреволюционеров, реакционеров, помещиков и крупной буржуазии, что сказалось не только на социальной структуре зарубежных общин, но и на их политической ориентации.

Образование в 1949 г. Китайской Народной Республики с воодушевлением было встречено только представителями трудящихся слоев и прогрессивно настроенной частью интеллигенции китайских общин. С точки зрения зарубежной китайской буржуазии, союз с которой был важен для правительства КНР по причинам экономического порядка, Китай был коммунистической страной, хотя сам факт создания независимого, единого китайского государства не мог не импонировать определенной ее части. Поворот китайской зарубежной буржуазии к сотрудничеству с Пекином начался лишь на рубеже 50—60-х годов, когда Мао Цзэдуну удалось повернуть страну с пути построения социализма и навязать КПК буржуазно-националистическую идеологию.

Роль и место зарубежных китайцев в политике руководства КПК не были одинаковыми на различных этапах развития КНР. Они определялись целым комплексом причин, среди которых самой важной был характер внутриполитического развития страны. Однако немаловажную роль играла и конкретная политика Пекина, на которую оказывали влияние различные тенденции, существовавшие в руководстве страны и находившие наиболее откровенное выражение в практике Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

Согласно подходу Мао Цзэдуна, у китайской национальной буржуазии, в состав которой включали большую часть зарубежной китайской буржуазии, превалируют не классовые, а национальные интересы, поэтому она на основе идеологического единства может пойти на оказание безоговорочной поддержки и помощи Китаю. При этом в политике допускалась недооценка роли экономического фактора и пере-

оценка роли политики как «командной силы». Чжоу Эньлай при практическом проведении в жизнь курса Мао Цзэдуна исходил из преимущественного учета экономического фактора, понимая, что достижение союза с зарубежной китайской буржуазией может произойти или на основе полного отказа от завоеваний китайского народа, что было невозможно в условиях после победы революции, или на основе частичных уступок как со стороны китайского правительства, так и со стороны зарубежной китайской буржуазии, то есть на базе определенного политического компромисса. Достижение подобного компромисса требовало применения гибкой и осторожной тактики, временных отступлений, учета внешних и внутренних факторов и т. д.

В первое десятилетие внутриполитическое развитие Китая проходило под преобладающим влиянием генеральной линии КПК, нацеливавшей китайский народ на построение социалистического общества, что определяло временный характер сотрудничества с национальной буржуазией (включая зарубежную китайскую буржуазию), ограниченного задачами переходного периода.

До 1954 г. участие зарубежной китайской буржуазии в экономическом строительстве страны определялось целями Общей программы НПКС и проходило под лозунгом национального единства всех китайцев. Считая всех зарубежных китайцев гражданами КНР, Пекин включил их в общую численность населения страны и в 1949 г. предпринял попытку установить непосредственный контакт со всеми их организациями. Китайское правительство взяло на себя обязательство «сделать все возможное для защиты» прав и интересов зарубежных китайцев [1] и немедленно «улучшить их положение в глазах мира» [2]. Им была отведена важная роль в государственном и политическом строительстве нового Китая: представители зарубежных китайцев участвовали в разработке Общей программы, в системе Народного демократического единого фронта их интересы выражали такие партии, как Чжигундан (Партия справедливости) и отчасти Демократическая лига Китая. Политический курс в отношении зарубежных китайцев, сформулированный в середине 1951 г., в качестве первоочередных задач предусматривал «пропаганду достижений Родины, новой демократии, идей Мао Цзэдуна», экономическую и политическую поддержку Китая и нацеливал их на борьбу с режимом Чан Кайши, американским империализмом, за поднятие авторитета родины под лозунгом «великого патриотического единства всех китайцев» [3].

Объединив всех зарубежных китайцев, даже бывших сторонников гоминьдановского правительства, в подобный «единый фронт», китайское правительство, используя их поддержку, пыталось решить основную задачу, стоящую перед страной, — прорвать экономическую блокаду империалистических государств. Но в то время призывы китайского правительства находили поддержку и одобрение в основном среди представителей трудящихся слоев зарубежных китайцев. Позиция китайской зарубежной буржуазии и особенно крупной буржуазии определялась тем, что экономически она была тесно связана с основными империалистическими державами, разделяла их враждебность к КНР и учитывала состояние экономической блокады, хотя программа делового сотрудничества, намеченная в Пекине, могла привлечь определенную ее часть.

С первых дней существования КНР были приняты конкретные меры, направленные на стимулирование притока денежных переводов, которые, по планам Пекина, должны были составить основную часть

[1] Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950, с. 49.
[2] «Наньфан жибао», 5.X.1950.
[3] «Жэньминь жибао», 14.VII.1951.

валютных запасов республики[4]. С этой целью была разработана особая «покровительственная» политика в отношении проживающих в Китае родственников зарубежных китайцев, одобрена программа инвестиций в народное хозяйство. Она ограничивалась традиционными вложениями в строительство школ, больниц, гостиниц, жилья, а также в лесоразработки, освоение целинных земель и улучшение ирригационных сооружений. Однако заявления об охране денежных переводов и поощрении инвестиций в основном носили характер тактических лозунгов и не были подкреплены реальными уступками зарубежной буржуазии, вклады которой в банках КНР оставались блокированными. Проведение особой политики в отношении родственников внутри страны нередко вызывало непонимание и недовольство со стороны кадровых и партийных работников, которые не выполняли указаний Комитета по делам зарубежных китайцев[5]. Комитет вынужден был подбирать специальные кадры и учить их «не афишировать» привилегии, предоставляемые родственникам. В ходе аграрной реформы, несмотря на то что «раздавались голоса, требующие вообще не проводить никаких преобразований в районах, населенных родственниками»[6], руководство КНР отказалось от принятого ранее решения «не отчуждать» земельные владения, созданные на основе денежных переводов из-за границы. В результате была национализирована собственность 90% помещиков — родственников зарубежных китайцев. Существенным препятствием на пути завоевания доверия зарубежных китайцев стал проявлявшийся уже тогда «ультрареволюционный» экстремизм маоистов, который приводил к насильственному изъятию большей части денежных переводов, принуждению родственников к вкладам на блокированные счета в банках. Родственники находились в Китае практически на положении заложников, «гарантировавших» поступление иностранной валюты, которая нередко вымогалась с помощью шантажа и угроз.

Экстремистские заявления Китая, требовавшие «уплаты кровавых долгов», угрожающие, что китайский народ предпримет «решительные и эффективные меры» для прекращения преследований зарубежных китайцев, настойчиво пропагандировавшие китайский революционный опыт и «идеи Мао Цзэдуна», были использованы империалистическими странами. Подогревая и муссируя слухи об «угрозе» со стороны Китая, о стремлении Пекина превратить зарубежных китайцев в свою «пятую колонну», они стремились оторвать зарубежных китайцев от воздействия коммунистических идей, разгромить прогрессивные организации зарубежных китайцев и укрепить в китайских общинах позиции правых антикоммунистических сил. Учитывая это, руководство Комитета предпринимало попытки несколько приглушить ультрареволюционаризм, сделав больший акцент на пропаганде национализма среди зарубежных китайцев.

В 1954 г. первая Конституция КНР законодательно закрепила курс на построение в стране социализма, что должно было постепенно сузить рамки сотрудничества с буржуазией и перевести капиталистическую собственность в общенародную[7]. Оказываемая в это время КНР Советским Союзом и странами социалистического содружества огромная и всесторонняя помощь в определенной степени снимала необходимость привлечения в страну иностранных капиталов на основе госкапитализма. Однако именно в середине 50-х годов в период националистических вылазок Мао Цзэдуна, состоявших в провозглашении антисоциалистической кампании «ста цветов» и первых нападках на гене-

[4] См. «Жэньминь жибао», 27.X.1949.
[5] См. там же, 25.V.1957.
[6] Там же.
[7] См. Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1954, с. 8.

ральную линию КПК, сопровождавшихся выдвижением идеи о «неантагонистическом» характере противоречий с национальной буржуазией, в Китае была разработана широкая программа сотрудничества с зарубежной китайской буржуазией. В 1955 г. с целью ликвидации «недовольства» зарубежных китайцев результатами аграрной реформы и для интенсификации притока денежных переводов было объявлено о досрочном изменении классовой принадлежности почти 95% помещиков из числа родственников зарубежных китайцев[8]. В том же году под лозунгом «накопление валюты — самая высокая политика» утверждена новая линия в отношении денежных переводов, которые объявлялись «законным доходом родственников» и охрана которых стала «долгосрочной политикой» Пекина[9]. С целью более широкого привлечения капиталов зарубежной китайской буржуазии вне зависимости от наличия родственных связей в Китае в 1957 г. на заседании ПК ВСНП были одобрены «Правила предоставления льгот китайским эмигрантам, вкладывающим свой капитал в государственные инвестиционные компании китайских эмигрантов». Постановление Госсовета КНР по этому вопросу гарантировало владельцам постоянный фиксированный доход с капитала, половина которого могла быть переведена в страны проживания инвеститоров в местной валюте, и подтверждало, что капитал остается законной собственностью владельцев и после построения социализма[10]. Была значительно расширена сфера приложения капиталов. Были устранены территориальные ограничения для вкладов, которые теперь допускались в промышленность, внутреннюю и внешнюю торговлю, банковское и страховое дело, коммунальное хозяйство. Несмотря на ряд существенных и неоправданных уступок зарубежной китайской буржуазии, намеченный план сотрудничества с ней был вполне допустим и отчасти оправдан в условиях продолжавшейся экономической блокады империалистических государств и в переходный период, когда правительство для быстрейшего построения социализма в стране может использовать иностранный капитал в целях максимального укрепления и укрупнения государственного сектора народного хозяйства. Правила инвестиций зарубежной китайской буржуазии, ограниченные временными рамками, были составлены с таким учетом, чтобы не допустить обратной утечки капитала из Китая, передачи его другому лицу или по наследству. Несомненно, что эти ограничения, а также отсутствие классовой базы сотрудничества оказывали сдерживающее влияние на зарубежную буржуазию, заставляли ее сохранять выжидательную или резко враждебную позицию по отношению к Пекину. Хотя надо отметить, что влияние Китая на зарубежных китайцев увеличилось, а программа строительства социализма привлекла в страну значительное количество научной и технической интеллигенции.

В 1954 г. китайское правительство, стремясь нормализовать отношения с соседними странами Азии на принципах мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела иностранных государств, выступило с предложением решить вопрос о «двойном гражданстве» лиц китайского происхождения. Согласно китайским заявлениям, лица с «двойным гражданством» должны, исходя из своего желания, выбрать себе гражданство КНР или иностранное гражданство[11]. Однако Китай признавал такой выбор законным только после подписания с заинтересованным государством соответствующего договора. Эта инициатива китайского правительства создавала условия для коренного изменения отношений Пекина с зарубежными китайцами, так как они разделялись

[8] См. «Дагун бао», 10.III. 1956; 15.XII.1956.
[9] См. «Жэньминь жибао», 3.III.1955.
[10] См. там же, 3.VIII.1957.
[11] См. «Жэньминь жибао», 10.V.1955.

на две категории: граждан КНР, от которых требовалось «соблюдение законов страны проживания»[12], и иностранцев китайского происхождения, выходящих из-под юрисдикции КНР.

Вопрос о предоставлении зарубежным китайцам возможности отказа от китайского гражданства[13] вызвал разногласия в руководстве Китая. В 1955 г., даже в 1956 г., преобладало мнение о возможности перехода в иностранное гражданство лишь для ограниченного круга зарубежных китайцев. Так, в договоре о двойном гражданстве, подписанном в 1955 г. с Индонезией, не затрагивалась судьба граждан КНР и была разработана подробная программа обратного возвращения индонезийских китайцев в гражданство КНР[14]. О праве китайцев на возвращение в гражданство КНР было сказано и бывшему главному министру Сингапура Д. Маршаллу. В 1956 г. Чжоу Эньлай, разъясняя сущность новой политики китайцам, живущим в Бирме, потребовал от всех принявших бирманское гражданство немедленного разрыва всех связей с китайскими организациями в стране[15], что нельзя не расценить как угрозу превращения этих лиц в «изгоев» не только для Китая, но и для китайских общин в Бирме.

К концу 1956 г. подход к вопросу о гражданстве значительно изменился. Теперь приветствовалось принятие зарубежными китайцами (включая граждан КНР) гражданства страны проживания. Наличие такого гражданства уже расценивалось в Пекине как «демонстрация патриотизма». Зарубежных китайцев призывали считать себя частью местного населения, изучать их язык, географию, историю, культуру, получать хорошую квалификацию, вкладывать капиталы в промышленность и сельское хозяйство[16].

На V сессии ВСНП второго созыва в 1957 г. был обсужден вопрос о будущем зарубежных граждан КНР, от которых правительства иностранных государств могли потребовать выезда из страны. Депутаты сессии от зарубежных китайцев в коллективном обращении высказывали мнение, что при «благоприятных условиях» количество высланных или пожелавших выехать на родину китайцев не будет большим. Эту позицию можно расценить как скрытый призыв уменьшить вмешательство в дела зарубежных китайцев или в какой-то мере ограничить провозглашенное Пекином обязательство о «защите прав и интересов» зарубежных китайцев. Решение, принятое на сессии, свидетельствовало, что Китай не собирается отказываться от права «защищать» своих граждан за рубежом и принял решение о подготовке к возможной массовой репатриации их в Китай[17].

Однако вся эта позитивная по форме программа сопровождалась откровенной пропагандой среди зарубежных китайцев националистических настроений и идеи «нерушимости связей с родиной». Для подогревания националистических настроений в 1957 г. было принято решение о создании в Китае широкой сети учебных заведений для зарубежных китайцев[18].

После 1958 г., когда в КНР начались принципиальные изменения во внутренней и внешней политике, роль и значение зарубежных китайцев значительно возросли и появились объективные предпосылки

---

[12] Доклад о работе правительства. Пекин, 1954, с. 30.

[13] Китайское законодательство, исходившее из «принципа крови», не признавало отказ от китайского гражданства даже при получении китайцами гражданства страны проживания.

[14] Сборник документов о политике в отношении китайских эмигрантов. Пекин, 1957, с. 20.

[15] См. там же, с. 3.

[16] См. «Жэньминь жибао», 7.II.1957.

[17] См. там же.

[18] См. там же, 3.VIII.1957.

для более тесного союза с зарубежной китайской буржуазией. Свертывание связей с Советским Союзом и странами социалистического содружества и широкая конфронтация с империалистическими странами превращали экономическое сотрудничество с зарубежными китайцами практически в единственную возможность привлечения в народное хозяйство страны средств. Это было особенно важно в связи с проведением в 1961—1965 гг. мероприятий правительства, направленных на «урегулирование народного хозяйства страны» после тяжелых последствий «большого скачка». Меры, принятые китайским правительством в начале 60-х годов, свидетельствовали о намерении превратить сотрудничество с зарубежной китайской буржуазией в постоянно действующий фактор экономического развития страны. На расширенной конференции Комитета по делам зарубежных китайцев в 1962 г. подчеркивалось, что капиталовложения, наличные деньги, дома и другая собственность зарубежных китайцев навсегда останутся их личной собственностью [19]. В 1963 г. одобрено разработанное правительством положение о поощрении китайских эмигрантов за согласие продлить срок инвестиций. В практической деятельности все более явно стало проявляться основное направление работы правительства — курс на сближение с крупной буржуазией, в союзе с которой Пекин видел «залог успеха работы со всеми зарубежными китайцами». Почти все депутатские места зарубежных китайцев в ВСНП и НПКС были отданы представителям крупного китайского капитала или лидерам зарубежных китайских общин. В 1960 г. в руководство Комитета по делам зарубежных китайцев был введен председатель партии Чжигундан Чэнь Цию.

В принципиальных изменениях политики Китая, приведших к принятию националистического курса, к отходу от социалистических методов управления народным хозяйством, принижению роли КПК, утверждению культа личности Мао Цзэдуна, к борьбе с «советским ревизионизмом», зарубежные китайцы (и особенно китайская буржуазия) увидели возможность дальнейшей переориентации Китая и создания прочной буржуазно-националистической базы сотрудничества. Эти надежды подкреплялись результатами многочисленных идеологических кампаний, не затрагивавших основные интересы буржуазных слоев, а направленных против рабочего класса, партийных, профсоюзных и общественных организаций КНР. Даже в годы «культурной революции» некоторые китайские банки в Гонконге и Шанхае продолжали выплачивать зарубежным китайцам несколько пониженный процент дохода, из которого четвертую часть разрешалось переводить в страны проживания. Преследования родственников «хунвэйбинами» были прекращены уже осенью 1966 г., о чем было немедленно сообщено пропекинской гонконгской прессой.

Нельзя не учитывать, что экстремистские левацкие методы Мао Цзэдуна, требовавшего от своих союзников безусловного «почитания его идей», не могли не оказывать отрицательного влияния и настораживали зарубежных китайцев. Материалы, опубликованные в годы «культурной революции», показывают, что руководством Комитета по делам зарубежных китайцев (за спиной которого стоял Госсовет) были предприняты меры, направленные на некоторое «сглаживание» этого отрицательного влияния. Например, несмотря на то что основной задачей партии в работе с зарубежными китайцами была объявлена политическая и идеологическая работа [20] и все родственники зарубежных китайцев были обязаны принимать участие в идеологических кампаниях, в практической деятельности Комитет старался «изолировать» их

[19] См. «Цяоу бао», 1962, № 2.
[20] См. там же, 20.I.1959.

от негативных сторон кампаний. В 1963 г. было издано специальное указание, запрещавшее действия «по разоблачению» родственников зарубежных китайцев; в период движения «за социалистическое воспитание» определению классовой принадлежности не подлежали родственники зарубежных китайцев, живущие за счет денежных переводов, и лица, которым классовая принадлежность была досрочно заменена в 1955 г. Однако эти мероприятия не могли оказать достаточно сильного воздействия на зарубежных китайцев, так как не носили характера официальной политики и касались довольно ограниченного круга родственников зарубежных китайцев. Следует сказать, что в годы «культурной революции» методы работы Комитета по делам зарубежных китайцев и его руководство подверглись яростной критике со стороны «хунвэйбинов», что по существу было выражением недовольства практикой Чжоу Эньлая.

Роль зарубежных китайцев не ограничивалась участием в экономическом развитии Китая. Перейдя к великодержавному, шовинистическому курсу, направленному на утверждение в мире китайского влияния, правительство КНР впервые разработало широкую программу использования зарубежных китайцев в качестве политического орудия для достижения своих целей на международной арене. В 60-е годы основная ставка делалась на экстремистские маоистские организации и партии, которые под лозунгом участия зарубежных китайцев совместно с местным населением в антиимпериалистической борьбе, «где бы она ни происходила»[21], подталкивались на выступление против международного коммунистического и рабочего движения, за отрыв от него национально-освободительного движения развивающихся стран. В планы Пекина не входило поощрение зарубежных китайцев к действительному участию в антиимпериалистической, освободительной борьбе. Согласно китайским заявлениям, в Лаосе, например, участие зарубежных китайцев ограничивалось «борьбой с империализмом» в освобожденных районах. В Южном Вьетнаме, где большая часть китайской общины до 1975 г. продолжала поддерживать сайгонское правительство, китайцы «примкнули» к освободительной борьбе вьетнамского народа в ограниченных масштабах лишь в 1965 г., когда появилась реальная угроза падения южновьетнамского правительства. Отнюдь не целями антиимпериалистической борьбы объяснялась активная помощь зарубежных китайцев в укреплении позиций Пекина в Индонезии, которая должна была стать основным союзником КНР в его планах борьбы за гегемонию в Азии.

В период «культурной революции» зарубежные китайцы были использованы как канал для прямого экспорта маоистских концепций за рубеж как путем открытой пропаганды «идей Мао Цзэдуна», распространения его цитатников, значков, критики местных властей, так и путем организации беспорядков, в ходе которых китайская молодежь устраивала демонстрации по типу хунвэйбиновских дебошей. Обращает на себя внимание, что особенно остро положение складывалось в странах, имевших дипломатические отношения с КНР и на внутреннюю или внешнюю политику которых китайское правительство хотело оказать непосредственное давление.

«Особый курс» Мао Цзэдуна на международной арене привел к полной дискредитации левых организаций зарубежных китайцев. Слепым следованием линии Пекина они полностью изолировали себя от международного коммунистического и рабочего движения, от национально-освободительной борьбы народов стран проживания и превратились в замкнутые сектантские группы заговорщиков и террористов.

---

[21] См. «Чжунго синьвэньшэ», 4.V.1965.

После IX съезда КПК (1969) общая переориентация политического курса Китая, принятие линии на сближение с промышленно развитыми капиталистическими державами, провозглашение борьбы с СССР как основным врагом КНР, что в концентрированном виде выражало враждебность Пекина к силам мирового социализма, — все это принципиально изменило основы сотрудничества Китая с зарубежными китайцами. Базой этого сотрудничества становился теперь союз с представителями эксплуататорских слоев зарубежных китайских общин, которые, учитывая их тесную связь с правящими кругами, особенно в странах ЮВА, могли оказать влияние на позиции этих кругов, благоприятствовать проведению китайского внешнеполитического курса. Увеличение авторитета КНР на международной арене в 70-е годы, приведшее к росту националистических настроений среди зарубежных китайцев и распространению мысли о наступлении в мировой истории «эры Китая» [22], объективно способствовало этому сближению.

Роль и место зарубежных китайцев в новых условиях определялись рамками разработанного Мао Цзэдуном курса из «шести иероглифов» («жестче внутри», «мягче вовне», «пускать корни»), создававшего основы для успешного осуществления «великой борьбы», которая, по мнению Мао Цзэдуна, в будущем может проходить в форме расовых и национальных столкновений. Союзниками Китая могли стать все зарубежные китайцы, «несмотря на их прошлые ошибки» [23], от которых требовалось лишь проявление «патриотизма». Формально, согласно трактовке маоистского руководства, под «патриотизмом» понималась «поддержка социалистического отечества, КПК, линии Мао Цзэдуна и Общей программы НПКС». Упоминание об Общей программе НПКС, сделанное в сборнике «Родина и эмигранты», выпущенном в Гонконге пропекинским издательством «Дагун бао», подтверждало фактический отказ IX съезда КПК от генеральной линии КПК на переходный период, то есть отказ от программы строительства в стране социализма. Это не могло не вызвать благожелательной реакции зарубежной китайской буржуазии, которая получала таким образом возможность участия в политическом и экономическом строительстве Китая на новой, буржуазно-националистической основе.

Внутри страны в качестве практических шагов были восстановлены некоторые привилегии для родственников зарубежных китайцев — возобновлена политика «поощрения» денежных переводов (стали выплачивать полную сумму перевода и был повышен процент на вклады зарубежных китайцев в банках); улучшено снабжение родственников продовольствием, снижены ограничения на получение посылок, сокращено рабочее время родственников зарубежных китайцев (иногда с 25 до 15 рабочих дней в месяц), поощрялось строительство домов на деньги, переводимые из-за границы. Несмотря на то что в 1969 г. был издан указ о роспуске инвестиционных компаний зарубежных китайцев, уже с конца 1969 г. вначале в порядке исключения, а затем официально всем, у кого окончился срок вкладов, предлагалось получить в Народном банке обратно свои паевые вклады, которые, однако, было запрещено вывозить из страны в денежной форме. С сентября 1972 г. возобновилась выплата дивидендов и была обещана компенсация за урон, понесенный зарубежными китайцами в «годы культурной революции».

Согласно принятому Госсоветом КНР постановлению относительно ослабления ограничений на выезд из страны, расширялся круг лиц, имеющих право подавать такие заявления. Однако практическое применение постановления наглядно подтверждало отсутствие по этому вопросу единого мнения в руководстве КНР. Нередко подавших заяв-

[22] См. «Наньян сянбао», 7.IX.1971.
[23] См. «Дагун бао», 1.X.1972.

ление преследовали и открыто обвиняли в «буржуазных настроениях». В ряде районов население призывали к развертыванию массовых кампаний борьбы против «настроений выезда в Гонконг», «трех западных настроений»[24]. С одной стороны, желательным считался выезд из страны тех, кто проникнут «буржуазными настроениями», а с другой стороны, позволяли это сделать лишь тем, кто «горячо любит родину», отвечает «соответствующим требованиям», имеет прямых родственников, получивших гражданство в странах своего постоянного проживания. Все отъезжающие должны были давать обязательство в будущем постоянно поддерживать связи с посольствами и консульскими учреждениями КНР. Несмотря на постоянно появляющиеся призывы «исправить политику», по-прежнему было широко распространено недоверие к репатриантам и родственникам зарубежных китайцев, которых считали «врагами», «агентурой иностранных государств».

В рамках курса, направленного на урегулирование межправительственных отношений, в политику Пекина был внесен ряд тактических изменений, одним из которых стало указание «мягче вовне». Оно должно было убедить страны, что Китай готов пойти на решение вопроса о гражданстве зарубежных китайцев. В открытых заявлениях лидеры КНР подтверждали, что КНР не признает статуса «двойного гражданства» и призывает китайцев за рубежом принимать гражданство страны проживания, соблюдать законы страны проживания. В качестве практического шага был ликвидирован как «ненужный» Комитет по делам зарубежных китайцев[25]. В мае 1972 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали совместную директиву о «въезде в Китай иностранцев, иностранных граждан китайского происхождения, китайских студентов и китайских эмигрантов», а с 1973 г. был ликвидирован равный статус при въезде в Китай для китайских эмигрантов и иностранцев китайского происхождения. Таким образом Пекин хотел подчеркнуть, что делает разницу между своими гражданами и иностранцами независимо от их происхождения. Пропагандистские органы страны в обращении к зарубежным китайцам стали применять целый набор терминов: «китайские эмигранты», «потомки китайцев», «иностранцы китайского происхождения». Согласно совместным коммюнике об установлении дипломатических отношений, подписанным в 1974—1975 гг. с Малайзией, Филиппинами и Таиландом, уже не предусматривалось право зарубежных китайцев на свободный выбор гражданства. Все китайцы, имеющие или получившие местное гражданство, автоматически теряли гражданство КНР. Это давало возможность Пекину снять с себя моральную ответственность за поведение зарубежных китайцев и обязанность защищать их в критические моменты.

Бывший министр иностранных дел Цяо Гуаньхуа, выступая в мае 1975 г. перед руководящими работниками, заявил, что такой подход снимает с КНР «неоправданные заботы, требующие больших затрат энергии, ресурсов и финансов», а наличие у зарубежных китайцев местного гражданства выгодно для Пекина, так как помогает укреплению экономических и политических позиций зарубежных китайцев в других странах.

Таким образом, видно, что тактическая линия «мягче вовне» непосредственно соприкасается с установкой «пускать корни». С этой целью зарубежных китайцев продолжали убеждать, что и в случае принятия местного гражданства они по-прежнему остаются «родными братьями китайского народа»[26], от которых требуется «горячо любить

[24] «Три западных настроения» включали в себя: восхищение Западом, преклонение перед Западом, сближение с Западом. Борьба с ними наглядно подтверждает отсутствие единства по вопросу о направлении внешнеполитического курса КНР.

[25] См. "Far Eastern Economic Review", vol. 82, № 39, October 1, 1973.

[26] См. «Дагун бао», 1.X.1972.

родину», пропагандировать ее «преимущества», участвовать в общественной и политической жизни зарубежных стран, проникая в учреждения, профсоюзные и общественные организации, создавать сеть пропекинских китайских организаций. Как стало известно, на Юге Вьетнама еще до победы вьетнамского народа при прямом участии Китая была создана Ассоциация китайских эмигрантов «за мир». Ее курс, определенный пекинскими лидерами, состоял в том, чтобы жить мирно, накапливать силы, ждать удобного случая, сплачивать буржуазию и интеллигенцию, отправлять денежные переводы и технических специалистов в КНР [27]. В 1971 г. в Сингапуре разразился скандал, приведший к закрытию нескольких газет и аресту группы журналистов. В ходе расследования выяснилось, что редактор газеты «Истерн сан», получив от китайской разведки около 7,2 млн. гонконгских долл., ввел в штат газеты ее представителя. Согласно правительственному заявлению, чтобы создать политическую ситуацию, благоприятную для целей Пекина, китайские власти стремились «захватить и использовать местные органы массовой информации как один из наиболее эффективных способов влияния на общественное мнение» [28].

Активизация работы нынешнего руководства с зарубежными китайцами является составной частью общего курса на блокирование с империализмом, с наиболее реакционными силами. В современных условиях Пекин намеревается использовать зарубежных китайцев в двух основных направлениях: во-первых, чтобы привлечь их экономический и научный потенциал для осуществления программы «модернизации» и милитаризации экономики; во-вторых, для поддержки своего великоханьского гегемонистского курса на международной арене.

Выступая прямыми наследниками экспансионистского курса Мао Цзэдуна, нынешние лидеры для достижения стратегических целей, намеченных Мао, стремятся использовать наиболее рациональные методы, что приводит к отказу от некоторых ортодоксальных маоистских установок. В отношении зарубежных китайцев это выразилось в отказе от установки «жестче внутри», которая в прошлом служила основным препятствием на пути завоевания доверия зарубежных китайцев. Сейчас не только облегчен, но и приветствуется выезд за границу на постоянное жительство родственников зарубежных китайцев, упрощены правила въезда для лиц китайской национальности, приезжающих на традиционные и национальные праздники КНР, для встреч с родными. Постепенно восстанавливаются привилегии для родственников, им возвращается собственность, реквизированная в годы «культурной революции», со многих сняты ярлыки «правых», расширяется сеть учебных заведений для зарубежных китайцев и «соотечественников» из Гонконга, Макао и Тайваня. Для «успокоения» зарубежных китайцев в новую Конституцию КНР внесено принципиальное добавление, согласно которому государство охраняет права и интересы не только китайцев, проживающих за границей, но и их родственников внутри Китая [29].

В качестве практических шагов, подтверждающих намерение китайского правительства предоставить зарубежной китайской буржуазии широкие возможности для участия в экономическом и политическом строительстве страны, в Пекине был разработан специальный справочник по инвестициям зарубежных китайцев, планируется создание смешанных предприятий и «особых экспортных зон», где на иностранных предприятиях будет использоваться дешевая китайская рабочая сила. Вероятно, кроме Гонконга, такой зоной сможет стать и Макао, куда

[27] См. «Нян зан», 8.IX.1978.
[28] "Straits Times", 16.V.1971.
[29] I Сессия ВСНП КНР пятого созыва (Документы). Пекин, 1978, с. 184.

китайские власти намереваются поставлять рабочую силу из Китая. В Пекине обсуждается вопрос о «размораживании» в банках КНР вкладов зарубежных китайцев, жителям Гонконга вновь разрешено покупать дома в провинции Гуандун. Китайское руководство планирует привлечь капитал зарубежных китайцев практически во все сферы народного хозяйства. Об этом свидетельствует тот факт, что на Всекитайской конференции по делам зарубежных китайцев в декабре 1978 г. в качестве делегатов присутствовали родственники зарубежных китайцев и репатриантов, работающие в сельском хозяйстве, промышленности, здравоохранении, просвещении, транспорте, в научных учреждениях и служащие НОАК. На них была возложена обязанность «пропагандировать установки партии, проводить воспитательную работу среди друзей и родственников за границей»[30]. Большие надежды в Китае возлагают на помощь американских ученых китайского происхождения, которые входят в научную элиту США и занимают влиятельные позиции в ядерной физике, термодинамике, физике полупроводников, теоретической и прикладной математике, баллистике, космонавтике, астрогеологии, химии сложных полимеров и вычислительной технике. Они не только преподают в высших учебных заведениях США, но и возглавляют научные исследования в лабораториях ряда компаний, работающих по контрактам Пентагона. Заметно участившиеся визиты в КНР американских ученых китайского происхождения свидетельствуют о стремлении китайского руководства активнее использовать этот канал научной и военной информации. Для обработки китайских ученых используются все средства: от ведения на них досье, посылки писем с обещаниями всяческих благ до шантажа и использования родственных и деловых связей.

Новый этап работы с зарубежными китайцами сопровождается восстановлением организаций, занимающихся работой с зарубежными китайцами, проведением конференций, съездов Всекитайской ассоциации репатриантов. Родственники зарубежных китайцев, репатрианты и «соотечественники» принимали активное участие в сессиях ВСНП и НПКС. Двое из гонконгских «соотечественников» (миллионер Хо Ин и редактор газеты «Дагун бао» Фэй Имин) впервые были избраны в Постоянный комитет НПКС. Восстановление деятельности демократических организаций подготовило место зарубежным китайцам и в политической жизни китайского общества.

Как и прежде, формой сближения с зарубежными китайцами является «патриотический единый фронт». Всех китайцев, включая «связанных с Китаем кровными узами» иностранцев китайского происхождения, призывают усилить сплоченность, расширять рамки фронта путем разъяснительной работы даже с теми, «кто питает недоверие к родине и выступает против нее»[31]. Одновременно, призывая всех зарубежных китайцев примкнуть к «самому широкому международному фронту» борьбы с «гегемонизмом», Китай стремится втянуть их в русло глобальной борьбы с силами социализма. Играя на патриотизме и сознательно преувеличивая их роль, Пекин пытается уверить зарубежных китайцев, что их «патриотические позиции» укрепят безопасность родины и послужат делу «максимальной изоляции и сокрушения главных врагов»[32].

Как известно, китайское руководство сделало попытку использовать китайскую общину СРВ в качестве ударной силы в политической борьбе с социализмом и для вмешательства во внутренние дела суве-

---

[30] См. «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
[31] См. Там же, 4.I.1978.
[32] См. там же.

ренного государства. Оценивая события во Вьетнаме, некоторые политические деятели Азии, принимая повод за причину, заявляли, что они гарантированы от такого вмешательства Пекина, так как никогда не будут проводить социалистические преобразования. Тем не менее эти события заставили многих еще раз пересмотреть свое отношение к китайской политике и попытаться добиться от Китая неких «конкретных гарантий» невмешательства. Однако, как показал опыт Вьетнама, для Пекина не могут служить препятствием межпартийные или межправительственные соглашения. В частности, факт наличия у китайского населения гражданства другой страны не станет препятствием для использования зарубежных китайцев в претворении в жизнь великодержавной политики. В Кампучии, например, наблюдалось единство действий китайского руководства с бывшим режимом Пол Пота — Иенг Сари, поэтому Пекин не выражал протеста против политики геноцида в отношении китайской общины в этой стране. В 1977—1978 гг. в США и Японии зарубежные китайцы исполняли роль «моста дружбы», проводя активную пропагандистскую работу, направленную на установление дипломатических отношений КНР с США и быстрейшее подписание японо-китайского мирного договора. Китайские дипломатические представители тщательно следили за деятельностью зарубежных китайцев, посещали их собрания, съезды, выступали с программными речами. Сейчас активизация деятельности китайских дипломатических представителей наблюдается в ряде стран Латинской Америки. В этой связи особенно часто в китайской прессе упоминаются такие страны, как Перу, Панама, Венесуэла и Ямайка.

Работа пекинского руководства с зарубежными китайцами в настоящее время сопровождается усилением пропаганды великоханьского национализма. При этом акцент делается на необходимость сохранения у китайцев своих традиций, нравов, обычаев, изучения китайского языка (и особенно пекинского диалекта), то есть на развитие чувства принадлежности к китайской нации. Одновременно, как писала индонезийская газета «Мердека», зарубежным китайцам «пытаются внушить проникнутое духом великодержавного шовинизма представление об их превосходстве над другими народами». Обращение Пекина к правительствам стран ЮВА с выражением надежды на то, что они будут «уважать» обычаи, нравы и традиции китайцев, а также подтвержденные Конституцией КНР гарантии государства «охранять» права и интересы зарубежных китайцев, вызывает тревогу у этих стран и расценивается как «вызов». Пропаганда неприкрытого национализма, призывы к сохранению «национальной принадлежности», под которой подразумевается «лояльность и поддержка» Пекина, свидетельствуют о переходе Китая (особенно в районе ЮВА) от политики зангрывания, составлявшей основное содержание установки «мягче вовне», к практике открытого давления путем угрозы создания в странах «пятой колонны» из зарубежных китайцев. По словам американской газеты «Крисчен сайенс монитор» от 6 ноября 1978 г., в настоящее время «среди азиатских деятелей гораздо сильнее беспокойство из-за поддержки Пекином зарубежных китайцев, чем из-за поддержки повстанческих движений».

В середине 50-х годов китайское правительство отказалось от принципа кровного родства при определении гражданства и разрешило зарубежным китайцам, имевшим «двойное гражданство», выбрать одно из них. Затем право на выбор иностранного гражданства было предоставлено всем зарубежным китайцам, и к началу 60-х годов лишь 40% лиц китайской национальности, проживающих за границей, имело гражданство КНР. В последующие годы принятие иностранного гражданства получило широкое распространение, и к настоящему времени его получили 90% всех зарубежных китайцев.

Заявления китайских лидеров в 70-е годы свидетельствуют о том, что они признают этот процесс и не считают этих лиц гражданами КНР. Китайская пропаганда разделила всех китайцев на «китайских эмигрантов» (хуацяо), потомков китайцев и иностранцев китайского происхождения. Нынешнее руководство в официальной пропаганде также придерживается этой точки зрения. Передовая статья газеты «Жэньминь жибао» от 3 июля 1978 г. заявляла, что «Китай не признает одностороннего определения гражданства по принципу кровного родства». В этой же статье подчеркивалось, что под «китайскими эмигрантами» понимаются граждане КНР. «Если китайский эмигрант принимает гражданство страны проживания, то он перестает считаться китайским эмигрантом, теряет гражданство КНР и становится иностранцем китайского происхождения», который должен быть «лояльным гражданином страны проживания». Именно в такой форме агентство Синьхуа дало перевод этой формулировки на русский язык.

Разъясняя сущность своей политики, пекинские лидеры говорят, что их призывы направлены именно к китайским эмигрантам, которые должны «поддерживать родину, оказывать ей помощь в деле модернизации страны». Однако если учесть, что сейчас количество граждан КНР за рубежом не превышает 4 млн. человек и они являются наименее зажиточной частью китайских общин или вновь прибывшими в страны, то станет ясным, что эта, не обладающая прочными экономическими и политическими позициями, группа китайского населения не может оказаться «полезной» для планов Пекина. Призывы китайского руководства обращены к другой части китайского населения — китайцам, имеющим гражданство страны проживания и составляющим 90% китайцев, проживающих за рубежом. В таких условиях призывы «помочь родине экономически и в борьбе с ее врагами» не могут не рассматриваться как прямое вмешательство во внутренние дела иностранных государств путем использования в своих целях граждан этих государств. Для того чтобы как-то закамуфлировать факт открытого вмешательства, пекинские власти прибегают к нарочитой путанице в терминологии и в большей части официальных заявлений продолжают называть всех зарубежных китайцев «китайскими эмигрантами».

Следует обратить внимание на то, что в первой Конституции КНР 1954 г. Китай принимал на себя обязательство по защите прав «китайских эмигрантов, проживающих за границей». Это означало, что все китайцы, проживающие за рубежом, считаются в Пекине гражданами КНР. В Конституции КНР 1978 г., принятой уже после того, как Китай официально признал наличие среди зарубежных китайцев как граждан КНР, так и иностранцев китайского происхождения, также указывается, что государство обязывается «охранять права и интересы китайцев, проживающих за границей». Речь идет о том, что Китай по-прежнему считает всех китайцев, проживающих за границей, своими «подданными» и обсуждение с другими странами проблемы гражданства зарубежных китайцев для Пекина носит лишь характер политических маневров. Нет сомнения, что, продолжая считать себя верховным «сюзереном» всех китайцев, Пекин оставляет для себя возможность вмешательства во внутренние дела других государств при случае, когда это будет удобным и необходимым для политических целей самого Китая.

Англия во внешней политике Китая

А. Г. Ларин,
кандидат филологических наук

Великобритания на протяжении многих лет занимает видное место в китайской дипломатии в западноевропейском регионе. Это объясняется не только весом Англии в европейских делах, но и ее видным местом в общей системе мирового империализма.

В 60—70-х годах пекинские лидеры, основываясь на принципах великодержавного гегемонистского «особого курса», подчинили свою деятельность в отношении Лондона задаче торможения разрядки на Европейском континенте, одновременно рассчитывая использовать достижения английской науки и техники для форсированного наращивания своего военно-экономического потенциала[1]. Такая направленность политики Пекина, идущая вразрез с потребностями улучшения международного климата в Европе, придала развитию китайско-английских отношений сложный, противоречивый характер.

* * *

Переориентация внешнеполитического курса, стремление использовать империалистические державы в качестве тактических союзников побудили маоистское руководство в начале 70-х годов ускорить процесс нормализации дипломатических отношений с Великобританией.

К этому времени Китай уже обменялся послами с Францией и некоторыми другими западноевропейскими странами. С Англией же дипломатические отношения осуществлялись на уровне временных поверенных лишь с 1954 г., хотя это было первое капиталистическое государство, признавшее КНР де-юре в январе 1950 г.

Заторможенность развития китайско-английских отношений объяснялась главным образом тем, что на курс Лондона оказывало нажим правительство США, проводившее в то время резко враждебную КНР политику. Во время «культурной революции» взаимоотношения КНР и Великобритании еще более ухудшились после ряда инцидентов, явившихся следствием проведения так называемой хунвэйбиновской дипломатии.

В результате длительных и трудных переговоров в 1971—1972 гг. стороны решили нормализовать дипломатические отношения, обменявшись послами. Китаю, занявшему жесткую позицию, удалось добиться от Англии серьезных уступок: Великобритания не только разорвала дипломатические отношения с Тайванем, отозвав свое консульство, но и однозначно признала права КНР на этот остров. Между тем большинство капиталистических стран при установлении дипломатических отношений с Пекином ограничивались компромиссным согласием «принять к сведению» позицию китайского правительства, считающего Тайвань «неотъемлемой частью территории КНР» («канадская формула»).

[1] О китайско-английских отношениях с 1949 г. см. ст. В. П. Ломыкин. Политика КНР в отношении Англии. — В сб. Китай и капиталистические страны Европы. М., 1976.

Кроме того, в 1971 г. Великобритания перестала поддерживать предложение США о допуске КНР в ООН лишь при наличии большинства в $^2/_3$ голосов. Английская делегация выступила также против попытки США создать в ООН представительства «двух Китаев» — КНР и тайваньского режима.

Согласие Лондона на эти уступки объяснялось несколькими причинами. Британские монополии, чтобы опередить своих конкурентов из других стран, хотели как можно скорее закрепиться на китайском рынке. В Лондоне стремились также, сблизившись с Китаем, заручиться его благожелательным отношением к английским интересам в Азии, и прежде всего к сохранению статус-кво последней британской колонии — Гонконга. Наконец, стоявшее в то время у власти консервативное правительство Э. Хита, отличавшееся крайней реакционностью и во внутренней и во внешней политике, намеревалось как можно активнее использовать маоистское руководство в качестве силы, враждебной социалистическому содружеству.

Китайское руководство, со своей стороны, стремилось использовать расширяющиеся контакты с английскими государственными деятелями для того, чтобы дать новый импульс антисоветизму лидеров тори и таким образом затормозить поворот от «холодной войны» к оздоровлению международного климата в Европе, начавшийся под воздействием инициативной, конструктивной политики социалистических стран.

Постепенно стало заметно, что на фоне развивающихся в духе сотрудничества советско-французских отношений и «восточной политики» Бонна китайские руководители отдают Англии предпочтение перед другими ведущими западноевропейскими державами, связывая с курсом консерваторов свои надежды на срыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также венских переговоров о сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе. Повышенный интерес Китая к Великобритании был отмечен и западными наблюдателями [2].

Правительство Хита недвусмысленно поддерживало резко враждебную Советскому Союзу линию китайского руководства. Поощряя территориальные претензии маоистов к СССР, Хьюм утверждал, что советско-китайская граница будет «предметом спора», так же, как и «будущее провинций, входящих сейчас в состав Советского Союза», но когда-то якобы «составлявших часть Китайской империи» [3]. Стремясь не допустить нормализацию советско-китайских отношений, британская пресса, политические деятели, включая того же Хьюма, выступали с провокационными заявлениями, будто бы Советский Союз «концентрирует на китайской границе свои войска» [4] и др.

Курс на превращение Европы в арену конфликтов между государствами с различным социальным строем определил отношение Пекина к вопросу участия Англии в Европейском Экономическом Сообществе, который был одним из центральных в политике Лондона в первой половине 70-х годов. В КНР надеялись, что вступление Англии в ЕЭС позволит ускорить дальнейшую интеграцию западноевропейских стран и сможет придать ему четко выраженный антисоветский характер. Как отмечали западные исследователи, руководство КНР стало рассматривать присоединение Великобритании к «шестерке» как «ценный вклад в создание прочного антисоветского блока на западном фланге Москвы» [5]. Поэтому пекинское руководство с энтузиазмом отнеслось к переговорам

[2] См., например, "Times", 29.IX.1973.

[3] См. "Daily Telegraph", 23.III.1973.

[4] Из выступления Хьюма в парламенте с традиционной речью по внешнеполитическим вопросам 14.XII. 1972 г.

[5] R. Boardman. Britain and the People's Republic of China. 1949—1974. London, 1976.

о вступлении Великобритании в ЕЭС[6] и дало самую положительную оценку состоявшемуся в 1973 г. официальному присоединению ее к Сообществу[7]. Дэн Сяопин в одном из своих выступлений в самых хвалебных тонах отозвался о действиях Хита, который «решительно вернул Англию в Европу». «Это,— заявил китайский деятель,— важная акция, благоприятная для борьбы против сверхдержав»[8].

Более того, в Пекине с одобрением отнеслись к притязаниям Великобритании на лидерство в «Общем рынке». «Китай хотел бы, чтобы Англия играла не только видную, но и руководящую роль в Европейском Сообществе»[9],— отмечала лондонская пресса.

Безусловно, главным объектом, против которого китайская дипломатия хотела бы с помощью Великобритании направить усилия «объединенной Европы», был Советский Союз. В то же время, укрепляя связи с Великобританией и поощряя ее участие в «Общем рынке», китайское руководство ставило перед собой и другую цель — заставить Вашингтон ощутить растущее международное влияние Китая и таким образом подтолкнуть Соединенные Штаты к сближению с Пекином, к уступкам ему.

Исходя из этой задачи, Пекин одно время начал поддерживать Великобританию в ее разногласиях с США. Определенный антиамериканский заряд содержался в ряде материалов китайской прессы, которая подчеркивала, что Лондон «форсирует объединение с западноевропейскими странами, чтобы бороться с таким положением, когда сверхдержавы усиливают свое соперничество во всем мире, а международные позиции Англии стремительно расшатываются»[10].

Очень скоро, однако, китайское руководство пришло к выводу, что в интересах борьбы против мирового социализма интеграция западноевропейских стран не должна сопровождаться ослаблением их участия в НАТО. Наблюдатели могли теперь уверенно констатировать, что маоистов «не очень тревожат связи Англии с Америкой»[11].

Стремясь к максимальной консолидации империалистических сил, китайские лидеры с особым одобрением отнеслись к предложению английского премьер-министра продвинуть интеграцию европейских капиталистических стран до степени совместной организации «обороны Западной Европы», причем осуществить ее в рамках Североатлантического пакта. Во время поездки Хита в КНР Чжоу Эньлай, по свидетельству английских журналистов, неоднократно призывал «поторопиться» с проведением в жизнь этой идеи[12].

Таким образом, с начала 70-х годов между Пекином и консервативным правительством Великобритании сложились отношения тесного партнерства, охватившего значительный круг проблем и имевшего исходной точкой общее стремление сторон не допустить смягчения международной напряженности, особенно на Европейском континенте.

* * *

В феврале 1974 г. на внеочередных парламентских выборах консерваторы, с которыми у Пекина имелось «много общего в позициях по широкому кругу политических проблем»[14], потерпели поражение, к власти пришла лейбористская партия. В изменившихся условиях китайской дипломатии, цели которой оставались прежними, пришлось заново опреде-

[6] См., например, «Жэньминь жибао», 22.III.1972.
[7] См. «Жэньминь жибао», 5.I. и 15.V.1973.
[8] Там же, 26.V.1974.
[9] "Times", 1.XI.1972.
[10] Ibid., 20.X.1971.
[11] "Daily Telegraph", 4.XI.1972.
[12] Ibid., 30.V.1974.
[14] Из выступления А. Хьюма в палате общин 27.VI.1973 г.

лять свое отношение к политике английского правительства и по-иному распределять внимание между правящей партией и оппозицией.

Получив мандат на управление страной, лейбористская партия в условиях потепления международного климата в Европе подвергла пересмотру политику торможения разрядки, проводившуюся ее предшественниками, и перешла к более позитивному курсу во взаимоотношениях с Советским Союзом. В 1975 г. состоялся визит в СССР премьер-министра Великобритании Г. Вильсона, ознаменовавшийся подписанием ряда документов, заложивших основу для плодотворного сотрудничества двух стран. Правительство Вильсона продемонстрировало заинтересованность в успехе общеевропейского совещания и переговоров в Вене. В поисках выхода из экономических трудностей лейбористы объявили о своем намерении провести сокращение военных расходов.

Расчеты Пекина на Англию как на силу, тянувшую Европу назад, ко временам «холодной войны», оказались опрокинутыми.

В создавшейся обстановке китайское руководство сделало ставку на консервативную оппозицию [15], стремясь своими действиями оказать ей поддержку в новом туре избирательной борьбы. Э. Хиту, сохранившему пост лидера консервативной партии, во время его поездки в КНР в 1974 г. был оказан подчеркнуто торжественный прием. Ему предоставили возможность встретиться с Мао Цзэдуном и обсудить с ним «широкий круг тем», а спустя год с небольшим вновь приехать в Китай и еще раз провести с Мао «дружественную беседу». Пекин дал понять, что рассматривает главу тори как наиболее достойного руководителя британского политического мира.

Это звучало как открытый вызов не только внешнеполитическому курсу правительства Вильсона, но и самому факту пребывания его у власти. Следствием подобной позиции Пекина явилось заметное охлаждение двусторонних отношений. Уже вскоре после поездки Хита в Пекине могли убедиться, что британское правительство относится к Китаю «без особого интереса» [16], китайская тема почти исчезла из выступлений правительственных деятелей Великобритании.

Когда же после устранения «банды четырех» новое китайское руководство, упрочив свое положение, начало постепенно активизировать отношения с Западом, оно ясно показало, что его симпатии по-прежнему на стороне тори [17].

Реакция со стороны лейбористов не заставила себя ждать: в печати появились сообщения, что премьер-министр Каллагэн не станет спешить с намечающимся визитом в КНР. Китайские же лидеры, как отмечала английская пресса, были озадачены той «небрежностью, с которой Каллагэн и его министры подходили к отношениям с КНР» [18].

Тем не менее спустя некоторое время маоистское руководство решило предпринять шаги с целью сближения с Лондоном. Пользуясь усложнившейся международной обстановкой, чтобы произвести в Западной Европе широкие закупки современных видов вооружения, Пекин счел целесообразным усилить внимание к Англии с ее развитым военным производством. Неожиданно Великобритания была включена в план намеченной на 1979 г. поездки Хуа Гофэна в Западную Европу. Как писала английская пресса, это в первый момент вызвало «удивление и чувство неловкости на Уайт-холле» [19], хотя затем договоренность о визите была достигнута.

---

[15] См. Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология в 1974 г. М., 1977.

[16] См. "Guardian", 16.VII.1974.

[17] "Times", 11.IV.1977.

[18] "Daily Telegraph", 18.XI.1977.

[19] «Daily Telegraph», 21.IX.1978.

По мере развития описанных событий роль «фаворита» Пекина в Западной Европе все более явственно стала переходить от Великобритании к ФРГ: реваншистские притязания ее правых кругов привлекали внимание маоистского руководства как «горючий материал», который оно рассчитывало использовать для разжигания конфликтов в самом центре Европейского континента.

Независимо от всех этих тактических ходов пекинская пропаганда вела постоянную клеветническую кампанию, направленную на подрыв советско-английских отношений. В китайской прессе публиковались провокационные материалы, призванные создать ложное впечатление, будто бы советские военные корабли угрожают Великобритании [20]. Как «растущая угроза» расценивалось и развитие советского торгового флота. Даже конфликт между Англией и Исландией по вопросам рыболовства («тресковая война») китайская печать использовала как повод для антисоветских выпадов, трактуя его в духе «теории сверхдержав» [21].

Отмежевываясь от линии китайского руководства, министр иностранных дел А. Крослэнд после свого визита в КНР в 1976 г. счел нужным подчеркнуть, что его отношение к разрядке не изменилось и что Англия по-прежнему будет стремиться к разрядке. Показательно, что вся его поездка проходила в весьма прохладной атмосфере. Как отмечала лондонская пресса, английский министр, будучи в Китае, «не ощущал той чрезвычайной теплоты, которую Пекин, очевидно, приберегает для таких деятелей, как сэр Алек (Дуглас Хьюм) и Э. Хит» [24].

Различие подходов к этой ключевой проблеме вновь наглядно проявилось во время пребывания в Лондоне в конце 1978 г. министра иностранных дел Хуан Хуа. В ответ на выраженную им «озабоченность» относительно политики Советского Союза английский министр иностранных дел Д. Оуэн высказался за «продуктивный диалог» с СССР, подчеркнув, что не считает войну неизбежной [25].

Еще одним «камнем преткновения» во взаимоотношениях маоистского руководства с лейбористским правительством стал вопрос о роли Великобритании в западноевропейской интеграции. Китайские руководители с «неодобрением» [26] относились к попыткам лейбористского правительства пересмотреть условия членства Великобритании в ЕЭС.

Острое недовольство вызвало в Китае решение правительства Вильсона вынести в мае 1975 г. на референдум вопрос о дальнейшем пребывании страны в ЕЭС. В своих комментариях китайская пресса подчеркивала, что вступление Англии в сообщество было не случайным, что расширение «Общего рынка» является, дескать, «важной формой объединения западноевропейских государств с целью отражения экспансии сверхдержав и особенно Советского Союза» [27].

Результаты референдума, оставившего в силе участие Великобритании в ЕЭС, были встречены в Пекине с облегчением. По свидетельству Э. Хита, там расценили их как «крайне важные» для «единства и силы Европы» [28]. Пропагандистская служба КНР подавала их как «еще одно проявление стремления западноевропейских стран к объединению в борьбе против гегемонизма» [29].

Не менее активно поддерживали китайские лидеры участие Великобритании в Атлантическом пакте. Пекин испытывал удовлетворение, видя, что давление со стороны партнеров по пакту препятствует робким попыткам лейбористов осуществить неоднократно провозглашав-

[20] См. «Жэньминь жибао», 28, 30.V.1974.
[21] См. там же, 15.VI.1976.
[24] "Financial Times", 12.V.1976.
[25] См. "Times", 14.X.1978.
[26] См. "Daily Telegraph", 25.V.1974.
[27] См. «Жэньминь жибао», 27.V.1975.
[28] "Daily Express", 4.X.1975.
[29] См. «Жэньминь жибао», 9.VI.1975.

шееся сокращение военных расходов. Пытаясь использовать этот путь для предотвращения военной разрядки на Европейском континенте, лидеры КНР, солидаризуясь с главой английских консерваторов, обнародовали через него свою точку зрения: «Сохранение вооруженных сил США в Западной Европе соответствует интересам самих Соединенных Штатов»[30]. Позднее же, когда администрация Картера взяла курс на дальнейшее развертывание гонки вооружений (что вызвало беспокойство среди европейских союзников США), китайское руководство перешло к поддержке американских планов размещения на Европейском континенте новейших видов оружия, убеждая Англию и другие западноевропейские государства, что это якобы необходимо для обеспечения их безопасности[31].

Правда, поощряя укрепление Североатлантического пакта вообще и англо-американских военно-политических связей в частности, китайские руководители в ряде случаев выступали перед британскими деятелями с критикой (хотя далеко и не равнозначной) обеих «сверхдержав». Они с удовлетворением восприняли сделанные в Китае ответные заявления Э. Хита, когда, перейдя на терминологию Пекина, он потребовал: «Сверхдержавы должны прислушиваться, когда мы говорим»[32]. Не меньшее одобрение получили позднее и слова М. Тэтчер, которая подчеркнула во время своего визита в КНР необходимость «более ясного и сильного европейского голоса в мировых делах»[33]. Отразившееся в этих высказываниях стремление английских монополистических кругов ограничить экспансию американского капитала в Западную Европу вполне отвечало интересам Пекина: он пытался использовать данное обстоятельство как один из факторов давления на США, с тем чтобы укрепить свои позиции в диалоге с Вашингтоном.

Тем не менее в тактике Пекина, безусловно, преобладает тенденция не подчеркивать англо-американские противоречия, а, напротив, содействовать консолидации сил этих крупнейших империалистических держав. Эта тенденция особенно явственно проявилась с началом активизации внешнеполитической деятельности нового китайского руководства. В начале 1977 г. в интервью газете «Санди таймс» Ли Сяньнянь, формулируя линию Пекина, выразил надежду, что Западная Европа «будет развивать равноправное партнерство с Соединенными Штатами»[34]. А несколько месяцев спустя, во время нового тура бесед с Э. Хитом, пекинские деятели изложили ему, по его собственным словам, «новую мировую стратегию», которая состояла в создании антисоветского «единого фронта», включающего в себя, наряду с КНР, Западную Европу, США и Японию. Британский политик (и в этом прослеживается своя закономерность) оказался одним из первых западноевропейских деятелей, кого Пекин решил ознакомить со своей новой концепцией, предложив тем самым ее Западу.

* * *

Антисоветизм маоистского руководства определил и его отношение к деятельности английского империализма в «третьем мире». Пекин стремится содействовать сохранению позиций Великобритании, как и других европейских империалистических держав, в развивающихся странах, с тем чтобы в максимальной степени ограничить международное влияние Советского Союза.

Китай «молчаливо приветствовал», по выражению «Файнэншл таймс», создание в 1971 г. «оборонительного союза пяти», рассматривая его «как региональный противовес русскому влиянию». Этот союз, в который, кроме Англии, вошли Австралия, Малайзия, Новая

[30] Из статьи Э. Хита в «Daily Express», 4.X.1975.
[31] См., например, «Жэньминь жибао», 2.III.1978.
[32] Там же, 26.V.1974.
[33] См. там же, 8.IV.1977.
[34] "Sunday Times", 27.III.1977.

Зеландия и Сингапур, должен был упрочить английское военное присутствие в восточной части Индийского океана. С удовлетворением восприняли в Великобритании исходившие от китайского руководства намеки, свидетельствовавшие о том, что оно «одобряет» деятельность СЕНТО [35].

Ни одного критического замечания Пекина не вызвало английское военное присутствие в Средиземноморье, где Великобритания имела базы на Мальте и Кипре. Правда, пекинская пропаганда охотно использовала лозунг «Средиземное море — странам Средиземноморья», однако в практическом приложении он настолько мало касался Великобритании, что английская пресса не без иронии отмечала: «С точки зрения Китая, Англия, видимо, в силу исторических обстоятельств считается одной из этих стран» [36].

Не нашли осуждения в Пекине и такие военные приготовления Великобритании, как строительство совместно с США базы на острове Диего-Гарсия, способной принимать подводные лодки с ядерным оружием и служить промежуточным пунктом при переброске десантных соединений из Европы в страны Индийского океана.

Манипулируя фактами развертывания антиимпериалистического движения на Африканском континенте, лидеры КНР предприняли попытку подтолкнуть Великобританию к обострению отношений с СССР. В одной из бесед с английскими журналистами Ли Сяньянь клеветнически обвинил СССР в намерении «установить контроль над мысом Доброй Надежды» [37]. То же утверждал и заместитель министра иностранных дел Юй Чжань, заявивший, что Советский Союз, дескать, хочет «прибрать к своим рукам богатства Африки» [38].

Усилия пекинских лидеров, направленные на дискредитацию советской политики в развивающихся странах, с удовлетворением воспринимаются в британских империалистических кругах. Однако, с другой стороны, экспансионистские устремления КНР вызывают озабоченность Уайт-Холла. Линия Пекина на нагнетание напряженности в различных районах Азиатского континента нередко приходит в противоречие с интересами английского капитала, предпочитающего при скромных военно-политических возможностях Великобритании действовать в стабильной обстановке [39].

В общей картине китайско-английских отношений в «третьем мире» особое место занимает Гонконг (Сянган), небольшая британская колония на китайской территории, играющая своеобразную чрезвычайно важную роль в системе внешнеэкономических связей КНР и представляющая собой сферу теснейшего взаимодействия интересов Пекина и Лондона. Гонконг служит для КНР важнейшим источником валютных поступлений, необходимых ему для покрытия дефицита, ежегодно образующегося в торговле с капиталистическими странами. В начале 70-х годов на долю Гонконга приходилось примерно 50% инвалютных поступлений КНР. В 1976—1977 гг. эта доля несколько уменьшилась, однако осталась достаточно высокой: порядка 30%, или приблизительно 2 млрд. долл. в стоимостном выражении [40] (по другим данным даже — 40%).

Основную часть этих поступлений составляет выручка от экспорта

---

[35] "Economist", 23.VI.1973.
[36] "Observer", 9.VI.1972.
[37] См. "Sunday Times", 27.III.1977.
[38] См. "Daily Telegraph", 2.VIII.1977.
[39] Английские исследователи с неудовольствием отмечают «внешнеполитические амбиции Пекина», ту большую опасность, которую представляют собой его подрывные действия в Азии, его политика «распространения волнений на третий мир» (см. R. Boardman. Op. cit., p. 166, 167).
[40] См. "Far Eastern Economic Review", 24.III.1978.

в Гонконг производимых в КНР товаров, которая в 1976 и 1977 гг. достигла 1,6 и 1,7 млрд. долл. против 300 млн. долл. в 1972 г. Такой объем экспорта в Гонконг превращает эту территорию во второго по значимости (после Японии) торгового партнера КНР. Затем идут доходы от туризма, банковские вклады.

В военном отношении Гонконг абсолютно беззащитен перед Китаем, и само существование этой колонии зависит от поставок продовольствия и питьевой воды из КНР. «Без сотрудничества с Китаем Гонконг не смог бы выжить»,— отмечал «Фар истэрн экономик ревью»[41]. Любые политические неурядицы в КНР вызывают опасения деловых кругов Гонконга за свое будущее. Характерно, что, как только стало известно о смерти Мао Цзэдуна, индекс акций на фондовой бирже Гонконга упал на 20 пунктов[42].

Держа, таким образом, судьбу Гонконга в своих руках, пекинское руководство тем не менее сочло нецелесообразным лишить его статуса колонии, поскольку именно в этом качестве он приносил и приносит Китаю наибольшие выгоды. Более того, опасаясь спада деловой активности в Гонконге, руководители КНР систематически убеждают Лондон, что он может не тревожиться за будущее колонии.

Когда в 1976 г. неопределенность в Пекине, возросшая в связи со смертью Мао Цзэдуна, вызвала в английской колонии тревожные настроения, китайские представители поспешили заверить ее администрацию, что обстановка в КНР «не отразится ни на статусе Гонконга, ни на территориальной политике Пекина»[43].

Утвердившееся у власти руководство Хуа Гофэна — Дэн Сяопина, взяв курс на активизацию как политических, так и экономических связей с Западом, приложило значительные усилия, чтобы устранить в заинтересованных кругах какие бы то ни было сомнения относительно дальнейшей судьбы колонии. В апреле 1977 г., принимая группу гонконгских журналистов, Хуа Гофэн дал понять, что сохранение английской власти в Гонконге «отвечает интересам Китая»[44]. Подчеркивая устойчивость своих намерений, китайские руководители заявили, что проводимый ими «правильный политический курс» в отношении Гонконга и Макао был разработан Мао Цзэдуном и соответствует указаниям Чжоу Эньлая[45].

Задача укрепления связей с Гонконгом была поднята на уровень официальной государственной политики. В докладе на сессии ВСНП пятого созыва Хуа Гофэн включил «соотечественников в Сянгане и Аомыне» в «революционный единый фронт», развитие которого назвал «важнейшей составной частью пролетарской революционной линии председателя Мао». Этот тезис давал Пекину возможность, не затрагивая вопроса о возвращении колонии, расширять свое влияние в различных слоях ее населения, сотрудничать в необходимых случаях с местными властями, а главное — развивать разнообразные формы торгово-экономических связей с нею.

Особое значение при этом придавалось поставке из КНР продовольствия и сырьевых товаров. Министр внешней торговли Ли Цян подчеркнул в одном из своих выступлений, что снабжение Гонконга является не только экономическим, но и политическим вопросом. «От прилегающих к Сянгану и Аомыню районов и до отдаленных провинций,— сказал он,— всюду мы должны рассматривать работу по снабжению Сянгана и Аомыня как свой долг»[46].

---

[41] Ibid., 28.III.1975.
[42] См. "Financial Times", 29.X.1976.
[43] "Times", 29.IX.1976.
[44] См. "Foreign Report", 22.III.1978.
[45] См. «Хунци», 1977, № 10.
[46] Там же.

Вопрос о сохранении статуса Гонконга как территории, обособленной от КНР, хотя и тесно связанной с нею, приобрел особое звучание после установления в январе 1979 г. дипломатических отношений между КНР и США, когда китайское руководство стало разрабатывать планы сближения с тайваньским режимом. Пекинские лидеры выдвинули идею признания Тайванем суверенитета КНР при сохранении в то же время его экономической самостоятельности от нее, подобно Гонконгу или Макао. Возложенная на Гонконг роль примера, призванного демонстрировать «терпимость» маоистов, еще прочнее закрепляет его на положении колонии.

* * *

С политическими проблемами в китайско-английских отношениях теснейшим образом переплетаются экономические интересы сторон.

Пекинское руководство нуждается в западной, в частности в английской, технике и технологии для реализации своих планов наращивания военного и экономического потенциала страны. Великобритания также заинтересована в продаже Китаю современного оборудования. Однако как торговые партнеры КНР и Англия находятся не в равном положении ввиду соперничества между капиталистическими странами в борьбе за китайский рынок. Это обстоятельство пекинские руководители неоднократно пытались использовать с целью оказания политического давления на Лондон.

Уже в период переговоров о нормализации дипломатических отношений китайские представители «пытались намекать, что дипломатические уступки со стороны Соединенного Королевства могли бы принести ему коммерческие выгоды»[47]. Игра на экономических интересах Великобритании в значительной мере помогла Пекину — он получил от нее, как уже отмечалось, уступки даже более значительные, чем от других капиталистических стран.

Позднее, в период проведения в Англии в 1975 г. референдума по вопросу о дальнейшем ее пребывании в ЕЭС, китайское руководство вновь предприняло попытку экономического шантажа, дав понять, что выход Великобритании из «Общего рынка» может отрицательно сказаться на китайско-английской торговле. Но в целом ни экономические, ни политические связи Пекина с Англией не были настолько тесными, чтобы китайское руководство имело возможность систематически прибегать к такой тактике.

Стремясь заинтересовать британские монополии в развитии торгово-экономических связей с КНР, маоистские руководители приветствовали намерение сразу после нормализации дипломатических отношений начать «крупное торговое наступление» на китайский рынок.

Однако в тот период «торговое наступление» не состоялось. С 1973 по 1977 г. включительно объем торговли Китая с Англией не превышал 325 млн. долл. в год и даже обнаружил тенденцию к некоторому снижению: 1973 г. — 324,4 млн. долл., 1977 г. — 292,6 млн. долл. (по данным «Чайна трейд рипорт»). Это позволило ряду других капиталистических государств обойти Великобританию. Из западноевропейских стран, помимо ФРГ, прочно удерживающей среди них первенство по торговле с Китаем, Англию в 1974—1976 гг. значительно опередила также Франция (в 1973 г. — 236,7 млн. долл., 1976 г. — 519,2 млн. долл.) и практически догнала Италия.

Сдвиг в китайско-английских торговых отношениях наметился только с конца 1978 г., когда нынешнее китайское руководство, провозгласив программу «четырех модернизаций», значительно расширило свои экономические связи практически со всеми капиталистическими странами.

[47] "Financial Times", 14.III.1972.

В марте 1979 г. между КНР и Великобританией было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве, определившее объем торгового оборота на период до 1985 г. в 7 млрд. ф. ст., то есть примерно на том же уровне, который незадолго до того был установлен аналогичным документом для китайско-французской торговли. Предусматривалось также, что английское правительство гарантирует Китаю кредит в 2,5 млрд. ф. ст. Состоялось заключение ряда крупных сделок, предусматривающих участие британских компаний в строительстве или реконструкции угледобывающих, металлургических, химических и других предприятий.

Расширение двусторонних торгово-экономических связей было, безусловно, с удовлетворением встречено британским бизнесом. Однако появились и сомнения: не окажется ли этот резкий поворот в отношениях Пекина с капиталистическим миром кратковременным, преходящим явлением, учитывая нехватку у Китая средств для оплаты импорта, слабость его экспортной базы, обусловленную отсталостью экономики и усугубляемую ростом его собственных потребностей в топливно-энергетическом и промышленном сырье? Сомнения такого рода выглядят тем более обоснованными, что в недалеком прошлом уже были случаи, когда китайское руководство отказывалось от крупных контрактов. Так, не была заключена сделка на поставку в КНР пассажирских самолетов VC-10, хотя в свое время этот вопрос оживленно обсуждался сторонами. Не состоялась и сделка на покупку самолетов «Конкорд», несмотря на то что предварительная договоренность об этом была достигнута еще в 1972 г., и с тех пор британские представители неоднократно пытались добиться от Пекина заключения соответствующего контракта. «Китай сохраняет за собой свободу выбора»,— заявил министр внешней торговли Ли Цян по поводу приобретения «Конкордов» [48].

Нынешнее соглашение об экономическом сотрудничестве также не вполне удовлетворило английские деловые круги, которые рассчитывали на более значительную сумму и, кроме того, предполагали, что одновременно с подписанием этого документа будут заключены конкретные твердые контракты.

В настоящее время ведущее место среди ввозимых Китаем товаров (до 70%) занимает продукция различных отраслей машиностроительной промышленности. КНР приобретает в Великобритании самолеты и оборудование к ним, технику для горнодобывающей промышленности, металлорежущие станки, приборы и инструменты, электростанции с газотурбинными установками и пр.

Однако наибольший интерес для Пекина представляет военная продукция английских концернов и прежде всего — авиационная техника. Год за годом китайское руководство прощупывало возможности той или иной сделки в данной области, демонстрируя каждый раз свою враждебность к Советскому Союзу и призывая Запад к совместной борьбе против СССР. В 1975 г. ему удалось заключить крупный (на 100 млн. ф. ст.) контракт с фирмой «Роллс-Ройс» на приобретение авиадвигателей «Спей» и лицензии на их производство. Официально сделка была объявлена коммерческой, однако ее действительный характер ни у кого не вызывал сомнений.

Еще раньше, в 1972 г., почти сразу же после нормализации дипломатических отношений китайские представители начали проявлять настойчивое желание приобрести английские военные самолеты — истребители «Харриер» с вертикальным взлетом. Западная печать прямо указывала, что истребители найдут себе главное применение на советско-китайской границе. Английское правительство медлило с разреше-

[48] "Financial Times", 30.XI.1977.

нием на сделку, опасаясь поставить под угрозу улучшение отношений с Советским Союзом.

Наследники Мао Цзэдуна, стремясь воспользоваться трудностями на пути разрядки напряженности, стали энергично добиваться, чтобы Лондон пересмотрел свою позицию. Милитаристские круги Великобритании оказали Китаю широкую политическую и пропагандистскую поддержку. Для налаживания более тесных связей с пекинским руководством в 1977 г. в КНР совершил поездку начальник штаба обороны Англии Камерон. В ходе визита он, к удовлетворению китайской стороны, допустил грубые антисоветские выпады, заявив, что «у ворот обеих стран стоит «общий враг, столица которого — Москва», и в связи с этим прямо призвал «обменяться опытом» в военных вопросах.

Рассчитывая на содействие крайних реакционных сил английского общества, заместитель премьера Госсовета Ван Чжэнь в ноябре 1978 г. провел в Лондоне серию встреч с высшими правительственными деятелями, убеждая их согласиться на продажу военной техники и тем самым способствовать созданию «сильного Китая» [49]. Одновременно, обсуждая вопросы торгово-экономических отношений, китайские представители «намекнули, что могут разместить свои заказы и в других местах» [50].

Уступая давлению справа, премьер-министр Каллагэн в январе 1979 г. объявил, что Англия готова начать переговоры с китайской стороной о продаже истребителей. Правда, при этом британский премьер подчеркнул, что развитие отношений с Китаем не будет осуществляться «в ущерб какой-либо другой стране» [51].

Чтобы смягчить впечатление от этой акции, а также соблюсти интересы бизнеса, английское правительство решило оформить ее как часть «комплексной», «сбалансированной» сделки, включающей в себя и крупную партию гражданских товаров. Однако подлинное значение действий Лондона понятно мировой общественности, которая внимательно следит за попытками империалистических кругов разыграть «китайскую карту». Опасный характер линии на содействие милитаризации Китая был четко раскрыт в послании Л. И. Брежнева Дж. Каллагэну, где подчеркивалось, что проводить такой курс — значит «осложнять решение международных проблем, подрывать воздвигнутые в процессе разрядки устои доверия между государствами, открывать новый канал гонки вооружений, ставить дополнительные препятствия на пути мирных отношений между странами» [52].

Ни одно из государств Запада не последовало примеру Англии. Канцлер ФРГ Г. Шмидт прямо заявил, что Западная Германия не будет поставлять Китаю никакого оружия. В самой Великобритании видные лейбористские деятели подвергли резкой критике заявление Каллагэна, охарактеризовав его как поспешное и безответственное. В ходе дискуссий, начавшихся еще до того, как Каллагэн объявил о своем решении, раздавалось немало трезвых голосов, предостерегавших, что помощь Китаю в наращивании его военного потенциала может иметь отрицательное влияние на процесс ослабления международной напряженности. Отмечалось, что торговля товарами невоенного назначения представляет собой «более плодотворное направление развития торговли Великобритании с Китаем, чем продажа самолетов» [53].

Справедливость этой точки зрения стала особенно очевидной после нападения КНР на Социалистическую Республику Вьетнам, вызвав-

[49] См. «Жэньминь жибао», 11.XI.1978.
[50] См. "Daily Telegraph", 22.XII.1978.
[51] См. "Washington Post", 9.I.1979.
[52] «Правда», 25.I.1979.
[53] См. "Tribune", 10.XI.1978.

шего у всего человечества тревогу за сохранение мира. Кстати сказать, само английское правительство, понимая, к каким серьезным последствиям может привести агрессия Пекина, высказалось за скорейший вывод китайских войск с территории Вьетнама. Однако, с другой стороны, оно не отказалось от планов поставок Китаю боевой техники. Между тем после происшедших событий намерение содействовать военному усилению КНР превращается в пособничество агрессору и с достаточным основанием расценивается в Пекине как поощрение к дальнейшим авантюристическим, провокационным действиям.

Попытки маоистского руководства втянуть Лондон в орбиту своей гегемонистской политики явно противоречат интересам самой Англии, не отвечают задачам упрочения международной безопасности.

Японская экономика: проблемы остаются

Ю. П. Шипов,
кандидат экономических наук

Темпы экономического развития Японии — одного из трех самостоятельных центров современного империализма — снизились вдвое по сравнению с периодом до начала нового кризиса мирового капиталистического хозяйства. «Если прежде экономика мчалась со скоростью гоночной машины, то сейчас ее можно уподобить автомобилю, двигающемуся по ухабистой дороге: водитель потерял уверенность в своих способностях, а пассажиры больше не доверяют водителю»[1] — так японские специалисты образно и весьма точно характеризуют текущую экономическую ситуацию в стране.

Было бы, однако, не совсем правильно, проводя аналогии между современным состоянием японской экономики и ее положением до начала разразившегося в конце 1973 г. кризиса, сводить проблему только к темпам роста. Правомерно говорить о наличии существенных качественных трансформаций, изменении многих базисных параметров, определяющих характер функционирования народного хозяйства страны как в настоящее время, так и в ближайшем будущем.

Комплекс изменений во внешних и внутренних условиях воспроизводства, оказавшихся результатом топливно-сырьевого и циклического кризиса 1974—1975 гг. в сочетании с проявлением накопившихся в годы высоких темпов роста диспропорций, представляет собой, по существу, общий структурный кризис капиталистической экономики Японии.

В послевоенный период отраслевые пропорции японской экономики формировались под влиянием старой колониальной структуры цен на мировом капиталистическом рынке, в условиях практически не ограниченных (в рамках потребностей японского национального рынка) возможностей получения дешевого сырья и энергоносителей. Эти обстоятельства содействовали развитию преобладающими темпами ряда отраслей тяжелой промышленности с высоким удельным весом сырья и энергии в себестоимости продукции.

Ломка колониальной структуры цен как важнейшее последствие топливно-сырьевого кризиса означала, во-первых, ликвидацию одной из центробежных сил, ускорявших темпы роста японской экономики, а во-вторых, поставила перед страной проблему коренной перестройки структуры ее промышленности.

Структурные факторы в совокупности с циклическими не только привели Японию к самому глубокому за весь послевоенный период экономическому кризису 1974—1975 гг., но и в дальнейшем затруднили выход из этого кризиса, затянули фазу депрессии, ослабили темпы последующего оживления. Развитие японской экономики в послекризисные 1976—1978 гг. весьма условно можно определить как период оживления, поскольку продолжали сохраняться многие остаточные явления кризиса, такие, как большой разрыв между общим спросом и предложением (в 1977 г. он оценивался в 20—30 трлн. иен при валовом нацио-

[1] «Japan Times», 3. I. 1978

нальном продукте, равном около 180 трлн. иен[2]), недогрузка производственного аппарата и соответственно наличие крупного парка избыточных мощностей, напряженное положение на рынке труда, слабая частная инвестиционная деятельность в большинстве отраслей промышленности, вялый потребительский спрос и т. д.

Структурный кризис провел весьма четко различимый водораздел в положении отдельных отраслей японской промышленности — по одну сторону его оказались материало- и энергоемкие производства, по другую — отрасли, менее ощутившие факт вздорожания сырья и топлива, а также сумевшие сохранить достаточную конкурентоспособность на внешних рынках и имеющие высокую экспортную квоту (электронная промышленность, автомобилестроение, производство отдельных видов материалов и оборудования для комплектующих предприятий, точное машиностроение и некоторые другие).

Все японские экономические прогнозы периода после 1973 г., явившегося переходным в развитии народного хозяйства страны, исходили из неизбежности структурных изменений, абсолютных и относительных сдвигов в положении отдельных секторов экономики. Но, пожалуй, ни одна из такого рода прогнозных разработок не предполагала, что эти изменения скажутся весьма ощутимо в столь короткий отрезок времени, то есть уже через 3—4 года после развертывания мирового топливно-сырьевого кризиса.

Большинство специалистов склонялось к тому, что результаты таких сдвигов проявятся более или менее рельефно лишь в предстоящие по крайней мере 10—15 лет.

* * *

В начале 1977 г. премьер-министр Японии Т. Фукуда предсказывал, что «он будет годом экономики». Он заявил: «Японская экономика почти восстановилась после самого жестокого спада, последовавшего за нефтяным кризисом. Предстоящий 1977 г. станет периодом перехода на новый курс стабильного роста»[3].

Согласно задуманному правительством экономическому сценарию, крупные бюджетные вливания в общественные работы в первой половине 1977/78 фин. г. (на этот период предусматривалось израсходовать 75% всего годового объема ассигнований на указанные цели) должны были «разогнать экономический механизм», создать предпосылки восстановления и роста, а во второй половине года (октябрь 1977 г. — март 1978 г.), когда стало бы ощутимым повышение общего спроса на товары и услуги как результат концентрированных расходов на общественные работы, деловая активность в целом должна была подхватить это движение.

Однако правительство переоценило возможности бюджетных ассигнований в плане их стимулирующей роли в развитии экономики. Главный просчет был допущен в определении картины частных инвестиций и личного потребления — двух главных составляющих совокупного спроса, а также движения международных платежей. После кратковременной вспышки в I квартале экономика продолжала двигаться с перебоями. Окончательный удар по оптимизму правительства был нанесен начавшимся в октябре резким повышением курса иены по отношению к американскому доллару. Стагнация внутреннего спроса в сочетании со спиралью иены заставила правительство скорректировать ранние оценки экономического роста в 1977/78 фин. г. с 6,7% до 5,3%. Таким

[2] «Дайямондо», 1. I. 1978.
[3] «Japan Times», 26. XII. 1977.

образом, развитие экономической конъюнктуры подтвердило, что правительство допустило крупный просчет в оценке реальных потенций экономики, переоценив возможности государственных мероприятий в стимулировании экономики в условиях капиталистической системы.

Особенностью экономического развития Японии в последние четыре года является заметная активизация государства (правительства) в области проведения различного рода экономических мероприятий, нацеленных на всемерное стимулирование деловой активности в стране. Тем самым подтверждается ленинский тезис о «волнообразном» проявлении государственно-монополистических тенденций — отмечается усиление вмешательства государства в экономику в период ухудшения конъюнктуры и, наоборот, ослабление в периоды оживления экономики.

Если в годы предыдущих заминок в развитии японской экономики такие меры государственного стимулирования, как снижение официального ссудного процента, расширение государственного спроса за счет роста бюджетных ассигнований на экономические программы и т. д., позволяли правительству в известных границах воздействовать на ход экономических событий, то в нынешней ситуации такого рода усилия не дают заметных результатов. Малая эффективность правительственных усилий объясняется не столько их однобокой направленностью — классовые интересы заставляют буржуазное правительство в первую очередь содействовать улучшению позиций монополий в ущерб трудящимся, — сколько характером и многообразием современных проблем, с которыми Япония ранее не встречалась и решить которые правительство просто не в состоянии в силу самой природы капиталистического способа производства.

За относительно короткий отрезок времени, прошедший после начала кризиса, в Японии отмечаются весьма заметные сдвиги в структуре совокупного спроса. Об этом можно судить, сравнивая показатели предкризисного 1973 г. с 1976 и 1977 гг., которые можно определить как период адаптации японской экономики к новым внутренним и внешним условиям воспроизводства общественного продукта.

Основным принципиально важным изменением в структуре ВНП в указанный период, без сомнения, является падение удельного веса частных капиталовложений в машины и оборудование — с 20,4% в 1973 г. (в реальном исчислении, в ценах 1970 г.) до 15,3% в 1976 г. и 15,0% в 1977 г. Значение этого явления для дальнейшего хода экономического развития Японии трудно переоценить. В течение всего периода высоких темпов роста инвестиционный спрос выступал лидирующим фактором в определении воспроизводственного процесса. Доля производственного потребления (частного и государственного) в ВНП Японии сохранялась на уровне, намного превышающем соответствующие показатели в других индустриально развитых капиталистических странах (свыше 30% против 15—20% в США и Западной Европе). Воздействие инвестиционного спроса на всю экономическую деятельность страны очень велико, поэтому отмечаемое в последнее время ослабление процесса частных инвестиций в основной капитал (доля государственных капиталовложений в ВНП остается практически неизменной) во многом определяет движение всей экономики Японии, существенно замедлившей темпы своего развития.

Главная материальная основа, определяющая стагнацию частных инвестиционных программ, связывается с крупным разрывом между имеющимися, созданными в период до 1973 г., мощностями и реальным спросом на продукцию. Таким образом, излишние мощности свели почти на нет действие механизма, при котором одни капиталовложения вызывали потребность в других. Новые инвестиции серьезно сдерживаются также и в силу воздействия инфляционных процессов, поскольку быстро растет стоимость оборудования и других компонентов строительства,

снижая эффективность, конкурентоспособность нового оборудования по сравнению с имеющимся.

Неясность текущей ситуации и неопределенность даже ближайших перспектив общеэкономического развития, усиливаемые зигзагами конъюнктуры, ростом цен на ресурсы и энергию, колебаниями цены и т. д., служат серьезным психологическим фактором, отнюдь не стимулирующим частные компании к расширению программ капитальных расходов.

Частные капиталовложения в машины и оборудование в 1977 г. показали рост в неизменных ценах всего лишь на 2,9% по сравнению с предыдущим годом (в 1976 г. — 3,4%, в 1975 и 1974 гг. — падение соответственно на 13,1 и 10,8%). Их абсолютный уровень почти на 20% ниже максимального 1973 г. (сравнение в неизменных ценах). Но более показателен характер текущих инвестиций, их направление. Отмеченный небольшой прирост в 1977 г. обеспечен за счет роста расходов на основной капитал компаний непроизводственной сферы (по оценке, на 15%), тогда как у промышленных компаний отмечается сохранение тенденции к падению инвестиций в машины и оборудование, оцениваемое в указанном году в 8—10%. За приведенными «усредненными» показателями скрывается крайне неоднородное по отраслям и по времени движение в этой важнейшей сфере экономической деятельности частных японских корпораций.

Следует отметить две характерные для текущего периода особенности инвестиционного процесса в Японии. Во-первых, это его определенная «искусственность»: во многих отраслях новые капиталовложения производятся не в силу потребностей реального спроса, а по административному указанию правительства в целях поддержания на определенном уровне общего объема инвестиций.

Вторая особенность относится к структуре самих капиталовложений — лишь незначительная часть их идет на расширение имеющихся или строительство новых мощностей. Основное их направление — это модернизация, замена старого оборудования новым, внедрение средств автоматизации, средств экономии сырья и энергии и т. д.

В последние год — два в Японии принял широкие масштабы процесс списания на слом (скрапирования) и «замораживания» оборудования. Преимущественно он затронул отрасли и отдельные производства, охваченные структурным кризисом.

В одних отраслях скрапирование ведет к абсолютному сокращению мощностей, в других — к ликвидации физически и морально устаревшего оборудования и замене его новым, более производительным. Поскольку в значительной мере списание простаивающего оборудования финансируется непосредственно из государственной казны (в рамках программ «помощи отраслям структурного кризиса»), данный процесс следует рассматривать как одно из звеньев в цепи мероприятий по общему оживлению инвестиционного спроса в стране. Компенсация «омертвленного» в форме излишних мощностей капитала предоставляет частным корпорациям дополнительные финансовые возможности.

В наибольшей степени процесс скрапирования захватил текстильную промышленность, где он осуществляется на основании закона о структурной реформе этой отрасли. Помимо сокращения производства основных видов волокон и изделий, постепенно ликвидируются и мощности. В предстоящие год-полтора правительством рекомендовано скрапировать 1350 тыс. веретен для изготовления хлопчатобумажной пряжи (это около 12% всего имеющегося парка), 340 тыс. веретен для шерстяной пряжи (около 16%), пятую часть прядильных станков по выпуску хлопчатобумажных тканей (весь парк страны насчитывает 340 тыс. станков), около 20% станков для шелковых тканей (120 тыс. шт.), 30% вязальных станков (121 тыс. шт.), 16% парка чулочных агрегатов

(38 тыс. ед.) и т. д. Доля государственных кредитов в финансировании программ списания на слом в этой области составляет 95%. Для реализации этих программ, по оценке МВТП, в 1978/79 фин. г. потребуется 50 млрд. иен. Общая сумма льготных кредитов, которые будут предоставлены в указанном году текстильным предприятиям на различные, включая скрапирование, цели структурной перестройки, оценивается в 100 млрд. иен.

К марту 1979 г. металлургические компании намечают ликвидировать мощности по выплавке (преимущественно мартеновским способом) 4,6 млн. т стали в год (по состоянию на конец 1976 г. годовая мощность мартеновских печей была равна около 30 млн. т). Из указанного общего объема ликвидируемых мощностей 4,0 млн. т приходятся на мелкие и средние предприятия и лишь 0,6 млн. т — на крупные.

Такого же рода проблемы стоят и перед компаниями по выплавке алюминия. По рекомендации МВТП намечается на первой стадии «заморозить» с дальнейшим в течение пяти лет скрапированием около 25% наличных мощностей с доведением их уровня к 1982 г. до 1,25 млн. т (сейчас 1,64 млн. т). Программа потребует ассигнований в размере 80 млрд. иен.

Распространение вширь и вглубь последствий структурного кризиса на все больший круг отраслей, непреходящий характер самого явления требуют от правящих кругов страны выработать общий подход к проблеме, а не ограничиваться локальными постановлениями, направленными на оказание помощи той или иной отрасли. В начале 1978 г. в правительстве был разработан проект «Закона о временных мерах по стабилизации определенных отраслей, охваченных кризисом». Представляя его для обсуждения в парламенте, правительство ставит целью в первую очередь ослабить существующие антитрестовские регламентации, облегчить создание так называемых «антирецессионных» картелей, узаконить и расширить программы государственной финансовой помощи отдельным отраслям экономики, включая кредитование программ скрапирования.

В целом правительственная политика в области капиталовложений направлена на максимальное оживление внутреннего инвестиционного спроса как по линии возрастания государственных расходов на формирование основного капитала, так и посредством стимулирования в различных формах спроса на элементы основного капитала со стороны частного сектора. Конкретно этот курс выразился в первую очередь в удешевлении кредита — в 1977 г. трижды производилось снижение официального ссудного процента — до 4,25%, а в марте 1978 г. до 3,5% годовых (самый низкий послевоенный уровень), в предоставлении налоговых и прочих льгот в отношении частных капиталовложений, крупном финансировании через государственные кредитные учреждения программ скрапирования оборудования и т. д.

Одним из результатов продолжающихся трудностей в экономике является процесс разорения предприятий, захвативший преимущественно мелкие и средние компании. Хотя 1977 г. в целом считается годом постепенного выхода из экономического кризиса, по числу банкротств он побил все послевоенные «рекорды», намного превысив, в частности, период самого глубокого спада в 1974—1975 гг. За год потерпели деловое «фиаско» 18,5 тыс. предприятий (это на 18% выше, чем год назад, и на 50% — чем в среднем за два кризисных года), с суммой задолженности в 3 трлн. иен (соответственно больше на 31 и 70%).

Среди крупных банкротов в указанном году фирмы «Хасихама дзосэн» (сумма непогашенных долгов 43 млрд. иен), «Сагами дзосэн» (20 млрд. иен), «Миэ шипъярд» (16 млрд. иен), «Ниссэй шиппинг» (35 млрд. иен), «Тэраока сёдзи» (15 млрд. иен), «Намбу айрон энд стил» (11,5 млрд. иен) и др.

Разорение в феврале 1978 г. компании «Эйдай» (сборные детали для домостроения) вызвало настоящую панику в деловых кругах страны. По сумме задолженности, включая также обязательства обанкротившихся четырех местных дочерних фирм этой компании (180 млрд. иен, или примерно 720 млн. долл.), этот случай является самым «представительным» за весь послевоенный период. Комментируя банкротство «Эйдай», специалисты обращают особое внимание больше даже не на сам факт разорения, а на возникающие в связи с ним ассоциации — крупнейший держатель акций этой компании банк «Дайва» отказался от ее дальнейшего кредитования, поскольку финансовое состояние клиента оказалось «неуправляемым». Пожалуй, впервые в Японии заговорили о трудностях, переживаемых частными банками — этой цитаделью японского монополистического капитализма.

Роль банков в послевоенном развитии японской экономики чрезвычайно велика. Достаточно указать на очень высокую долю заемных, в основном банковских, средств в активах японских корпораций (в 60-е годы этот показатель составлял около 70% при 30% собственного финансирования; в других развитых странах соотношение обратное), не говоря о других формах их зависимости от банков. В 1971—1974 гг. удельный вес внешнего финансирования находился еще на достаточно высоком уровне — несколько выше 50%, но уже в последующие два года он резко пошел на убыль — в 1976 г. доля банковских кредитов в обязательствах частных корпораций упала до 38%. Такая тенденция предопределена спадом общеэкономической конъюнктуры, ослаблением спроса на кредитном рынке, резким сокращением инвестиционных программ промышленных компаний и т. д.

Случай с «Эйдай» в японской прессе сравнивают с видимой частью айсберга, полагая, что у крупных коммерческих банков среди клиентов насчитывается много предприятий, кредитоспособность которых вызывает большие сомнения и разорение которых является лишь вопросом времени. По состоянию на конец сентября 1977 г. размер такого рода «сомнительных» кредитов 13 городских банков оценивался в 200 млрд. иен. Это в 9 раз больше, чем на конец марта того же года.

Продолжающийся застой во многих отраслях промышленности и других сфер экономики стимулирует процессы монополизации и одновременно облегчает слияния и картелирование, поскольку соответствующие учреждения, в первую очередь правительственные, смотрят сквозь пальцы на нарушения антитрестовского законодательства. Более того, в некоторых случаях правительство само выступает инициатором рекомендаций промышленности по созданию «антирецессионных» картелей, нацеленных на урегулирование производственных программ, экспорта, «замораживание» или ликвидацию производственных мощностей и т. д.

Другим направлением процесса концентрации капитала является укрепление деловых связей японских компаний с иностранными фирмами. Показательна в этом отношении деятельность автомобилестроительных компаний. Сообщалось, в частности, о достигнутом соглашении между фирмой «Тоё когё» и американской «Форд мотор». Такого же рода договоренности достигнуты «Мицубиси моторз» с компанией «Крайслер», а «Исудзу моторз» — с «Дженерал моторз».

Серьезным фактором, тормозящим выход японской экономики из затянувшейся депрессии, является медленное восстановление другого подразделения внутреннего спроса — личного потребления, на долю которого приходится свыше половины совокупного спроса. В 1977 г., второй год подряд, личное потребление показывает прирост ниже темпа развития всего ВНП — соответственно 3,3% против 5,1% (в реальном исчислении).

Это важное с точки зрения всей экономики страны явление имеет в основе как экономические, так и социально-психологические причины.

С одной стороны, объективные факторы — падение темпов экономического роста, депрессия во многих отраслях экономики, процессы инфляции и другие, а с другой — сознательные усилия монополий и правящих кругов, направленные на преодоление экономических трудностей за счет трудящихся, приводят к резкому замедлению роста заработной платы, увеличению частичной и полной безработицы, снижению общего уровня жизни большей части населения, ограничивая тем самым потенции личного потребления как активного элемента совокупного спроса.

Число занятых в стране в 1977 г. сократилось на 0,4% по сравнению с уровнем 1976 г., в том числе в обрабатывающей промышленности — на 1,6% (в 1976 г. — на 1,7%, в 1975 г. — 2,0%). Но одновременно в 1977 г. отмечено существенное (на 12,4%) увеличение производительности труда. Процесс усиления интенсификации труда наиболее характерен для отраслей структурного кризиса. Так, при сокращении общего числа занятых компании по производству металлорежущих станков сумели увеличить выработку на одного рабочего на 28% по сравнению с предыдущим годом, предприятия по прокату черных металлов — на 20%, шариковых подшипников — на 19% [4]. Усиление эксплуатации трудящихся не только не сопровождается хотя бы в приближенных пропорциях ростом уровня заработной платы, но ведет к увеличению армии безработных.

Впервые за весь послевоенный период в 1977 г. среднегодовой уровень полностью безработных в стране превысил 1 млн. человек. На конец декабря указанного года число официально объявленных безработными составляло 1110 тыс., а в конце 1978 г. выросло уже до 1250 тыс. Кроме того, в Японии существует крупная прослойка «избыточных рук», насчитывающая 1,5—2 млн. человек, которых только по некоторым формальным признакам нельзя причислить к первой категории. Если для предыдущих лет, в частности для 1976 г., был характерным рост удельного веса пожилых безработных, то в последнее время резко растет число молодых безработных в диапазоне от 15 до 24 лет. Как показывает пример США и Западной Европы, такая тенденция грозит привести Японию к острым социальным конфликтам.

Отнюдь не содействует росту доходов населения бюджетная и налоговая политика правительства. Государственный бюджет на 1978/79 фин. г., который японская пресса окрестила как «финансовое построение, выбрасывающее за борт нужды народа», отодвигает на последний план интересы трудящихся. Не говоря уже о том, что непомерное раздувание бюджета таит в себе угрозу новой инфляционной спирали, дальнейшего роста цен на товары и услуги, вновь, уже в который раз, отложено давно обещанное правительством снижение налогов с доходов трудящихся. По оценке специалистов, в 1978/79 фин. г. налоговые обязательства японской семьи с трудовым доходом станут еще более обременительными. В текущем году средняя японская семья вынуждена будет выплатить государству налоги, на 33% превышающие фактические платежи в 1977/78 фин. г. Печальный для трудящихся факт состоит в том, что размеры повышения налогового бремени выше у семей с меньшим уровнем дохода. Так, если для семьи с годовым доходом около 5 млн. иен налоговые обязательства увеличиваются по сравнению с предыдущим годом на 20%, то для низкооплачиваемой семьи (2,3 млн. иен) эта «прибавка» оценивается в 55% [5].

Резкое сокращение темпов роста доходов трудящихся, напряженное положение на рынке труда, неопределенность общих экономических перспектив накладывают отпечаток на весь образ жизни японской трудовой семьи, заставляют прибегать к режиму жесткой экономии.

[4] См. «Daily Yomiuri», 25.X.1977.
[5] «Asahi Evening News», 22. XII. 1977.

Вялый внутренний спрос, как никогда прежде, активизировал усилия японской промышленности по сбыту на внешних рынках. Внешние каналы реализации превратились в годы экономического спада в существенную отдушину, поглощающую значительную часть продукции многих отраслей промышленности. С точки зрения динамики экспорта в отдельные фазы цикла — замедление в периоды подъемов и ускорение при прохождении фазы спада и депрессии — нынешние тенденции в развитии японского экспорта соответствуют ранее наблюдавшимся в экономике этой страны. Однако абсолютные и относительные значения современной экспортной экспансии в плане ее воздействия на весь ход экономического развития страны несравненно выше, чем в периоды предыдущих спадов. Удельный вес экспорта в ВНП в 1977 г. вырос до 18%, а в первой половине 1978 г. составил 18% (в 1976 г. — 17%, 1975 — 15%, в максимальном предкризисном 1973 г., году подъема, — 12%), а его значение как элемента совокупного спроса [6] определяется в 1977 г. в 6,2% (в 1976 г. — 5%, 1975 г. — 3,5%, в 1973 г. — 0,8%) [7].

«Неистовая» деятельность японских экспортеров на всех континентах позволила увеличить за 1977 г. внешние поставки товаров японского производства на 19,8% (до 80,5 млрд. долл.), а в первой половине 1978 г. они достигли 45,6 млрд. долл. И это при продолжающемся общем спаде в большинстве стран мирового капиталистического хозяйства, на которые приходится бóльшая часть японского экспорта.

Экспортная экспансия японских товаров базируется на сохраняющейся по многим видам промышленных изделий достаточно высокой конкурентоспособности (автомобили, мотоциклы, радиоэлектроника, изделия точного машиностроения, отдельные виды материалов и оборудования для комплектных предприятий и др.), объединении усилий государства и монополий по стимулированию экспорта (расширение кредитов государственного Экспортно-импортного банка, улучшение системы страхования экспорта, льготное кредитование производства товаров на экспорт, расширение практики предоставления государственной «помощи» развивающимся странам в форме товарных поставок, санкционирование правительством создания экспортных картелей и др.), в некоторых случаях на откровенном демпинге и т. д.

Застой в спросе на многие виды сырьевых и топливных материалов, составляющих основу японского импорта, отразился на более медленном по сравнению с экспортом расширении импортной торговли, показавшей за год рост в размере 9,2% (до 70,8 млрд. долл.).

В результате у Японии образовалось крупное превышение поступлений по экспорту над выплатами по импорту. По таможенным данным, положительное сальдо торгового баланса в 1977 г. выразилось суммой 10 млрд. долл., а по платежам — 17,5 млрд. долл. За счет благоприятных торговых расчетов Япония сумела свести общий платежный баланс страны с крупным положительным сальдо — 7,7 млрд. долл. За первые шесть месяцев 1978 г. оно составило 8,3 млрд. долл., а по платежам 12,4 млрд. долл. Для сравнения укажем, что в 1976 г. размер превышения международных поступлений над платежами был равен 2,9 млрд. долл., тогда как в предшествующие 3 года платежный баланс сводился с большим дефицитом (в млрд. долл.): в 1975 г. — 2,7, 1974 г. — 6,8, 1973 г. — 10,1.

Столь бурная экспортная деятельность Японии на мировых рынках и возрастание ее валютных резервов привели к последствиям двоякого рода: во-первых, возникли острейшие противоречия с основными торговыми партнерами — США, «Общим рынком» и другими западноевропейскими странами, Австралией, большинством развивающихся стран.

[6] Доля разницы между суммой экспорта и суммой импорта в ВНП.
[7] Подсчитано по «Тоё кэйдзай токэй гэппо». 1978, № 4, с. 16.

Все они обвиняют Японию в том, что посредством агрессивного экспорта последняя стремится решать внутренние экономические проблемы за счет своих торговых контрагентов и что, выступая одним из крупных источников торгового дефицита США, Япония тем самым содействовала падению авторитета и международной стоимости основной расчетной единицы мирового капиталистического рынка — американского доллара. Крупный наплыв долларов в Японию по торговым и прочим каналам привел к резкому падению курса доллара на токийском валютном рынке и соответственно к повышению курса японской иены.

Несмотря на интервенцию правительства на валютном рынке, выразившуюся в скупке на крупные суммы долларов США с целью ослабления падения курса этой валюты, в течение 1977 г. и 1978 г. происходил непрерывный процесс фактической ревальвации иены и обесценения доллара. С 1971 г. курс доллара по отношению к иене «полегчал» примерно на 45%.

В силу действия валютного механизма повышение курса национальной валюты ведет к ухудшению условий конкуренции экспортных товаров данной страны. Именно данное обстоятельство вызывает крайнюю озабоченность деловых кругов Японии судьбой экспорта многих товаров, конкурентоспособность которых ставится под сомнение из-за продолжающейся ревальвации иены.

Наплыв японских товаров на рынки США, Западной Европы и многих других развитых стран не сопровождался равноценным импортом Японии оттуда. В результате только с США и «Общим рынком» в 1977 г. у нее образовалось огромное положительное сальдо по торговым расчетам, соответственно равное 7,3 и 4,5 млрд. долл., а в первой половине 1978 г. — 5,2 и 2,1 млрд. долл. Естественно, что в условиях продолжающегося экономического застоя в указанных странах такой характер развития торгового обмена не мог не привести к возникновению острых трений между партнерами. Наряду с тенденцией в США и Западной Европе к сдерживанию импорта многих японских товаров эти государства потребовали от Японии предоставления равных возможностей по сбыту их товаров на японском рынке, снижения таможенных барьеров, ослабления ограничений нетарифного порядка, воздвигающих «невидимую» стену на пути товаров иностранного производства, особенно готовых промышленных изделий, доля которых в японском импорте составляет всего около 20% (в западных странах — 40—50%).

В последнее время западные специалисты приступили к тщательному изучению проблемы медленного роста продаж импортных готовых изделий в Японии. В результате проведенных исследований выяснилось, например, что японские импортеры взимают с покупателей от 51 до 63% импортной стоимости автомобилей, что делает внутреннюю розничную цену на 139% выше цены однотипного по классу автомобиля отечественного производства. Примерно так же обстоит дело в отношении импортных напитков, спортивных товаров, шоколада и многих других товаров [8].

Среди прочих препятствий — сложная система испытания качества иностранных товаров, предпочтительные закупки товаров отечественного производства государственными организациями, сильная зависимость распределительной сети от местных промышленно-финансовых групп (иностранным товарам практически невозможно проникнуть в розничную сеть торговых предприятий, вынужденных в силу указанной зависимости подавляющую часть торговой площади предоставлять под товары японского производства) и т. д.

В результате серии проведенных в конце 1977 г. — начале 1978 г. на правительственном уровне японо-американских торговых переговоров

[8] «Daily Yomiuri», 10.XI.1977.

Япония была вынуждена пойти на ряд торгово-политических уступок, в том числе снизить тарифы по 318 позициям (с 1 апреля 1978 г.), расширить импорт некоторых товаров, для чего было решено произвести импорт на сумму 3 млрд. долл., в том числе уранового концентрата, зерновых, руд цветных металлов и др., расширить систему государственного финансирования импорта, ослабить некоторые нетарифные ограничения и т. д.

Однако переговоры между двумя странами не ограничивались только торговыми проблемами. Как отмечала японская пресса, пожалуй, никогда ранее Япония не встречалась со столь необычными для отношений двух суверенных государств требованиями, когда одна страна давала бы другой «рекомендации» о целях и путях ее экономического развития. В ходе упомянутых переговоров американская сторона настаивала на принятии высоких темпов развития экономики Японии в 1978 г., чтобы последняя стала одним из «трех локомотивов» (вместе с США и ФРГ), вытягивающих мировую капиталистическую экономику из кризисного застоя. Называя беспрецедентным сам факт определения на уровне дипломатических переговоров экономических наметок в столь сложной и непредсказуемой обстановке, японские специалисты заявляют, что утвержденный государственный бюджет на 1978/79 фин. г. был составлен не по инструкциям премьер-министра Т. Фукуды, а по «указанию из США» [9].

Именно под давлением «внешних обстоятельств» правительством были приняты наметки экономического развития на 1978 год, предусматривающие нереально высокий, по мнению подавляющей части деловых кругов и специалистов, рост валового национального продукта в указанный период — в размере 7% в реальном исчислении. Определение такого роста в условиях продолжающегося застоя во внутреннем спросе, депрессивного состояния отраслей, затронутых структурным кризисом, растущего положительного сальдо платежного баланса и повышения курса иены японская печать окрестила как «политическое решение» [10].

Как и в 1977 г., упор в правительственных экономических мероприятиях вновь был сделан на непомерное раздувание той части госбюджета, которая предусмотрена для финансирования общественных работ. При общем росте бюджетных расходов в размере 20% ассигнования на последние увеличены на 27%. Для покрытия таких крупных расходов правительство во все больших масштабах прибегает к выпуску облигационных займов, размер которых увеличивается на 30% по сравнению с предыдущим финансовым годом, а их доля в общем объеме бюджетных поступлений выросла на 34% (в 1977/78 фин. г. — 32%, с учетом дополнительного бюджета). На конец марта 1979 г. государственный долг обещал вырасти до небывало высокого для Японии уровня — свыше 40 трлн. иен, или до суммы, превышающей годовой госбюджет [11].

Ни одна из исследовательских частных организаций Японии не разделяла «оптимизма» правительства в отношении перспектив экономического развития страны на 1978/79 финансовый год (апрель 1978 — март 1979 гг.). Подвергались критике не только абсолютные цифры правительственных оценок, но и те конкретные мероприятия, с помощью которых правительство намеревалось выполнить поставленную задачу.

Т. Фукуда незадолго до падения его кабинета заявил: «1978 г. будет периодом поисков путей выхода из депрессии, и страна сможет наконец выйти из тоннеля». Однако в Японии мало уже кто верит в вероятность быстрого выхода страны из экономического спада.

---

[9] «Asahi Evening News», 28. XII. 1977.
[10] «Japan Times», 19. XII. 1977.
[11] Ibid., 24. XII. 1977.

Фальсификация истории исследования Центрального Тянь-Шаня с целью оправдания территориальных претензий Пекина к СССР

В. Е. Иринин

Там, где к востоку от озера Иссык-Куль советско-китайская граница пересекает Тянь-Шань в его центральной части, находятся самые высокие вершины и самые крупные ледники этой великой горной системы Азии. Свыше двух десятков горных вершин Центрального Тянь-Шаня поднимаются более чем на 6000 м. Среди них две высочайшие: главная — пик Победы высотой 7439 м и вторая по высоте — пик Хан-Тенгри, достигающий 6995 м над уровнем моря.

Массив Центрального Тянь-Шаня труднодоступен и резко обрывается крутыми ступенями на севере к широкой долине реки Текес, переходящей с территории СССР на территорию Китая, а на юге — к равнине Кашгарии, благодаря чему его высочайшие вершины хорошо видны из этих мест: Хан-Тенгри — с севера, пик Победы — с юга. На западе центральный горный массив постепенно понижается к котловине озера Иссык-Куль, а на востоке его снежные пики уходят за перевал Музарт, через который трудная вьючная тропа связывает китайский город Аксу с долиной реки Текес.

Эти две самые высокие в Тянь-Шане горные вершины долгое время принимались за одну, главную, которая получила в Китае название «Хан-Тенгри». Те, кто наблюдал эти горы с севера, видели северную Хан-Тенгри (высоту «6995»), а наблюдавшие горы с юга видели южную Хан-Тенгри или высшую вершину Тянь-Шаня (высоту «7439»), названную позднее пиком Победы.

До второй половины XIX столетия в Тянь-Шане не бывал ни один европейский географ. О высоких снежных горах к востоку от озера Иссык-Куль в России и Западной Европе было известно лишь из китайских источников. Путешественники Древнего Китая, проникавшие в Центральную Азию еще до нашей и в начале нашей эры, могли видеть и безусловно видели пик Победы из района города Учтурфана, из ряда мест к югу от него по дороге на Кашгар, оттуда вид на пик Победы не закрывают расположенные ближе горы.

После завоевания в XVIII в. Цинской империей Центральной Азии в пределах нынешнего Синьцзяна появились китайские публикации о западных землях с новыми данными. Тогда же под руководством европейских миссионеров-иезуитов, состоявших в то время на службе у Цинской империи, были изготовлены первые более или менее достоверные карты этой территории.

Значительная часть этих работ была переведена и опубликована в ряде русских и западноевропейских изданий в конце XVIII — начале XIX столетий. На их основе в России и Западной Европе были созданы первые за пределами Китая географические карты и географические описания Центральной Азии.

Однако до исследования П. П. Семенова и Н. М. Пржевальского география Центральной Азии была географией не столько увиденного, сколь-

ко услышанного, создававшейся по слухам и предположениям, — «догадочной географией», по меткому выражению А. Гумбольдта.

Скудными были сведения и о Центральном Тянь-Шане, во многом неясные и противоречивые. На китайских картах XVIII—XIX вв. местоположение гор Центрального Тянь-Шаня с прилегающим к ним с юга районом города Учтурфана, откуда хорошо видна высшая вершина Тянь-Шаня (пик Победы), изображалось с ошибками до 100 км и более по долготе и до 30 км по широте. Скопление высоких снежных и ледяных гор Центрального Тянь-Шаня (Сюэ-шань, Бин-шань, Тэнгэли-шань, Хан-Тэнгэли [1]) китайские авторы помещали то к западу, то к востоку от перевала Музарт, а от них вели на юго-запад горную цепь, которую называли Савабци и Кокшаал-тау. Но какая из этих вершин наивысшая, где и как она расположена, оставалось неясным.

Планомерные исследования Тянь-Шаня начались со второй половины XIX в. Вот наиболее важные вехи этих исследований.

1857 г. Русский ученый П. П. Семенов был первым географом, увидевшим северную Хан-Тенгри. Она открылась перед ним с перевала Каиыкатор на юго-востоке: «...гора Хан-Тенгри, слегка опоясанная венцом облаков, возвышалась крутой и довольно острой пирамидой по крайней мере на 6 или 7 тыс. футов над двумя десятками белоснежных вершин, ее окружающих, до высоты 24 000 футов [2] и при полном блеске на солнечных лучах белоснежного покрова всей группы превосходила своей красотой всякое описание» [3].

Семенов видел, несомненно, северную Хан-Тенгри, но установить более или менее точно местоположение вершины ему не удалось. Высота ее была определена с ошибкой в 300 м.

Семенов полагал, что пик Хан-Тенгри, как высочайшая вершина Тянь-Шаня, венчает исполинский горный узел, от которого к западу и юго-западу расходится ряд горных цепей. Количество и положение на местности этих горных цепей в то время было неизвестно.

1864—1869 гг. Исследованиями в Центральном Тянь-Шане занимались русские географы Н. А. Северцев и А. В. Каульбарс. Они наблюдали северную Хан-Тенгри с больших расстояний и не пытались поэтому определять ни ее высоту, ни ее географическое положение.

На «Карте Центрального Тянь-Шаня» масштаба 25 верст в дюйме (1:1 050 000), составленной Н. А. Северцевым по материалам предшествующих рекогносцировок 1856—1869 гг., район Хан-Тенгри представлен «белым пятном», в пределах которого обозначена лишь сама вершина — приблизительно в месте, указанном для нее П. П. Семеновым в 1857 г. Рядом с изображением вершины на карте помещена подпись: «Г. Хан-Тенгри (Карагол-бас), до 24 000» (7300 м).

В своих работах по географии Тянь-Шаня упоминает о Хан-Тенгри и А. В. Каульбарс. «На запад от Музарта, — писал он, — возвышается высокая вершина Хан-Тенгри, именем которой называется и целый участок этих гор. Впрочем, название это неизвестно киргизам (горцам) и употребляется одними китайцами... Северный склон массива Хан-Тенгри виден из долины Текеса... о южном нет никаких достоверных сведений» [4].

Укажем некоторые итоги исследований района Хан-Тенгри на 1870 г.:

— все три исследователя видели и могли видеть только северную Хан-Тенгри, так как наблюдали ее с севера;

---

[1] Наибольшее распространение в европейской географии получило название «Хан-Тенгри», в переводе с монгольского языка — «Повелитель неба».

[2] Приблизительно 7300 м.

[3] П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества 1845—1895, ч. 1, Спб., 1896, с. 268.

[4] А. В. Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня. — «Записки РГО по общей географии», т. V. Спб., 1875, с. 269, 270.

— приближенно были определены географическое положение и высота от уровня моря (7300 м) северной Хан-Тенгри с ошибками соответственно: 16 км к юго-западу (на карте Н. А. Северцева) и +300 метров по высоте; удерживалось мнение, что северная Хан-Тенгри является высшей вершиной Тянь-Шаня и венчает узел горных цепей, расходящихся от нее к западу;

— выяснилось, что название «Хан-Тенгри», получившее известность в Китае и Европе, было незнакомо местным жителям русской территории — киргизам и казахам;

— о южной Хан-Тенгри и южном склоне Центрального Тянь-Шаня ничего нового узнать не удалось;

— весь район Хан-Тенгри, как и прежде, оставался неисследованным и на картах изображался «белым пятном» с вершиной северная Хан-Тенгри в его центре.

1882 г. Русскими выполнена топографическая съемка южной окраины Центрального Тянь-Шаня со стороны Синьцзяна, из района перевал Музарт — города Аксу и Учтурфан — перевал Бедель и определено положение на карте пика Хан-Тенгри относительно этих городов.

Современные топографические карты свидетельствуют, что из этого района нельзя видеть высоту «6995», а видна только высота «7439». Следовательно, только южная Хан-Тенгри, именуемая ныне пиком Победы, могла быть зафиксирована на съемке 1882 г., а затем и на широко известной в то время русской карте Средней Азии масштаба 1:4 200 000 (100 верст в дюйме). Эта карта с соответствующими исправлениями была издана в 1884 и 1886 гг.

1886 г. Экспедиция Русского географического общества, организованная для исследования горной группы Хан-Тенгри, выполнила работы под руководством и при участии И. В. Игнатьева и А. Н. Краснова, результаты которой были опубликованы в 1887—1888 гг.[5]

Группа И. В. Игнатьева не смогла проникнуть в глубь высокогорного района, а обошла его по кромке «белого пятна» с севера и затем с востока по китайской территории через перевал Музарт. Она видела северную Хан-Тенгри из нескольких пунктов, расположенных к северу от нее, в те редкие дни дождливого лета 1886 г., когда вершина не была закрыта облаками. Причем всякий раз перед ними показывалась лишь ее верхняя часть, выступавшая над расположенными впереди горами. Топографу Александрову, который вел глазомерную съемку пройденного группой маршрута, не удалось в этих сложных условиях точно определить географическое положение вершины и уточнить ее высоту, приближенно указанную П. П. Семеновым в 24 000 футов, или 7300 м.

А. Н. Краснов наблюдал Хан-Тенгри с юга, с китайской территории, из района города Учтурфана, в июле — августе 1886 г. Он писал: «Из Турфана (Учтурфана)[6] совсем не видно снегового хребта Сары-Яссы (Сарыджаз), а выглядывает лишь Хан-Тенгри. Очевидно, что эти хребты заслонены передовым хребтом»[7].

Теперь мы знаем, что с китайской территории Краснов мог видеть только высоту «7439», или южную Хан-Тенгри (пик Победы). Однако он полагал, что видит ту же самую вершину, которую впервые увидел в

---

[5] См. И. В. Игнатьев. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри. — «Известия РГО», 1887, т. XXIII, вып. 2. — К отчету приложена «Карта Тянь-Шаньского хребта на запад от г. Хан-Тенгри», составленная А. Большевым в масштабе 15 верст в дюйме (1 : 630 000) на основании маршрутно-глазомерной съемки экспедиции 1886 г. и съемок предшествующих лет; А. Н. Краснов. Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня. С картой, составленной А. Н. Красновым. — «Записки РГО по общей географии», т. XIX., Спб., 1886.

[6] В скобках даны названия, принятые на современных советских картах.

[7] А. Н. Краснов. Указ. соч., с. 81.

1857 г. П. П. Семенов и наблюдал Игнатьев с севера, то есть северную Хан-Тенгри (по современным данным — высоту «6995»).

Анализ составленной А. Большевым «Карты Тянь-Шаньского хребта на запад от г. Хан-Тенгри», приложенной к отчету Игнатьева, показывает, что отсутствие точно определенных опорных пунктов[8] не позволило Большеву удовлетворительно увязать глазомерные съемки экспедиции 1886 г. с материалами съемок 1882 г., выполненных из района городов Аксу — Учтурфан. На его карте пик Хан-Тенгри оказался смещенным на 35 км от истинного положения северной Хан-Тенгри и более чем на 50 км — от действительного положения пика Победы, или южной Хан-Тенгри.

С перевала Мын-Тур Игнатьев должен был видеть вершину на юго-востоке, а на карте она показана к востоку от перевала. Создается впечатление, что наблюдалась не северная Хан-Тенгри, не пик, открытый Семеновым в 1857 г., и, конечно, не южная Хан-Тенгри, а какая-то иная вершина. Однако записки Игнатьева убеждают в том, что он видел пик, открытый Семеновым. Его описание — «открывается живописный вид на пик Хан-Тенгри, возвышающийся над всем снежным Мустагом и его другими вершинами в виде трехгранной пирамиды...»[9] — соответствует форме высоты «6995».

На карте А. Н. Краснова Хан-Тенгри показана приблизительно в том месте, где и должна находиться северная вершина. Очевидно, Краснов свои данные о положении южной Хан-Тенгри скорректировал по материалам П. П. Семенова и Н. А. Северцева.

Экспедиция 1886 г. подтвердила наблюдения А. Н. Краснова в том, что пик Хан-Тенгри виден с территории Китая из района города Учтурфана. «Белое пятно» на карте Центрального Тянь-Шаня несколько сократилось после открытия экспедицией ледников Северный и Южный Инильчек, Мушкетова и Семенова, однако с публикацией карты А. Большева вопрос о местонахождении пика Хан-Тенгри оказался еще более запутанным.

1899 г. Венгерская экспедиция Г. Альмаси посетила Центральный Тянь-Шань летом этого года для охоты и сбора зоологических коллекций. Экспедиция руководствовалась картой, составленной А. Большевым к отчету И. В. Игнатьева, и пришла к выводу, что от горного узла Хан-Тенгри на запад отходят не две, как показано на карте А. Большева, а три горные цепи. Однако положение пика Хан-Тенгри не было уточнено[10].

1900 г. Итальянская экспедиция Чезаре Боргезе отправилась в Тянь-Шань для восхождения на горные вершины и намеревалась при благоприятных условиях подняться на пик Хан-Тенгри. Оказавшись на гребне хребта в районе перевала Кашкатор, путешественники «были немало удивлены, увидев наиболее высокую вершину на горизонте почти к югу от себя, а не к востоку, как они этого ожидали, судя по имеющимся у них картам»[11]. Экспедиция обнаружила, таким образом, ошибку в положении северной Хан-Тенгри на карте А. Большева и, чтобы убедиться в этом окончательно, решила подойти к вершине вплотную, обойдя горы, закрывающие ее с севера. Однако ей не удалось уточнить положение вершины на карте.

1902 г. Экспедиция В. В. Сапожникова, проводившая географические исследования в Центральном Тянь-Шане, наблюдала северную Хан-Тенгри с северо-запада, из окрестностей перевала Мын-Тур, при ясной и почти безоблачной погоде, что позволило ей сфотографировать

[8] Использовалась ошибочная основа китайских карт (грубые астрономические определения иезуитов XVIII в.).

[9] И. В. Игнатьев. Указ. соч., с. 15.

[10] См. А. Мекк. Массив Хан-Тенгри. — «Землеведение», 1907 г. Кн. I—II. с. 3.

[11] См. там же, с. 4—5.

вершину и точнее измерить ее высоту. По определению В. В. Сапожникова, высота вершины оказалась равной 6950 м [12].

Наблюдения В. В. Сапожникова подтвердили ошибочность положения северной Хан-Тенгри на карте А. Большева, однако не уточнили его.

1902—1903 гг. Немецкой экспедиции Г. Мерцбахера, специально снаряженной для работ в высокогорных условиях, за два летних сезона удалось определить строение гор Центрального Тянь-Шаня и значительно сократить «белое пятно» на его карте.

Экспедиция обошла Центральный Тянь-Шань со всех четырех сторон и из многих мест как русской, так и китайской территории далеко проникла в глубь неизвестных гор по долинам рек. Она открыла новые хребты, горные вершины, ледники, произвела съемки и измерения высот и получила до 2000 фотографий гор, ледников и фотопанорам горных цепей.

Для того чтобы определить местоположение Хан-Тенгри, Мерцбахер предпринял ряд маршрутов с севера, запада и юга, руководствуясь русской картой масштаба 40 верст в дюйме (1:1 680 000), на которой северная Хан-Тенгри, по данным экспедиции И. В. Игнатьева 1886 г. (по карте А. Большева), была нанесена с ошибкой в 25 км к северо-востоку от ее истинного положения.

Пика Хан-Тенгри на месте, указанном А. Большевым, естественно, не оказалось. Вместо него экспедиция обнаружила здесь другие снежные вершины, одна из которых высотой 6300 м, позднее названная «пик 100 лет ВГО» (Всесоюзного географического общества), была принята за главный узел хребтов Центрального Тянь-Шаня. Эта вершина находилась на хребте меридионального простирания, впервые нанесенном экспедицией на географическую карту, и именно через нее, как считала экспедиция, должна проходить линия ранее установленной русско-китайской границы [13].

Исследования с китайской территории, предпринятые из района городов Аксу — Учтурфан, оказались менее удачными. Они проводились в апреле — мае 1903 г., в самое неблагоприятное время, когда атмосфера в Кашгарии пыльная и видимость не превышает 5—10 км, а горы, окружающие Кашгарскую котловину с запада и севера, всегда закрыты густыми облаками. Именно по этим причинам Мерцбахер не увидел южную Хан-Тенгри, хотя по леднику Савабци подходил к ней довольно близко (до 30 км от вершины) и побывал в ряде других мест, откуда в августе — октябре ее обычно хорошо видно [14].

При исследованиях с запада экспедиция в конце концов выяснила местоположение северной Хан-Тенгри, определила ее высоту и географические координаты.

Все предшественники Мерцбахера наблюдали только верхнюю часть вершины, которая возвышалась над расположенным к северу от нее хребтом Сарыджаз, и никто из них не видел всей вершины. Предполагалось также, что вершина находится в узле огромных горных цепей, расходящихся от нее к западу.

По леднику Южный Иныльчек Мерцбахер прошел с запада на восток через середину и почти до конца «белого пятна», открыл ледниковое озеро у нижнего конца ледника Северный Иныльчек, которое ныне называется его именем, и установил, что северная Хан-Тенгри не является горным узлом, а венчает короткий боковой хребет, отходящий на запад от пограничного хребта между ледниками Северный и Южный Иныльчек.

---

[12] См. В. В. Сапожников. Очерки Семиречья, т. I. Томск, 1904, с. 121—124.

[13] См. Karte zu G. Merzbacher Reisen in mittleren und östlichen Tian-Shan 1902/03 und 1907/08. München, 1908. Blatt 5.

[14] Русские топографы в 1882 г. и А. Н. Краснов в 1886 г. видели южную Хан-Тенгри как раз в это благоприятное время.

Географическое положение вершины, по определениям экспедиции, оказалось смещенным на 6 км к юго-востоку, а вычисленная высота 7200 м превысила истинную на 200 с лишним метров.

О южной Хан-Тенгри участники экспедиции никогда не упоминали, ничего не говорится о ней и в трудах экспедиции. Между тем позднее было установлено, что они ее видели с запада (с русской территории), фотографировали и полученные фотографии опубликовали [15]. Правда, на фотоснимке южная Хан-Тенгри выглядит даже ниже северной Хан-Тенгри. Видимо, по этой причине при наблюдениях гор с запада и севера она и не привлекала к себе внимания.

1912 г. Первые русские государственные топографические съемки в Центральном Тянь-Шане почти не добавили ничего нового к тому, что было уже известно.

Съемки выполнялись в масштабе 2 версты в дюйме (1:84 000). Ввиду трудных условий высокогорной местности на карту удалось нанести только северную Хан-Тенгри и горные вершины к северу и западу от нее. Район южной Хан-Тенгри остался неисследованным.

Северная Хан-Тенгри по этой съемке получила высоту 32 777 саженей, или 6984 м.

Таким образом, в ходе исследования Центрального Тянь-Шаня в досоветское время было установлено, что его пересекает с севера на юг высокий горный хребет, который позднее советскими альпинистами был назван Меридиональным; что северная Хан-Тенгри находится не на Меридиональном, а на коротком боковом хребте, отходящем от него к западу, то есть не на линии русско-китайской границы, а в 12 км к западу от нее, на русской территории. Именно так была показана граница, например на карте Центрального Тянь-Шаня, приложенной к упомянутой статье А. Мекка в журнале «Землеведение» за 1907 г. Возникло, казалось бы, неразрешимое противоречие: если граница пойдет по горному хребту, как того требует Кашгарский протокол 1882 г., то она не может удовлетворить другому требованию протокола — пройти через высшую вершину Тянь-Шаня гору Хан-Тенгри.

Исследователи Центрального Тянь-Шаня, проникавшие с севера в поисках его наивысшей горной вершины, приняли за нее пик высотой, по современным данным, 6995 м, который назвали Хан-Тенгри. Экспедиция Г. Мерцбахера 1902—1903 гг. это подтвердила. Она будто бы достаточно обследовала весь этот район и, как думали тогда, установила, что все остальные вершины имеют меньшие высоты. В то время еще никто не знал, что существует два пика под названием «Хан-Тенгри», принимавшихся за один, что, следуя по горному хребту, граница не могла пройти через северный пик, а прошла через южный, наивысший.

Исследование Центрального Тянь-Шаня продолжалось 85 лет и в 1943 г. завершилось крупным географическим открытием: советские топографы и альпинисты, производившие геодезическую и аэрофототопографическую съемку, обнаружили на линии советско-китайской границы, которая тогда показывалась на картах по данным экспедиции Г. Мерцбахера, горную вершину, высота которой составила 7439 м (первоначально вычисленная — 7440 м). Возникшее ранее противоречие получило теперь полное и окончательное разрешение: линия границы прошла и по горному хребту, и через наивысшую в Тянь-Шане вершину Хан-Тенгри (пик Победы).

Вот что писал об этом открытии один из его участников, В. И. Рацек, в статье «Пик Победы»: «Вникая в историю исследования Тянь-Шаня, можно задать очень интересный вопрос: не носила ли в прошлом высота 7440 м имя Хан-Тенгри?..

---

[15] См. Merzbacher. The Central Tian-Shan Mountains. London, 1905.

Первые путешественники могли скорее увидеть хребты Тянь-Шаня с юга, откуда вершина, открытая советскими исследователями в 1943 г., должна резко выделяться среди окружающих ее гор. Ей-то, возможно, местным населением и было дано гордое имя — «Властелин Неба» (Хан-Тенгри).

Исследователи, идущие с севера, могли видеть панораму хребтов Тянь-Шаня от Нарын-кола и Боян-кола. Отсюда виден весь Сарыджазский хребет, увенчанный обособленной вершиной, которая имеет характерные очертания правильной пирамиды. Увидев такую сильно выделяющуюся над остальными вершину, они, безусловно, могли принять ее за Хан-Тенгри, название которой через столетия дошло до наших дней, в то время как настоящая Хан-Тенгри (вершина «7440») была спрятана за северными цепями гор.

Высота же «7440», открытая в 1943—1944 гг., является главной вершиной Тянь-Шаня...

Эта вершина, — продолжает далее В. И. Рацек, — была открыта и высота ее определена в годы Великой Отечественной войны, в тот период, когда наша победа над врагом была уже предрешена и требовались только те завершающие удары, которые и нанесла врагу доблестная Красная Армия в 1945 г.

Поэтому гигантская вершина, вторая по высоте в Советском Союзе, должна служить памятником великих побед и носить гордое имя — пик Победы» [16].

Советские топографы, точно определившие местоположение и высоту высшего пика Тянь-Шаня, одновременно высказали и свое мнение о том, что он был издавна известен в Китае под названием Хан-Тенгри. Действительно, пик Победы хорошо виден с дороги Аксу — Учтурфан — Кашгар, по которой издавна ходили на запад китайские завоеватели и купцы. Именно его видели в 1882 г. с территории Китая и впервые нанесли на географическую карту русские топографы. Пик Победы (Хан-Тенгри), а не какую-либо другую горную вершину наблюдал в 1886 г. из района китайского города Учтурфана русский путешественник А. Н. Краснов.

Своеобразно решили вопрос об этих двух вершинах Тянь-Шаня тайваньские картографы: на картах атласа, изданного в 1964 г., они показали и Хан-Тенгри высотой 6995 м, и Новую Хан-Тенгри высотой 7439 м [17].

Тайваньские картографы не поместили в своем атласе название пик Победы. Они не пожелали, чтобы слово «Победа» — символ великого подвига советского народа в борьбе с немецким фашизмом и японским милитаризмом — было увековечено на советско-китайской границе.

Пекинские картографы, которые вначале показывали на своих картах обе Хан-Тенгри [18], затем признали северную Хан-Тенгри и упразднили южную, «закрыв» открытие пика Победы советскими топографами. На карте Китая масштаба 1:4 000 000, изданной в КНР девятнадцатый раз в декабре 1971 г., вершина «7439» не показана вовсе, нанесена лишь высота «6995», то есть северная Хан-Тенгри. Не обозначен пик Победы и на карте издания 1975 г.

Но на этом в Пекине не остановились. 31 июля 1977 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила: 25 июля в 15 часов 31 минуту по пекинскому времени 10 спортсменов и спортсменок из отряда китайских альпинистов «впервые совершили успешное восхождение на самый высокий пик Тянь-Шаня — Томур и на вершине горы Томур, на территории нашей родины, водрузили пятизвездный флаг...

[16] «Вопросы географии», вып. 1. М., 1946, с. 83—90.

[17] Atlas of the Republic of China, vol. 2. Hsitsang (Tibet) Sinkiang and Mongolia. Second Edition, May 1964.

[18] Например, на Карте Китая масштаба 1 : 6 000 000 издания 1953 г.

30 июля в 13 часов 15 минут по пекинскому времени, — сообщалось далее, — 17 альпинистов из второго штурмового отряда вновь успешно покорили вершину Томур». Газета утверждала, будто район пика Томур «исстари является китайской территорией», выдвинув при этом ряд аргументов.

Первый аргумент: «В письменных китайских исторических источниках говорится, что... ханьские и танские императоры в районе Синьцзяна... учреждали административные органы, направляли сюда чиновников, расквартировывали войска, проводили колонизацию пограничных земель переселенцами военных поселений...»

Допустим, что все так и было, но разве из этого следует, что граница захваченных тогда Китаем земель в Центральной Азии проходила к западу от пика Победы, а Центральный Тянь-Шань был тогда китайским?

Второй аргумент: «...обширные районы к югу и северу от Тянь-Шаня и к востоку и югу от озера Балхаш официально были включены в состав нашей единой многонациональной родины».

Этот аргумент «позволяет» Пекину считать китайскими большую часть Казахстана, всю территорию Узбекской и Таджикской ССР, да и Северный Афганистан, ведь он тоже расположен к югу от Тянь-Шаня.

Известно, что придворные историки китайских императоров причисляли к Китаю все земли, о существовании которых они узнавали. Так, территория Китая была «расширена» на северо-восток до Амура и к северу от него, на юго-восток — в Индонезию и на запад — до Каспийского моря; в вассальные китайские земли зачислялись Россия, Англия, Голландия и ряд других стран. Конечно, если объявить, что и Азия, и Европа в прошлом были китайскими, то и район пика Победы в таком случае не был бы исключением.

Третий аргумент: «Известный китайский поэт Танской эпохи Ли Бо родился в городе Суйе... В своих стихах он часто описывал замечательные пейзажи Тянь-Шаня...»

Не будем выяснять, воспевал ли в своих стихах китайский поэт Танской эпохи Ли Бо (701—762) «замечательные пейзажи Тянь-Шаня». Суть вопроса в ином. Читателю хотят внушить, что раз китайский поэт родился в городе Суйе и воспевал в своих стихах горы Тянь-Шаня, то, значит, и сам город, и Тянь-Шань уже в то время принадлежали Китаю.

Сведения о месте рождения Ли Бо противоречивы. В китайских источниках указывается по крайней мере еще два места его рождения: уезд Цинлянь провинции Сычуань и город Тяньшуй провинции Ганьсу [19].

В Пекине не могут об этом не знать, поэтому некий Лю Дацзе взялся разрешить противоречие. Для того чтобы укрепить шаткий аргумент китайской антисоветской пропаганды, он писал: «Когда Ли Бо было 15 лет, его отец перебрался в Сычуань. Ли Бо вырос в Сычуани, которую он рассматривал как свою родину» [20].

Если следовать Лю Дацзе, Ли Бо мог описывать красоты Тянь-Шаня по впечатлениям той поры, когда ему не было еще пяти лет. Допустим на минуту, что это так. Но разве это доказывает, что район пика Победы принадлежал тогда Китаю?

Такова аргументация, определяющая, по мнению «Жэньминь жибао», неотъемлемые права Китая на советскую территорию в районе пика Победы.

В сообщении из Урумчи 31 июля агентство Синьхуа указало, что высота пика Томур оказалась 7443,8 м, и привело некоторые подробности восхождения на пик китайских альпинистов. При этом еще раз было

[19] См. В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, с. 42.

[20] Лю Дацзе. Классовая позиция Ли Бо и его поэтическо-песенное искусство. — «Сюэси юй пипань», 1975, № 11, с. 43.

подчеркнуто, что альпинисты «впервые поднялись на самую высокую вершину Тянь-Шаня —пик Томур».

В корреспонденции агентства Синьхуа от 5 августа из Урумчи вновь говорилось, будто пик Томур находится на китайской территории, и приводилась та же аргументация: «Еще во времена династий Хань и Тан были учреждены административные органы и расквартированы войска в районе Синьцзян», а «великий китайский поэт танского периода Ли Бо родился в городе Суйе» и в своих стихотворениях «не раз прославлял причудливую и величественную природу Тянь-Шаня».

25 августа 1977 г. в пекинском дворце спорта «Шоуду» состоялся массовый митинг в честь китайских покорителей пика Томур, на котором присутствовал заместитель председателя ЦК КПК Ли Сяньнянь и другие руководители КПК и КНР. На следующий день, 26 августа, агентство Синьхуа оповестило мир об этом митинге и подчеркнуло: «Пик Томур находится в пределах нашей страны... восхождение китайских альпинистов на пик Томур имеет важное значение для защиты священной территории окраин нашей родины». Агентство Синьхуа безапелляционно утверждает: «Пик Томур... расположен в районе Аксу (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая), который испокон веков является священной территорией нашей страны».

Пик Томур — это, бесспорно, пик Победы, или южная Хан-Тенгри. В китайских публикациях указывалось, что пик Томур является высшей вершиной Тянь-Шаня. По советским определениям, высота пика — 7439 м, по китайским (с округлениями) —7444 м. Расхождение в 5 метров не так уж значительно. Советская отметка высоты исчислена от уровня Балтийского моря, китайская — от уровня Тихого океана у побережья Китая. К тому же превышение пика над пунктами сети точных высот могло быть определено только геодезическим нивелированием, и поэтому ошибка в несколько метров вполне допустима. Все это ясно. Не ясно на первый взгляд другое: почему ныне в Китае высшая вершина Тянь-Шаня названа пиком Томур, почему ни в одной из многочисленных китайских публикаций, посвященных восхождению на него китайских альпинистов, не упоминается общепризнанное название «пик Победы» или издавна известное в Китае «пик Хан-Тенгри»? Ведь в Китае хорошо знают, что высший пик Тянь-Шаня советские топографы и альпинисты открыли еще в 1943 г. Тогда же они определили его положение и высоту, а в последующие годы на пик Победы совершали восхождение многие другие советские альпинисты. Для чего же Пекину потребовалось открывать уже открытое 34 года тому назад и ныне общеизвестное, выдавать покорение покоренного за подвиг первовосходителей?

Суть дела не в географической некомпетентности Пекина, а в том, что таким методом Пекин фабрикует «спорные районы» на советско-китайской границе и территориальные притязания к Советскому Союзу.

Пекин объявил на весь мир, что в своих территориальных притязаниях к Советскому Союзу он якобы исходит только из русско-китайских договоров о границе и добивается строгого и точного их выполнения. Советский Союз всегда твердо придерживался именно этого принципа, и если бы у Пекина слова не расходились с делами, то для успешного пограничного урегулирования между СССР и КНР не требовалось бы ничего другого.

В Центральном Тянь-Шане граница определена Кашгарским протоколом 1882 г. по горному хребту через высочайшую вершину Тянь-Шаня Хан-Тенгри. Но позднее выявились две вершины с именем «Хан-Тенгри», поэтому, если строго следовать протоколу, границу надо вести через ту из двух Хан-Тенгри, которая является высшей точкой Тянь-Шаня, то есть через пик Победы, или южную Хан-Тенгри. Главное, однако, не в этом, а в том, что пик Победы мог наблюдаться только с юга, с китайской территории, в частности из района городов Аксу — Учтурфан,

откуда его видели члены русско-китайской пограничной комиссии в 1882 г., и не только видели, а и провели через него установленную тогда линию границы.

С некоторых пор Пекин, однако, стал толковать пограничные договоры с Советским Союзом исходя не из их духа и буквы, а из антисоветского курса своей политики. Поэтому на современных китайских картах не нашлось места пику Победы (южной Хан-Тенгри), а линия советско-китайской границы в этом районе оказалась смещенной в глубь советской территории и прошла через северную Хан-Тенгри.

Для того чтобы подкрепить свою версию, в Пекине задумали заново «открыть» высшую вершину Тянь-Шаня, предав забвению уже известные географические названия «пик Победы», «пик Хан-Тенгри». Смысл этой акции, видимо, состоит в том, что, дескать, всегда была известна только северная Хан-Тенгри, а южная Хан-Тенгри (пик Томура, согласно сфальсифицированной в Пекине версии) стала известна лишь в 1977 г., поэтому советско-китайская граница должна проходить через северную Хан-Тенгри.

В Пекине наивно полагают, будто с помощью столь примитивной фальсификации истории исследования Центрального Тянь-Шаня можно поставить под сомнение документ, регламентирующий линию прохождения советско-китайской границы в этом районе.

Пекин: курс на провоцирование мировой войны

А. Г. Апалин

Разбойничье нападение Китая на мирный социалистический Вьетнам окончательно раскрыло агрессивную сущность великодержавной, гегемонистской политики пекинского руководства. Как отмечал товарищ Л. И. Брежнев, «именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире» [1]. Беспрецедентная агрессия Китая — самое весомое доказательство полной несостоятельности рассуждений апологетов маоизма о «позитивных» изменениях в позиции нынешнего китайского руководства по вопросу войны и мира. Слова и дела пекинских лидеров ясно показывают, что в решении этого вопроса они идут гораздо дальше основоположника реакционной доктрины — Мао Цзэдуна.

Этой проблеме посвящена статья, публикуемая ниже.

* * *

Хорошо известно рассуждение Мао Цзэдуна о войне и мире, сконцентрировавшее основной смысл воззрений китайского руководства на этот счет: «Война переходит в мир, мир переходит в войну. Мир является обратной стороной войны. Когда не ведутся военные действия — это мир... Война — это специфическая форма политики. Это продолжение политики; политика — это тоже своего рода война». «Война, — утверждал теоретический орган ЦК КПК журнал «Хунци» в октябре 1965 г., — закаляет народ и движет историю вперед»[2]. Эту доктрину войны новое, послемаоцзэдуновское руководство Китая не только унаследовало, но и развило дальше. «Мы считаем, — писал в августовском номере журнала «Хунци» за 1978 г. министр обороны КНР Сюй Сянцянь, — что в обществе, где существуют классы, война — нормальное явление в отношениях между двумя мирами. Война есть продолжение политики, она есть также продолжение мира».

Курс на подготовку к войне, на провоцирование войны, по существу, был и остается национальной доктриной маоистского Китая. Он пронизывал при Мао Цзэдуне и продолжает пронизывать при нынешнем китайском руководстве всю внутреннюю и внешнюю политику КНР и тесно связан с теми особенностями, которые характерны для современного этапа развития Китая.

Политическая ситуация в КНР остается острой, нестабильной и во многом противоречивой. Положение в стране по-прежнему в значительной мере определяется борьбой вокруг нерешенных вопросов о путях и программе дальнейшего развития страны. Все больше проявляется противоположность коренных, объективных потребностей Китая и политических расчетов его руководства. В китайской правящей верхушке сохраняется почва для новых столкновений в ближайшие годы. Тем более

[1] «Правда», 3.III.1979.
[2] «Хунци», 1965, № 10.

что в КНР наблюдается своего рода двоякий процесс. С одной стороны, и это показал III пленум ЦК КПК (декабрь 1978 г.), усиливается маскировка маоизма под марксизм-ленинизм, с другой — националистические установки маоизма еще теснее увязываются с многовековыми традициями великоханьского шовинизма, что означает более четкое оформление маоизма в социал-шовинизм, прикрывающий экспансионистские цели Пекина социалистическими лозунгами, спекуляцией на авторитете социализма. Усилия же лидеров КНР по консолидации общества на идейной основе маоизма не дают желаемого для правящего режима результата. И сам факт, что руководство КНР не хочет и не может выйти за рамки маоизма, предопределяет возникновение новых трудностей и кризисов в китайском обществе.

Одну из характерных черт современного Китая составляет усиление роли армии. Поскольку политическая структура в Китае в значительной степени основана на армии как опоре военно-бюрократического режима, концепции и доктрины военных имеют, по существу, решающее значение для формирования политических установок. Возрастание роли армии в жизни китайского общества — это не только отражение расстановки сил в стране, но и фактор, во многом определяющий основные направления внутренней и внешней политики. «Наша армия, — прямо заявляется в Китае, — есть главное орудие диктатуры пролетариата. Будь то классовая борьба на международной арене или же классовая борьба внутри страны — армия неизменно является главным орудием» [3]. «Народная армия, вооруженная идеями Мао Цзэдуна, а также технически совершенными видами оружия и снаряжения, — указывается без тени сомнения, — будет подобна крылатому тигру и непобедима на земном шаре» [4].

На службу доктрине подготовки к войне поставлена и деятельность китайского руководства по усилению народного ополчения. С 20 июня по 11 августа 1978 г. в Пекине состоялось Всекитайское совещание по народному ополчению, на котором совершенно открыто была обнародована главная установка: ополчение должно рассматриваться и строиться как неотъемлемая вспомогательная сила регулярной армии, как «военная сила, которая не требует военного обмундирования и питания за счет государства»[5], а также как военизированная рабочая сила на производстве, как репрессивный орган для «ударов по классовым врагам». Раздувая военный психоз, армейская газета «Цзефанцзюнь бао» писала, что «каждый из 800 млн. человек должен уметь стрелять из винтовки, уметь воевать».

Таким образом, унаследованные и постоянно подтверждаемые нынешним китайским руководством установки Мао о «подготовке к войне» являются вопреки утверждениям некоторых апологетов тезиса о «демаоизации» в Китае не утилитарным мобилизационным призывом, используемым для подстегивания развития экономики, а выражением курса на милитаризацию Китая, отражением доктрины подготовки к войне.

* * *

На нынешнем этапе с целью идеологического обоснования курса Пекина на обострение напряженности в мире вплоть до провоцирования новой мировой войны китайское руководство разработало целую систему «теоретических концепций и доктрин». Здесь и маоистское определение современной эпохи, и тезис об «исчезновении социалистического лагеря», и концепция деления мира на «три мира», и комплекс «аргу-

[3] «Хунци», 1978, № 2.
[4] «Гуанмин жибао», 20.I.1977.
[5] «Жэньминь жибао», 28.IX.1978.

ментов» об «иллюзорности» разрядки и «неизбежности» новой мировой войны.

Выдвижение тезиса об «исчезновении» социалистического лагеря явно нацелено на то, чтобы перечеркнуть всемирно-историческое значение победы социалистической революции в СССР, «освятить» отрицание мировой социалистической системы как решающего фактора развития человечества, перенести на Советский Союз и мировой социализм закономерности империализма, представить его как «новую империалистическую силу», более опасную, чем старый империализм.

Все это потребовалось китайскому руководству также и для оправдания линии на провоцирование обострения обстановки в мире. По китайской оценке, современные отношения приобретают характер не исторически нового этапа, отмеченного противоборством двух систем, тем, что, по словам В. И. Ленина, «теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга во всемирном масштабе»[6], а продолжающейся империалистической борьбы за сферы господства и подчинения. Поскольку коренных изменений с точки зрения Пекина в расстановке сил не произошло и не существует социализма как носителя миролюбивой политики, постольку доминирующей чертой эпохи «закономерно» становится именно возрастание напряженности, наиболее вероятной перспективой которой является еще одна мировая война.

В последние годы жизни Мао Цзэдуна Пекин заметно усилил пропаганду тезиса о «неизбежности» новой мировой войны, очагом которой являются будто бы две сверхдержавы, и прежде всего... Советский Союз[7]. Заявив без какой-либо двусмысленности о приверженности «революционной внешнеполитической линии председателя Мао Цзэдуна», новое руководство Китая с самого начала своей деятельности проводит в жизнь линию, направленную на то, чтобы приучить китайский народ и мировое общественное мнение к идее о том, будто мировая война вошла главным вопросом в международную повестку дня. Уже в первом крупном внешнеполитическом заявлении, обосновавшем преемственность курса Пекина — интервью заместителя премьера Госсовета КНР Ли Сяньняня французским журналистам 2 ноября 1976 г., — было подчеркнуто: «Мы говорим — война неизбежна»[8]. «Раньше или позже, в малых или больших масштабах, обычная или ядерная, но война будет развязана», в современных условиях «никакому прочному миру не быть», война «не зависит от воли людей», — утверждал председатель ЦК КПК Хуа Гофэн в отчетном докладе XI съезду КПК в августе 1977 г. «Заметно нарастают факторы войны, опасность мировой войны все более серьезно угрожает народам мира», — заявлял он в докладе о работе правительства на I сесии Всекитайского собрания народных представителей V созыва 26 февраля 1978 г. «Новую мировую войну можно лишь оттянуть, ее нельзя избежать», — предрекал министр обороны КНР Сюй Сянцянь в конце июля 1978 г. Об ориентации «на скорую крупномасштабную ядерную войну» говорил в декабре 1978 г. в своей статье, опубликованной в «Жэньминь жибао», зам. начальника Генштаба НОАК Ян Юн.

Как и при Мао Цзэдуне, Пекин выходит с назойливым навязыванием мысли о «неизбежности» войны и на международную арену, в том числе на трибуну ООН. «Война — это период между двумя мирными периодами, — говорил на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1977) министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. — ...Продолжение жестокого соперничества между двумя сверхдержавами неизбежно приведет когда-нибудь мир к войне. Это не зависит от воли людей». О не-

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 245.
[7] См. «Жэньминь жибао», 7.X.1975.
[8] "Figaro", 3.XI.1976.

ких «явных признаках роста факторов войны» Хуан Хуа заявлял и на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 мая 1978 г.

Тезис о «неизбежности» и «полезности» для народов новой мировой войны стал в Китае предметом фундаментальных теоретических разработок. 1 ноября 1977 г. в газете «Жэньминь жибао» была помещена пространная статья «Теория председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм». Эта публикация, как и статья «Жэньминь жибао» от 18 января 1978 г., явилась «последним словом» обоснования нынешнего великодержавного, шовинистического внешнеполитического курса Китая. Анализ статьи показывает, что фактически на страницах «Жэньминь жибао» была изложена доктрина войны. «Опасность войны все серьезнее угрожает народам мира», «в настоящее время факторы войны явно нарастают», «в нынешних исторических условиях прочный мир невозможен, новая мировая война неизбежна» — вот главные положения этой доктрины.

Наряду с тезисом о «неизбежности» войны китайское руководство идеологически оформляет и свои попытки доказать, что война — благо для народов. С XI съезда КПК усилилась пропаганда положения о том, что, когда война начнется, народы мира окажутся в «выгодном», «благоприятном» положении. В статье «Жэньминь жибао» 1 ноября 1977 г. о маоистской теории «трех миров» Пекин пошел еще дальше. В ней поставлен вопрос, что нет ничего плохого в том, что война должна разразиться, ибо «в дальнейшем в ходе войны в различных частях мира... народы разных стран получат широкие возможности организовать войны против агрессии», и народы мира «после длительных объединенных усилий окончательно уничтожат поджигателей войны» (по пекинской терминологии — СССР и США), то есть путем войны решат великодержавно-шовинистические задачи китайского руководства по уничтожению его политических противников.

Пытаясь представить мировую войну как благо для народов, китайские руководители стремятся доказать, что любые жертвы в ходе такой войны будут оправданы. «Жертвой небольшой части населения, — писала в свое время «Гуанмин жибао», — будет достигнута безопасность всей нации, всего государства и даже всего человечества, временные лишения сменяются длительным и даже вечным миром и счастьем». В милитаристском угаре член Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК Су Юй даже решился заявить в августе 1977 г., что ради внесения «должного вклада в дело освобождения человечества мы готовы пойти на самые крупные национальные жертвы». Но, развивает свою мысль генерал, это будет сделано не просто так, а ценой уничтожения и других народов и государств. «Наша стратегия и тактика, — заявляет он, — состоит в том, чтобы убивать людей», «полностью уничтожить живую силу противника». Это-то, подчеркивает Су Юй, и «означает решение вопроса войной».

Кое-кто на Западе, подхватывая соответствующие домыслы маоистской пропаганды, склонен объяснять приверженность Пекина тезису о «неизбежности» войны, милитаристскому курсу «угрозой», которую якобы представляет для безопасности Китая Советский Союз.

Но подобные «объяснения» — заведомо лживая от начала до конца спекуляция и китайского руководства, и его натовских единомышленников. Сегодняшняя ставка пекинских лидеров на войну выражает их давно сложившиеся великодержавно-шовинистические устремления. Как известно, во второй половине 50-х годов советско-китайские отношения носили еще дружественный характер и никому в Пекине не приходила в голову сама мысль о какой-либо советской угрозе. Но ведь именно в то время стал утверждаться маоистский подход к системе современных международных отношений и путям ее перестройки посредством войны в выгодном для себя плане. Именно тогда китайские лидеры пытались

оказать нажим в первую очередь на Советский Союз, заставить его отказаться от политики мирного сосуществования, вести борьбу против США «острием против острия». Вряд ли кто станет сегодня отрицать, что милитаристская доктрина маоизма развивалась в тот период под предлогом «угрозы» нападения на Китай со стороны США. Если просмотреть китайские газеты первой половины 60-х годов, то сложится впечатление, что США вот-вот должны были напасть на Китай. Сейчас картина иная — население страны настраивают уже на то, что СССР хочет «поработить», «погубить» Китай.

Нельзя не обратить внимания и на то, что империалистическая пропаганда, создавая в унисон с Пекином далекий от действительности образ «заинтересованного в мире» Китая, одновременно, опять-таки в унисон с Пекином, вовсю распространяет абсурдный домысел о «советской угрозе» всему миру [9]. Такое сочетание приукрашивания, затушевывания воинственной политики Китая с очернением, извращением подлинно миролюбивого курса Советского Союза не случайно. Опасаясь нежелательного для империалистической военщины воздействия мирного наступления Советского Союза, мирового социализма, антикоммунисты разных мастей приветствуют выгодную для них милитаристскую линию Пекина, но в условиях крепнущей тенденции к разрядке вынуждены вместе с китайским руководством камуфлировать ее, отвлекать от нее, как и от своей политики агрессии и войны, внимание мировой общественности. Тезисом о «советской угрозе» и Западу, и Китаю империалистические круги и Пекин стремятся оправдать собственную гонку вооружений, взаимную поддержку в проведении милитаристской политики.

* * *

В условиях, когда усиливается разоблачение и саморазоблачение Китая на международной арене как проповедника новой мировой войны, как проводника поджигательской, провокационной политики, китайское руководство стремится показать, что оно якобы отнюдь не выступает сторонником новой мировой войны и что его заявления о ее «неизбежности» являются лишь констатацией объективного факта.

Примерно с лета 1977 г. в известные пекинские стереотипы «война неизбежна», «как следует подготовиться к войне», «быть готовыми сражаться» вносится «небольшое» изменение: «как следует подготовиться к антиагрессивной войне», «быть готовыми сражаться против агрессии». Но это не меняет сути дела. Во-первых, всему миру известно, что на Китай никто не собирается нападать; во-вторых, Пекин просто учел волну возмущения против откровенно милитаристского курса на войну и добавил к прежним формулировкам словечко «антиагрессивная».

Не менее примечательны уловки Пекина и в отношении «сроков войны». В пропаганде на китайский народ утверждается, что «крупномасштабная война разразится скоро». В статье к 51-й годовщине создания Народно-освободительной армии Китая министр обороны КНР Сюй Сянцянь призвал китайцев серьезно подготовиться к «близкому широкому ядерному или внезапному нападению». Иное говорится для внешнего мира. Учитывая настроения международной общественности, Пекин ловчит, заявляя, как это, например, сделал Ли Сяньнянь в 1977 г.: «Мы не говорим, что война вспыхнет сейчас, но она неизбежна». К тому же приему прибег Уланьфу в интервью итальянскому агентству АНСА в октябре 1978 г., заявив, что мировой конфликт «рано или поздно неизбежен», но это не означает, что война должна разразиться «завтра или послезавтра».

---

[9] См. «Жэньминь жибао», 2.I.1979.

Но вносит ли тезис об «отсрочке» «неизбежной войны» что-то новое в пекинскую платформу? Нет, ибо возможность отсрочки войны Пекин обставляет рядом оговорок. Они направлены, с одной стороны, по существу, на реализацию его истинных замыслов: вызвать рост международной напряженности, сорвать все, что может содействовать действительному предотвращению войны, а с другой — на создание условий, при которых весь мир должен действовать по рецептам Пекина, должен содействовать осуществлению целей китайского руководства. Это в первую очередь «материальная и организационная подготовка», что на языке Пекина означает дальнейшую гонку вооружений. Это, далее, выступление против политики «умиротворения», как именуют в Пекине политику разрядки международной напряженности, политику разоружения, причем «политика умиротворения» клеветнически преподносится Пекином как политика, которая «может лишь приблизить войну». «Мы, — подчеркивал Хуа Гофэн в выступлении на приеме по случаю 29-й годовщины КНР, — против умиротворения»[10]. Это, в-третьих, «укрепление антигегемонистской борьбы во всех областях», предусматривающее прежде всего создание пресловутого «единого фронта» для борьбы против Советского Союза, который без тени смущения объявлен ныне Пекином не только главным «источником», но и «главным инициатором» новой мировой войны. Неизбежную войну, говорилось в упомянутом интервью Уланьфу итальянскому агентству АНСА, «может задержать лишь союз стран третьего мира с индустриальными странами Западной Европы и Японии». Во время визита в США и Японию в феврале — марте 1979 г. Дэн Сяопин призывал сколотить антисоветский блок, в который бы вошли США, Япония, Китай и страны Западной Европы. Подобное условие «отсрочки» войны больше, чем какое-либо другое, призвано, по пекинским расчетам, накалить обстановку в мире вплоть до военной конфронтации.

Не менее важен и другой аспект постановки вопроса об «отсрочке» (но не о предотвращении) войны. По сообщению агентства Киодо Цусин, в беседе с делегацией бывших старших офицеров японских сил самообороны 7 октября 1977 г. Дэн Сяопин заявил, что «Китай надеется, что мир сохранится до конца нынешнего века», но что потом «войны все же неизбежны». Ту же мысль Дэн Сяопин повторил и в интервью таиландским журналистам в середине февраля 1978 г. Срок — «до конца нынешнего века» — обозначен не случайно. Он совпадает со сроком реализации другой задачи, постоянно подчеркиваемой нынешним пекинским руководством, — «превратить к концу века Китай в мощную современную державу», или, если расшифровать истинный смысл этой задачи, превратить КНР в мощное милитаристское государство. Публичные, открытые высказывания китайских лидеров призваны маскировать суть позиции Пекина. В закрытом же порядке руководители КНР не скрывают истинных целей своего тезиса об «отсрочке войны». Выступая сразу же после своей реабилитации на III Пленуме ЦК КПК X созыва, Дэн Сяопин откровенно и цинично указывал 20 июля 1977 г.: «Вспышка третьей мировой войны неизбежна. Однако, если время возникновения этой вспышки может быть отодвинуто до конца столетия, мы сможем захватить инициативу, и это будет **наиболее выгодным**. По этой причине... мы не должны отклоняться от этой **главной цели**»[11] (выделено авт.).

«Выиграть время у врага», «соперничать с противником в скорости» — так ставится вопрос в КНР. Другими словами, то, что некоторые наблюдатели на Западе принимают за ориентацию на мирное развитие, на деле является ориентацией на выигрыш времени для модернизации вооруженных сил Китая, для накопления военно-стратегических сил, без

[10] «Жэньминь жибао», 1.X.1978.
[11] "Background of China", 17.V.1978.

чего Пекину нельзя рассчитывать на осуществление великодержавно-шовинистических планов.

* * *

Для Пекина с его шовинистическими великоханьскими традициями характерен комплекс «превосходства» над всеми остальными малыми и большими нациями, которые «должны» выполнять условия, выдвигаемые перед ними Китаем. Именно так ставил Пекин вопрос в связи с китайско-японским договором о мире и дружбе, именно так ставил Пекин вопрос о нормализации китайско-американских отношений, этот же лейтмотив присутствует и в заявлениях китайских лидеров по вьетнамскому вопросу. Подобная направленность внешнеполитической стратегии китайского руководства объясняет, почему КНР не проявляет ни малейшего желания укреплять международный правопорядок на условиях, приемлемых для всех остальных государств мира. Уже одна доктрина «неизбежности новой мировой войны» является открытым вызовом основным принципам современного международного права и международным соглашениям, заключенным большинством стран мира в соответствии с этими принципами.

Пекин призывает «верить скорее в сохранение (военного. — А. А.) равновесия, чем в какие бы то ни было замечательные документы». Китайское руководство не только считает необязательными для себя многосторонние соглашения, направленные на поддержание мира (к которым оно не намеревается присоединяться), но и объявляет важнейшие международные документы «клочком бумаги», идет ли речь о Договоре о нераспространении ядерного оружия, под которым поставили свои подписи более 100 стран мира, о советско-американском соглашении 1973 г. о предотвращении ядерного конфликта, о решении Совета Безопасности о прекращении огня на Ближнем Востоке (октябрь 1973 г.) или о Заключительном акте Общеевропейского совещания в Хельсинки. «В периоды острых международных столкновений, — поучают из Пекина, — международные соглашения и право являются не чем иным, как пустыми документами»[12]. И нынешнее китайское руководство, оставившее без изменений маоцзэдуновскую доктрину «трех миров», доктрину, враждебную политике разрядки, самой идее поддержания международного правопорядка, подчеркивает: «Ключ к отсрочке войны не в воспеваемых кое-кем переговорах и соглашениях»[13].

Китай сам порой заявляет, что он обязуется то-то не делать, то-то не предпринимать и т. п., и в то же время пекинское руководство категорически отказывается в договорном порядке закрепить обязательства, отклоняет предложения присоединиться к такой общепринятой в международном праве форме фиксации обязательств, как международный договор или соглашение.

Так, Пекин требует от «двух сверхдержав» (и это особо выпукло прозвучало на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению) «заявить, что никогда и ни при каких обстоятельствах они не прибегнут к угрозе или использованию ядерного оружия против неядерных стран и безъядерных зон». Одновременно китайская делегация в ООН кичится заявлением, что Китай не будет применять ядерное оружие в отношении неядерных стран. Но когда Советский Союз, который давно, намного раньше Китая, настаивает на неприменении ядерного оружия, не только сделал соответствующее заявление, но и, откликнувшись на призыв Специальной сессии по разоружению, внес на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи конкретное предложение о заключении

[12] «Жэньминь жибао», 5.VIII.1975.
[13] Там же, 1.XI.1977.

Международной конвенции об укреплении гарантии безопасности неядерных стран, Пекин моментально ополчился против этого предложения. Причина одна — нежелание связывать себя какими-либо международно-правовыми обязательствами, ограничивающими милитаризацию Китая.

Концепция «неизбежности мировой войны», раздувание китайским руководством военного психоза, ненависти между народами, в том числе на расовой основе, — все это в совокупности нельзя квалифицировать иначе, как идеологическую подготовку мировой войны. Принцип запрещения пропаганды войны, прочно утвердившийся в современном международном праве, получил подтверждение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 3 ноября 1947 г. В этом документе Генеральная Ассамблея ООН осудила «любую форму ведущейся в любой стране пропаганды войны, имеющей целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии». По смыслу указанной резолюции пропаганда войны рассматривается как противоречащая принципам Устава ООН, а следовательно, и принципам международного права вообще.

В Советском Союзе и в других странах социализма в 1950—1951 гг. были приняты специальные законы о защите мира, которые запретили пропаганду войны в любой форме под страхом уголовного наказания. В Китае такой закон не был принят, и руководство КНР предпочитает обходить молчанием проблему запрещения пропаганды войны. Будучи заинтересованным в пропаганде войны, в свободе идеологических наскоков на процесс разрядки, Пекин, как это показала позиция делегации КНР на 97-й и 98-й сессиях Исполнительного совета ЮНЕСКО (апрель — май 1975 г.), высказывается против использования средств массовой информации в интересах укрепления мира и взаимопонимания, борьбы против войны, расизма и апартеида. На состоявшейся 24 июля — 1 августа 1978 г. в Коломбо IV Конференции министров образования и министров планирования экономики стран Азии и Океании делегат Китая, кстати сказать впервые участвовавший в такой конференции, выступил против включения в документы конференции положения о воспитании населения в духе мира, предотвращения войны и разоружения.

Явное нежелание КНР придерживаться общепринятых норм международного права основывается на последовательно проводимой внешнеполитической концепции маоизма, суть которой — сделать Китай центром «мирового» порядка. Судя по всему, китайское руководство исходит из того, что в настоящее время Пекин в силу экономической и военной отсталости не располагает возможностями для осуществления своей внешнеполитической стратегии. В дальнейшем, когда позиции Китая станут сильнее и его потенциал будет ощутимым, можно будет, по расчетам маоистов, оказывать воздействие на развитие событий в мире в таком направлении и в таких формах, как это нужно для замыслов лидеров КНР. И тут-то помехой могут стать — если Китай сейчас согласится с ними — те договоры, та международно-правовая фиксация норм, которые могут налагать ограничения на экспансионистские вожделения Пекина. Китайское руководство, по существу, выступает за произвол в мировых делах, за создание благоприятных условий для тех сил, которые осуществляют экспансионистский и агрессивный курс и готовятся к развязыванию новых вооруженных конфликтов. Выступать против соглашений и международно-правовой договоренности об обязательствах, ограничивающих гонку вооружений, агрессию, может лишь тот, кто сам мыслит категориями агрессии. И это еще раз подтверждается развязыванием Пекином беспрецедентной агрессии против Социалистической Республики Вьетнам.

* * *

Несоответствие реальных возможностей КНР своим глобальным притязаниям маоистское руководство мыслит компенсировать путем обострения противоречий, разжигания трений между странами, провоцирования вооруженных конфликтов, внесения раздоров прежде всего между СССР и США, СССР и ФРГ, СССР и Японией и другими государствами. Оно стремится к созданию военных конфликтов, чтобы втянуть в них как можно больше своих соперников, ослабить их и воспользоваться этим для утверждения своей гегемонии.

Стремление столкнуть СССР и США было и остается одной из главных стратегических задач китайского руководства. Пекин пытается убедить американское (и это особенно ярко выразилось во время визита Дэн Сяопина в США) и мировое общественное мнение в том, что разрядка и улучшение отношений между США и Советским Союзом ничего не дадут, будто эти процессы неизбежно приведут к обострению конфронтации двух стран. Подобная позиция мало чем отличается от точки зрения печально известного Джона Фостера Даллеса, который, выступая еще 10 февраля 1974 г. в Чикаго, призывал проводить жесткий курс по отношению к Советскому Союзу. «Если США, — говорил он, — откажутся от этого курса и будут рассчитывать на возможность добиться с Советским Союзом какого-либо компромисса, то война окажется неизбежной...» [14] Не без основания лондонский журнал «Нью стейтсмен» подметил в августе 1978 г.: «Нынешняя китайская внешняя политика обязана больше Даллесу, чем Марксу». Трудно поверить, что в Пекине не помнят судьбу даллесовской политики.

Пекин навязывает мысль о неизбежности военной конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами, пустив в ход тезис о том, что «борьба между двумя гегемонами в конечном счете будет решаться силой оружия», что «конфликт между ними нельзя окончательно разрешить мирным путем»[15]. «По мере усиления борьбы, — заявил министр иностранных дел КНР Хуан Хуа 29 мая 1978 г. на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, — они непременно столкнутся»[16].

Пекинское руководство, действуя как завзятый провокатор, на всех перекрестках трубит о неизбежности «схватки» «двух сверхдержав» и даже признает, что «новая война, несомненно, принесет человечеству огромные бедствия» [17]. Более того, китайское руководство, претворяя в жизнь расчет на провоцирование военного столкновения между СССР и США, прямо заявляет, как это сделал министр обороны КНР Сюй Сянцянь, что, если вспыхнет война между двумя державами, «мы окажемся в выгодном положении» [18].

Одновременно с пропагандой тезиса, что «конфликт между ними нельзя окончательно разрешить мирным путем», Пекин в подстрекательских целях усиленно запугивает США тем, что Советский Союз «обходит» США в «глобальном соперничестве», а в области темпов наращивания вооружений США «выглядят бледно по сравнению» с СССР. Поэтому-то, по словам министра иностранных дел КНР в беседе с одной из американских делегаций, Соединенным Штатам «пора одуматься», «прекратить политику умиротворения Советского Союза», если «они хотят отдалить момент возникновения «неизбежной» войны между двумя сверхдержавами, а затем и выиграть эту войну»[19].

1 января 1978 г. «Жэньминь жибао» в назидательном тоне, играя к тому же на шовинистических настроениях, писала: «Перед лицом наступ-

[14] Цит. по К. В. Киселев. Записки советского дипломата. М., 1974, с. 311.
[15] «Жэньминь жибао», 1.XI.1977.
[16] A/S — 10/PV. 7, с. 57.
[17] «Жэньминь жибао», 1.XI.1977.
[18] «Хунци», 1978, № 8.
[19] "Christian Science Monitor", 21.XI.1977.

ления Советского Союза по всему миру и ускоренного наращивания им вооружений Соединенные Штаты должны сделать выбор: либо посмотреть опасности в глаза и принять эффективные меры противодействия, либо создать видимость «мира», а если вспыхнет война — потерпеть поражение». Выступая в конце мая того же года на банкете в Пекине в связи с пребыванием там помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского, министр иностранных дел КНР Хуан Хуа развивал мысль о том, что перед лицом угрозы «социал-империализма» необходимо, мол, «выступать против политики умиротворения», проводить политику «острием против острия». «Грозный с виду гегемонизм, — успокаивал американского партнера министр иностранных дел КНР, — является в конечном счете всего-навсего бумажным тигром».

Эти подстрекательские разглагольствования слово в слово похожи на то, что на рубеже 50-х и 60-х годов китайские лидеры пытались внушить Советскому Союзу. В отношении американского империализма, поучали они, как упоминалось выше, надо вести борьбу «острием против острия». При этом маоисты, с одной стороны, клеветнически обвиняли СССР и КПСС в «капитулянтстве», «боязни американского империализма», в «попытках умиротворить агрессора», а с другой — объявили США «бумажным тигром, которого ткни — и он развалится». В прошлом китайское руководство пыталось действовать с одного конца — толкнуть Советский Союз на США, теперь же Пекин стремится действовать с другого конца — подстрекать США на конфликт с СССР, но с одной и той же целью — спровоцировать столкновение мирового характера к выгоде Пекина. Пекин как бы подбивает США, да и другие империалистические державы «быть смелее» в развязывании войны. По сообщению агентства Киодо Цусин, во время встречи с группой японских парламентариев в начале сентября 1977 г. Дэн Сяопин в подстрекательском тоне заявлял, что США способны начать мировую войну, но «у них не хватает на это смелости». У Японии, продолжал он, «нет ни мужества, ни способности, ни силы пойти на риск возникновения войны». И только, мол, «Советский Союз готов спровоцировать мировую войну». В том же духе вел 27 ноября 1978 г. беседу Дэн Сяопин и с американскими журналистами[20].

Подталкивая США на ужесточение конфронтации с СССР и заверяя Вашингтон и другие капиталистические государства, что Китай готов «объединиться» с ними против «общего врага», то есть против СССР и братских стран социалистического содружества (подобный мотив особенно явно звучит в выступлениях китайских лидеров в связи с формализацией китайско-американских отношений), что Китай будет помогать всем, кто «ведет решительную борьбу» с Советским Союзом[21], пекинские руководители не скрывают, что они рассматривают США, как и весь Запад, в качестве своего временного союзника. Именно в такой плоскости был поставлен вопрос в докладе Хуа Гофэна на XI съезде КПК в августе 1977 г., в редакционной статье «Жэньминь жибао» от 1 ноября того же года, посвященной «обоснованию» маоистской внешнеполитической доктрины «трех миров», и в статье министра обороны КНР Сюй Сянцяня в августовском номере журнала «Хунци» за 1978 г., в которой призывается действовать «с позиций революционной силы» сначала против СССР, а затем и против США. 28 сентября 1978 г. «Жэньминь жибао» недвусмысленно указывала, «к войне с каким противником сейчас готовится население страны, против кого в нем воспитывается злоба и ненависть». «Это — социал-империализм, потом империализм». Есть над чем задуматься любителям поиграть «китайской картой».

[20] См. "Washington Post", 5.XII.1978.
[21] «Хунци», 1978, № 8.

Важный документ из истории советско-китайских отношений

М. С. Капица,
профессор

60 лет тому назад, 25 июля 1919 г., Советское правительство обратилось к народу и правительствам Северного и Южного Китая со специальной декларацией. В ней излагались принципы, которые оно предлагало положить в основу отношений между Советской Россией и Китаем. Эта декларация сыграла важную роль в развитии отношений между двумя странами, она явилась основой советско-китайских соглашений, подписанных в мае и в сентябре 1924 г.

Первым международным актом Страны Советов, рожденной Октябрьской революцией, был Декрет о мире. В этом же документе было провозглашено право народов на самоопределение. В обращении к трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. было заявлено: «На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира»[1].

Большое значение Советское государство придавало строительству новых отношений с Китаем — самой большой полуколониальной страной. В инструкции НКИД работникам международных отделов при местных Советах в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Иркутске, Омске, Ташкенте указывалось: «Вам надлежит подчеркивать, что мы кладем первый камень в создании совершенно новых отношений с народами Востока и что спасение их от опасности захвата, насилий и беззакония японско-европейских капиталистов и угнетателей заключается в тесном единении с народами социалистической России»[2].

Вскоре после своего образования Советское правительство пыталось вступить в переговоры с миссией Китая в Петрограде об установлении дружественных отношений между двумя странами на основе полного равенства. Оно предложило аннулировать договоры, которые считало неравноправными: русско-китайский договор 1896 г., Пекинский протокол 1901 г. и все соглашения России с Японией с 1907 по 1916 г., касавшиеся Китая. В соответствии с этими договорами царской России были предоставлены концессии и привилегии на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), включая право на полосу отчуждения, выплачивалась компенсация в связи с восстанием «Ихэтуань» в 1901 г., были разграничены сферы влияния Японии и России в Китае. Вместо этих договоров предлагалось выработать общий договор между Советской Россией и Китаем. Специальная комиссия разработала предложения о выводе русских войск из полосы отчуждения, об эксплуатации КВЖД на взаимовыгодных началах.

Советские предложения привлекли внимание пекинского правительства. Но оно не верило в долговечность советской власти в России, не решалось пойти на установление отношений с новой Россией

[1] Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 25.
[2] Там же, с. 111.

до того, как это сделают великие державы. Когда же великие державы отозвали своих послов из России и начали против нее вооруженную интервенцию, Китай в марте 1918 г. отозвал своего посланника и прекратил переговоры с Советским правительством. Больше того, пекинские власти заключили в марте — мае 1918 г. соглашение с Японией о военном сотрудничестве против Советской России и вместе с другими тринадцатью государствами совершили разбойничье нападение на нашу страну, приняли участие в империалистической интервенции. Северо-Восток Китая превратился в убежище русской контрреволюции, там создавались белогвардейские части, оттуда совершались набеги на советские земли.

Передовые представители китайского народа, напротив, приветствовали Октябрьскую революцию. Одним из самых больших друзей Страны Советов был Сунь Ятсен, которого В. И. Ленин называл революционным демократом, полным благородства и героизма [3]. Беседуя весной 1918 г. с японскими и индийскими журналистами, Сунь Ятсен высказался за признание Советской России государствами Азии, за пропаганду в печати этих стран завоеваний Октябрьской революции [4]. Выдающимся пропагандистом завоеваний Великого Октября стал профессор Ли Дачжао, впоследствии один из организаторов Коммунистической партии Китая. «Русская революция 1917 г.,— отмечал он,— знаменует собой не только изменение в сознании русского народа, но и изменение в сознании всего человечества XX века. Как первый тунговый лист, упавший с ветки, говорит о приближении осени, так и революция в России предвещает новые великие события. Хотя большевизм создан русскими, однако его дух есть дух всеобщего пробуждения в сердцах человечества XX в.» [5]. «Русская революция 1917 г.,— подчеркивал Ли Дачжао,— является сигналом к мировой революции XX в.» [6].

Разгром летом 1919 г. Красной Армией войск Колчака, начало изгнания армий белогвардейцев и интервентов из Сибири открывали возможность установления прямых контактов с Китаем, причем Советское правительство прежде всего хотело завязать связи с передовыми элементами китайского общества, звавшими к борьбе против империалистического господства и искавшими союзника в этой борьбе.

25 июля 1919 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР обратился с декларацией к народу и правительствам Северного и Южного Китая. «Советская Россия и Советская Красная Армия после двухлетней борьбы, после невероятных усилий,— указывалось в декларации,— идут на Восток через Урал не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу». В обращении подчеркивалось, что «каждый народ, велик он или мал, где бы он ни находился, жил ли он до сих пор независимой жизнью или был включен против своей воли в состав другого государства, должен быть свободен в своей внутренней жизни и никакая власть не должна удерживать его насильно в своих границах» [7].

Декларация напоминала, что рабоче-крестьянское правительство в свое время объявило уничтоженными все тайные договоры, которыми царское правительство вместе с союзниками насилием и подкупом закабалило народы Востока, и главным образом китайский народ, чтобы доставить выгоды русским капиталистам, русским помещикам, русским

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.
[4] См. С. Л. Тихвинский. Сунь Ятсен. М., 1964, с. 222.
[5] «Синь циннянь», 1918, № 5, с. 448.
[6] Там же, с. 438.
[7] «Известия», 26.VIII.1919.

генералам. Тогда же Советское правительство предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 г., то есть о передаче китайскому народу всего того, что было отнято у него царским правительством самостоятельно либо заодно с японцами и другими империалистическими державами. Не дожидаясь возвращения китайскому народу Маньчжурской железной дороги, говорилось далее в декларации, Япония и другие державы захватили ее сами, вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать им в этом преступном и неслыханном разбое, а китайский народ, китайские рабочие и крестьяне не могли даже узнать правду, почему европейские, американские и японские хищники совершили набег на Маньчжурию и Сибирь.

Теперь Советское правительство вновь обращалось к китайскому народу с целью открыть ему глаза. Оно повторяло свое решение об отказе от получения контрибуции за «боксерское» восстание, потому что, по дошедшим до него сведениям, эта контрибуция взыскивалась империалистическими странами для удовлетворения прихоти бывшего царского посланника в Пекине и бывших консулов, которые давно уже лишены своих полномочий, но продолжали обманывать китайский народ при поддержке Японии и других держав и которых китайскому народу нужно было выгнать со своей земли, как обманщиков и плутов.

«Советское правительство,— указывалось в декларации,— уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле. Ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеет вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа» [8].

Советское правительство выражало готовность договориться с китайским народом в лице его полномочных представителей по всем другим вопросам и раз навсегда ликвидировать акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними российскими правительствами совместно с Японией и союзниками. Оно отметило, что союзники и Япония сделают все, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошел до китайского народа. Для возвращения китайскому народу всего того, что было у него отнято, необходимо будет сначала покончить с засевшими в Маньчжурии и Сибири империалистическими хищниками.

Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзные державы в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, говорилось в заключение в декларации, пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу — русский народ и его Красная Армия.

Советское правительство предложило китайскому народу в лице его правительства установить официальные сношения и выслать своих представителей навстречу Красной Армии [9].

Ни одно иностранное правительство не говорило с Китаем в таком тоне уважения и дружеского участия. Декларация была актом, подобного которому Китай никогда не встречал в своих взаимоотношениях с империалистическими державами. Она создавала прецедент, который грозил разрушить всю систему господства империалистических держав в Китае.

Обращаясь к китайскому народу и правительствам Северного и Южного Китая, Советское правительство исходило из того, что в стра-

[8] «Известия», 26.VIII.1919.
[9] См. там же.

не существовало два центра, два правительства. Власть пекинского правительства распространялась на неопределенную территорию, менявшуюся в зависимости от того, какие генералы поддерживали его в тот или иной момент. Кантонское правительство контролировало территорию Южного Китая.

Советское правительство принимало меры к тому, чтобы в Китае узнали об обращении. 3 марта 1920 г. уполномоченный НКИД в Сибири и на Дальнем Востоке Я. Д. Янсон направил декларацию в китайское консульство в Иркутске с просьбой передать ее пекинскому правительству и сообщить содержание всему китайскому народу. От имени РСФСР консульству было предложено возбудить перед пекинским правительством вопрос о немедленном открытии мирных переговоров и о практическом разрешении всех тех вопросов, которые были затронуты в обращении [10].

Пекинское правительство разослало местным властям копии текста, однако официально отрицало законность обращения Советского правительства. Оно по-прежнему полагало, что Страна Советов долго не просуществует. Кроме того, оно опасалось вызвать недовольство союзных держав принятием советских предложений.

Правительство Южного Китая переживало в то время тяжелый кризис. После выхода из его состава Сунь Ятсена оно осталось во власти милитаристов. Правда, рядясь в тогу либерала, генерал Чэнь Цзюнмин, фактически возглавлявший кантонское правительство, направил на имя В. И. Ленина письмо, в котором заявил, что весь китайский народ проникнут исключительной благодарностью Советскому правительству. «Новый Китай и новая Россия,— писал он,— пойдут рука об руку, как добрые, любящие друзья» [11].

Широкие круги китайского народа с горячим сочувствием встретили обращение Советского правительства. Общественные организации, в том числе Ассоциация работников печати, Ассоциация студентов, Общество коммерческих кругов по спасению родины, Союз труда, Ассоциация промышленников и др., в своих телеграммах выражали благодарность Советскому правительству за политику дружбы и равноправия в отношении Китая и заявляли о твердой решимости китайского народа бороться за установление дружественных отношений с РСФСР [12].

Китайские трудящиеся выражали желание плечо к плечу с рабочими, крестьянами и красногвардейцами России под знаменем гуманности и справедливости бороться против деления общества на классы, за великое мировое единение.

«Мы знаем, что ваша революция направлена на то, чтобы восстановить права трудящихся, чтобы добиться счастья, действительной свободы и равенства человечества,— говорилось в телеграмме профсоюзов. — Мы знаем, что крестьяне, рабочие и красногвардейцы всей России являются самыми любимыми людьми в мире».

Ассоциация торгово-промышленных кругов писала: «Получив ноту рабоче-крестьянского правительства России, мы не можем сдержать радости. До сих пор мы не имели возможности из путаных сообщений китайской и иностранной прессы узнать истинное положение в России. Читая сегодня русскую ноту, чувствуем, что она переполнена словами справедливости и гуманности. С этим не могут не согласиться все те во всех странах мира, кто стоит за братство, справедливость и гуманность. Мы еще более верим, что китайский народ, за исключением груп-

---

[10] АВП СССР, ф. 212, п. 101, д. 12, л. 6.

[11] «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», № 1—2, 15 марта 1921 г.

[12] См. Цао Сичжэнь. История дипломатических отношений между Китаем и СССР (на кит. яз.). Шанхай, 1951, с. 7—8.

пы крайне тупоголовых и гнилых бюрократов, милитаристов и политиканов, желает идти рука об руку с русским народом»[13].

В телеграмме Всекитайской ассоциации студентов говорилось: от имени студентов всей страны выражаем дорогим нам гражданам России и созданному ими правительству Республики свои сердечные чувства. Этот ваш великий акт открывает новую страницу в истории мировой революции; он вызывает наше искреннее восхищение. Мы, разумеется, внутри страны будем всемерно и единодушно добиваться официального восстановления дружественных отношений.

Выражая свое удовлетворение в связи с обращением Советского правительства, Ассоциация работников печати в своей телеграмме подчеркивала: «От имени общественности Китая выражаем самую искреннюю благодарность народу РСФСР. Надеемся, что народы Китая и России под справедливым знаменем свободы, равенства и взаимопомощи в крепкой дружбе общими усилиями ликвидируют международный гнет и различие между государствами, нациями и классами» [14].

«Нельзя выразить словами нашу глубокую благодарность Вашему правительству за его ноту» [15],— писала группа членов китайского парламента.

В Пекине состоялось собрание представителей 29 учебных заведений, которое, обсудив обращение Советского правительства, потребовало, чтобы МИД направил послание доброй воли правительству РСФСР. Было решено, что все учащиеся пекинских учебных заведений обратятся к Советскому правительству с просьбой ускорить проведение в жизнь принципов, изложенных в обращении Совнаркома, так как это позволит Китаю потребовать отмены всех неравноправных договоров. Собрание призвало пекинское правительство проводить дружественную политику в отношении Советской России, одобренную народом.

Горячо откликнулась на обращение Советского правительства прогрессивная китайская печать. Все основные газеты в передовых статьях приветствовали декларацию Советского правительства и требовали от пекинского правительства установления дружественных отношений с Советской Республикой. Журнал «Синь циннянь» писал: «Рассвет приходит из России, бросающей свои лучи на темный Восток. Дружеская рука протягивается к нам. Протянем же и мы ей без колебаний руку». Газета шанхайской Ассоциации студентов «Сюэшэнсехой жикань», отражавшая взгляды китайской учащейся молодежи, заявила: «Мы считаем, что если будем только посылать телеграммы России и публиковать декларации, то это ничего не даст. Русские не любят пустых слов на бумаге. Они возлагают большие надежды на нас, и мы должны добиться успеха в борьбе за свободу. Только тогда мы не останемся в долгу перед русскими, не останемся в долгу перед собой» [16]. «Наша газета от имени всех граждан заявляет,— писала тяньцзиньская «Иши бао»,— что она принимает декларацию рабоче-крестьянского правительства. Между гражданами обеих стран должны немедленно быть установлены хорошие отношения» [17]. «Нет слов, чтобы выразить те глубокие чувства радости, с какими мы приветствуем эту ноту» [18],— отмечала шанхайская «Цзюго жибао».

Еженедельник «Синьци пинлунь» опубликовал весной 1920 г. две большие статьи, посвященные обращению правительства РСФСР. Журнал приветствовал это обращение и оценивал его как проявление дружбы и бескорыстия.

[13] Материалы по истории китайско-советских отношений (на кит. яз.). Пекин, 1950, с. 63—64.
[14] Там же, с. 65—66.
[15] Там же, с. 66.
[16] Там же, с. 71.
[17] Там же, с. 69.
[18] Там же, с. 70.

Пекинские правители забеспокоились. Министерство внутренних дел разослало местным властям 28 апреля 1920 г. циркулярное письмо, в котором выражало тревогу в связи с тем откликом, который вызвало в Китае обращение Советского правительства, и предлагало усилить контроль за деятельностью общественных организаций и печати, не допускать публикации выступлений в пользу установления дружественных отношений с РСФСР [19].

* * *

Впоследствии обращение от 25 июля 1919 г., наряду с нотой Советского правительства от 27 сентября 1920 г., легло в основу пекинского соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г. и соглашения с властями Северо-Восточного Китая от 20 сентября 1924 г., которое стало частью пекинского соглашения.

Кажется, все ясно, тем не менее обращение 1919 г. не раз было объектом фальсификации. Даже в ходе проходящих в Пекине переговоров об уточнении линии советско-китайской границы на отдельных участках китайский представитель пытался развивать тезис, будто Советская Россия при В. И. Ленине выражала готовность отказаться чуть ли не от всех русско-китайских договоров.

Эту фальшь опровергают заявления Советского правительства, сделанные как до, так и после обращения 1919 г., в которых ясно сказано, какие договоры оно соглашалось аннулировать и заменить новыми. Мы цитировали некоторые из этих заявлений. Приведем еще фрагмент из доклада Г. В. Чичерина на V съезде Советов в июле 1918 г., в котором в развернутом виде была изложена программа развития отношений с Китаем. «Мы уведомили Китай,— заявил Г. В. Чичерин,— что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливаем суверенные права Китая на той территории, по которой пролегает важнейшая торговая артерия — Восточно-Китайская железная дорога, собственность китайского и русского народов, поглотившая многие миллионы народных денег и потому принадлежащая только этим народам и никому более. И даже дальше, мы полагаем, что, если часть вложенных в постройку этой дороги денег русского народа будет ему возмещена Китаем, Китай может ее выкупить, не дожидаясь сроков, обусловленных навязанным ему силой контрактом. Мы отозвали из Китая все военные охраны при консульствах, посланные туда царским правительством и правительством Керенского для поддержания самоуправств и произвола старых русских чиновников. Мы согласны отказаться от права внеземельности наших граждан в Китае, Монголии, Персии. Мы готовы отказаться от тех контрибуций, которые под разными предлогами были наложены на народы Китая, Монголии и Персии прежним русским правительством. Мы бы только хотели, чтобы эти миллионы народных денег пошли на культурное развитие народных масс и на дело сближения восточных демократий с российской» [20].

Передовые люди Китая приветствовали установление новых отношений с северным соседом, ставших важным фактором освободительной борьбы китайского народа. Сунь Ятсен писал в специальном манифесте, что «русско-китайское соглашение полностью отвечает принципам равенства и взаимного уважения к суверенитету обоих государств» [21].

---

[19] Исторический архив в Нанкине, КНР, ф. МВД бэйянского правительства, оп. 4013, д. 4013.

[20] Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 59.

[21] Цит. по С. Л. Тихвинский. Указ. соч., с. 323.

Антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г. в Китае

В. П. Илюшечкин
доктор исторических наук

Народное антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г. является важной вехой в истории Китая, обозначившей переход прогрессивных сил страны к сознательной и систематической борьбе за освобождение ее от гнета иностранного империализма. Оно проходило в условиях политического и военного господства враждовавших между собой феодально-милитаристских клик, которые после смерти Юань Шикая в 1916 г. держали в своих руках власть в центре и на местах, нередко выполняли роль послушной агентуры различных империалистических держав и всячески препятствовали социально-экономическому, политическому и культурному прогрессу Китая.

Это движение возникло под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и было обусловлено целым рядом факторов сложной и противоречивой внутренней жизни страны. Важнейшими из них были сравнительно быстрое развитие китайской национальной промышленности (главным образом легкой и добывающей) и ускоренный численный рост национальной буржуазии и рабочего класса[1] в годы первой мировой войны в связи с некоторым ослаблением экономической экспансии западных держав в отношении Китая. Это привело к обострению и углублению противоречий между китайским народом и его угнетателями — иностранным империализмом и внутренней феодально-милитаристской реакцией.

Такое же воздействие оказывало и усиление агрессии японских империалистов, стремившихся расширить и укрепить свои позиции в Китае, пока западные державы были заняты войной в Европе. Осенью 1914 г. они захватили немецкие концессии в Шаньдуне — порт Циндао и железную дорогу Цзяочжоу — Цзинань с принадлежавшими ей предприятиями — и установили военный контроль над этой провинцией. В мае 1915 г. они принудили правительство Юань Шикая принять пресловутые «21 требование», что дало Японии самые широкие экономические и политические привилегии в Китае. В 1917—1918 гг. японские империалисты в обмен на кабальные займы, предоставленные ими продажному пекинскому правительству Дуань Цижуя, получили различные концессии и преимущества, которые позволяли им еще более расширить и укрепить свои экономические и политические позиции в Китае.

Агрессивная политика империалистической Японии, угрожавшая превратить страну в полуколонию, не могла не вызвать возмущения и

[1] Только на предприятиях, принадлежавших китайскому национальному капиталу, численность рабочих увеличилась с 680 тыс. в 1915 г. до 1100 тыс. в 1919 г. См. Лю Ликай, Ван Чжэн. Рабочее движение в Китае в 1919—1927 гг. Пекин, 1957, с. 7.

противодействия прогрессивных сил Китая. Поэтому движение «4 мая» оказалось направленным прежде всего против японских империалистов и связанных с ними национальных предателей из клики Дуань Цижуя.

До событий «4 мая» рабочее движение в Китае находилось еще в зачаточном состоянии. Относительно немногочисленный китайский рабочий класс, зародившийся лишь во второй половине XIX в., в отличие от пролетариата капиталистических стран еще не осознавал своих особых классовых интересов. Он не имел не только собственной политической партии, но даже современных профессиональных союзов и находился под идейным влиянием китайской буржуазии, поддерживая ее политические требования. Существовавшие в то время рабочие организации традиционного типа носили земляческий либо цеховой характер; в них нередко входили и предприниматели, которые оказывали немалое влияние на деятельность этих организаций. Стачечная борьба рабочих к началу движения «4 мая» еще не получила сколько-нибудь значительного развития и ограничивалась, как правило, рамками экономических требований. Однако некоторые единичные политические выступления китайских рабочих, как, например, забастовка протеста в Тяньцзине в октябре 1916 г. против захвата французскими колонизаторами района Лаосикай в том же городе, проведенная по призыву буржуазных кругов, свидетельствовали о том, что китайским рабочим отнюдь не чужды идеи борьбы против иностранных империалистов, угнетавших их страну, и что они были готовы принять активное участие в этой борьбе.

Подготовке условий для возникновения антиимпериалистического движения «4 мая» во многом способствовали также идейно-политический крах старого суньятсенизма, который ранее служил знаменем прогрессивных и демократических сил, и формирование в стране новых демократических сил, особенно усилившееся под влиянием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции. Старый суньятсенизм, не имевший последовательной, ясной и четкой антиимпериалистической и антифеодальной программы и не искавший опоры в широких народных массах, после буржуазной революции 1911—1913 гг. растерял свой политический капитал и не смог указать народу путь освобождения от гнета феодально-милитаристских клик и иностранного империализма. Созданная Сунь Ятсеном после этой революции конспиративная Китайская революционная партия была, по существу, группой заговорщиков и политиканов, оторванной от народа, а попытки Сунь Ятсена опереться на южных милитаристов в борьбе за власть в стране не увенчались успехом.

Формирование новых демократических сил проходило без участия Сунь Ятсена и его партии. Большую роль в нем сыграла пропагандистская деятельность журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»), который издавался с сентября 1915 г. в Шанхае прогрессивно настроенными представителями интеллигенции при самом деятельном участии будущих основателей КПК Ли Дачжао и Чэнь Дусю, а также классика китайской литературы Лу Синя. Журнал пропагандировал идеи отрицания старой феодальной идеологии конфуцианства, необходимости буржуазной демократии, современной науки и новой демократической культуры, которые получали широкое распространение среди интеллигенции, особенно среди студенчества. Мощный толчок пропаганде демократических и антиимпериалистических идей дала прогрессивным элементам Китая Великая Октябрьская социалистическая революция, указавшая всем угнетенным народам подлинный путь к освобождению от угнетателей. Под ее влиянием Ли Дачжао стал переходить на позиции научного социализма и пропагандировать в Китае марксизм. К началу 1919 г. увеличилось и число перио-

дических изданий демократического направления, стали выходить газета «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение») под редакцией Ли Дачжао, журналы «Гоминь» («Народ»), «Лаодун» («Труд»), «Синь чао» («Новый прилив») и др.

Пропаганда идей демократии и национальной независимости особенно усилилась после того, как окончилась первая мировая война в ноябре 1918 г. и начала работать Парижская мирная конференция. С последней китайская общественность связывала самые радужные надежды и ожидания, которые подогревались демагогической «декларацией 14 пунктов» тогдашнего президента США В. Вильсона. Под впечатлением этой демагогии общественность Китая надеялась, что Парижская конференция поможет Китаю восстановить его суверенное право на бывшие германские концессии в Шаньдуне и положит конец притязаниям на них империалистической Японии, тем более что Китай во время первой мировой войны поддерживал страны Антанты и официально находился в состоянии войны с Германией. Однако эти надежды и ожидания не оправдались: в конце апреля 1919 г. заправилы Парижской мирной конференции решили передать права на бывшие германские концессии в Шаньдуне империалистической Японии.

Это решение вызвало взрыв возмущения прежде всего среди китайского студенчества и явилось непосредственным поводом к возникновению массового антиимпериалистического движения «4 мая» 1919 г. По предварительной договоренности между студентами различных учебных заведений Пекина в этом городе на площади Тяньаньмэнь 4 мая 1919 г. состоялся митинг 5 тыс. студентов и учащихся средних школ, проведенный под лозунгами: «Защитим наш национальный суверенитет!», «Восстановим права в Шаньдуне!», «Аннулировать 21 требование!», «Наказать национальных предателей!» и др. Обратившись к народу с призывом поддержать все эти требования, участники митинга затем направились к посольскому кварталу, чтобы выразить иностранным представительствам протест против несправедливого решения империалистических держав и организаторов Парижской конференции. Однако военная охрана американского посольства преградила им путь в квартал. Тогда демонстранты в порыве возмущения решили расправиться с главными национальными предателями, которые в свое время подписали ряд кабальных соглашений с Японией. Они подожгли дом одного из этих предателей — министра пекинского правительства Цао Жулиня и избили китайского посла в Японии Чжан Цзунсяня. Подоспевшие к месту событий наряды полиции разогнали демонстрантов, арестовали и жестоко избили более тридцати из них.

Эта первая в истории Китая крупная политическая демонстрация стала началом массового антиимпериалистического движения, получившего впоследствии наименование движения «4 мая». Оно прошло в своем развитии три стадии. Первая из них продолжалась до начала июня 1919 г. и характеризовалась тем, что антиимпериалистическое движение в основном не выходило за рамки выступлений учащейся молодежи; его центром был Пекин, а главной силой — пекинское студенчество. На второй стадии, длившейся всего неделю, с 5 по 12 июня, центр антиимпериалистического движения переместился из Пекина в крупнейший торгово-промышленный центр страны Шанхай, где стихийно сложился единый фронт студентов, мелкой городской буржуазии, национальной буржуазии и рабочих, выступивший в поддержку требований студентов. Третья, заключительная, стадия движения продолжалась с 13 июня до начала июля 1919 г. и имела главным образом форму петиционной кампании: различные организации и городские слои населения добивались того, чтобы Китай отказался подписать Версальский мирный договор в знак протеста против передачи мирной

конференцией прав на бывшие германские концессии в Шаньдуне в руки империалистической Японии.

На следующий же день после демонстрации 4 мая студенты и учащиеся средних школ Пекина, протестуя против ареста и избиения их товарищей полицией, прекратили занятия и потребовали, чтобы пекинское правительство заявило об отклонении «21 требования», об аннулировании неравноправных договоров, об отказе подписать Версальский мирный договор, если вопрос о бывших германских концессиях в Шаньдуне не будет решен в пользу Китая, а также чтобы оно наказало национальных предателей Цао Жулиня и Чжан Цзунсяня. Еще через день был создан Объединенный союз учащихся высших и средних учебных заведений Пекина, который стал руководящим центром антиимпериалистического движения в столице. Принятая им программа действий включала пункты об организации во всех высших и средних учебных заведениях Пекина агитационно-пропагандистских групп и «добровольческих отрядов для защиты прав в Шаньдуне».

Хотя пекинские студенты и учащиеся вскоре возобновили занятия в связи с освобождением из тюрьмы их арестованных товарищей под поручительство администрации вузов и школ, однако их агитационная деятельность на улицах столицы не только не прекращалась, но и еще более усилилась в ответ на репрессии властей. 19 мая они под руководством своего Объединенного союза вновь начали забастовку, настаивая на том, чтобы правительство отвергло пункты Версальского мирного договора о передаче Японии прав на бывшие немецкие концессии в Шаньдуне, наказало национальных предателей, отменило полицейские меры против студентов, и призвали общественность поддержать эти требования. Одновременно организации Объединенного союза усилили устную и печатную [illegible] и пропаганду среди населения.

Вслед за пекинским студен[illegible]имперналистическое движение все более втягивались [illegible]ежь других городов и различные слои городского на[illegible]их городах проходили демонстрации, митинги и собр[illegible] учащихся в поддержку требований пекинских студент[illegible] нередко подвергались нападениям полиции и ар[illegible]а создавались местные объединенные сою[illegible]е брали на себя руководство антиимпер[illegible] населения, проведением бойкота японски[illegible]ани, Гуанчжоу и ряде других городов состоялись м[illegible]ев, рабочих и представителей других слоев населения в поддержку требований студентов и учащихся. На некоторых предприятиях Шанхая и Цзинани — видимо, не без содействия китайских предпринимателей — проводились собрания рабочих под лозунгом бойкота японских товаров и распространялись листовки с призывом к этому бойкоту, в котором больше всех была заинтересована китайская буржуазия. Такое же собрание с участием нескольких десятков тысяч рабочих провела 11 мая в Пекине земляческая организация Союз труда провинции Шаньдун. В знак солидарности с требованиями студентов портовики Нинбо, Шанхая и Сямыня отказались разгружать японские пароходы. Однако эти массовые выступления различных слоев городского населения в поддержку требований учащейся молодежи были еще редки.

Положение существенно изменилось в начале июня, после того как пекинское правительство, выполняя неоднократные требования японских властей о принятии решительных мер против антиимпериалистического движения, усилило полицейские репрессии. В ответ на это пекинские студенты усилили агитацию на улицах. Тогда полиция арестовала около тысячи пекинских студентов. 5 июня пекинский Объединенный союз учащихся обратился с воззванием ко всем слоям

населения, редакциям газет и общественным организациям, призывая их выступить против полицейского произвола и поддержать справедливую антиимпериалистическую борьбу учащейся молодежи.

Массовые аресты студентов вызвали возмущение среди городских слоев населения. В Шанхае в ответ на призыв пекинского Объединенного союза учащихся торговцы 5 июня закрыли свои лавки и магазины и начали забастовку солидарности, в поддержку антиимпериалистических требований. Одновременно прекратили работу несколько тысяч рабочих и работниц текстильных фабрик, принадлежавших японскому капиталу, а к вечеру того же дня число бастующих достигло 20 тыс. человек. Активные действия шанхайских торговцев и рабочих превратили Шанхай в главный центр антиимпериалистического движения, оно стало гораздо более массовым, боевым и поднялось на новую, более высокую ступень.

На следующий день в забастовочное движение включились рабочие многих других шанхайских предприятий, принадлежавших главным образом иностранному капиталу, в том числе предприятий англо-американской и французской трамвайных компаний, англо-американской табачной компании и др. На заводе «Цюсинь» стачечники соорудили металлическую вышку, на которой вывесили плакаты: «Не забудем национального позора!», «Пробудим народ!» Они провели митинг и приняли воззвание, в котором говорилось: «Неудачи нашей внешней политики вызвали кризис в стране и глубокое негодование народа. Студенты бастуют и обращаются с призывами к народу, торговцы забастовали, чтобы поддержать их. В такое время мы не можем оставаться безучастными, поэтому с нынешнего дня начинаем стачку и будем действовать заодно со студентами»[2]. Подобное же воззвание было принято рабочими завода «Жуйли».

В тот же день рабочие ряда отраслей, назвавшие себя представителями Рабочей партии, подписали обращение, в котором отразились, с одной стороны, начавшееся пробуждение классового самосознания китайского пролетариата, а с другой — сильное влияние широко распространенных в то время в Китае анархистских идей и представлений.

В нем говорилось: «Мы придерживаемся того мнения, что рабочие должны подняться, создать сначала свои малые организации по отраслям, а затем объединиться в одну большую организацию. Первым шагом должны стать демонстрации рабочих отдельных отраслей, вторым — всеобщая стачка, а третий шаг будет состоять в том, чтобы сотни тысяч рабочих, не щадя своей крови, сражались с бесчеловечной властью сильных»[3].

В городе начались рабочие митинги и демонстрации, проходившие под лозунгом: «Мы, рабочие, действуем заодно со студентами и торговцами». В ряде мест происходили столкновения между китайским населением и проживавшими в Шанхае японцами, спровоцированные последними, а также нападения на демонстрантов полицейской и военной охраны международного сеттльмента и иностранных концессий. Нападения сопровождались избиениями, арестами и даже убийствами участников антиимпериалистических выступлений. В этом проявилось открыто враждебное отношение иностранных империалистов к движению «4 мая».

В последующие дни забастовочное движение в Шанхае продолжало разрастаться, в нем, по неполным данным, приняли участие 60—70 тыс. рабочих. Рабочих электростанции, почты, водопровода и некоторых трамвайных компаний отговорили от забастовок студенты,

[2] Избранные исторические материалы о движении «4 мая» в Шанхае. Шанхай, 1961, с. 293.

[3] Там же, с. 642—643.

опасавшиеся, что остановка работы этих предприятий тяжело отразится на жизни населения города. На некоторых других предприятиях рабочие ограничились предупреждением о том, что намерены начать забастовку в ближайшие же дни, если требования народа не будут удовлетворены. Стачки в Шанхае по закону цепной реакции вызвали значительную дезорганизацию экономической жизни этого крупнейшего торгового и промышленного центра страны и причинили немалые убытки не только иностранным компаниям в Китае, но и китайским предпринимателям. Особенно же пострадали японские фирмы как от стачек, так и от бойкота японских товаров.

Вскоре после начала стачек шанхайских торговцев и рабочих забастовали торговцы Нанкина, Тяньцзиня, Сямыня, Нинбо, Уси и ряда других городов, рикши и грузчики в Нанкине, грузчики пристаней в Цзюцзяне, горняки в Таншане, железнодорожники в Чансиньдяне. Однако важнейшим центром забастовочного движения продолжал оставаться Шанхай.

Как уже отмечалось, в этом городе с первого же дня забастовок стихийно сложился единый фронт интеллигенции, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и рабочих. Он был организационно оформлен 6 июня на массовом митинге представителей различных слоев населения, на котором был создан Шанхайский объединенный союз студентов, торговцев, работников прессы и рабочих и избран комитет этого союза для руководства массовой антиимпериалистической борьбой. Участники митинга приняли обращение к общественности страны с призывом усилить борьбу против подписания Версальского договора и за вывод национальных предателей из состава пекинского правительства. Власти были предупреждены, что торговцы откажутся платить налоги, если указанные требования будут выполнены.

Шанхайский объединенный союз представителей различных слоев населения стал ведущим центром антиимпериалистического движения, о нему равнялись все остальные местные объединенные союзы студентов, торговцев и рабочих, созданные в Пекине, Тяньцзине и других городах. Большую роль в этих организациях единого антиимпериалистического фронта играли представители крупной буржуазии, которая возглавляла местные торговые палаты и другие объединения торговцев и промышленников и пользовалась немалым влиянием в городах. По существу, они во многом определяли деятельность объединенных союзов. Кстати сказать, в первый же день стачек в Шанхае представители местной крупной буржуазии поспешили в специальном воззвании заверить проживающих в этом городе иностранцев, что народное движение имеет чисто внутренний характер, не направлено против них и что не будут допущены «никакие насильственные действия». Крупная буржуазия стремилась ограничить антиимпериалистическое движение рамками выгодного для нее бойкота японских товаров и пропаганды отечественных товаров, выступала против расширения стачечного движения рабочих и на ряде предприятий пыталась уговорить рабочих не бастовать.

Мелкая и средняя буржуазия, во многом зависевшая от крупной буржуазии, равнявшаяся на нее, оказалась под ее идейным влиянием и поддерживала в объединенных союзах ее умеренную линию, в том числе и в вопросе о стачках. Хотя рабочие бастовали, чтобы поддержать требования студентов и торговцев, однако буржуазные и мелкобуржуазные круги отнюдь не выражали восхищения по поводу такой поддержки. Буржуазия отводила рабочим роль вспомогательной, «тыловой силы», призванной лишь поддерживать и обеспечивать борьбу «фронтовых сил» — торговцев и студентов. С одной стороны, она была заинтересована в поддержке со стороны этой массовой «тыловой силы», а с другой — опасалась, как бы рабочие не вышли из-под ее контроля.

Эта ее двойственная позиция отразилась в ряде статей и заметок, опубликованных в то время в шанхайских газетах, выражавших мнение буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Так, в передовице газеты «Миньго жибао» от 9 июня указывалось, что, хотя стачки на предприятиях в ряде случаев необходимы и оправданны, тем не менее рабочие китайских предприятий в данной ситуации не должны бастовать, так как забастовки вредят развитию национального производства и интересам китайских предпринимателей, ставят самих рабочих в бедственное материальное положение и создают угрозу общественному порядку, что «вызывает наибольшие опасения». Каждый день забастовок уменьшал прибыли буржуазии, и это не могло не побуждать ее к скорейшему прекращению стачек.

Застрельщиком движения по-прежнему была учащаяся молодежь, однако основная масса студенчества вынуждена была равняться на буржуазию как на единственную реальную силу, с которой не могло не считаться пекинское правительство. По мере развития движения «4 мая» среди его идеологов происходило размежевание и обострялась борьба. Такие идеологи буржуазии, как Ху Ши, Фу Сынянь, Ло Цзялунь, смыкаясь с феодально-милитаристской реакцией, требовали прекращения стачек и других массовых выступлений. Демократически настроенные идеологи средней и мелкой буржуазии в лице Сунь Ятсена и его приверженцов, хотя и симпатизировали народным выступлениям, продолжали недооценивать значение и роль народных масс в политической борьбе.

Что же касается Ли Дачжао и тех немногих других представителей прогрессивной интеллигенции, которые под влиянием революционных событий в России потянулись к марксизму, то им развитие массовой антиимпериалистической борьбы придало еще большую уверенность в том, что освобождение Китая от господства иностранного империализма и внутренней феодально-милитаристской реакции возможно лишь путем революционной борьбы широких трудящихся масс под знаменем идей марксизма. Это дало новый мощный стимул пропаганде указанных идей в Китае. В майском номере журнала «Синь циннянь» была опубликована статья Ли Дачжао «Мое марксистское мировоззрение», большинство других статей этого номера также было посвящено марксизму. В различных периодических изданиях прогрессивного направления стали все чаще появляться переводы произведений К. Маркса и статьи, посвященные Марксу, марксизму и Советской России.

Стойкость и самоотверженность проявляли во время стачек китайские рабочие. И хотя они еще находились под идейным влиянием буржуазии, однако в ряде случаев проявляли известную самостоятельность. Забастовки на фабриках и заводах нередко начинались вопреки уговорам предпринимателей. В своем обращении к шанхайской Главной торговой палате от 10 июня представители рабочих заявили, что, «поскольку покровители национальных предателей как будто решили объявить войну своему народу, соотечественники-рабочие, преисполненные гнева и возмущения, будут действовать заодно со студентами и торговцами» и продолжать борьбу, даже если торговцы согласятся возобновить торговлю[4]. Однако рабочие были очень слабо организованы и в целом еще не вышли из-под идейного влияния буржуазии. Правда, наряду с цеховыми и земляческими организациями старого типа, возглавлявшими выступления рабочих на предприятиях, начали возникать такие организации, как Китайский рабочий союз, Рабочая партия и др. Однако они были очень малочисленны, слабо связаны

[4] См. Материалы о патриотическом движении «4 мая». Пекин, 1959, с. 846.

с рабочими массами и не имели четкой классовой и политической платформы.

11 июня в Шанхае по инициативе Китайского рабочего союза и Союза содействия развитию китайской промышленности состоялся многолюдный митинг рабочих, на котором выдвигались предложения создать всекитайский союз рабочих для руководства рабочим движением в масштабе всей страны, принять меры к материальной поддержке стачечников за счет предпринимателей, призвать всех рабочих к единству действий. Предлагалось также во имя осуществления требований студентов, торговцев и рабочих провести рабочие демонстрации и прибегнуть к «прямым действиям», то есть провести всеобщую забастовку, а если это не приведет к желаемой цели, то объявить о непризнании народом пекинского правительства, начать сбор средств для борьбы против него и призвать войска подняться, чтобы покарать национальных предателей. По всем этим предложениям были приняты соответствующие решения. Участники митинга избрали комитет из 12 представителей рабочих для руководства стачечной борьбой и для связи с организациями студентов и торговцев [5]. Нельзя не отметить, что платформа действий, принятая на этом митинге, была гораздо более боевой, чем программа студентов и буржуазии, опасавшейся «прямых действий» рабочих.

В значительной мере именно эти опасения, а также убытки от забастовок побуждали торговые палаты и другие организации китайской буржуазии заняться настойчивыми уговорами пекинского правительства пойти на некоторые уступки требованиям масс, чтобы, как указывалось в телеграмме шанхайской Торговой палаты от 7 июня, «успокоить сердца всех сограждан и повсюду восстановить порядок» [6]. 9 июня представители шанхайской крупной буржуазии через банковские круги Пекина довели до сведения правительства, что дальнейшее развитие стачечного движения приведет к финансовому кризису в стране. На следующий день Главная торговая палата Тяньцзиня в экстренной телеграмме уведомила правительство, что среди нескольких сот тысяч тяньцзиньских рабочих назревает брожение, которое может вылиться в опасные беспорядки, если власти не уступят требованиям народа. В самом Пекине распространялась листовка с требованием к правительству не соглашаться на передачу Японии прав на бывшие германские концессии в Шаньдуне, аннулировать кабальные соглашения с Японией, выслать из Пекина главных национальных предателей, включая президента Сюй Шичана, лидера милитаристской клики Аньфу Дуань Цижуя и других и обеспечить гражданам свободу слова и собраний. В листовке указывалось, что если правительство не внемлет народным требованиям, то «у студентов, торговцев и рабочих останется только путь прямых действий с целью осуществления коренных изменений» [7].

Оказавшись не в состоянии справиться с растущим народным движением, пекинское правительство было вынуждено прислушаться к настойчивым предостережениям и увещеваниям представителей крупной буржуазии. Чтобы сбить накал народного возмущения, оно 10 июля издало приказы об уходе наиболее ненавистных народу национальных предателей Цао Жулиня, Лу Цзунъюя и Чжан Цзунсяна с занимаемых ими в пекинской администрации постов по их «собственному желанию».

Эта уступка тотчас же была использована буржуазными кругами для прекращения забастовок. Так, в Шанхае 11 июня местная Торговая палата приняла решение прекратить забастовку торговцев и

[5] См. там же, с. 472.
[6] Там же, с. 299.
[7] Там же, с. 948.

торговых служащих с 12 июня, и в тот же день по улицам прошли специально выделенные студенческие группы с плакатами, на которых было написано: «Цель достигнута, просим возобновить торговлю». Одновременно прекратили стачки и рабочие большинства бастовавших шанхайских предприятий, исключая японские текстильные фабрики и некоторые предприятия, принадлежавшие смешанному японо-китайскому капиталу. Были прекращены стачки и во многих других городах.

На этом закончилась вторая стадия движения «4 мая», характеризовавшаяся широким развитием стачечного движения торговцев и рабочих. На его третьей стадии, длившейся до начала июля, уже не наблюдалось массовых выступлений в форме стачек и уличных демонстраций. В различных городах по-прежнему активно велась кампания бойкота японских и пропаганды отечественных товаров, проводились антиимпериалистические собрания и митинги представителей различных слоев городского населения. 16 июня была создана Всекитайская студенческая ассоциация, объединившая в своих рядах все союзы учащихся. В Шанхае был также создан Китайский объединенный рабочий союз, однако он оказался нежизнеспособным и вскоре прекратил свое существование.

Основным лозунгом участников движения «4 мая» на его третьей стадии стало требование к правительству и его делегации на Парижской мирной конференции отказаться от подписания мирного договора, поскольку он содержал статьи, ущемляющие национальный суверенитет Китая. С этим требованием выступали студенческие и другие общественные организации, оно неизменно фигурировало в решениях собраний и митингов представителей различных слоев городского населения. Такие требования непрерывным потоком шли в адрес пекинского правительства и его делегации на Парижской мирной конференции. В процессе была развернута широкая кампания с целью принудить правительство считаться с мнением народных масс.

Пекинское правительство и его делегация в Париже занимали нерешительную позицию. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, они подвергались давлению со стороны японских империалистов и их западных союзников, а с другой — правительство опасалось возобновления демонстраций и стачек. Оно давало противоречивые инструкции своей делегации в Париже, а среди ее членов наблюдались колебания и возникли противоречия. За три дня до подписания договора китайской делегацией было заявлено, что она поставит свою подпись под договором лишь с оговоркой о непризнании статьи, касающейся бывших германских концессий в Шаньдуне. Однако 28 июня, в день церемонии подписания Версальского мирного договора, китайская делегация в Париже была блокирована в своей резиденции толпой временно проживавших во Франции китайских рабочих и студентов, которые помешали ей прибыть на церемонию. В тот же день, уступая давлению своих антиимпериалистически настроенных соотечественников, делегация объявила, что не поставит свою подпись под Версальским договором.

Спустя несколько дней весть об этом распространилась в Китае и была с глубоким удовлетворением встречена китайской общественностью как второй важный успех движения «4 мая», завоеванный в упорной борьбе. Поскольку основные цели движения были достигнуты, оно на этом завершилось.

Движение «4 мая», направленное на защиту национального суверенитета и национальных прав Китая от посягательств японских империалистов, имело ярко выраженный антиимпериалистический характер. По составу же участников и своему классовому содержанию оно было буржуазно-демократическим. В нем принимали участие раз-

личные слои городского населения: учащаяся молодежь, интеллигенция, городская мелкая буржуазия, буржуазия и рабочие, которые в то время еще не осознавали своих классовых интересов и находились под идейным и политическим влиянием буржуазии, поддерживая ее политические требования. Что же касается широких масс китайского крестьянства, то оно, распыленное, отсталое, забитое и неорганизованное, в то время еще не участвовало в сознательной политической борьбе и осталось в стороне от антиимпериалистического движения «4 мая».

Главные лозунги и цели этого движения были довольно ограниченными — восстановление суверенных прав Китая в Шаньдуне, насильственно захваченных японскими империалистами, а также отстранение от постов в пекинской администрации деятелей, дискредитировавших себя перед народом заключением кабальных соглашений с империалистической Японией. В результате упорной почти двухмесячной борьбы участники движения «4 мая» смогли добиться довольно скромных непосредственных результатов: были удалены из состава пекинской администрации «по собственной просьбе» трое наиболее ненавистных народу национальных предателей, пекинское правительство было вынуждено отказаться поставить свою подпись под Версальским мирным договором, ущемлявшим национальные права Китая.

Однако историческое значение массового антиимпериалистического движения «4 мая» выходит далеко за рамки его ограниченных непосредственных результатов. Возникнув в значительной мере под мощным революционизирующим воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эпоху в борьбе народов всего мира против всех форм национального и социального угнетения, оно привело к усилению этого воздействия в огромных масштабах, что в свою очередь способствовало существенному изменению характера и содержания освободительной борьбы китайского народа. Оно стало переломным моментом в развитии революционного движения в Китае, в превращении его из буржуазного движения сравнительно небольших групп и одиночек, ставивших перед собой весьма ограниченную цель восстановления в полном объеме конституции 1912 г., в демократическое движение самых широких народных масс за освобождение страны от господства иностранного империализма и внутренней феодально-милитаристской реакции.

Движение «4 мая» остро поставило вопрос о дальнейших путях и перспективах освободительной борьбы в Китае, оно в огромной мере усилило интерес прогрессивных элементов страны к героической революционной борьбе народов Советской России, к ее внешней политике и внутренним революционным преобразованиям под руководством партии большевиков. Особенно большое впечатление на китайский народ произвел отказ советского правительства от всех привилегий, полученных царским правительством по договорам с Китаем, а также политика мира и дружбы со всеми странами и народами и оказания помощи угнетенным народам в их борьбе за свое освобождение. В огромной мере возрос интерес передовых представителей китайской интеллигенции к идеям марксизма-ленинизма, под знаменем которых совершилась победоносная Октябрьская социалистическая революция в России. Передовые люди Китая увидели в этих идеях и в опыте Великой Октябрьской социалистической революции могучее оружие в борьбе за освобождение своей страны от господства внутренней реакции и иностранного империализма. Со времени движения «4 мая» началось все более широкое и систематическое распространение идей марксизма-ленинизма в стране. Движение подготовило необходимые условия для создания в июне 1921 г. Коммунистической партии Ки-

тая, для освобождения рабочего класса из-под идейно-политического влияния буржуазии и превращения его в самостоятельную политическую силу.

Движение «4 мая», впервые приобщившее народные массы к сознательной политической борьбе против империалистических угнетателей Китая и их милитаристских марионеток, положило начало широкому и активному участию китайских трудящихся в этой борьбе. Оно способствовало распространению идеи непосредственных действий народных масс — в виде политических стачек и других массовых выступлений трудящихся — как одного из важных средств антиимпериалистической и антифеодальной борьбы. После движения «4 мая» началось все более широкое применение этого средства в политической борьбе народа против иностранного империализма и внутренней реакции в Китае. Развертывание борьбы, образование КПК и все возраставшее воздействие опыта победоносной революционной борьбы народов России — все это оказало огромное влияние на Сунь Ятсена и его сторонников и побудило их пересмотреть свои взгляды, свою программу и выдвинуть четкий и ясный курс на открытую борьбу против господства иностранного империализма и феодально-милитаристской реакции при опоре на широкие народные массы, в союзе с СССР и КПК.

Антиимпериалистическое народное движение «4 мая», в ходе которого впервые сложился единый фронт интеллигенции, городской мелкой буржуазии, буржуазии и рабочих, дало мощный толчок распространению идеи необходимости антиимпериалистического и антифеодального единства китайского народа как важного условия успешной борьбы за национальное освобождение, а это в свою очередь стало одной из предпосылок создания в 1923—1924 гг. единого революционного фронта рабочих, крестьян, городской мелкой и национальной буржуазии на основе сотрудничества между КПК и гоминьданом, помогло в последующем успешному осуществлению Коммунистической партией Китая политики единого фронта на различных этапах китайской народно-демократической революции.

Одним словом, движение «4 мая» оставило глубокий след в истории освободительной борьбы китайского народа и породило стойкие антиимпериалистические традиции, которые сыграли свою роль в обеспечении победы народно-демократической революции в Китае. Однако ныне руководство предает забвению эти традиции. Более того, оно изменило им и пошло по пути предательства коренных национальных интересов китайского народа, все более тесно смыкаясь с наиболее реакционными силами иностранного империализма, раздувая вражду и ненависть к Советскому Союзу, который в течение многих лет оказывал огромную бескорыстную помощь китайскому народу в его революционной борьбе и в экономическом строительстве после создания КНР. Но как бы ни изощрялись нынешние руководители КНР в осуществлении своей предательской политики, им не удастся вытравить из сознания китайского народа благородные традиции борьбы против иностранного империализма и национальных предателей, порожденные движением «4 мая». Такая политика не может пользоваться доверием и поддержкой широких трудящихся масс Китая.

КУЛЬТУРА

Проблема перевода и истолкования текста

Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР

История взаимосвязей различных культур свидетельствует о том, что процесс ознакомления с зарубежными литературами, в частности с творчеством китайских художников слова, шел главным образом путями перевода на иностранные, в основном европейские, языки.

Всеизвестно, что у каждого народа сложились свои особые отношения и взаимосвязи с человечеством, с литературами прошлого и настоящего, с соседями далекими и близкими. У каждого народа свой опыт и история художественного перевода, хотя место его в национальной культуре, взаимосвязи с оригинальным творчеством и языковым материалом подчинены определенным общим закономерностям. Никогда, однако, искусство художественного перевода в нашей стране не достигало такого размаха и развития, которые мы наблюдаем теперь. В условиях советского строя художественный перевод стал делом государственного значения, в котором отразилась жизненная заинтересованность миллионов людей: русских и украинцев, белорусов и грузин, армян и узбеков, киргизов, азербайджанцев и других народов, впервые получивших после Октября возможность обмениваться своими литературными ценностями.

Литература, как средство общественного познания мира, как средство человеческого общения, издавна привлекает людей своей неповторимостью, оригинальностью художественных решений, многообразием стилей, почерков, манер, индивидуальным звучанием языка.

Нужно ли доказывать, что без ознакомления с лучшими образцами передового художественного опыта, накопленного человечеством, без изучения достижений мирового литературного процесса не может быть плодотворного развития национальных литератур.

Очевидно также и то, что едва ли возможно подводить итоги и оценивать в полной мере достижения эстетического развития человечества, не принимая во внимание закономерности и особенности развития литературы отдельных народов — великих и малых. Марксистско-ленинская эстетическая мысль в полной мере учитывает, что творения духовной жизни любой нации — общечеловеческое достояние, что национальная замкнутость и ограниченность все более отступают — из национальных литератур складывается единая мировая литература.

Непосредственное знакомство зарубежных писателей с китайской литературой в ее оригинальном виде — явление весьма редкое по причине общеизвестной трудности иероглифической письменности. Мы имеем в виду здесь европейских и других зарубежных писателей, а не японских, корейских, вьетнамских, которым китайская иероглифика была традиционно доступна.

С другой стороны, проникновение зарубежных литератур, в частности русской литературы, в мир китайского словесного искусства происходило в основном посредством перевода на китайский язык, а не непосредственно в русском подлиннике. Насколько нам известно, китайские писатели, творчество которых испытало влияние русской литературы, русским языком не владели, во всяком случае в такой степени, чтобы читать произведения русских писателей в оригинале. Можно сказать, что при всем разнообразии путей, которые вводят произведения словесного искусства различных народов в сложную структуру «кровообращения» общемировой литературы, перевод является наиболее распространенным и существенным каналом. Взаимосвязи, влияния и взаимодействия различных литератур, познание зарубежного художественного творчества и его популяризация происходят именно посредством перевода и благодаря ему.

Особенности китайской поэзии, как, видимо, любой другой поэзии, в том, что при переводе ее должно учитываться, что «отношение между оригиналом и переводом — это отношение между произведением и его исполнением в другом материале, при этом константой является осуществление в другом материале не единства содержания и формы оригинала, а конкретизация этого единства в сознании воспроизводящего, т. е. проще говоря, итогового впечатления, воздействия на читателя»[1].

Иероглифика, пишет Л. Эйдлин в «Китайской классической поэзии»[2], помогла китайской поэзии обрести объемность — «строка кончается, а мысль безгранична» — и

[1] И. Левый. Искусство перевода. М., 1974, с. 129.
[2] См. Л. Эйдлин. Китайская классическая поэзия. М., 1975, с. 9—10.

предоставила читателю широкую свободу сотворчества. И не только читателю, но и переводчику, определяющему для себя самое необходимое из слов, стоящих за иероглифом. Эта данная читателю свобода заключена, однако, в строгие рамки внутренней композиции китайского стихотворения, его зачинов, развитий, поворотов и заключений. Благодаря отсутствию «жесткого крепления» в иероглифе, то есть благодаря наполненности его не одним, а многими словами, способными соответствовать выражаемому им понятию, переводить китайскую поэзию, как может показаться, легче, чем любую другую. Вся трудность в том, чтобы научиться читать ее, шагнуть за иероглиф и войти в многослойную толщу культуры прошедших тысячелетий и проникнуть в слово и мысль поэтов, душа которых продолжает жить и в этих, переводимых тобою стихах.

Можно в этой связи упомянуть переводы художественной литературы Китая В. М. Алексеева. Они поистине удивительны, ибо уникальные его знания позволили ему углубленно проникнуть в многосторонний смысл каждого иероглифа, написанного китайским эрудитом, хранителем древнего просвещения ряда поколений. Вместе с тем они оригинальны, поскольку в них отразилась личность переводчика, сочетавшего в себе таланты строгого ученого и тонкого литератора.

Принцип моего перевода, отмечал В. М. Алексеев в работе «Шедевры китайской прозы»[3], состоит в расположении переводных слов, отобранных по их художественной, красочной сущности, в ритмических группах, непосредственно отражающих китайский оригинал, односложность которого не позволяет, конечно, отразить его тем же количеством слогов и в русском, неодносложном языке.

Дословный перевод, добавляет В. М. Алексеев, бессилен передать звучную игру параллельных строф, рифмованный же грозит отклонением от текста. В предлагаемом переводе все, что есть в оригинале, обязательно отражено, и на долю переводчика осталось только размещение заботливо выбранных слов по ритмическим их группам.

Перед переводчиком с китайского всегда многосложная задача: постигнуть и композицию китайского стихотворения, и изящный лаконизм его, и параллелизмы, и звуковые повторы, и самую композицию стихотворения, как она видится живому носителю китайского языка, содержащего многообразие старинной лексики, архаических речений и т. п. Все это требует от переводчика и недюжинного таланта и огромного труда.

Но талант переводчика, говорится далее в упомянутой работе Л. Эйдлина, в том и состоит, чтобы на своем языке суметь передать произведение чужой литературы, сохранив его поэзию, его мысль и так введя его в литературу своего народа. И никогда перевод не будет тождествен оригиналу, потому что он на другом языке, подчиняемом своим законам, и в том числе законам мышления своего народа, и потому еще, что к индивидуальности пусть и великого поэта прибавляется, как бы даже скромна она ни была, индивидуальность его переводчика, от трудов которого зависят образующиеся в процессе перевода достижения и потери.

При переводе поэзии неизбежны издержки, нередко теряется нечто весьма существенное. Можно лишь говорить о степени утраты — большей или меньшей. Едва ли, однако, в полной мере переводима национальная языковая самобытность. Строго говоря, мы можем лишь проследить, насколько смогла или не смогла поэзия пробраться сквозь языковой барьер «Шицзина» («Книги песен»). Возможно ли, например, отрицать «магию» интонации или созвучия?

Поэтические строки «Шицзина», древнекитайского памятника XI—IX вв. до н. э., таят в себе истинную музыкальность, своеобычную мелодическую интонационность. Напевность органически присуща древним песням «Шицзина» и составляет самую их душу. Ею проникнута вся композиция стиха, весь его настрой, не терпящий приблизительности звучания, никакой его неровности или жесткости. Здесь недопустима произвольность интерпретации. И первостепенное значение приобретает искусство достоверной передачи подлинника. На чем же строить созвучие? Ведь неизбежно исчезает аллитерация, уходят нежные и скорбные звуки в сочетании с усиленными, опорными знаками. Неизбежны существенные расхождения в ритме слов, в количестве слогов, в самом звучании. Спасает ли интуиция, поэтическое чутье? Но ведь у творцов песен «Шицзина» было свое, отличное от нашего представление о звуках, мелодии, интонации. В китайском языке одно слово может иметь несколько различных значений, если оно произносится на разной высоте, в зависимости от музыкального тона, которых и в современном языке насчитывается до девяти. Именно тональность, которую иностранцы почти не замечают при разговоре, имеет для слуха китайца существеннейшее значение. Речь, таким образом, идет не просто об оттенках звука, но фактически о самостоятельных фонетических единицах, с трудом улавливаемых европейским ухом, но имеющих совершенно определенный смысл и значение. Сверх того, существует неисчислимое множество однозвучных слов — омонимов, произносимых под одинаковым тоном, понять которые можно лишь в иероглифическом изображении или в контексте живой речи.

При переводе китайского поэтического текста на русский язык неизбежно, конечно, изменится окраска слов, мелодика стиха, тональность. Думается, однако, что едва ли вообще необходимо подражать или копировать иноязычную просодию. Но не может не сохраниться настроение, интонация, сама душа оригинала наряду с прямой передачей смысла. Иными словами, в понятие точность перевода не могут не входить особенности

[3] См. Восточный альманах, вып. II. М., 1974, с. 495.

и все богатства мысли и формы произведения. Все значимые компоненты — лексика, музыкальность, колорит, метрическая структура.

Мы знаем, к примеру, насколько углубленно Б. Пастернак подходил к переводам с грузинского, которыми обозначен немаловажный период в его поэтическом творчестве. И сам он признавался в том, что переводческий этот труд способствовал лучшему осмыслению собственного его творчества. На память приходят строки Пастернака, обращенные к Паоло Яшвили:

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

Самое существенное здесь, по-моему, — «полюбив источник». Разве именно не в самом отношении, в проникновенном ощущении духа и творческой природы произведения заключена вся тайна искусства перевода? Однако для этого переводчику необходимо об интересующей его литературе знать все, что доступно самому переводимому автору. Достижимо ли все это без знания языка? Без личного овладения переводчиком искусством китайского слова, поэтикой? Можно ли здесь ограничиваться практикой перевода по подстрочнику?

Знание языка подлинника нельзя не признать великим преимуществом и благом. В самом деле, мы принимаем как само собой разумеющееся явление, когда Шекспира, Гёте, Шиллера или Диккенса переводят люди, владеющие языками, на которых творили эти корифеи. Это утвердилось в качестве неотъемлемых профессиональных знаний корпорации художественных переводчиков, помимо, разумеется, знания магистральных мотивов творчества писателя.

Правда, случается и другое. Бывает, что появляются выдающиеся переводы, сделанные с подстрочника. В этом случае обычно в качестве высокого образца приводят пример В. Жуковского, который, не зная древнегреческого языка, перевел «Одиссею», а с немецкого перевода Рюккерта перевел Фирдоуси. Или мастерские переводы из Навои С. Липкина или его же знаменитый «Манас», сделанные по подстрочнику.

Можно, конечно, привести и другие примеры удивительного искусства переводов, выполненных людьми, не знающими языка оригинала и опирающимися лишь на подстрочник. Разумеется, это уже благо: мастера берутся за решение труднейших проблем. Но такие переводы, смею утверждать, большая редкость, скорее, исключение. Быть может, такое же исключение, как и сам дар, которым наделены эти переводчики. В этом, пожалуй, одна из тайн искусства слова, высокого искусства перевода.

Думается, однако, что знание языка оригинала при любых обстоятельствах не повредило бы переводчику, даже самому В. Жуковскому. Во всяком случае, существует, на наш взгляд, намного больше оснований высказаться в пользу того, чтобы переводчик художественной литературы владел языком оригинала и обходился без подстрочника.

Практическое решение этой проблемы, разумеется, связано с немалыми сложностями. Несомненно, однако, что именно такой путь является наиболее продуктивным, перспективным. Ясно, что мастеров должны переводить мастера в области перевода.

* * *

Эстетическое обаяние песен «Шицзина», особенно «Гофын» и «Сяо я», взаимосвязано с фольклорной традицией поэтических приемов и выразительных средств. Простые эти песни вызывают доверие и симпатию читателя своей естественностью, искренностью выраженных чувств.

Однако в этой на первый взгляд «бесхитростной простоте» таится вся глубина и многотрудность передачи песенной поэзии на язык другой исторической реальности и времени. Не только на иностранный язык. Многократные попытки китайских филологов и поэтов перевести «Шицзин» на современный китайский язык не увенчались заметным успехом. Достигнута лишь передача смысла песен. Сделан пересказ сюжета, дающий представление о том, что было содержанием песенной поэзии, но не отвечающий на вопрос, как и каким образом это воплощено в художественную форму. В сущности, в результате этой интерпретации утрачена сама поэзия «Шицзина», словесное искусство, образность языка, стилевая структура, внутренняя композиция, мелодика и т. д. Все то, что создает уникальность и своеобразие этого памятника и что представляет эстетическую его ценность.

Перевод «Шицзина» на европейские языки был предметом особого внимания и усилий многих зарубежных синологов и литераторов. Начало этих попыток восходит к прошлому столетию. Существуют переводы этого памятника на японском, английском, французском, немецком, русском и других языках (Легг, Штраус, Куврер, Дженнига, Линь Юйтан и др.). Работа эта продолжается и в наши дни. Появляются все новые варианты и интерпретации «Шицзина», которые в чем-то отличаются друг от друга, а во многом лишь повторяют то, что было сделано предшественниками. Повторяются, однако, не только удачи, но и многочисленные искажения текста, произвольность толкования смыслового значения произведений, проистекающие нередко из непонимания, а то и вовсе из-за невежественного обращения с китайским оригиналом; повторяются грубые

ошибки и явные извращения, своевольная подмена подлинника собственной фантазией переводчиков и т. п.

Среди существующих европейских изданий «Шицзина», на наш взгляд, особое место занимает перевод известного шведского синолога Б. Карлгрена, которому принадлежит заслуга в углубленном исследовании этого памятника и создании своего рода нормативного перевода [4]. Труд этот, однако, носит чисто филологический характер. Карлгрену впервые удалось дать научную интерпретацию древнекитайского текста «Шицзина», реконструировать иероглифический подлинник, изучить грамматический строй и фонетическую систему языка песен и од «Шицзина», восстановить их древнее звучание, поэтику, ритмику, стилевые особенности песенной поэзии, древнекитайского словесного искусства. Проделанная Карлгреном работа, получившая признание как крупный научный вклад, открыла новую страницу в изучении «Шицзина» и других канонических памятников китайской литературы.

Тем не менее труд В. Карлгрена, при всей его филологической ценности, остается лишь дословным переводом и, следовательно, сам по себе не является еще окончательным решением проблемы. Как всякий подстрочный перевод, он не дает нам полного представления о «Шицзине», который интересен для нас не просто в качестве одного из древнекитайских памятников. Помимо ценнейших исторических и этнографических сведений, реалий и фактических данных об общественной жизни, материальной и духовной культуре, которые мы черпаем из этого источника, «Шицзин» является песенно-поэтическим памятником, сокровищницей художественного творчества китайского народа. И потому прежде всего обладает первостепенной эстетической ценностью. Но именно эта сторона «Шицзина» Карлгреном не тронута и осталась во «власти тени». Подстрочный его перевод, как всякий буквальный перевод, в этом направлении света не проливает, предоставляя задачу поэтического перевода решать другим.

Как синолог Б. Карлгрен, собственно, и не задавался целью создания поэтического перевода «Книги песен»[5]. Это выходило за пределы его научного исследования и требовало не только расшифровки древнекитайского текста, но и поэтического дара, которым он, по собственному его признанию, не был наделен. Имелось в виду, что выполненный им нормативный перевод привлечет интерес художников слова, которые возьмут на себя труд опоэтизировать его подстрочник. Со времени выхода в свет перевода Б. Карлгрена, однако, минуло уже тридцать лет, но надежды его пока не сбылись, хотя сам труд служит источником, к которому постоянно обращаются все исследователи «Шицзина», а поэтические версии некоторых песен и од, сделанные по его подстрочнику, уже увидели свет. Правда, это всего лишь некие проблески, напоминающие «бледный и полузабытый сон», и европейскому читателю, очевидно, уготовано неопределенно долгое ожидание того счастливого мгновения, когда труду шведского синолога суждено будет встретиться с искусством.

Чрезмерный оптимизм тут вряд ли был бы оправдан уже хотя бы в силу непроходимой дословности самого подстрочника, примитивной его буквальности, лишенной малейших признаков и следов художественности, образного видения, составляющих органическую сущность, самую душу поэзии «Шицзина». Поэтому именно и сомнительно, что такой подстрочник способен вдохновить и породить подлинно поэтическое творение, достойно воплощающее эстетическую самобытность «Шицзина». Трудно в это поверить также потому, что маловероятным кажется само искусство перевода, когда разрывается живая ткань произведения, механически отторгается содержание от художественного его воплощения, которое, собственно, только и делает поэзию поэзией. Это не внешние одежды, которые произвольно меняются по личному вкусу, из-за капризов моды или погоды.

Известно, что существуют убежденные противники того, что называется разбором или толкованием стихов. Они призывают не расчленять, а читать, чувствовать, ощущать их силу и красоту, принимая больше сердцем, нежели умом, — ведь поэзия главным образом порождение сердца и обращена к нему. Это, конечно, так.

Но можно ли отрицать роль и значение сознания в поэтическом творчестве и в восприятии произведений искусства слова? Нет, разумеется.

---

[4] B. Karlgren. The Book of Odes. Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1950.

[5] Характерна сама концепция Карлгрена, считающего, что «в современном китайском языке, в сущности, нет грамматики, что делает его до крайности сжатым и скудным, и грамматический анализ мало эффективен. Для понимания китайского текста надо приобрести понимание китайской души...» При этом Карлгрен склоняется к признанию шестого чувства, «которое почти инстинктивно открывает нам истинное значение той или иной фразы» (Б. Карлгрен. Китайский язык. Очерк его природы и истории. Нью-Йорк, 1949).

Концепция эта, встречающая сочувствие приверженцев современной западной лингвистики, не подтверждается действительным состоянием китайского языка. В область предания отошла версия об отсутствии грамматики в китайском языке. Многочисленными трудами китайских и советских филологов давно уже опровергнут этот тезис, как и рассуждения об интуитивизме, мистической загадочности, иррационализме и тому подобных идеалистических представлениях о китайской иероглифической письменности и языке.

Поэтические строки «Шицзина» обладают тем обаянием, которое, по нашему убеждению, не допускает разъемности. Анализ их невозможен путем расчленения на составные части. Они не существуют отдельно от внутренней их гармоничности. Обаяние этих песен не в частностях, а в слитной музыкальности. И это делает их неразъемными. Они схожи с цельными слитками. И за ними всегда встает время. Все это, естественно, требует особого подхода к поэзии «Шицзина», к ее переводу на иностранные языки.

Перевод должен обладать силой жизни в той же мере, что и оригинал. Флоберу принадлежат слова о «внутренней силе стиля», которая, «как земля», поддерживает литературное произведение. Смысл, ждущий нас внутри древнего текста, раскрывается порой не без большого труда. Он предстает перед нами как нечто внутри себя, внутри самого контекста, как нечто загадочное для нас, для нашего миропонимания, для понимания нашего современника. Однако кто-то сказал, что, став зримым под действием света, чудище перестает быть чудищем, ибо то, что имеет лицо, уже познаваемо, а то, что становится познаваемым, может быть укрощено. Искусство перевода — искусство исполнительское, творчески исполнительское, разумеется. И, конечно же, требующее компетентности.

Даже самый крупный художник в наше время не решится «облагодетельствовать» подлинник лишь благозвучием или добротностью своей поэтической обработки. Взыскательный автор не может не стремиться к тому, чтобы его перевод, обретая значение художественной ценности в отечественной литературе, сохранил одновременно свою национальную первородность. И лишь человек, равнодушный к своему родному словесному искусству и к собственному творчеству, хладнокровно отнесется к принесению в жертву «искомой субстанции» оригинала ради экзотической забавы и собственной популярности. Искусство перевода требует не переозвучивания, а перевоплощения одной поэтической стихии в другую. Лишь сама поэзия, ее власть, ее таинства, заключенная в ней магия способны передать нам волнение, чувства и дыхание творцов песенного мира «Шицзина».

Существеннейшая обязанность переводчика, по мысли Делиля [6], состоит в том, чтобы добиться в каждом отрывке тех самых результатов, которых сумел достичь автор. Каждый, кто взялся за перевод, берет на себя долг и обязан выплатить его, если не той же монетой, то в той же сумме.

* * *

Изучая «Шицзин» в подлиннике почти одновременно со своим шведским коллегой, англичанин А. Уэйли подошел к этому памятнику с совершенно иными творческими установками [7]. И хотя первое издание его переводов вышло в 1937 г., до появления переводов Карлгрена, однако Уэйли не счел необходимым вносить в свою работу в последующих переизданиях сколько-нибудь существенные изменения. Отнюдь не все и не безоговорочно принимал Уэйли в интерпретации Карлгрена. На это у него были свои серьезные основания.

Так, в предисловии ко второму изданию своих переводов «Шицзина» Уэйли отмечал, что «при подготовке переиздания у меня было преимущество постоянно обращаться к дословному переводу и примечаниям профессора Карлгрена, опубликованному в 1942 и 1946 годах. Во многих случаях, после повторного взвешивания доказательств, я не нахожу с ним согласия, а в некоторых — я чувствую совершенно определенно, что он ошибается».

Уэйли, таким образом, расходится с Карлгреном не только в вопросе, как выразить, как перевести либо каким должен быть перевод — поэтическим или буквальным. Напомним в этой связи о наблюдении С. Маршака — столь же парадоксальном, сколько и метком: «Перевод стихов невозможен. Каждый раз это исключение» [8].

Проблема выбора принадлежит к «извечным категориям». Она возникала во все времена и у нас, и в зарубежной литературе. «Шицзин» судьбы этой не миновал. Чему отдать предпочтение: переводу или грубой расшифровке иероглифического текста, буквальному, но отдающему «самобытностью» оригинала подстрочнику, отказываясь в этом случае от поэтического посредника. В спорах вокруг этой проблемы выявляются подчас довольно неожиданные суждения, увлечения, крайности.

Для Уэйли, исследовавшего «Шицзин» в течение четверти века, дословный перевод оказался принципиально неприемлем. Вопрос же о поэте-посреднике, не владеющем иероглифическим текстом, перед ним не возникал. Он сам обладал поэтическим даром, и его художественный перевод говорит об этом достаточно красноречиво. Внимание наше привлекает другое: Уэйли во многом усматривает несовершенство работы Карлгрена, обнаруживает многочисленные ошибки в самой его дословной интерпретации песенного текста «Шицзина», не говоря уже о методике подхода, примененной шведским синологом. Критика Уэйли весьма существенна, так как «нормативный» перевод Карлгрена многими исследователями считался научно апробированным.

Эти соображения и замечания дают основание для некоторых обобщений. Обнаружилось, что одного лишь знания языка, иероглифики, грамматического строя и фонетики

---

[6] См. «Иностранная литература», 1959, № 1, с. 188.

[7] A. Waley. The Book of Songs. Translated from Chinese. Grove Press, Inc., New York, 1960.

[8] «Литературная газета», 31.V.1962.

для перевода поэтического памятника вовсе не достаточно. Это не привело в данном случае к важнейшим результатам: вдохновенной точности в передаче подлинника, поскольку нечто очень важное лежит за иероглифическими знаками и строками. Помимо научной методики и «технологии», необходим еще опыт чувств, поэтическое ощущение, творческий дар. Единственный способ в переводе произведения искусства, таким образом, воссоздать поэтическое творение означает передать не столько смысл или содержание текста, сколько на основе и с помощью текста, а не одностороннего с ним обращения, в данном случае китайского оригинала «Книги песен», воссоздать многоплановый мир этого памятника, весь исторический, этнографический, психологический и эстетический комплекс, который формирует каждое песенное произведение и создает «Шицзин» в его всеохватном виде.

Интересно высказывание самого Уэйли по поводу его восприятия «Шицзина». Когда в 1913 г. он впервые приступил к чтению произведений «Шицзина» в китайском оригинале и в переводе французского синолога Куврера, привлекали Уэйли не сами документы исторического прошлого, а песни, которые он воспринимал «лишь как поэзию и, довольно странно, пожалуй, больше как музыку, чем поэзию». Хотя древним этим творениям он придавал звуки пекинского диалекта, окрашенные местами кувреровским «античным произношением, этим модным продуктом псевдоархеологизма», все привносившиеся искажения и помехи одолевались при чтении песен «свежими и прелестными мелодиями». Текст «Шицзина» звучал «подобно строкам Гомера, которые предназначены для пения, несмотря на все варварское невежество при нашем их исполнении». После изучения «Шицзина» в течение двадцати пяти лет Уэйли писал: «Песни эти не являются более непостижимыми для меня... Я верю, что понимаю их достаточно хорошо, и они стали, благодаря их уникальной важности как документов древней метрики ритуальной мифологии, тем сокровищем исследований, которое простирается далеко за древность Китая. И они никогда не утрачивали для меня их прежней привлекательности. Музыка, вероятно совсем неаутентичная той, которая сопровождала мое первое их открытие, сопровождала меня в течение повторных чтений и перечитывания. И сверх всего на протяжении последних трех лет, когда текст продолжал находиться передо мной, нагромождение проблем лингвистических, ботанических, зоологических, исторических, географических, с которыми переводчик такой работы должен сталкиваться, никогда не отнимало у песен их свежести. И я верю, что какая-то частица моего восторга перед ними, несмотря на отсутствие рифмы, обесцвечивающее перевод, и формальной метрики, найдет свой путь к читателю предложенных мною переводов»[9].

Соображения Уэйли весьма примечательны. Музыкальность и напевность стихов «Шицзина», их созвучия и мелодика основаны на своих собственных закономерностях, таятся в их самобытной архитектонике. Атмосфера «Шицзина», как подлинной поэзии, — в естественности. Звучание песен этой книги подобно выдоху воздуха в пении.

Строго говоря, передать стихию музыки чужой речи едва ли возможно. Фактически происходит лишь озвучивание перевода средствами родного языка. В наиболее талантливых переводах удается, скорее, передача сокровенной сути оригинала. Мелодика подлинника неизбежно утрачивается: она заменяется иной стихией, свойственной той речи, на которую переводится произведение. Но и этот процесс требует необыкновенного совершенства.

Переводчика могут сравнивать с дирижером, который сам музыки не создает, а лишь ее исполняет. В его распоряжении только четыре средства: громче, тише, быстрее, медленнее. Все остальное — в партитуре, написанной композитором. А между тем рождаются Паганини и Тосканини, как бы сочиняющие музыку. Строя фразу, переводчик в известном смысле уподобляется дирижеру, прекрасно знающему не только природу и свойства каждого инструмента в оркестре, но и все тонкости соотношения составных нюансов, вариаций, созвучий, всего того, что создает всемогущество дирижера.

Ритмически организованная, размеренная речь, как известно, представляет собой важнейший признак музыкального начала, лежащего в поэзии, в искусстве слова. Ритмичность свойственна явлениям природы, естественному движению окружающей нас реальности.

Ритмичность заложена в самой глубине сущности мироздания. Она близка «языку природы» (Тютчев), музыке мира (Блок). Пушкин назвал поэзию «союзом волшебных звуков, чувств и дум». Ритм, по замечанию Маяковского, — «основная сила, основная энергия стиха». Ритм нередко решает очень многое. В нем глубина и сила мысли. Он таит в себе речевой колорит.

Поэтическая, стихотворная речь — явление звучащее. Это особенно существенно при исследовании песенной поэзии «Шицзина». Письменная форма языка не передает многообразия звуковых оттенков, мелодики, благозвучия.

Здесь нужна особая сила художественного проникновения в пространство и время, в атмосферу той далекой и неповторимой национальной реальности, которая отображена в песнях «Шицзина», творцы которых как бы чувствовали слово на цвет и на звук.

Каким языком, каким стилем и лексикой выразить все это многообразие и разноликость песенной поэзии «Шицзина»? Песенный текст — часть песни, и говорить о нем должно лишь в соотнесении с музыкой. В песенной поэзии особый смысл приобретает не только значение слова, но и его звучание, языковый лад, его настрой.

[9] См. A. Waley. The Book of Songs. Translated from Chinese. N. Y., 1960.

Темп стихотворной речи «Шицзина» представляет собой реализацию звуковых возможностей слова. Это значит, что всякое изменение темпа есть определенная часть интонационного движения, составной фактор, связанный с системой пауз, длиной строки, мелодики.

При исследовании стиховой структуры «Шицзина» обнаруживаются звуковые повторы, многократное повторение слова, а в записи — иероглифического знака. Повторение слов, несомненно, является одним из способов усиления выразительности, интонационной и мелодической выразительности речи, или, как принято говорить, экспрессивной оценкой информации. Повторение слов есть также один из композиционных элементов стихотворной речи.

Известно, что структуралисты и неоформалисты, осовременивая нормативную метрику, игнорируют национальную основу стихосложения, стирают специфику стихотворной речи, произвольно соотносят ритмические и смысловые элементы, отрывая феномены от интонационного строя стиха, интонационную структуру от семантики.

Разумеется, что стихотворная речь «Шицзина» обладает своей природой и характеристикой, отличной от речи вокальной, прозаической, разговорной. В понятии звуковой структуры стиха скрещиваются фонетические, ритмические и интонационно-синтаксические отношения. Звуковое качество стиха проявляется в произнесении, при котором несоблюдение пауз, неверно воспроизведенная интонация, неправильный темп искажают звуковые явления стиха.

В песнях «Шицзина» мы нередко обнаруживаем не аналитическое размышление о времени, а песенный мотив. И строки в них связываются не столько по значению, сколько мелодически: звуковыми совпадениями, ритмическими поворотами и т. д.

Язык песен «Шицзина» не всегда дает точный зрительный образ. Для него часто характерна некоторая расплывчатость, незаконченность. Однако песенный его строй бесполезно раскладывать на составные части, перебирать и сортировать ожерелья метафор и сравнений. Здесь при предельном лиризме предельная же простота, которую невозможно разъять. Это — живопись звуками.

Решение вопроса о том, как обращение к музыкальному ритму соотносится с ритмом поэтическим — насколько нерасторжимо здесь двуединство, — весьма затруднено.

К вопросу о соотношении ритма поэтического и музыкального присоединяется еще и фактор мыслевыражения, которое строится в цы на неоднозначности каждого входящего в текст слова. В поэтической речи, в сущности, всякое слово отнюдь не всегда выступает в однозначном своем смысле. Помимо того, что слово выступает в значении согласно его естественному смыслу, оно способно приобретать необычные и неожиданные оттенки, нюансы, окраску. Непредсказуемые смысловые грани, едва уловимые интонации, возникающие в зависимости от своего местоположения во фразе, от соседних слов, от самого текста, от ритмической и музыкальной структуры. Все эти особенности жанра привлекали внимание китайских исследователей разных эпох. Известна наиболее ранняя работа о вокальном искусстве, принадлежащая поэту и музыканту Чжан Яню (XIII—XIV вв.), «Цы юань» («Источник цы»), где рассматриваются различные стороны теории песенного творчества и вокального искусства на основе песенной поэзии цы.

Самой природе китайской поэзии во всем жанровом ее многообразии присуще высокое искусство словоупотребления. С этим органически взаимосвязано и стилевое богатство китайского поэтического творчества. Отсюда проистекает своеобычность роли и функции слова в поэтическом контексте: в смысловом плане то же самое слово и иероглифический знак могут быть восприняты различно, прочтены или расшифрованы неодинаково, если рассматривать их не изолированно, не в отдельности, но в общей тональности, во всей поэтической структуре и стилевом своеобразии, в авторском идейном и образном замысле.

Из народного устного творчества в песенно-поэтический жанр пришло то существенное, что характеризует творчество многих выдающихся китайских поэтов: ощущение слова, способность находить и вбирать в себя точные и яркие слова из языковой фольклорной стихии.

Именно в народной речи, в фольклорном творчестве шлифуются слова и приобретают свою форму. Выдающиеся мастера сунских цы — Су Ши, Ли Юй, Ли Цинчжао, Лю Юн, Синь Цицзи, Оуян Сю, как и многие другие, черпавшие из сокровищницы фольклорного словесного искусства, глубоко понимали и высоко ценили богатства и очарование народной поэзии, естественную ее красоту и силу.

* * *

Самоочевидно, что искусство перевода — это всегда творчество, а не плод ничем не ограниченного интерпретаторского произвола. Между тем «переводческая вольница» проявляется во многих ликах: произвол допускается и в том случае, когда «поэтизация» производится независимо от подлинника, и в равной мере тогда, когда подстрочник делается методом «выворачивания» текста «слово в слово», безотносительно ко всему эстетическому комплексу поэтического оригинала. Ни «художественный», ни «научный» произвол в искусстве перевода невозможно оправдать никаким авторитетом. Сопоставимость перевода и подлинника должна быть во всех плоскостях. При нарушении соотносимости уровней перевода и оригинала разрушается живая структура произведения искусства. Однозначный подход Карлгрена, его буквальная расшифровка «Шицзина»

лишена главного в этом памятнике — поэзии. «Книга песен», вдохновенное творение поэтического гения народа, лишилась живого дыхания и потому утратила в его интерпретации всякую эстетическую ценность. И никакие искусственные способы в виде «поэтической» обработки не способны оживить бездушный буквализм его подстрочника.

В художественном переводе едва ли не равновелика степень значимости сущностного и эстетического аспектов, того, что выразить, и того, как выразить. Потому объективность критериев должна в одинаковой мере применяться как в отношении подхода или метода перевода произведения, так и в оценке интерпретаторского мастерства. Ни противопоставление одного другому, ни какая-либо предпочтительность здесь ни к чему положительному не приводят. Всякие попытки добиться результата за счет уступок или подмены одного другим чреваты возобладанием переводческой субъективности и вкусовщины.

Опыт не оставляет сомнений в том — и мы это старались показать, в частности, на примере интерпретации «Шицзина» Карлгреном, — что в переводе поэтического произведения невероятной оказывается его полноценность без воссоздания художественного своеобразия в стремлении передать содержание, а равно — без сущностной его достоверности из-за погони за «поэтичностью». В этом, собственно, заключается самая «сердцевина» искусства перевода, источник всех тревог писателей и филологов. Известно беспокойство Ф. М. Достоевского, как и многих других русских классиков, о том, окажется ли «узнаваемо для Европы» (а мы добавим — и особенно для Востока) все «характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное)».

Теперь, пожалуй, на это можно ответить утвердительно: в значительной степени это стало узнаваемо, хотя, конечно, не все абсолютно, ибо гениальность творит истинные произведения словесного искусства, обладая своей неповторимостью. Гениальность писательская требует гениальности переводческой. Иначе возникло бы множество гениев среди разноязычных переводчиков, равновеликих Пушкину и Шекспиру, Гомеру и Цюй Юаню, Ду Фу, Ли Бо и т. д. Пока что этого не произошло. И поэтический их гений остается уникальным даже в своих национальных литературах, в границах своей языковой стихии, не говоря уже об иноземном словесном искусстве. Для подлинного воссоздания их творчества на иностранном языке от переводчика в идеале потребуется конгениальность двуединого измерения: в своем национальном словесном искусстве и в избранной им для перевода литературе.

Это, конечно, отнюдь не должно закрывать нам путей для переводов литературных произведений. Они в действительности никогда и не закрывались. Речь идет о другом. Всем этим мы хотим сказать лишь одно: перевод — искусство столь же высокое и многосложное, как и само художественное творчество.

Трудно себе представить, по крайней мере при объективной оценке нынешнего уровня искусства перевода, чтобы художественный перевод, даже самый талантливый, был совершенно свободен, например, от поэтической индивидуальности переводчика. «Дух переводчика», тем более когда мы сталкиваемся с восточной, в частности китайской, поэзией, в той или иной степени ощущается нами в переведенном произведении, особенно если проявляется личность творчески одаренная.

Другой вопрос, который в первую очередь нас должен заботить, — удается ли в переводах китайской поэзии, особенно в ее классических образцах, выразить «дух автора» подлинника? С большой степенью верности можно сказать, что если и удается, то вряд ли в полном объеме. Трудно здесь устанавливать масштабы и шкалу исчисления, но одними это достигается в большей мере, другими — в меньшей, а нередко «дух автора» вовсе исчезает. Нередки поэтому случаи, когда в переводе возникает некий «вакуум», если «творческая индивидуальность» переводчика остается «незаметной», либо, как было отмечено, безраздельно господствует «дух переводчика».

В литературе отечественной и зарубежной это иногда называется индивидуальным «прочтением», поэтической «версией», «вариантом», «вольным переводом» и т. п. Суть, разумеется, не в терминах. Все определяется мерой творческого участия: где и в чем сказывается личность переводчика. Многое зависит от того, как прочтен оригинал, насколько тонко и глубоко удалось переводчику проникнуться авторским контекстом, ощутить дух и внутреннюю структуру подлинника. Это, так сказать, субъективные аспекты.

Многое, однако, определяется факторами объективными: возможностями выразительных и изобразительных средств родного языка, которые не всегда совпадают или соответствуют этим средствам в переводимом произведении, словесно-речевым богатством и своеобразием, а также тем, насколько точно и талантливо ими владеет переводчик.

* * *

Первые попытки перевода «Шицзина» на русский язык были предприняты акад. В. П. Васильевым еще в 1882 году. Работа его, однако, осталась незавершенной: лишь малая часть перевода была опубликована в виде литографического издания, а большая часть осталась, едва ли не навсегда, в авторской рукописи, к тому же неотредактированной, не подготовленной к печати. Перевод В. П. Васильева признания не снискал. Он был, к сожалению, далек от совершенства и не обладал ни научностью интерпретации, ни литературными достоинствами. По мнению акад. В. М. Алексеева, «переводы В. П. Ва-

сильева не имели цены даже как дословные переводы, если и считать за таковые переводные подстрочники, недостаточно литературные»[10].

Очевидно, что ни исторического содержания, ни самобытности «Шицзина» В. П. Васильеву не удалось понять должным образом, да вряд ли он был подготовлен для этого вообще. И потому в переводе его произошла полная подмена психологической, нравственной и эмоциональной атмосферы подлинника, не говоря уже об эстетической его стороне, что, конечно, решительно противопоказано искусству художественного перевода. Не обнаруживается в его переводе сколько-нибудь внимательного отношения даже к языковым и формальным особенностям оригинала «Книги песен». Столь произвольное обращение с великим поэтическим творением тем более трудно оправдать, что В. П. Васильев в своей работе о «Книге песен» высоко отзывался об этом памятнике, отмечая, в частности, что в песнях «Шицзина» отражаются общественные и политические идеи, мысли и думы народа. Он подчеркивал также, что по содержащимся в «Шицзине» песням и стихам лучше всяких диссертаций можно судить о быте народа, потому что они дают нам живое и ясное выражение мыслей и чувств народа, всего того, что занимало народ в столь отдаленный от нас век китайской древности[11].

Помимо того, значение труда В. П. Васильева нельзя не видеть и в том, что ему первому принадлежит инициатива, имевшая целью познакомить русского читателя с важнейшим классическим памятником древнекитайской поэзии. И уже это одно является его заслугой в истории отечественного китаеведения.

Стихи и песни «Шицзина» вызывали живой интерес передовых русских людей, писателей и переводчиков. Еще в начале 60-х годов прошлого века в России был опубликован перевод одного из стихотворений «Шицзина». Он принадлежит перу революционного демократа М. Михайлова. Стихотворение отличается непосредственностью восприятия, безыскусственностью, лирической задушевностью, характерной для многих произведений «Книги песен», особенно же стихов «Гофын» («Нравы царств»):

Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
Барсовою кожей.
Игры скупы без него;
В битву ль понесется —
Не страшится никого,
«Много их таких найдется!»
Да, найдется!
Только мне не надо никого!
Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
Барсовою кожей.
Все мечты об нем одном —
Денные, ночные...
Кротость в нем, отвага в нем...
«Есть такие и другие!»
Есть другие!
Только мне не думать о другом!

При всех своих достоинствах, однако, переводом это стихотворение в строгом смысле назвать нельзя. Поэт слишком далеко отошел от китайского оригинала, который, вероятно, доступен ему не был. Отсюда и «смушковый кафтан», и «барсовая кожа», которые привнесены переводчиком совсем из иной национальной и этнической действительности и китайскими реалиями не являются.

В русском китаеведении в дореволюционное время были также изучены отдельные песни «Шицзина» в переводе с западноевропейских языков, поскольку китайский оригинал, видимо, был недоступен переводчикам. Разумеется, такие переводы весьма далеки от подлинного звучания поэтических произведений «Книги песен».

Первый поэтический перевод «Шицзина» на русский язык непосредственно с древнекитайского языка был сделан советским китаеведом А. А. Штукиным[12]. Выход в свет этого ценного труда, выполненного с большим знанием и профессиональным мастерством, восполнил существовавший пробел в нашем востоковедении и явился значительным событием в области изучения древнейшей художественной культуры Китая. Поэтический перевод А. А. Штукина представляет собой один из наиболее совершенных переводов «Книги песен», когда-либо предпринимавшихся, на иностранные языки. Акад. В. М. Алексеев, ознакомившийся с переводом А. А. Штукина в рукописи, писал, в част-

[10] В. М. Алексеев. Предпосылки к русскому переводу китайской древней канонической книги «Шицзин» («Поэзия»). — «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 3, с. 271.

[11] См. В. П. Васильев. Перевод и толкование «Шицзина» (ч. I, «Гофын»). — В кн. Китайская хрестоматия, вып. III. Спб., 1882.

[12] «Шицзин». М., 1957.

ности: «Литературное наследство Востока дает нам себя ощущать с гораздо большею трудностью и ограниченностью, чем литературное наследство Запада, которое мы можем получить даже в самых элементарных дословных переводах. Поэтический талант А. А. Штукина стоит совершенно вне всяких сомнений, а его синологическая эрудиция поддерживает эту его поэтическую стихию и, далее, манеру самым действительным образом»[13].

Приближая к нам «Шицзин», великий этот памятник древнекитайской художественной культуры, переводчик как исследователь текста, несомненно, стремился возвыситься до уровня его оригинала, достигнуть точности понимания подлинника, преследуя цель глубокого и достоверного раскрытия многосложного мира людей далекой от нас эпохи. Задача эта, однако, чрезвычайной трудности. Ее решение требует огромной научной эрудиции и творческого напряжения. Поразительная лирическая сила фольклорных песен «Шицзина», исступленность чувств их создателей и певцов достигает порой необычной выразительности с помощью самых скупых изобразительных средств. Внутренний мир простых земледельцев, их психология и ощущения реальности благодаря самородной талантливости стихов предстают перед нами нисколько не беднее, чем внутренний мир интеллектуальных героев — «цаюньцзы» самых «вершинных» произведений китайской классики.

В этой связи важны для нас не только соображения познавательные. Раскрыть поэзию «Шицзина» — значит отечественное словесное искусство сделать богаче, ввести в него новые, неведомые ранее миры, новые образы и краски, звуки, интонации, тональность. Именно ради этой цели А. А. Штукин, как нам это видится, мобилизовал и свое знание китайского текста, и понимание заложенных в нем народных начал, соотнося со своим восприятием и слышанием иероглифического оригинала, с законами, по которым создается стих на родном языке, со своим творческим опытом и личным поэтическим ощущением.

Но все ли в оригинале поддается осмыслению и передаче: где грани — «допусков»? что во «власти» переводчика? какова степень его творческого «присутствия»? А. А. Штукин не избегает «трудных» ситуаций, не прекращает поисков и часто достигает удачи. Не все находки и решения равноценны. И не все до конца разгадано. Есть немало «загадочного» в самом подлиннике, который дошел до нас с ошибками и искажениями, возникавшими в процессе бесконечной переписки текста, с «белыми пятнами», пропусками, лакунами. Над расшифровкой и толкованием «Шицзина» китайские филологи не прекращали работу уже с момента возникновения памятника. Вокруг «Книги песен» выросла колоссальная литература, возникали многочисленные школы комментаторов, росли гипотезы и доктрины, различные толкования, версии — одна фантастичнее другой. Все это, в сущности, не столько помогает, сколько осложняет задачу исследователя и переводчика.

Некоторые китайские источники не вызывают доверия переводчика. Слишком очевидна их недостоверность и искусственность толкования текста. Мы знаем, что далеко не все комментарии китайских ученых и литераторов имеют под собой фактологическую основу текста «Шицзина». Поэтому в них нередко содержатся диаметрально противоположные толкования одних и тех же песен, поэтических строк, отдельных иероглифических знаков. Явно тенденциозны комментарии конфуцианцев, которые преследовали свои собственные идеологические и морально-этические цели и использовали «Шицзин» в качестве своей канонической классики.

Многое, однако, достойно внимания исследователя и переводчика, за которыми, разумеется, остается право выбора и своего решения и которые не могут с ними не считаться, не могут не учитывать положительного опыта, накопленного китайской филологией за многие столетия. Такого именно подхода придерживается и А. А. Штукин в интерпретации текста «Шицзина».

Освобождая «Шицзин» от различных конфуцианских напластований, пробиваясь через «дремучие заросли» тенденциозных комментариев, автор русского перевода рассматривает «Шицзин» не как составную часть конфуцианского канона, но как наиболее ранний памятник китайской поэзии, запечатлевший гений народного словесного искусства. Потому «Шицзин» для него — целый комплекс проблем общественного, идеологического и эстетического характера в историческом движении Китая в эпоху древности и средневековья.

При переводе «Шицзина» А. А. Штукин использовал современное чтение и произношение китайских слов и знаков, исходя из того, что памятник именно в таком виде продолжает жить в Китае. Преследуя поэтологические цели, автор перевода не счел обязательным обращаться к древнекитайскому фонетическому строю и реконструировать произношение, существовавшее в ту далекую эпоху, когда создавались песни этого памятника. Это, конечно, не единственный подход и, быть может, не самый лучший из всех возможных и мыслимых. Здесь А. А. Штукин расходится с Карлгреном, который пошел по пути реставрации древней фонетики китайского языка. Но Карлгрен преследовал цель восстановления аутентичности звучания «Шицзина» и не ставил перед собой задачи поэтологического характера. Разные цели, таким образом, определили различ-

[13] В. М. Алексеев. Предпосылки к русскому переводу китайской древней канонической книги «Шицзин» («Поэзия»), с. 272.

ное решение проблемы. И в первом и во втором случаях в строгом смысле допускаются известные отступления от подлинника, которые мы должны иметь в виду при сопоставлении вариантов перевода. Обстоятельство это, разумеется, указывает нам на относительный характер достигнутого.

В одном, однако, Карлгрен и А. А. Штукин проявили единство взгляда: оба они избрали при переводе современное звучание родного для них языка. И если, таким образом, иметь в виду то обстоятельство, кому адресован перевод, а А. А. Штукин обращает его именно к современному русскому читателю, то и подход его нельзя не признать более последовательным. Это тем более верно, что точное следование звучанию древнекитайского языка, на котором создавалась поэзия «Шицзина» около трех тысяч лет назад, потребовало бы эквивалента в русском языке. Вряд ли, однако, решение этой проблемы приблизило бы нас к главной цели.

Не говоря уже о фонетической и лексической аутентичности китайского и русского языков, какими они были в столь глубокой древности, перед переводчиком возникали немалые трудности в области нахождения соответствующих выразительных средств в их нынешнем виде. Где ему было взять в современном русском языке, например, лексическое соответствие для перевода древней поэзии «Шицзина», чтобы установить душевный, нередко интимный контакт с певцами и создателями песен, сложенных ими о своих героях с их глубоконародными представлениями о самопожертвовании, клятвенных узах, милосердии, с их одержимостью, мистическими верованиями, оракульской магией и т. п.?

Обращаясь к тексту «Шицзина», переводчик не вправе ограничиваться лишь какой-то частью, выбирать только то, что ему доступно или под силу передать. Он должен воссоздать полную картину, весь самобытный мир той эпохи. При этом он должен вложить в свой перевод то, что мы назвали бы «духом древнекитайской жизни», добиваясь убедительности, вдохновенной точности своей интерпретации. И форму подлинника он должен соблюдать, поскольку музыка песен «Шицзина» органично вплетена в поэтический текст, нерасторжима с чувством китайских ритмов. Ее забвение тотчас лишит перевод песенной мелодии «Шицзина», лирико-психологической и внутренней ритмической его структуры.

Несомненно, не все здесь совпадает с нашими представлениями и утвердившимися понятиями. В известном смысле тут происходит «столкновение» двух языковых и эстетических стихий. И для переводчика важно прежде всего правильно понять китайские начала, самобытность системы художественного восприятия. Было бы неверно в переводе с китайского все приспосабливать и подгонять под то, что привычно и нравится иностранному читателю. Это привело бы к отступлениям от исконной субстанции, искажениям самой правды, которая в конце концов существеннее всевозможных условностей.

Примечательна, например, словесно-образная композиция песни «Цветы на вьюнке» (II, VIII, 9). Стихотворение слагается из трех четверостиший. Поэтическая структура его представляется весьма несложной. Лексический состав удивительно прост. Выразительные средства предельно скупы. В основе песни — тема «природы и человека». Глубокая их взаимопроникновенность. Сюжетная завязка — сопоставление явлений окружающего мира и переживаемых человеком чувств. Непосредственность восприятия, эмоциональная окрашенность, безыскусственность выражения настроения певца придают искренность звучания, убедительность, обаяние этой песне.

В запевных строках внимание фиксируется на живой природе, ее превращениях, рождаемой ею палитре красок. «Пейзажный» зачин характерен для многих поэтических произведений «Шицзина». В нашей песне рисуется зрительный образ цветов на вьюнке, которым суждено однажды распуститься, но затем «темно-желтыми стать». Лирическое начало стиха осложняется введением элегических нот. В развитие темы вводится личностный мотив, придающий мелодии драматическое звучание.

От внешнего восприятия природных явлений делается переход к выражению настроения певца, внутренних его переживаний. Зрительное впечатление пробуждает душевные движения: «О, сколь сердце жестоко скорбит, Сердце ранили больно печали». Так акцент переносится на скорбность чувств, но причина их остается пока не раскрытой. В двух заключительных строках второго четверостишия подчеркивается глубина сокрушений певца: «Не родиться б мне лучше на свет, Если б ведал судьбу я такую». Взаимосвязь явлений природы с превратностями человеческого бытия проходит лейтмотивом через все произведение, но главная идея обнаруживается лишь в самом конце, достигая кульминационного своего звучания.

В третьем, последнем четверостишии перед нами раскрывается искомый смысл и горечь певца:

У овцы голова велика,
А мережа лишь звезды поймала;
Знаю: люди хотя и едят,
Сытых вижу так редко и мало!

Строки эти нуждаются в пояснении. В них обнаруживается условно-символическое своеобразие словесного искусства древнекитайского фольклора. Голова у овцы велика именно потому, что все тело ее истощено голодом. А мережа поймала лишь звезды, ко-

торые отразились в воде, но не рыбу, ради которой она ставилась. К этому следует добавить также, что понятие слова «вьюнок» по-китайски звучит «тяо» и ассоциируется с «мышиным хвостом».

Показательно, что в стихотворении «Цветы на вьюнке» первые две строки всех трех четверостиший посвящены изображению природы и ее творениям, тогда как третьи и четвертые строки — характеристике внутреннего мира человека. В этом также проявляется одна из закономерностей внутреннего построения песенного стиха «Шицзина».

Закономерность эта проявляется во многих, хотя и не во всех, произведениях «Книги песен». Однако образная динамика, переход от пейзажной зарисовки к изображению мироощущения человека — весьма частое явление в «Шицзине», особенно в фольклорных его произведениях. Так, в стихотворении «Тростник с осокой сини, сини» (I, XI, 4) все начальные строки посвящаются изображению тростника и осоки, а также сопутствующих явлений:

1. «Тростник с осокой сини, сини. Белая роса сгустилась в иней».
2. «Синь тростник и зелена осока, Не обсохли от росы глубокой»;
3. «Блекнет зелень в сини тростниковой, Белая роса сверкает снова».

В стихотворении «Вижу, вдали конопля» (I, VI, 10) пейзажный мотив варьируется во всех трех четверостишиях:

1. «Вижу, вдали конопля поднялась над пологим холмом»;
2. «Там вдалеке над пологим холмом и пшеница видна»;
3. «Слива вдали над холмом — одинокой той сливе расти».

В песне «У меня есть милый» (I, V, 1) все три части стиха начинаются одной зачинной строкой, которая повторяется без каких-либо изменений, тогда как вторая строка меняется во всех трех случаях и привносит все новые краски и мотивы: 1) «Полюбуйся на эти извивы у берега Ци, Что так пышно одеты бамбуком зеленым, густым»; 2) «Полюбуйся на эти извивы у берега Ци! Бирюзово-зеленым бамбуком одета вода»; 3) «Полюбуйся на эти извивы у берега Ци! Как на ложе циновка, густеет зеленый бамбук».

Прекрасна по своему лиризму и эмоциональному настроению «Песня о девушке, собиравшей сливы» (I, II, 9), в которой особенно наглядно проявляется глубокое взаимопроникновение двуединого начала — живой природы и внутреннего мира человека:

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, что там ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.
Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.
Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

В этой песне, как и в ряде других произведений, весьма четко обнаруживается отмеченная нами закономерность в создании фольклорных стихов. Здесь и тематическое чередование, и пейзажные зачины, и ритмичность рефренов. Но в отличие от других произведений «Книги песен» в этом стихотворении, пожалуй, наиболее рельефно проявляется «законченность» естественного феномена и «целостность» настроения героини. Именно это и является лейтмотивом всего произведения. Двуединое это звучание придает песне лирическое обаяние и композиционную гармоничность.

В ряде случаев названия деревьев и трав в переводе А. А. Штукина на русский оставлены китайские. Перевод на русский автором дается тогда, когда какое-либо название на русском вызывает знакомый образ, хотя это сказывается на звуковых повторах в поэтическом тексте. Вместе с тем китайские названия растений иногда сохранились, поскольку на них строится особый внутренний смысл песни. Все это, конечно, отступления от подлинника, которые не могут нами не учитываться при чтении перевода.

Но это не должно оправдывать какого-либо примирения с потерями. Они должны быть надлежаще восполнены в переводе по законам творчества, в соответствии с теми же принципами, которые заложены в оригинале, а не в нарушение их и не вопреки им. И здесь многое определится искусством переводчика, способностью его «войти» в живую стихию подлинника и привнести взамен «непередаваемого» компенсирующую долю от своего таланта.

Однако речь идет не о гладкописи, которая скорее свидетельствует о равнодушии переводчика, игнорировании читателя. Это относится и к стилизации ради стилизации, которая приводит к искусственности, холодности речи. Мы имеем в виду анемичную гладкопись, лишенную индивидуального своеобразия, авторских примет, интонаций, речевых оттенков и т. д.

Необходима устремленность к самой сердцевине переводимого произведения, к потаенной сути иероглифического текста, к внутреннему авторскому замыслу, который не сразу разгадывается, порой расшифровывается с немалым трудом. Именно в подобном критическом анализе мы видим задачу, стоящую перед переводчиком и истолкова-

телем китайского текста. Все это, разумеется, должно сочетаться с тончайшими наблюдениями над деталями, интонациями, лексикой, стилистическим почерком писателя. И тогда перевод становится поэзией. Раскрываются мысли, чувства подлинника. Возбуждаются в сердцах людей ответные мысли и чувства, глубокое ответное волнение. Если, отмечал Николай Заболоцкий, перевод с иностранного языка не читается как хорошее русское произведение, это перевод либо посредственный, либо неудачный.

Задача эта поистине сложнейшая, требующая от переводчика творческого соучастия, вдохновения, которым был исполнен сам автор. И здесь необходимы не только знания филологов, знатоков китайской иероглифики. Здесь необходим еще художественный талант, благодаря которому только и могли возникнуть лусиневские творения. Существеннейшее значение приобретает в стиле художника не общее, а индивидуальное, присущее лишь определенной личности.

Из этого вытекает наша задача — наибольшая полнота в верной передаче идейного смысла оригинала в сочетании с подлинно художественной, а не буквальной точностью словесно-речевых средств выражения, воссоздание стилевого своеобразия автора, сохранение конкретной самобытности переведенного произведения как единого целого. Иными словами, художественный перевод должен выразить творческую волю автора, которую воплощает текст оригинала, в отличие от деловых и служебных переводов, связанных с информационными задачами.

* * *

Наше синологическое литературоведение в большой мере обязано Михаилу Басманову, которому принадлежит заслуга в разработке жанра цы Сунской эпохи и в многочисленных переводах с китайского оригинала песенно-поэтических произведений таких выдающихся поэтов, как Су Ши, Ли Юй, Лю Юн, Ли Цинчжао, Синь Цицзи и др. Ему принадлежит ряд сборников поэтических переводов сунских поэтов.

М. Басманов, многие годы посвятивший исследованию сунцы, — профессиональный синолог, владеющий китайским языком, иероглифической письменностью. Однако чтение поэзии цы требует не просто знания китайского языка, иероглифических знаков. Здесь необходимо значительно большее. Это — образный мир идей и символики со всеми атрибутами традиционной художественной образности. И потому здесь приходится задумываться, проникать в сокровенную суть текста, исполненного стилистической энергии. Проникать активным образом в запечатленный в нем процесс, чтобы осмыслить его в той первородности, которая возникла под воздействием времени, национальной и общественной реальности. Помимо всего, тут необходима еще литературная одаренность, поэтический талант. В лице М. Басманова мы обнаруживаем редкостное сочетание востоковеда и поэта.

В поэзии цы, как и в литературном творчестве вообще, связь образа с прообразом осуществляется посредством слова — иероглифического знака, которое выполняет выразительную или изобразительную функцию. Слово здесь как бы промежуточное звено, в известном смысле абстрагирование от реальности. В слове обнаруживается авторское восприятие, личное его мироощущение, некое открытие. Следовательно, речь может идти о субъективно преобразованной, опосредованной действительности, озаренной светом авторского видения. Нечто подобное происходит со звуком в музыке или цветом в живописи. У Л. Леонова читаем: «Истинное произведение искусства, произведение слова — в особенности, есть всегда изобретение по форме и открытие по содержанию»[14].

Перевод поэзии цы на русский язык, как и на любой другой, требует особенно высокого мастерства. Своеобразие жанра, его органическая взаимосвязь с музыкальным началом создают исключительные трудности при передаче всей неповторимости оригинала на иностранный язык. Здесь перед переводчиком возникает постоянная опасность — раствориться в «чужеземном тумане». Можно с удовлетворением сказать, что М. Басманову удалось в его переводах избежать этой опасности. Удалось благодаря постижению природы поэтических таинств жанра цы.

Переводчик поэзии жанра цы должен обладать способностью исследовательского глаза — пробиться сквозь все перекрытия, разглядеть подлинную структуру цы, выявить смысловые и стилистические их особенности.

Перевод М. Басманова— это поиски эквивалента, а не суррогата. От переводчика требуется не просто передача смысла и формы, но вдохновения — вдохновением, образов — образами. «Нужно передавать, — отмечала В. Звягинцева, — мысль, образы, настроение, по мере сил — обаяние переводимых стихов. Конечно, насколько возможно, передавать и музыкальный рисунок стихотворения, и размер»[15].

Признанный канон переводчика — «дословно, сколь возможно, и вольно, сколь необходимо». Но вольность лишь тогда допустима, когда и если передаваемый смысл оригинала может быть выражен только с помощью отступления от дословности. Известны пушкинские слова о том, что подстрочный перевод никогда не может быть верен.

---

[14] Л. Леонов. Литература и время. М., 1964, с. 282.

[15] См. Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литератур. Ереван, 1973, с. 396.

М. Басманов доказывает нам, что перевод может и должен обладать силой жизни в той же мере, что и оригинал. Но смысл, ждущий переводчика внутри древнекитайского поэтического текста, раскрывается не без труда. Он предстает перед нами как нечто внутри себя, внутри самого контекста, как нечто загадочное для нас, для нашего миропонимания, для понимания нашего современника. Здесь невольно вспоминаются слова Флобера о «внутренней силе стиля», которая, «как земля», поддерживает литературное произведение.

Помимо всего, присутствие безупречного литературного вкуса — одно из решающих условий для профессионального мастерства, для искусства художественного перевода. Никакая гениальность, отмечал Брюсов, не возместит отсутствие вкуса.

Выступая против формального подхода к переводу, П. А. Вяземский свыше столетия назад писал: «Прозою переводить Анакреона невозможно, переводить его стихами тоже невозможно. В первом случае вы сушите цветок, который прельстил вас своими красками, блеском и свежестью; в другом хотите вы перенести карандашом на бумагу эту свежесть, этот блеск, эти краски. А Гораций все еще жив во французском переводе, как ни душит его прозаик Бате. Дело в том, что поэт переживает его мысли и чувства; но красота и прелесть оболочки их верно оцениваются одними современниками» [16].

Уместно, быть может, напомнить слова Н. И. Гнедича: «Очень легко украсить, а лучше сказать — подкрасить стих Гомера краскою нашей палитры, и он покажется щеголеватее, пышнее, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднее оставить его гомерическим, как он есть, ни хуже, ни лучше. Вот обязанность переводчика, и труд, кто его испытал, нелегкий. Квинтилиан понимал его: ...легче сделать более, нежели то же» [17].

[16] П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. X. Спб., 1886, с. 6.
[17] Н. И. Гнедич. Стихотворения. Л., 1956, с. 316.

Коммунист-интернационалист, верный ленинец

(к 75-летию со дня рождения Ван Мина)

К. В. Шевелев,
кандидат исторических наук

История героической борьбы китайского народа за национальное и социальное освобождение неразрывно связана с именем Ван Мина — видного деятеля Компартии Китая и международного коммунистического движения, который всю свою жизнь отстаивал марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм, до последнего дня боролся за дружбу между народами Китая и СССР, за тесное сотрудничество КПК и КПСС, решительно выступал против различных оппортунистических течений в КПК, беспощадно разоблачал теорию и практику маоизма.

Ван Мин (Чэнь Шаоюй) родился в семье учителя 9 апреля (23 мая) 1904 г. в городе Цзиньчжай уезда Люань (ныне — Цзиньчжай) провинции Аньхой. Окончив сельскохозяйственное училище в Люане, он в 1924 г. поступил на подготовительное отделение Учанского высшего коммерческого училища. В Учане Ван Мин познакомился с марксистской литературой и начал революционную деятельность. В 1924 г. он вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в 1925 г. стал членом КПК. В 1924—1925 гг. Ван Мин редактировал прогрессивные студенческие издания «Ваньгуан» и «Юйвань циннянь сюэхой хойкань» и опубликовал в них свои первые статьи, призывавшие молодежь к борьбе за обновление страны. Летом 1925 г. Ван Мин принял активное участие в выступлениях уханьских студентов в поддержку антиимпериалистического «движения 30 мая» в Шанхае, положившего начало национальной революции 1925—1927 гг.

В конце 1925 г. Ван Мин уехал на учебу в Советский Союз. Позднее он писал, что успех революции в Китае немыслим «без изучения во всех аспектах опыта победоносной революции в СССР» [1].

Ван Мин обучался в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, в котором было подготовлено немало талантливых организаторов идейно-политической, агитационно-пропагандистской, культурно-просветительской, военно-политической работы в КПК и революционном движении [2]. Ван Мин был одним из наиболее одаренных и трудолюбивых студентов университета.

Весной 1927 г. в составе группы китайских и советских товарищей во главе с П. А. Мифом он был направлен в Китай с целью оказания помощи КПК в организации краткосрочных курсов командиров и политработников для революционной армии и в создании ежедневного печатного органа партии [3].

---

[1] [Чэнь] Шаоюй. К вопросу о разрыве дипломатических отношений между Англией и Россией. — «Сяндао», 8.VI.1927, № 197.

[2] См. Г. В. Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2, с. 169—175.

[3] Генеральный секретарь ЦК КПК Чэнь Дусю в то время отклонил эти предложения, считая их преждевременными.

В апреле—мае 1927 г. Ван Мин присутствовал на V съезде КПК и принимал участие в работе секретариата съезда.

Сотрудничая в редколлегии еженедельника ЦК КПК «Сяндао», Ван Мин опубликовал ряд статей по проблемам китайской революции, переживавшей тогда критический период.

В одной из этих статей Ван Мин, опираясь на соответствующие решения Коминтерна, подчеркивал, что борьба за гегемонию пролетариата и некапиталистическую перспективу в Китае невозможна без завоевания широких народных масс. «Вот проблема, — писал он, — и ее надо решать конкретно» [4]. В связи с этим Ван Мин критиковал отдельных руководителей КПК, которые сдерживали развитие рабоче-крестьянского движения и уклонялись от активного проведения политики, отвечавшей чаяниям обездоленных рабоче-крестьянских масс.

Выступая за углубление революционных преобразований, Ван Мин предлагал добиваться дальнейшего обеспечения интересов рабочего класса и решения аграрной проблемы. В условиях наступления контрреволюции Ван Мин также указывал на необходимость вооружения рабочих и крестьян. «Только по-настоящему вооруженные рабочие и крестьяне смогут закрепить революционные завоевания, — подчеркивал он, — и только разгром и уничтожение вооруженных сил реакции сделает возможным достижение новых побед революции» [5].

Вопреки утверждениям маоистской историографии Ван Мин и в дальнейшем придавал большое значение военному фактору в китайской революции.

После возвращения в Советский Союз в августе 1927 г. Ван Мин продолжил учебу в Университете им. Сунь Ятсена. По заданию Коминтерна в 1928 г. он перевел на китайский язык книгу «Вооруженное восстание», подготовленную Реввоенсоветом СССР, и написал к ней предисловие. В этой книге подытоживался боевой опыт выступлений трудящихся ряда стран, включая Китай. Она была специально издана для делегатов VI съезда КПК, проходившего летом 1928 г. под Москвой. Эта книга была с интересом встречена Чжоу Эньлаем и другими делегатами съезда и по указанию ЦК КПК переиздана в Шанхае.

Ван Мин принимал деятельное участие в подготовке и проведении VI съезда КПК, который проанализировал положение в Китае и наметил задачи партии в новых условиях [6]. По поручению президиума съезда Ван Мин в своем выступлении подверг критике фракционную деятельность Цзянси-Чжэцзянского землячества в Москве [7]. На съезде из докладов Цюй Цюбо, Чжоу Эньлая и других делегатов Ван Мин узнал о левацких взглядах и милитаристских замашках Мао Цзэдуна. Уже тогда в партии получил хождение термин «маоцзэдунизм».

В феврале 1929 г. Ван Мин уехал в Китай. В трудных условиях подполья, вызванных свирепым гоминьдановским террором, он работал в Восточном райкоме Шанхая, парткоме провинции Цзянсу, комфракции Генсовета Всекитайской федерации труда, отделе пропаганды ЦК КПК. В разное время Ван Мин редактировал газеты «Хунци» (1929), «Лаодун» (1930) и совместно с Чжоу Эньлаем — журнал «Наньчжэнь» (1931).

В 1930 г. Ван Мин решительно выступил против мелкобуржуазно-националистической авантюристической платформы Ли Лисаня, фактически возглавлявшего тогда Политбюро ЦК КПК [8].

---

[4] [Чэнь] Шаоюй. К вопросу о перспективах китайской революции и проблеме гегемонии в революции. — «Сяндао», 15.VI.1927, № 198.

[5] Там же.

[6] См. А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 99—111.

[7] См. Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 137.

[8] Подробнее о борьбе с лилисаневщиной см. А. М. Григорьев. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930). — В кн. Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 328—345.

Игнорируя оценки и рекомендации Коминтерна, Ли Лисань и его последователи, включая Мао Цзэдуна, расценили обстановку в Китае в начале 1930 г. как непосредственную революционную ситуацию и потребовали начать повсеместные восстания и забастовки. Они намеревались также «во имя победы китайской революции» спровоцировать мировую войну между империалистическими державами и СССР и искусственно ускорить мировую революцию. Ли Лисань и его сторонники даже были готовы пожертвовать Советским Союзом «в интересах китайской революции».

Ван Мин подверг критике платформу Ли Лисаня, чреватую серьезными последствиями для КПК, революционного движения в Китае и во всем мире. Однако лилисаневское руководство отвергло эту критику, обвинило Ван Мина и его сторонников в «правом уклоне», «фракционной деятельности» и наложило на них строгие дисциплинарные взыскания. Но Ван Мин стойко сражался за правое дело. В борьбе с лилисаневщиной проявилось не только личное мужество Ван Мина, но и его теоретическая и политическая зрелость. Благодаря своей принципиальной позиции в критический для партии период Ван Мин выдвинулся в число наиболее авторитетных деятелей КПК.

Учитывая большие заслуги Ван Мина перед партией, IV пленум ЦК КПК шестого созыва (январь 1931 г.) по предложению Жэнь Биши избрал Ван Мина членом ЦК, членом Политбюро и секретарем ЦК КПК.

В феврале 1931 г. Ван Мин завершил работу над книгой «Борьба двух линий» [9], в которой большое место уделил борьбе с лилисаневщиной, вскрыв ее социальные корни и оппортунистическую сущность. Не называя Мао Цзэдуна по имени, Ван Мин уже тогда критиковал его ошибки [10].

В книге были также освещены основные проблемы китайской революции. По широте и глубине анализа этих вопросов книга Ван Мина не имела себе равных в китайской партийной литературе. Она неоднократно переиздавалась (в том числе в 1940 г. в Яньани и в 1957 г. в Пекине) и в течение многих лет расценивалась в КПК как правильное изложение политики партии.

Осенью 1931 г. Ван Мин вернулся в Москву. С ноября 1931 по ноябрь 1937 г. он был представителем КПК в Коммунистическом Интернационале. С 1932 по 1943 г. Ван Мин — член Президиума Исполкома Коминтерна, с 1932 по 1935 г. — член Политсекретариата ИККИ, с 1935 по 1943 г. — кандидат в члены Секретариата ИККИ.

В течение шести лет Ван Мин вместе с выдающимися деятелями международного коммунистического движения участвовал в коллективной идейно-теоретической и политической работе Коминтерна, в научном обобщении революционного опыта, в том числе опыта Коммунистической партии Китая. Он принимал участие также в подготовке исторического VII конгресса Коминтерна, пересмотревшего многие устаревшие и неправильные установки и открывшего новые горизонты перед международным коммунистическим движением.

7 августа 1935 г. Ван Мин выступил перед делегатами конгресса с докладом «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартий», в котором, в частности, указал на фронтальное наступление империализма на колониальные и полуколониальные народы, отметил рост всенародного недовольства и возмущения в этих странах, создающий предпосылки для образования единого антиимпериалистического фронта широких масс. Он констатировал

[9] Со второго издания (1934 г.) книга получила новое название — «Борьба за дальнейшую большевизацию КПК».

[10] См. Чэнь Шаоюй (Ван Мин). Борьба за дальнейшую большевизацию КПК. М. — Л., 1934, с. 125—132 (на кит. яз.).

обострение противоречий между колониальной и империалистической буржуазией, появление национально-революционных группировок в реформистских партиях и раскол в некоторых из них, приветствовал повышение авторитета рабочего класса и его партий. Ван Мин рассказал о революционных выступлениях в ряде колоний и полуколоний, подчеркнув огромное влияние Великого Октября и успехов социалистического строительства в СССР на развитие революционного движения во всем мире.

Особое внимание докладчик уделил обстановке в Китае в связи с усилением японской экспансии. Он подверг критике сектантские ошибки руководства КПК, допущенные, в частности, в ходе обороны Шанхая в 1932 г. и во время фуцзяньских событий 1933—1934 гг. Эти ошибки, по мнению Ван Мина, были вызваны тем, что «многие наши товарищи не понимали и не понимают новой обстановки, сложившейся в Китае. Они не понимают, как **по-новому** ставить вопрос об антиимпериалистическом едином фронте в Китае» [11].

Учитывая накопленный опыт и сложившееся в стране положение, докладчик призвал КПК еще дальше развивать «тактику антиимпериалистического единого народного фронта, последовательно добиваясь самого смелого, широкого и мощного размаха этого движения, чтобы таким путем китайский народ мог по возможности скорее действительно объединиться для общей борьбы против империализма и за спасение родины» [12]. Иными словами, ставился вопрос о борьбе за единый антиимпериалистический фронт не только **снизу**, но и **сверху**.

Ван Мин ознакомил делегатов конгресса с основными положениями «Обращения ко всем соотечественникам с призывом к сопротивлению Японии во имя спасения родины», подготовленного им накануне. Этот документ, согласно принятому решению, был опубликован от имени ЦК КПК и ЦИК Китайской Советской Республики и вошел в историю как «Обращение 1 августа». В этом обращении КПК призывала все без исключения партии, политические и военные группировки, в том числе и части гоминьдановской армии, прекратить гражданскую войну и объединиться для сопротивления японской агрессии, создать правительство национальной обороны из представителей различных политических, военных и других группировок, а также единое командование и объединенную антияпонскую армию. Программа правительства национальной обороны включала требования решительной борьбы против агрессии, конфискации земли и имущества японских захватчиков и национальных предателей, улучшения материального положения трудящихся и предоставления народу демократических свобод [13].

Публикация этого документа открывала новый этап борьбы КПК за создание единого национального антияпонского фронта со всеми политическими и военными силами страны, готовыми оказать сопротивление японской агрессии.

25—27 августа 1935 г. в Москве состоялось совещание делегации КПК, на котором Ван Мин сделал доклад «Как применить решения VII конгресса в Китае». Основные положения этого доклада изложены в его статье «Борьба за антиимпериалистический единый фронт и очередные задачи Компартии Китая». Автор отметил, что перед КПК встала неотложная задача вовлечения в национально-освободительную борьбу «самых широких, не только действительно революционных, сознатель-

---

[11] Ван Мин. О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартий. — «Коммунистический интернационал», 1935, № 25, с. 31.

[12] Там же, с. 32.

[13] «Обращение ко всем соотечественникам с призывом к сопротивлению Японии во время спасения родины» (листовка на кит. яз.). См. также: «Коммунистический интернационал», 1935, № 33—34, с. 106—111.

ных и честных элементов, а и всевозможных, хотя бы временно, колеблющихся союзников и попутчиков из различных слоев и классов китайского общества». При этом не исключалась возможность создания единого фронта даже с Чан Кайши, если он «действительно прекратит войну с Красной Армией и обратит свое оружие против японских империалистов» [14].

По поручению Секретариата ИККИ в ноябре 1935 г. Ван Мин принимал активное участие в разработке проектов новых документов, призванных ускорить создание единого фронта, — Обращения ЦК КПК и Воззвания Красной Армии от 25 ноября 1935 г.

Работа, проделанная Коминтерном и китайской делегацией во главе с Ван Мином, имела особое значение, поскольку руководство ЦК КПК и основная масса коммунистов, находясь в северо-западном походе, были отрезаны от основных районов страны, не имели связи с Коминтерном, не ощущали крупнейших перемен в международном и внутриполитическом положении страны [15].

Лишь 25 декабря 1935 г., ознакомившись с решениями VII конгресса Коминтерна и рекомендациями совещания китайской делегации, Политбюро ЦК КПК, включая Мао Цзэдуна, приняло «Постановление о современной политической обстановке и задачах партии», в котором говорилось о необходимости создания единого национального антияпонского фронта. Однако группировка Чан Кайши наряду с японскими агрессорами по-прежнему рассматривалась в документе в качестве главного врага. Кроме того, в решении Политбюро от 25 декабря содержались ошибки и правооппортунистического толка, что, например, выражалось в готовности руководства КПК открыть двери в партию для «всех желающих бороться за установки компартии, независимо от социального происхождения», а также в том, что «партия не боится проникновения в свои ряды даже некоторых карьеристов», и др. Такой подход таил в себе серьезную угрозу перерождения КПК в мелкобуржуазную партию как по социальному составу, так и по идеологии и политике [16].

В июле 1936 г. под руководством Г. М. Димитрова состоялось заседание Секретариата ИККИ, рассмотревшее вопрос о платформе единого фронта в Китае. Заслушав критический доклад Ван Мина, Секретариат в целом одобрил деятельность КПК, обратив внимание партии на необходимость исправить и развить ряд принципиальных положений тактики единого фронта, преодолеть левосектантские и правооппортунистические ошибки. В статье Ван Мина, опубликованной в августе 1936 г., прямо говорилось, что «коммунисты не должны ставить гоминьдан и Чан Кайши на одну доску с японскими захватчиками, так как главным врагом китайского народа является японская фашистская военщина, борьбе с которой должно быть подчинено все. Кроме того, нельзя рассматривать весь гоминьдан и все его войска как союзников и пособников японского империализма. Для китайской компартии ясно, что для действительного и серьезного вооруженного сопротивления японским захватчикам необходимо участие в нем гоминьдановских войск или решающе-

---

[14] Ван Мин. Борьба за антиимпериалистический единый фронт и очередные задачи Компартии Китая. — «Коммунистический интернационал», 1935, № 33—34, с. 11. 16.

[15] Имеющиеся в распоряжении историков документы, в том числе решения руководства КПК от 8 января и 5 августа 1935 г., полностью опровергают утверждения маоистской историографии о том, будто совещание в Цзуньи (январь 1935 г.) выдвинуло новую политическую линию — линию на создание единого антияпонского фронта (см. А. С. Титов. О совещании в Цзуньи. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4, с. 104—115).

[16] См. К. В. Кукушкин. Коминтерн и единый национальный антияпонский фронт в Китае (1935—1943). — В кн. Коминтерн и Восток, с. 357.

го большинства их» [17]. Как подчеркивал Ван Мин, КПК поэтому должна добиться прекращения военных действий между Красной Армией и войсками Чан Кайши и прийти к соглашению с ним о борьбе против японских захватчиков. «В политическом отношении, — писал Ван Мин, — единый антияпонский национальный фронт должен представлять соглашение между КПК, гоминьданом и другими организациями и на общей политической платформе **при сохранении полной политической и организационной самостоятельности**» [18].

В работах Ван Мина, опубликованных в 1935—1937 гг. в журнале «Коммунистический интернационал», применительно к условиям Китая конкретизировались и уточнялись стратегические и тактические принципы, разработанные на VII конгрессе Коминтерна, что имело огромное значение для КПК, для ориентации партии в новых условиях, для критики левацких установок на расширение гражданской войны, за которые цеплялись Мао Цзэдун и его сторонники [19].

Активная, целеустремленная борьба Ван Мина за укрепление и расширение единого национального антияпонского фронта содействовала успешной работе КПК в обстановке всенародного сопротивления японской агрессии. Не случайно многогранная деятельность Ван Мина в Коминтерне получила высокую оценку в решениях Расширенного совещания Политбюро ЦК КПК в декабре 1937 г., в тезисах ЦК КПК, принятых 19 апреля 1938 г., и других документах партии.

После возвращения на родину в ноябре 1937 г. Ван Мин в качестве члена Политбюро и секретаря ЦК КПК руководил работой ряда региональных бюро, отделов и комиссий ЦК КПК. Он исходил в своей деятельности из указаний Коминтерна о необходимости «проводить твердо и последовательно политику единого национального антияпонского фронта и делать все для всестороннего укрепления этого фронта, как важнейшего условия победы над японской военщиной» [20].

Возглавляя Отдел единого фронта ЦК КПК в 1938—1939 гг., Ван Мин одновременно руководил работой Центрально-Китайского (Чанцзянского) бюро ЦК КПК в Ханькоу, а затем в Чунцине. Это бюро было создано для усиления работы партии на гоминьдановской территории, развертывания партизанской войны в Центральном Китае, борьбы против прояпонских, капитулянтских и антикоммунистических элементов в целях укрепления сотрудничества с гоминьданом во имя сопротивления агрессии японского империализма. Деятельность этого бюро, в которое входили также Чжоу Эньлай, Бо Гу и др., была серьезным противовесом «особой» линии яньаньской группировки Мао Цзэдуна, который, впрочем, усердно перекрашивался в горячего поборника единого фронта в расчете на то, что Коминтерн поддержит его кандидатуру на пост генерального секретаря ЦК КПК.

Учитывая большой авторитет Ван Мина в партии и народе, Мао Цзэдун был вынужден считаться с ним и пытался склонить его на свою сторону. Но из этого ничего не вышло, и тогда Мао Цзэдун избрал Ван Мина главной мишенью в своей борьбе против Коминтерна и коммунистов-интернационалистов. Для того чтобы узурпировать руководство в КПК

---

[17] Ван Мин. 15 лет борьбы за независимость и свободу китайского народа. — «Коммунистический интернационал», 1936, № 14, с. 88—89.

[18] Там же, с. 88.

[19] Подробнее см. К. В. Кукушкин. Коминтерн и единый национальный антияпонский фронт в Китае (1935—1943), с. 353—375; А. М. Григорьев, А. Б. Резников. Г. Димитров и проблемы единого антиимпериалистического фронта. — В кн. Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения. М., 1972, с. 279—285.

[20] Постановление Секретариата ИККИ по китайскому вопросу. 10 октября 1937 г. — В кн. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (Сборник документов). М., 1975, с. 472.

и насадить «китаизированный марксизм», Мао Цзэдун не брезговал в борьбе против Ван Мина никакими средствами.

Во время так называемого движения за исправление стиля (1941—1945) Мао Цзэдун и его последователи, стремясь дискредитировать Ван Мина, Бо Гу, Ло Фу, Чжоу Эньлая и многих других деятелей КПК, сфабриковали «две линии Ван Мина» — «левооппортунистическую» 1931—1934 гг. и «правооппортунистическую» 1937—1938 гг. Под видом критики Ван Мина Мао Цзэдун стремился перечеркнуть историческую роль Коминтерна и многих выдающихся руководителей КПК в разработке генеральной линии партии в 20—30-х годах. Маскируя свою националистическую платформу, Мао Цзэдун все успехи в теоретическом обобщении характера китайской революции, ее движущих сил, стратегии и тактики революционной войны, строительства армии и советов, тактики единого фронта и многие другие беззастенчиво присвоил себе. Вместе с тем он постарался переложить на других ответственность за собственные ошибки и преступления, желая представить свою линию как единственно правильную и непогрешимую на всех этапах китайской революции.

Как показано в воспоминаниях Ван Мина, в ходе «движения за исправление стиля» Мао Цзэдун пытался разгромить здоровые силы в КПК, изменить ее идеологические, теоретические и организационные принципы, превратить партию в активного проводника «идей Мао Цзэдуна». При проведении этой кампании широко практиковались массовые расправы над инакомыслящими [21].

В результате интернационалистические силы были ослаблены и вынуждены отступить, но полностью разгромить их маоистам не удалось. На VII и VIII съездах КПК (1945, 1956 гг.) Ван Мин по-прежнему избирался членом Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. После VII съезда КПК Ван Мин возглавлял Кабинет политических исследований, а затем Юридическую комиссию ЦК КПК. После образования КНР руководил работой Комиссии законодательных предположений Центрального народного правительства. Большую работу Ван Мин проводил также в Обществе китайско-советской дружбы, являясь одним из его создателей и руководителей.

Факты свидетельствуют о том, что Ван Мин продолжал борьбу против «идей» и политики Мао Цзэдуна. Так, в марте 1949 г. на II пленуме ЦК КПК седьмого созыва Ван Мин в своей речи разоблачил отказ Мао Цзэдуна от социалистической революции и социалистического строительства в Китае [22].

Мао Цзэдун со своей стороны не прекращал травли Ван Мина. В заключительном слове на II пленуме ЦК КПК седьмого созыва он упрекал Ван Мина за то, что тот, как и прежде, не признавал «идей» Мао Цзэдуна. В тезисы заключительного слова Мао, распространенные затем в партии для обсуждения, был включен пункт «Как помочь товарищу Ван Мину исправить ошибки» [23].

16 марта 1949 г. Мао Цзэдун принес Ван Мину вырванные с помощью шантажа и угроз «исповеди» Бо Гу, Ло Фу и Ян Шанкуня и потребовал написать аналогичную «исповедь с охаиванием трех», то есть ругать Ван Мина, ругать их (Бо Гу, Ло Фу, Ян Шанкуня и других), ругать русских — ВКП(б) и Коминтерн. Но Ван Мин решительно отверг это требование Мао. «Я не только не буду писать, но и не буду читать подобные вещи», — ответил он [24].

Впоследствии по настоянию Мао Цзэдуна III пленум ЦК КПК седьмого созыва принял 9 июня 1950 г. специальное «Решение о товарище

---

[21] Подробно см. Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна.
[22] Там же, с. 150—151, 157—158.
[23] Там же, с. 151—152, 155.
[24] См. там же, с. 152.

Ван Мине», в котором потребовал от него написать «покаяние» и представить его на рассмотрение Политбюро ЦК КПК [25]. Но Мао Цзэдун так и не дождался этого «покаяния».

Находясь с февраля 1956 г. на лечении в СССР, Ван Мин с глубоким интересом следил за успехами трудящихся КНР в строительстве социализма. Все большую тревогу у него вызывали негативные аспекты «особого» курса Мао Цзэдуна и его группы.

Ван Мин не скрывал своего критического отношения к «идеям» и практике Мао Цзэдуна. «В конце 50-х и начале 60-х годов своей авантюристической политикой так называемых «трех красных знамен», — писал Ван Мин, — Мао Цзэдун привел дело строительства социализма в Китае и экономику страны в катастрофическое состояние, довел китайский народ до жизни в небывало тяжелых, бедственных и нищенских условиях и тем самым дискредитировал идеи социализма в глазах международной общественности. С начала 60-х годов своей антиленинской, антисоветской, раскольнической и подрывной деятельностью он наносил и наносит значительный ущерб и вред мировому социалистическому содружеству, международному коммунистическому и рабочему движению, антиимпериалистической борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки... Тем самым он оказывает большую услугу американским и другим империалистам, а также вредит коренным интересам Компартии Китая и китайского народа» [26].

Ван Мин подчеркивал, что не случайно «„идеи Мао Цзэдуна", как и он сам, стали символом ошибок и неправды, символом бедствий и несчастий, символом варварства и дикости, символом мракобесия и контрреволюции в глазах китайского народа и трудящихся всего мира» [27].

В произведениях Ван Мина «О событиях в Китае» (1969), «Ленин, ленинизм и китайская революция» (1970), «Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна» (1975) и ряде статей вскрыта сущность антиленинских, антисоциалистических, антинародных, великодержавно-националистических «идей» и политического курса Мао Цзэдуна, показан вред, который они нанесли китайскому народу, КПК, международному коммунистическому движению.

Характеризуя оголтелый антисоветизм Мао Цзэдуна и его сторонников, Ван Мин справедливо писал, что в антисоветизме, как в зеркале, отражается борьба Мао Цзэдуна «против марксизма-ленинизма, социалистических стран, коммунистических и рабочих партий (включая и Компартию Китая), против антиимпериалистического движения и мира во всем мире. Антисоветизм используется им также для того, чтобы заслужить одобрение и понимание у империалистических держав, прежде всего у империалистов США и реакционеров всех стран» [28].

В работах Ван Мина 1969—1974 гг. большое место уделено также разоблачению маоистских фальсификаций истории КПК и китайской революции, вскрыты идейные, теоретические, исторические и социальные корни предательства Мао Цзэдуна, выражена глубокая вера в неизбежный крах маоизма.

Жизнь и деятельность Ван Мина — это яркий пример непоколебимой верности марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, образец самоотверженного служения китайскому народу, принципиальной борьбы за социалистическое развитие Китая, за дружбу китайского и советского народов, за единство международного коммунистического движения.

[25] См. там же, с. 152—155.
[26] Ван Мин. Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970, с. 23—24.
[27] Там же, с. 24.
[28] Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна, с. 181.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О связях Петербургского университета и Восточного института в начале XX в.

А. А. Бабинцев

В статье П. Е. Скачкова «На рубеже веков»[1] содержатся сведения о деятельности Восточного института во Владивостоке преимущественно в области подготовки китаеведческих кадров. В настоящем сообщении освещается постановка преподавания в Восточном институте японского языка.

Первым русским высшим учебным заведением, где было введено изучение японского языка, стал Петербургский университет. На его факультете восточных языков японский язык преподавался с 1870 г., однако кафедра японской словесности по ряду причин была учреждена значительно позднее, в 1898 г. Год спустя, 21 октября 1899 г., в молодом дальневосточном городе Владивостоке открылся Восточный институт, среди его кафедр была и кафедра японской словесности.

Необходимость создания в одном из центров востока страны учебного заведения для изучения языков, истории, экономики и культуры народов Дальневосточного региона и для подготовки необходимых кадров диктовалась сложной международной обстановкой на Дальнем Востоке, экономическим развитием русского Приморья и расширением контактов с сопредельными государствами. В ходе обсуждения проектов такого учебного заведения по инициативе С. Ю. Витте (в то время министра финансов) было принято решение учредить во Владивостоке Восточный институт, положение о котором утверждено 24 мая 1899 г.

Через четыре года, в 1903 г., институт произвел первый выпуск. Столь быстрая организация нормального учебного процесса и сведение к минимуму организационного периода стали возможными потому, что в России имелись научно-педагогические кадры востоковедов, в том числе и специалистов по Дальнему Востоку, а это свидетельствовало о зрелости русского востоковедения, о его способности развиваться как интенсивно, так и экстенсивно.

Штат Восточного института в первые годы его существования комплектовался в основном из выпускников Петербургского университета. Директором института 9 июля 1899 г. был назначен доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор факультета восточных языков столичного университета А. М. Позднеев, в должности профессоров со дня открытия института состояли А. В. Рудаков и П. П. Шмидт (китайская и маньчжурская словесность), несколько позднее приступили к преподаванию Г. В. Подставин (корейская словесность), Е. Г. Спальвин (японская словесность), Г. Ц. Цыбиков (монгольская и тибетская словесность), Н. В. Кюнер (историко-географические науки). Курсы юридических и экономических наук читали также выпускники Петербургского университета Н. П. Таберио, Н. И. Кохановский и Н. Н. Дмитриев. Можно считать, что формирование преподавательского коллектива путем не случайного набора, а привлечения относительно однородной группы питомцев крупного научного центра, как было сделано в данном случае, дало положительные результаты.

Сведения о деятельности двух русских японистов, Евгения Генриховича Спальвина (1872—1933) и Геннадия Ивановича Доли (1876—1931), позволяют охарактеризовать взаимосвязь между двумя отрядами русского японоведения, существовавшую в начале нашего века.

Уроженец города Риги Феликс-Евгений-Леопольд Спальвин в 1891 г. приехал в Петербург и поступил на юридический факультет университета, но через три года перешел на факультет восточных языков, который окончил с дипломом 1-й степени по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду в 1898 г. Китайский язык и литературу он изучал у Д. А. Пещурова, А. И. Ивановского и В. П. Васильева, маньчжурский язык — у А. И. Ивановского, монгольский язык — у А. М. Позднеева и

[1] «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3.

К. Ф. Голстунского, историю Востока — у Н. И. Веселовского, со второго курса посещал занятия по японскому языку, которые вел Куроно Есибуми, владел европейскими языками. В связи с созданием на факультете восточных языков в 1898 г. кафедры японской словесности университет направил Е. Г. Спальвина в Японию для подготовки к профессорскому званию[2]. Он уехал в командировку в 1899 г., но в Петербургский университет не вернулся, приняв предложение исполнять обязанности профессора Восточного института.

В Японии Е. Г. Спальвин упорно совершенствовался в разговорном и письменном японском языке, проштудировал различные пособия по изучению японского языка. Он выработал собственный взгляд на японскую грамматику и подготовил соответствующие лекционные курсы, а также собрал многочисленные материалы по различным аспектам японоведения. В это же время по поручению института Е. Г. Спальвин закупал китайские и японские шрифты для институтской типографии, для библиотеки приобрел книги по японистике на сумму 1445 руб., подыскивал лектора японского языка «из природных туземцев»[3]. Будучи в Японии, Е. Г. Спальвин встречался с крупнейшим японским писателем и замечательным переводчиком с русского языка Фтабатэй Симэй, о чем свидетельствует фотография, приложенная к книге Е. Г. Спальвина «Екомэ-дэ мита Нихон» («Взгляд на Японию со стороны»), выпущенной в 1931 г. токийским издательством «Синтёся».

8 августа 1900 г. канцелярия приамурского генерал-губернатора известила Восточный институт, что Е. Г. Спальвин определен исправляющим должность профессора с 1 июля текущего года, и 18 августа он впервые присутствует на заседании конференции (ученого совета) института[4]. Его вступительная лекция «Очерк основ языка и письменности японцев» состоялась 2 сентября 1900 г., текст лекции был помещен в «Известиях Восточного института» и вышел отдельным изданием[5].

С 1900/01 учебного года Е. Г. Спальвин был основным преподавателем на втором, третьем и четвертом курсах японско-китайского отделения (японский язык изучался со второго курса), разработал и издал ряд учебных пособий по японскому языку, часто выступал в печати по многим вопросам японоведения. Его недельная педагогическая нагрузка составляла в 1900/01 учебном году 5 лекционных часов, 1902/03 — 11 часов, в 1904/05 учебном году — 17 часов. Помимо аудиторных занятий, Е. Г. Спальвин принимал деятельное участие в работе библиотеки и в издательских делах института (неоднократно занимал должность библиотекаря, в частности в 1900—1902 гг. — в период наиболее интенсивного комплектования библиотеки, был членом библиотечно-редакционной комиссии, редактировал многие институтские издания, заведовал типолитографией Восточного института, в которой печатались тексты на русском и семи иностранных языках и которая по качеству печати на восточных шрифтах считалась лучшей после типографии Академии наук в Петербурге. В 1902 и 1904 гг. Е. Г. Спальвин временно исполнял обязанности директора Восточного института (после ухода А. М. Позднеева в 1903 г. директором в 1904—1906 гг. был Д. М. Позднеев, также выпускник Петербургского университета, а с конца 1906 г. — профессор А. В. Рудаков).

Е. Г. Спальвину принадлежит заслуга организации преподавания и изучения японского языка и других японоведческих дисциплин в Восточном институте, причем сделано это было им почти полностью самостоятельно, поскольку факультет восточных языков в ту пору, давая солидную общенаучную подготовку, мог дать лишь некоторые практические навыки в японском языке, а перед Восточным институтом с самого начала была поставлена цель: «Как изучение языков, так и все остальные курсы востоковедения должны будут иметь в нем чисто практический характер, тогда как доселе в русской науке господствовало научно-теоретическое изучение Востока»[6]. На деле, однако, этот чисто практический уклон института не был выдержан и в его стенах были созданы значительные научные труды и подготовлены известные ученые-востоковеды. Среди японистов первых выпусков следует упомянуть В. М. Мендрина (выпуск 1907 г.), автора ценных исследований и переводов в области истории, языка и литературы Японии, в дальнейшем — профессора Восточного института; А. Н. Петрова (выпуск 1907 г.), первым в России начавшего изучать японское рабочее движение, и Г. Г. Ксимидова (выпуск 1908 г.), выполнившего весьма интересное исследование по истории современной японской литературы. Все вышеуказанные труды являются вкладом в отечественное японоведение и сохраняют научную ценность и в наши дни.

[2] См. Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 14, оп. 3, д. 15706, л. 108; д. 28376, лл. 64—79; оп. 1, д. 10139, л. 1.

[3] См. «Известия Восточного института», т. 1. Владивосток, 1900, с. LVII и 40; «Известия Восточного института», Приложение к т. 2, с. 92—93. — В начале века занятия японским языком вели приглашенные из Японии лекторы Маэда Кибцугу, Каваками Хидэо и Мацуда Мамору.

[4] См. там же, т. 2, с. 1.

[5] Экземпляр отдельного издания, хранящийся в восточном отделе Научной библиотеки Ленинградского университета (шифр 0—II 3160), имеет дарственную надпись автора. Это один из очень немногих дошедших до нас автографов Е. Г. Спальвина.

[6] «Известия Восточного института», т. 1, с. 5.

После первого выпуска 1903 г. следующий задержался из-за начавшихся на Дальнем Востоке в 1904 г. военных действий и состоялся в 1905 г. Среди выпускников этого года был Г. И. Доля, поступивший в Восточный институт в 1900 г. после окончания Ставропольской семинарии (во Владивосток, где находилось в то время единственное к востоку от Байкала высшее учебное заведение, ехали учиться отовсюду: в частности, В. М. Мендрин приехал из Харькова, А. Н. Петров — из Казани, Г. Г. Кеммидов — из Тифлиса). Курс японско-китайского отделения Г. И. Доля прошел с отличными успехами и был принят на службу в министерство иностранных дел. В Петербурге он в конце 1908 г. получил приглашение факультета восточных языков вести занятия по японскому языку. Г. И. Доля согласился и с 1 января 1909 г. стал по совместительству преподавать в университете[7]. Сначала у него было 8 аудиторных часов в неделю, в 1910/11 учебном году — 14, в следующем году — 18 часов. Читал со студентами Г. И. Доля самые разнообразные тексты: учебные на младших курсах, на старших — образцы классической и современной художественной литературы, вырезки из газет, соробун, камбун, отрывки из сочинений выдающегося японского просветителя Фукудзава Юкити[8]. В 1910 г. Г. И. Доля подготовил к печати и издал под названием «Практическое введение в изучение японской письменности» (вышла в свет только первая часть) труд известного английского японоведа Б. Х. Чемберлена «Модзи-но сирубэ».

Сохранилась рукопись дипломного сочинения студента четвертого курса Н. И. Конрада, которое он писал летом 1911 г. в Токио и представил факультету 7 декабря того же года. Оценка Г. И. Доли «весьма удовлетворительно» поставлена на титульном листе 17 января 1912 г.[9]

Свой последний учебный год в Петербургском университете Г. И. Доля не завершил, получив в январе 1912 г. перевод по службе в русское консульство в Мукдене. Поскольку его отъезд ставил факультет восточных языков в затруднительное положение, министерство иностранных дел удовлетворило ходатайство факультета и отсрочило отъезд Г. И. Доли к месту службы «до пасхальных вакаций»[10].

Итак, Г. И. Доля, ученик по Восточному институту Е. Г. Спальвина, выпускника Петербургского университета, сам около трех лет преподавал в этом университете, одному же из его учеников, Н. И. Конраду, суждено было стать главой советской школы японоведения.

---

[7] См. Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке на 1909 год. Владивосток, 1909, с. XXII; ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 10254, лл. 2, 6.

[8] См. ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 15804, л. 30.

[9] См. ГИАЛО, ф. 14, оп. 6, д. 1474-н, л. 1.

[10] См. ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 10254, лл. 26, 28.

ВОСПОМИНАНИЯ

Из записок советского специалиста

Л. Н. Кутаков,
доктор исторических наук

У меня была возможность познакомиться с жизнью китайского народа в те годы, когда отношения между СССР и Китаем были дружественными и добрососедскими. В 1955 г. я получил приглашение приехать в КНР в качестве главного советника директора Пекинского дипломатического института. Вместе со мной должны были поехать несколько советских специалистов в области международных отношений, внешней политики СССР, государства и права, экономики, истории Китая (Н. Н. Иноземцев, А. М. Дубинский, В. А. Масленников, В. И. Менжинский, Н. А. Сидоров).

Советские люди всегда с большой симпатией относились к китайскому народу, долгие годы боровшемуся против иностранных интервентов и продажных реакционных клик. В те годы мы от души радовались победе китайской революции и успехам народного Китая, искренне стремились помочь китайскому народу в строительстве новой жизни, в развитии экономики, культуры и науки. Народному Китаю были необходимы и дипломатические кадры, чтобы отстаивать свои социалистические, как предполагалось, интересы на международной арене.

Имея определенный опыт в подготовке дипломатических кадров и организации научной работы в качестве проректора по научной части Московского государственного института международных отношений, я дал согласие поехать в Китай, хотя это и нарушало мои личные планы: к тому времени был мною закончен сбор материала для докторской диссертации и готовилась к публикации книга по дипломатической истории русско-японской войны. Нарушались планы работ и у моих коллег. Но это нас не остановило. Мы считали своим долгом коммунистов и пролетарских интернационалистов оказать необходимую помощь китайскому народу.

С выездом нас торопили. Китайская сторона просила, чтобы наше прибытие было приурочено к открытию Дипломатического института. Наскоро собравшись и оставив семью в Москве, я вылетел в Пекин. В то время еще не было реактивных пассажирских лайнеров, поэтому перелет занял почти сутки, успеть к открытию института не удалось. На пекинском аэродроме нас никто не встретил.

Однако на следующий день меня принял кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Чжан Вэньтянь, первый заместитель министра иностранных дел, в свое время бывший первым послом КНР в Москве. В годы антияпонской войны он занимал крупные посты в руководстве КПК и командовании Народно-освободительной армии.

Кабинет Чжан Вэньтяня был обставлен в старинном китайском стиле: темные низкие кресла, прекрасно инкрустированные ширмы из красного дерева, лакированный, искусно расписанный столик. Принесли неизменный зеленый чай. Чжан Вэньтянь, плотный, среднего роста, одетый в обычный для китайских официальных лиц китель, встретил меня приветливо, поинтересовался, как я долетел, расспросил о моей работе, о семье. Беседа была деловой и дружественной. Чжан Вэньтянь произвел на меня впечатление умного и тонкого собеседника.

Впоследствии Чжан Вэньтянь еще не раз приглашал нас, выслушивал соображения о том, как организовать подготовку дипломатических кадров. По его инициативе в Пекине было решено создать научно-исследовательский институт при Народном обществе по изучению международных отношений. Мы разработали подробные рекомендации по подготовке оперативных и научных кадров в области дипломатии и международных отношений.

С полной отдачей сил работали наши специалисты и в других областях науки, культуры, техники, медицины, образования. Позже мне довелось посетить Аньшаньский металлургический комбинат, реконструированный с помощью Советского Союза. Советские специалисты показали мне прокатный стан, изготовленный на Краматорском заводе по последнему слову мировой техники. Первый стан этой серии был передан Китаю.

Советские специалисты размещались в двух гостиницах — в центре Пекина (недалеко от бывшего посольского квартала) и на западной окраине.

В городе еще было неспокойно. Как-то поздно вечером, когда мы после затянувшегося совещания проезжали по пустынной улице, раздался выстрел. Пуля, цокнув о борт, чуть задела машину. Мы остались невредимыми. Потом нам сказали, что чанкайшистская агентура хотела создать инцидент, убив кого-либо из советских советни-

ков. После этого, куда бы мы ни ехали, рядом с шофером садился охранник. У входа в гостиницу стояли солдаты.

Китайские спецслужбы не только охраняли нас, но и следили за каждым нашим шагом. Стоило кому-либо из сотрудников посольства или коллег по работе зайти в номер, как тут же появлялся кто-либо из обслуживающего персонала и начинал с озабоченным видом проверять отопительную сеть или смахивать пыль, поправлять ковры и т. п. Мы старались делать вид, что этого не замечаем.

Со стороны слушателей (студентов и преподавателей), с которыми нам приходилось ежедневно встречаться, мы чувствовали огромный интерес, к каждому нашему слову прислушивались. Это относилось и к лекциям по истории международных отношений, которые читал я; слушали их с огромным вниманием. Поражало количество вопросов (большей частью в письменном виде), иногда их число превосходило сотню! Это можно было бы объяснить слабостью общей подготовки слушателей, не знакомых с материалистическим подходом к явлениям общественного развития, и особенно международной жизни.

Но главным в потоке вопросов, как мы видели, был горячий и живой интерес к передовой науке, стремление глубоко и всесторонне понять исторические явления и ход развития международных отношений. Многим слушателям было непривычно представление о том, что история международных отношений далеко не исчерпывается перечнем международных конференций и дипломатических акций, а представляет собой совокупность экономических, политических, правовых, дипломатических и военных связей и взаимоотношений между народами, государствами и системами государств, между основными классами, экономическими и политическими силами и институтами, действующими на мировой арене. Приходилось подробно, с привлечением широкого конкретно-исторического материала разъяснять, что социально-экономические факторы, определяющие всемирно-исторический процесс, хотя и опосредствованно, но определяют также и развитие международных отношений. Большой интерес вызвало освещение марксистско-ленинского учения о связи внешней и внутренней политики, о роли народных масс в истории, а также в отношениях между народами.

Наши слушатели долго не могли усвоить, что до выхода пролетариата на арену самостоятельной классовой борьбы народные массы принимали лишь стихийное участие в историческом процессе, в развитии международных отношений. Здесь сказывались насаждавшиеся Мао Цзэдуном и его сторонниками общие настроения в значительной части КПК, непонимание роли пролетариата в борьбе против буржуазии и помещиков.

Слушатели, кроме того, долгое время находились под влиянием сочинений разного рода буржуазных авторов, широко распространенных в дореволюционном Китае, а также лекций буржуазных профессоров по вопросам советской внешней политики, в частности их освещения событий 1939 г., когда СССР пошел на заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией. Этот пакт, как известно, сыграл важную роль в подготовке советской страны к отражению нападения фашистской Германии и обеспечению победы советского народа над гитлеровцами. Благодаря этому пакту Советский Союз избежал необходимости вести войну на два фронта — на Востоке против милитаристской Японии, которая летом 1939 г. войну фактически уже начала, напав на союзную нам Монголию, и на Западе — против фашистской Германии. Понадобилось несколько занятий, чтобы раскрыть слушателям необходимость этого акта в интересах как советского народа, так и всего прогрессивного человечества, в том числе и китайского народа, в интересах победы над фашизмом и империализмом не только в Европе, но и в Азии.

Уже в те годы стало обнаруживаться стремление китайских лидеров приуменьшить роль Советского Союза в разгроме Германии и Японии, преувеличить значение Народно-освободительной армии Китая и партизан в общей борьбе против фашизма и агрессии. Делалось это в то время исподволь — в закрытых документах, на узких собраниях активов, в речах некоторых руководителей КПК под прикрытием тезисов о «шаблонности в изучении иностранного опыта», о «непонимании отдельными кадровыми работниками» необходимости сочетать «иностранный» (то есть советский) опыт с китайскими историческими традициями и др.

Летом 1956 г. нас, главных советников в учебных заведениях Пекина, пригласил к себе министр высшего образования Ян Сюфэн. Он долго и красочно говорил о значении для Китая опыта советской высшей школы и достижений СССР в подготовке научно-технических и культурных кадров. Однако, подчеркнул министр, в Китае сложилась своя традиционная система образования, и надо прежде всего ориентироваться на нее, «изживая иностранные шаблоны». Было ясно, что под «иностранными шаблонами» министр имел в виду методы и формы образования, принятые в советской высшей школе.

Именно в эти дни была отменена устная форма экзаменов даже по общественным наукам, где умение формулировать мысль, полемизировать и логически развивать свои соображения и доказательства имеет важное значение. Министерство решило вернуться к старой, дореволюционной системе экзаменов с письменными ответами. Была отменена пятибалльная система оценок и восстановлена стобалльная, принятая на Западе.

...Как-то весной 1956 г. мы узнали, что в Пекинском дипломатическом институте

намечено проведение партийного актива с выступлением кандидата в члены Политбюро, председателя Госплана КНР Бо Ибо. Осторожно поинтересовались, нельзя ли нам присутствовать. Исполняющий обязанности директора института Ли Энчу (директором института числился первый заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь) переговорил с докладчиком, и нам разрешили быть на собрании.

Бо Ибо выглядел просто, держался подчеркнуто демократично, доступно. Меня представили. Бо Ибо был хорошо осведомлен о работе института, о наших лекциях (его сын учился в институте). В ходе краткой беседы мы обменялись мнениями по поводу текущих международных событий...

В своем докладе Бо Ибо обрушился с резкими нападками на решения XX съезда КПСС, на положения, касающиеся оценки деятельности И. В. Сталина, разнообразных форм революционной борьбы в капиталистических странах. Докладчик резко возражал против установок съезда на расширение борьбы за осуществление ленинских принципов мирного сосуществования.

Когда я рассказал товарищам из нашего посольства о слышанном, они вначале даже усомнились: правильно ли я понял слова докладчика. Но сомнений не было, переводчик не мог ошибиться настолько серьезно. Более того, Бо Ибо во время выступления прямо сослался на меня. «Здесь сидит советский советник, — сказал он, — ему будет это слушать неприятно, но я должен это сказать. Пусть знает, что думают в Китае по этим проблемам».

Были и другие тревожные моменты: в многочисленных записках, которые мы получали в ходе занятий, все чаще стали появляться вопросы с определенным подтекстом, выражавшим стремление приуменьшить достижения СССР в строительстве социализма, сомнение в правильности тех или иных внешнеполитических акций нашей партии и Советского правительства.

Именно тогда мне показали учебник для средней школы — «Краткую историю современного Китая», выпущенный в Пекине в 1954 г. На картах, помещенных в учебнике, были названы в качестве территорий, «захваченных империалистами», районы, невозвращенные России по договорам в Айгуне (1858), Пекине (1860), Чугучаке (1861). Эти земли, как известно, были отторгнуты у России по Нерчинскому договору в 1689 г. На одной из карт были обозначены как «территории, отнятые у Китая империалистами», современные Бирма, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Непал, Сикким, ряд районов Индии и других соседних государств. Создавалось впечатление, что все это — отражение определенной политической линии.

Вскоре мне рассказали, что заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК выступил с докладом, в котором заявил, что темпы строительства социализма в СССР были крайне низкими, что СССР медленно создает материально-техническую базу коммунизма, что социальное развитие в СССР проходит недостаточно быстро и т. д. Вывод докладчика был таким: Китай не будет повторять опыт Советского Союза и построит социализм, индустриализирует страну посредством рывка вперед. Эта была пропагандистская подготовка к так называемому «большому скачку», осуществление которого привело к катастрофической дезорганизации китайской экономики.

В 1958 г., уже по возвращении в Москву, я получил письмо от сотрудников Дипломатического института. Рассказывая о своей жизни и работе, они писали: «Мы продолжаем усиленно изучать международные отношения и одновременно занимаемся выплавкой стали».

* * *

Как-то в конце 1956 г. во время прогулки по Пекину китайские знакомые с большим удовлетворением рассказали мне, что в Пекин приехал из Америки крупный ученый-китаец, математик и физик. По их оценке, его можно поместить в первую тройку крупнейших ученых мира.

...В 1967 г. я выступал с лекциями о внешней политике СССР в Гарвардском университете (США). Состоялась беседа с группой специалистов по вопросам разоружения. Пригласившие меня в университет профессора полагали, что для меня представит некоторый интерес беседа с Мортоном, известным специалистом по атомному оружию.

Стены большой комнаты — рабочего кабинета Мортона — были увешаны цветными фотографиями атомных взрывов, снятых в разных ракурсах и в различных масштабах.

— Это фотографии двух китайских взрывов, — пояснил профессор *. — Я как раз работаю над книгой о китайском атомном потенциале. Кстати, я хотел вас спросить вот о чем. Вчера в лекции вы сказали, что Советское правительство выступает против распространения ядерного оружия. А как вы относитесь к этому? — и он показал на цветные фотографии.

— Советский Союз, — ответил я, — занимает принципиальную позицию и не меняет ее в зависимости от обстоятельств. Мы — за нераспространение ядерного оружия

* Китай произвел первый атомный взрыв в октябре 1964 г.

в качестве первого шага. В более широком плане Советский Союз выступает за запрещение и уничтожение ядерного оружия как наиболее варварского вида оружия, угрожающего судьбам человечества. Соответственно мы не можем одобрять и эти взрывы. Это новый и опасный шаг по пути распространения термоядерного оружия.

— Насколько можно судить по этим фотографиям, — сказал Мортон, — китайцы — на начальных стадиях овладения ядерным оружием. Их взрывы по силе напоминают бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. Думаю, что китайцам понадобится еще немало лет для разработки бомбы и превращения ее в эффективное оружие. Китайцы приступили и к исследованиям в области водородного оружия.

— Как получилось, что китайцы сумели создать собственное ядерное оружие? — спросил я. — Я, например, не нахожу ответа на этот вопрос. Десять лет назад я был в КНР. Общий уровень развития науки и техники в Китае, насколько я был информирован, был значительно ниже, чем в СССР, США или Франции.

И я упомянул о своем разговоре в Пекине по поводу приезда в КНР китайского ученого из США.

— Не он ли привез китайцам секрет атомного оружия? — спросил я.

Мортон ответил не сразу. Поколебался. Потом сказал:

— Принципиальная схема создания атомного оружия, как известно, не представляет секрета. Вопрос в технологии. Можно допустить, что китайский ученый, работавший в США, в университете Беркли, и каким-то путем оказавшийся в Китае, помог своей стране в создании ядерного оружия.

Разговор на эту тему был продолжен спустя несколько месяцев, на другом краю американского континента. Весной 1967 г. по приглашению председателя национального совета по американско-китайским отношениям ** профессора Р. Скалапино я приехал в Беркли, небольшой университетский городок, спутник Сан-Франциско. Основное население городка — студенты, преподаватели, научные сотрудники. Университет в Беркли — крупный научный центр ядерной физики, математики, а также изучения истории и культуры стран Дальнего Востока.

Р. Скалапино, человек довольно консервативных убеждений, постарался ограничить мои контакты лишь профессорско-преподавательским составом, занимающимся проблемами Дальнего Востока и стран Тихого океана. После одного из моих выступлений — я говорил о принципах советской политики на Дальнем Востоке и о советско-китайских отношениях — ко мне подошла группа слушателей. Одни задавали вопросы, другие просто пожимали руки, знакомились. Стоявший поодаль высокий худой мужчина, который, казалось, чего-то ожидал, приблизился и протянул руку.

— Джон Сервис, — назвал он себя. — Я слышал, что вы работали в Китае. Если не возражаете, давайте вместе позавтракаем. Я в прошлом тоже занимался китайскими делами. Думаю, что нам будет интересно поподробнее поговорить, обменяться мнениями.

Скалапино, стоявший рядом, добавил:

— Джон заведует библиотекой нашего центра по изучению Дальнего Востока.

Мы условились встретиться на следующий день. «Джон Сервис, — про себя много раз повторял я. — Где я ранее слышал это имя? При каких обстоятельствах?» Напрягая память, вспомнил: имя Сервиса встречалось в американских газетах за 1945 г. в связи с так называемым делом сотрудников журнала «Амерэйша» и в дипломатических документах, опубликованных госдепартаментом США в сборнике «Отношения Соединенных Штатов с Китаем» ***.

Американский китаевед Д. Сервис в 1944—1945 гг. был советником американского посольства в Чунцине. Активно выступал за сотрудничество Вашингтона с КПК. Вместе с другими китаеведами — О. Латтимором и Д. Дэвисом — в журнале «Амерэйша» критиковал линию правительства США на поддержку Чан Кайши и игнорирование коммунистов. В марте 1945 г. в Яньани вел переговоры с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Через голову посла Хэрли направил в Вашингтон ряд предложений об установлении тесного сотрудничества с КПК, видя в ее лидерах националистов, готовых противодействовать СССР. Его предложения в то время вызвали гнев посла. Он был отозван из Китая. В 1950 г. Сервис стал жертвой маккартистских преследований, был обвинен в «содействии свержению» Чан Кайши, участии в «просоветской группе» в госдепартаменте и удален с дипломатической службы. После семилетних хождений по судам был формально восстановлен на работе, но затем уволен в отставку. Позже антисоветизм маоистов подтолкнул правящие круги США на поиск новых путей в китайской политике. Маоисты «доказали» правоту Сервиса, справедливость его оценок и предположений. В 1971 г. по приглашению Чжоу Эньлая он посетил КНР. Сервиса стали изображать героем, мучеником и победителем.

...Марка машины, год ее выпуска — визитная карточка американца, показатель

** В совет наряду с учеными входили представители деловых кругов США, включая президента «Чейз Манхеттэн бэнк» Д. Рокфеллера и др.

*** United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944—1949. Based on the Files of the Department of State. Washington, 1949.

его благосостояния и положения в обществе. Старый, потрепанный «шевроле» Сервиса свидетельствовал, что и положение, и благосостояние его владельца далеко не блестящи. Седые виски, худое лицо с глубокими морщинами, глубоко запавшие глаза.

Библиотека научного центра была невелика, она располагалась в трех комнатах, зато в ней были собраны новейшие издания по Японии и Китаю из большинства стран мира (Англии, Японии, Франции, ФРГ, СССР и др.). Но главная ценность собрания была не в этом. Библиотека систематически получала микрофильмы всех материалов по Китаю из американского генконсульства в Гонконге: фотокопии провинциальных китайских газет, протоколы допросов китайских перебежчиков на Тайване о положении в КНР и др. Все эти материалы обрабатывались многочисленным (до 300 человек) штатом сотрудников генконсульства.

В небольшом ресторанчике, где мы обосновались, было многолюдно: одна группа студентов, наскоро глотая сэндвичи или неизменные «хот догс» (горячие сосиски) и запивая их ледяной кока-колой, оживленно спорила по вопросу о политике США во Вьетнаме; другая, сидевшая поблизости от нас, обсуждала перспективы атомного вооружения Китая. Вскоре к нам подсели еще несколько китаеведов, присутствовавших на моей лекции.

Кивнув в сторону студентов, один из них заметил:

— Они правы, что всерьез обсуждают эти проблемы. Китай взорвал всего две атомные бомбы, но при дисциплинированности китайцев и их способностях в технических науках Китай сможет быстро догнать другие ядерные державы.

— Если бы не профессора Беркли, — сказал я, — китайцы вряд ли смогли бы так быстро создать атомное оружие.

— Может быть, отчасти вы и правы, — ответил собеседник. — Утверждают, что создатель китайской атомной бомбы учился, а затем работал в исследовательском центре Беркли. Человек выдающихся способностей, один из крупнейших физиков. Я не знаю деталей, — продолжал говоривший, — но в 1956 г. ему разрешили поездку на Тайвань. Кажется, он хотел навестить своих родственников. Оттуда он бежал на материк.

— Странная, скорее даже фантастическая история, — заметил я. — Чем-то напоминает боевик с Джеймсом Бондом, не правда ли? Видный физик, работал в области атомной энергии, что связано с безопасностью страны, и вдруг едет на Тайвань. Хотя это еще как-то можно объяснить: там американские войска. Но дальше... Пролив между Тайванем и КНР патрулируется американскими кораблями и самолетами.

Тысяча людей наблюдали за проливом. И вдруг ученый, нужный для США, успешно преодолевает все преграды и оказывается в Пекине. Китайские знакомые в свое время рассказывали мне, что из США приехал крупнейший ученый — китаец, но не упоминали, что он перебрался в КНР через Тайвань.

— Не было ли в США влиятельных лиц, которые были заинтересованы оказать содействие Китаю в создании ядерного оружия? — спросил я.

Собеседники ничего не сказали, их молчание показалось мне красноречивым...

* * *

Весной 1957 г. мы были очевидцами кампании, проходившей под лозунгом «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые».

В учебных заведениях (Дипломатическом институте, Пекинском университете, Политехническом институте Цинхуа и других) были прекращены занятия. Учреждения прекратили работу. Студенты и профессора, служащие и актеры, ученые и рабочие митинговали. Не только разрешались, но и поощрялись выступления с критикой любых (за исключением Мао Цзэдуна) руководящих государственных и партийных работников, политического и общественного строя, идеологии и культуры страны.

Все стены в Дипломатическом институте были заклеены «дацзыбао» — листовками. Кое-где попадались даже антисоветские лозунги. Как-то в институт приехал министр высшего образования Ян Сюфэн. Когда он вышел из здания и направился к автомашине, он ее не узнал. Все стекла, дверцы и крыша были оклеены листовками, в которых министра характеризовали как контрреволюционера, бюрократа, бездельника, критиковалась система экзаменов, учебные программы. Не было ли это репетицией «культурной революции?»...

В один из дней мы побывали в Пекинском университете. В центре большого двора на зеленой лужайке была установлена трибуна с микрофоном. Каждый студент, профессор или преподаватель мог выступить с любой речью, выдвинуть любую теорию, критиковать кого угодно и как угодно (кроме «Председателя Мао»). Сопровождавшие нас китайцы с гордостью говорили: «Это — по типу Гайд-парка».

Как мне рассказывали китайцы, речи недоучившихся юнцов в университете были полны курьезов, нелепых амбиций и «обыкновенного» невежества. Так, один из ораторов заявил, что он, изучив всю мировую историю, пришел к выводу, что действительно выдающихся теоретиков в мире существует лишь три: Конфуций, Маркс и... он сам.

Были и такие «курьезы»: несколько профессоров выступили с откровенно ревизионистских позиций, утверждая, что марксизм-ленинизм неприменим в Китае, что Маркс устарел, что нужна новая, «очищенная» и «обновленная» теория. В то время еще прямо

не говорилось, что «идеи Мао Цзэдуна» якобы должны заменить марксизм-ленинизм. Зато подвергали критике основы социализма, роль рабочего класса в социалистическом строительстве, значение классовой борьбы в истории, подчеркивали необходимость особого пути для Китая. Выдвигались и территориальные притязания к СССР.

Антисоциалистические и антимарксистские выступления вызывали у нас, советских специалистов, беспокойство. У всех в памяти были недавние события в Венгрии, где подобного рода антисоциалистические выступления, инспирированные и поддержанные внешними империалистическими силами, послужили прелюдией к контрреволюционному мятежу, поставившему под угрозу социалистические завоевания венгерского народа.

В мае 1957 г. состоялась встреча группы советских специалистов с Чжоу Эньлаем. До этого мне не раз приходилось встречаться с китайским премьером. В то время ему было около шестидесяти: легкая фигура, моложавое худое лицо, быстрая и энергичная походка. Сын помещика, обучавшийся в Европе, Чжоу хорошо владел французским и английским языками.

Первое знакомство состоялось на одном из приемов, устроенном в большом зале гостиницы «Пекин», построенной после победы революции 1949 г. На приеме присутствовало более тысячи человек. Чжоу Эньлай и его свита обходили столики, здоровались с гостями. Чжан Вэньтянь, представив меня, произнес несколько комплиментов в мой адрес. Премьер по-английски спросил о моих первых впечатлениях относительно работы Дипломатического института, о возможных сроках подготовки молодых дипломатов и преподавательских кадров в области международных отношений.

В ответ я сказал, что мои слушатели — народ трудолюбивый, старательный, однако им не хватает общей культуры, знакомства со всеобщей историей и литературой. Отметил, что нет подходящих учебников и т. п.

— Вот вы и напишите нам такой учебник, — сказал Чжоу.

— Постараюсь сделать, — ответил я ****.

Чжоу Эньлай затем сказал, что, как он надеется, в ближайшие годы КНР будет признана многими государствами и стране понадобится большое число хорошо подготовленных дипломатов и ученых в области международных отношений.

Я ответил, что наш интернациональный долг — помочь китайским друзьям выйти на мировую арену с марксистски подготовленными дипломатами и учеными-интернационалистами, подготовленными для того, чтобы отстаивать интересы Китая — великой социалистической державы, члена социалистического содружества.

Через несколько дней заместитель министра иностранных дел дал обед в честь советников Пекинского дипломатического института. Мне сказали, что это было сделано по указанию Чжоу Эньлая. За столом наши хозяева откровенно высказали некоторые сомнительные идеи по вопросам международной обстановки. Из бесед с руководящими сотрудниками министерства было видно, что они мыслят категориями великодержавности, шовинистского пренебрежения к малым странам и народам.

Последняя наша встреча с Чжоу Эньлаем началась с того, что мы все сфотографировались вместе с премьером. Затем Чжоу Эньлай выступил с большой речью. Он дал высокую оценку работе советских специалистов, подчеркнув, что без помощи советских людей Китай не смог бы развиваться такими темпами и быстро осваивать передовые достижения мировой науки, техники и культуры. Без советской помощи, говорил премьер, нам бы понадобилось в два-три раза больше времени, чтобы достичь того уровня, который мы имеем сейчас.

Мы высказали свое беспокойство по поводу проходившей кампании «Пусть расцветают все цветы...» Чжоу Эньлай заявил: «У нас невозможно то, что произошло в Венгрии. После войны там сохранились контрреволюционные кадры и их социальная опора: помещики, буржуазия, кулаки. Мы в 1949 г. покончили с помещиками и капиталистами. У нас в Китае выступления контрреволюционеров исключены». Чжоу Эньлай в то же время признал скрытый замысел проведения этой кампании: «Мы будем знать, кто и что думает. Это полезно...»

Спустя некоторое время нам сообщили, что те, кто выступал в кампании «Пусть расцветают все цветы», были репрессированы в зависимости от характера обвинений. «Наиболее злостные» были арестованы, другие посланы на перевоспитание в деревню, третьи сняты с работы, понижены в должностях и т. п.

Я не раз встречал Чжоу Эньлая на различного рода приемах. Премьер охотно танцевал, шутил. Часто его можно было видеть на представлениях китайской музыкальной драмы, на концертах зарубежных артистов. Чжоу всегда интересовался, как идут дела в Дипломатическом институте...

После моего отъезда, как мне писали из Пекина, в июле 1957 г. Чжоу Эньлай посетил институт. Он выступил с речью, где призвал усилить борьбу с правыми элементами, бороться с «иностранными шаблонами» в учебе. По его указанию было прекращено преподавание теоретических марксистских дисциплин — политэкономии, философии, теории

**** Я выполнил свое обещание. В Китае в 1958 г. была опубликована в издательстве «Жэньминь чубаньшэ» моя книга «Новейшая история международных отношений (1918—1945 гг.)». Эта книга потом служила учебником в Китае, ДРВ и других соседних с Китаем странах. Для партийного, государственного и военного актива были изданы мои лекции по истории международных отношений 1918—1956 гг.

государства и права, их заменили «воспитанием социалистического сознания». «Воспитание» выражалось в виде устных докладов и обсуждений на основе сочинений Мао Цзэдуна и материалов, издаваемых отделом пропаганды ЦК КПК. Основное внимание стало уделяться изучению иностранных языков. Как видно, китайское руководство брало курс на подготовку дипломатических кадров, не «отягощенных» марксистско-ленинской теорией.

Последний раз я видел Чжоу Эньлая в 1964 г. в Москве, на приеме в честь 57-й годовщины Октября в Кремлевском дворце съездов.

Чжоу был крайне мрачен.

Привезенные им условия восстановления партийных связей между КПК и КПСС были отвергнуты ЦК КПСС. Представители КПК выдвигали ультимативные требования, пытались вмешиваться в наши внутрипартийные и государственные дела.

Рядом с китайским лидером оказался американский посол в СССР Кооль. Он предложил тост за развитие мирных отношений между всеми странами и народами.

Стоявшие рядом советские государственные деятели подняли бокалы. Чжоу Эньлай демонстративно отвернулся. Бокал, который был у него в руке, он поставил на столик.

...Минуло почти 15 лет.

Китайское руководство давно уже открыто перешло на позиции оголтелого антисоветизма, политики сотрудничества с наиболее реакционными силами капиталистического мира, насилия и разбоя против СРВ. И все же очень часто мне вспоминается теперь тот огромный интерес, который проявляли наши слушатели и знакомые, как и весь китайский народ, к марксистско-ленинской науке, к советскому народу, его достижениям в борьбе за будущее и за мир во всем мире.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Важные справочники по Китаю

В 1978 г. вышли из печати два информационно-справочных сборника «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология» за 1975 и 1976 гг., подготовленные большим коллективом ученых ИДВ АН СССР. Авторы поставили перед собой задачу осветить основные события, характеризующие развитие Китая за два года в области внутриполитического положения, экономики, внешней политики и культуры.

Это были сложные годы в жизни китайского народа. В 1975 г. обострилась борьба в правящей верхушке в преддверии смены высшего руководства в партийном и государственном аппаратах страны. Она нашла отражение в результатах сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г., которая стала последней попыткой Мао Цзэдуна законодательно закрепить результаты «культурной революции». Сессия собралась после почти десятилетнего перерыва и проходила в обстановке строгой секретности. Она, по существу, была незаконной, так как при формировании состава ВСНП вместо всеобщих выборов делегаты были отобраны вышестоящими партийно-административными органами при формальном соглашении с нижестоящими организациями.

Сессия утвердила новую конституцию КНР, которая заменила Основной закон страны 1954 г. Это была попытка узаконить результаты «культурной революции» и последовавших за ней кампаний, политических чисток и идеологической обработки населения. В справочнике даны верные оценки основных положений новой конституции, сделан вывод, что принятый на сессии «основной закон КНР был призван придать необратимый характер курсу Мао Цзэдуна. Он не только легализовал практику «культурной революции», но и создал формальные преграды, препятствующие возврату Китая на путь подлинного социалистического развития и дружбы с социалистическими странами» (1975 г., с. 49). В то же время необходимо отметить, что конституция в определенной мере явилась результатом компромисса борющихся фракций в маоистском руководстве. Именно поэтому уже через два года она подверглась пересмотру. Вопрос о конституц КНР подробно разбирается в разделе «Го сударственный строй КНР» (с. 34—49

После сессии ВСНП борьба за власт на высшем уровне приобрела новый ра мах. В 1976 г. умерли Премьер Государ ственного Совета КНР Чжоу Эньлай, пре седатель Постоянного комитета ВСН Чжу Дэ, председатель ЦК КПК Мао Цз дун. Три высших поста в партийной и го сударственной иерархии маоистов, удер живавшихся одними и теми же лицами течение всего периода существования КН за короткое время оказались вакантны ми. Новая вспышка борьбы за власть ста ла неминуемой. Даже китайская печат вынуждена была признать, что 1976 г. бы «весьма необычным годом в истории пар тии» и «годом суровых испытаний для все партии, всей армии и всех народов стра ны» (1976 г., с. 78). Более детальное пред ставление о важнейших политических со бытиях в жизни Китая накануне смен руководства можно найти в справочник за 1975 г. в разделе о внутриполитическо положении (с. 50—78).

В справочнике за 1976 г. последова тельно прослеживается продолжение фрак ционной верхушечной борьбы в высши органах власти. Авторы делят ее на 3 эта па. Первые два характеризовались «усиле нием скрытого межфракционного соперн чества, связанного главным образом борьбой за власть и влияние на разли ных уровнях партийного руководства центре и на местах» (1976 г., с. 78). Эт борьба велась между выдвиженца «культурной революции» и группой ста рых партийных кадров во главе с Д Сяопином. Это соперничество завершилос падением лидера «прагматиков» и возв шением Хуа Гофэна. Третий этап начал 9 сентября, то есть после смерти Мао, завершился устранением с политическо арены КНР и арестом четырех «левомэ нистских» лидеров — Цзян Цин, Ван Ху вэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня. Им был навешен ярлык «банды четырех» выдвинуто обвинение в том, что они «вос пользовались ухудшением состояния здо ровья и кончиной председателя Мао Цз дуна» и им «не терпелось узурпировать верховную власть в партии и государстве (1976 г., с. 83). Впоследствии китайска пропаганда стала сваливать на «четверку вину за все неурядицы, лихорадившие стр ну в последнее десятилетие, в том числ ей инкриминировали создание в стран фашистско-бюрократического режима, ор

ганизацию гонений на старых партийных и государственных кадров, полный развал экономики Китая и т. п.

Авторы справочников справедливо отмечают, что одновременно с этими событиями, которые оказывали решающее влияние на политическую жизнь в стране, 1975 и 1976 гг. можно назвать годами, когда в Китае происходили значительное углубление антисоциалистического процесса во всех областях общественно-политической жизни Китая, дальнейший отход от социалистического пути развития, еще большая деформация социалистических элементов экономического базиса, усиленное нагнетание духа милитаризма, дальнейшее отравление сознания китайских трудящихся антисоветской пропагандой.

Авторы сборников неоднократно подчеркивают, что все важнейшие события в политической и экономической жизни страны так или иначе были связаны с обострением борьбы за власть различных группировок китайской верхушки.

Рассматривая разделы, относящиеся к политической жизни страны, нельзя не отметить тот положительный факт, что составители сборников учитывали, что издания являются справочным материалом, которым будет пользоваться широкий круг читателей. В этом плане весьма ценно то, что они содержат такие сведения, как состав ПК ВСНП, Госсовета КНР, список высшего командного состава НОАК (1976 г., с. 53—56), изменения в составе Политбюро ЦК КПК (с. 89), биографии свергнутой «четверки» (с. 72), раздел персоналии, в котором даются краткие биографические справки членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК, некоторых видных членов ЦК КПК и ряда лиц, занимающих высокие правительственные посты (с. 334).

Наиболее сложной проблемой для составителей справочников было рассмотрение вопросов, связанных с развитием экономики КНР. Авторы разделов в целом справились с задачей и правильно оценили ее состояние и те тенденции, которые предопределяют низкие темпы развития народного хозяйства Китая.

Экономика Китая в 1975 г. переживала кризисное состояние, что было прямым следствием авантюристической экономической политики Мао Цзэдуна на протяжении многих лет. К концу жизни Мао экономические проблемы страны выдвинулись, по существу, на решающее место в ожесточенной борьбе за власть в маоистской верхушке. Прагматическая часть китайского руководства убедилась, что политическими средствами вывести Китай в разряд мировых держав не удалось, что необходимо сосредоточить усилия всей страны на форсированном развитии народного хозяйства. Эта задача предопределила содержание I сессии Всекитайского собрания народных представителей, на которой Чжоу Эньлай выступил с сформулированной в самых общих чертах программой экономического развития страны до 2000 г.

Однако и после сессии не было достигнуто единство в правящих кругах Пекина по вопросам экономического строительства, особенно в том, что касается методов и средств достижения поставленных целей. Наряду с требованием широкого использования экономических рычагов для подъема народного хозяйства, предпринимались меры к тому, чтобы повсеместно внедрить и утвердить политико-административные методы управления экономикой, уравнительного распределения и казарменно-утопических форм организации труда, диктата политики над экономикой. Отстаивался тезис: «политика — командная сила». Продолжалась критика восьмиразрядной системы оплаты труда, взамен которой предлагалось ввести упрощенную, игнорирующую качество труда трехразрядную сетку. В Шанхае на некоторых текстильных предприятиях даже начали осуществлять частичный переход к трехразрядной шкале оплаты. Вместе с тем авторы справочника правильно указывают, что на практике проводилось «определенное оживление в применении экономических рычагов и стимулов развития производства» (1975 г., с. 113), что было вынужденной мерой, необходимой для хотя бы минимальной стабилизации положения в народном хозяйстве страны.

Как и раньше, главное внимание в экономике уделялось усилению военно-экономического потенциала страны за счет дальнейшего наступления на жизненные интересы трудящихся.

Авторы экономического раздела вскрывают узкие места и нерешенные проблемы китайской экономики, отмечают те дезорганизующие моменты в руководстве экономикой, которые вызывали дополнительные осложнения. В частности, указывается на ограничение материального стимулирования, принуждение, а также на саботаж и забастовки рабочих в ответ на наступление на их жизненные права, дезорганизацию транспорта, сбои в работе топливно-энергетических отраслей и т. д. Подводя итоги как за 1975 г., так и за 1976 г., китайское руководство открыто признало, что за эти два года «народное хозяйство не добилось предполагаемых успехов, что темпы развития сельского хозяйства еще не соответствуют требованиям социалистической революции и социалистического строительства» (1976 г., с. 109). Таким образом, итоги работы промышленности и сельского хозяйства подтвердили, что задачи первого этапа экономической программы оказались нереализованными.

В справочнике нашел отражение тот факт, что руководители КНР начали склоняться к тому, чтобы шире привлекать зарубежную технологию капиталистических стран для развития экономики страны, хотя эта тенденция еще не стала определяющей, наталкивалась на сопротивление «левых».

Несомненной удачей справочно-информационного издания является то, что сделана попытка обрисовать положение в различных отраслях китайской экономики. Это помогает сделать более правиль-

ные оценки состояния дел в народном хозяйстве КНР. Такой подход тем более необходим, что официальные данные об основных показателях производства в Китае не публикуются почти 20 лет.

Особого внимания заслуживают разделы, посвященные сельскому хозяйству. Несмотря на то, что в этой отрасли производства занято более 80% населения, она не обеспечивает трудящихся страны даже минимальным количеством продовольствия. И хотя в рассматриваемый период сельское хозяйство развивалось низкими темпами, китайское руководство по-прежнему отстаивало курс «опоры на собственные силы», продолжало кампанию за «дачжаизацию» китайской деревни. Авторы справедливо отмечают, что внедрение «духа Дачжая» порождает основное противоречие в развитии сельского хозяйства. С одной стороны, ощущается острая необходимость расширять фонды накопления и потребления для ускорения роста производства, а с другой — этому препятствует слишком низкая производительность труда крестьян. Китайское руководство, находясь в плену своих экономических догм, не смогло найти пути для преодоления этого противоречия.

Впервые в истории издания сборников разбирается финансовая система КНР. В статье по этой проблеме читатель получит правильное представление о бюджете, кредитной системе и денежном обращении. В отличие от развития промышленности и сельского хозяйства, отмечает автор, финансовая система Китая как гибкая взаимосвязь ее основных звеньев бюджета, кредитной системы и денежного обращения представляется довольно устойчивой (1976 г., с. 197).

Как и в предыдущих сборниках, важное место отводится внешнеполитической деятельности Пекина. В разделах, посвященных этой проблеме, дан анализ международных отношений Китая со странами социалистического содружества, развивающимися странами и развитыми капиталистическими государствами. Отдельно рассматривается вопрос о деятельности китайских представителей в ООН, пограничная политика КНР и проблема китайских общин за рубежом.

В справочниках на обширном фактическом материале показано дальнейшее сползание Пекина на позиции империализма по основным проблемам нынешнего международного развития, вплоть до совместных выступлений по таким вопросам, как подавление национально-освободительной борьбы. Во взаимоотношениях со всеми государствами мира китайское руководство придерживалось курса на проведение борьбы с СССР и другими социалистическими странами, стремилось, исходя из своих узкокорыстных целей, добиться усиления давления на них со стороны капиталистических, а в ряде случаев и развивающихся государств. Авторы указывают, что «стержнем внешнеполитического курса остается конфронтация с СССР, с социалистическим содружеством по всем значительным проблемам мирового развития, прежде всего по проблемам разрядки международной напряженности и разоружения» (с. 198). Однако, отмечается в справочниках, антисоветские, антисоциалистические устремления Пекина не дали им ожидаемых результатов. Новый подъем борьбы миролюбивых сил земного шара, высоко оценивших акции Советского Союза, ставящего своей целью укрепление мира между народами, сорвал эти попытки маоистов.

Наращивая антисоветскую, антисоциалистическую деятельность на международной арене, пекинские руководители стремились ослабить расхождения с империализмом во внешней политике. Была осуществлена серия шагов, направленных на сближение Китая с Соединенными Штатами, Японией и странами Западной Европы. В декабре 1975 г. состоялся визит президента США Дж. Форда в Китай. Пекин открыто высказался за сохранение военного присутствия США в Европе и в Азии, в поддержку американо-японского военного договора, поддерживал линию США на активное вмешательство в дела Европы (1975 г., с. 215—219). В 1976 г. активно шел поиск путей решения тайванской проблемы, препятствовавшей дальнейшему сближению между Пекином и Вашингтоном, а также выявлялись возможности для установления сотрудничества в областях, связанных с военным производством.

В отношениях с Японией китайские руководители добивались подписания договора о мире и дружбе на условиях Пекина, то есть включения в него положений, которые можно было бы использовать в антисоветских целях. Дальнейшее развитие получили торгово-экономические связи. В 1975 г. было подписано межправительственное соглашение по вопросам рыболовства, учреждены генеральные консульства Японии в Шанхае и Китая в Осаке, состоялась серия визитов высокопоставленных лиц Японии в Пекин.

Западноевропейская политика Пекина преследовала цель сорвать разрядку напряженности, вбить клин в отношения между Советским Союзом и другими социалистическими государствами, со странами Запада. Китайские лидеры выступили против итогов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, требовали укрепления агрессивного блока НАТО. В 1975 г. КНР установила официальные отношения с ЕЭС, состоялся визит канцлера ФРГ Г. Шмидта в Пекин, президент Франции Жискар д'Эстэн встречался с Дэн Сяопином. Повышенный интерес Пекин проявил к приобретению техники военного назначения, включая установление связей в области ядерной энергетики (1976 г., с. 228).

Политика Пекина в отношении развивающихся стран строилась с таким расчетом, чтобы противопоставить их Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

В разделах «Идеология» и «Культура» читатель может познакомиться с основны-

ми направлениями идеологической борьбы в китайском руководстве, идейно-политическими кампаниями, имевшими место в этот период, а также с культурной жизнью китайского народа. Стоит отметить тот факт, что как в идейной, так и культурной жизни страны нашла прямое отражение политическая борьба правящей верхушки Пекина. В области культуры, отмечается в справочниках, после разгрома, учиненного «культурной революцией», начался медленный процесс «относительной нормализации» (1975 г., с. 306).

В сборниках можно найти интересные сведения в приложении: традиционный китайский календарь, китайские денежные единицы и основные меры, список книг о Китае, изданных в СССР в 1973—1976 гг.

В целом коллектив авторов и редакционная коллегия провели большую работу по систематизации и освещению основных проблем развития внутренней и внешней политики КНР за 1975—1976 гг. Опубликованы материалы, выходящие за рамки этих лет, из которых представляют особый интерес вопросы характеристики экономических районов КНР, статьи о землетрясениях в Китае, проблемы китайской общины за рубежом, положение женщин в Китае и др.

Рецензируемые справочники стали, несомненно, значительным подспорьем в изучении современных проблем Китая. Анализ и простое изложение событий делают их полезными не только для специалистов, но и для всех категорий читателей, которые постоянно проявляют живой интерес к жизни китайского народа.

В. К. Закаменский

* * *

Трудные пути китайской культуры

Тяжелые испытания выпали на долю китайского народа и его культуры в последние десятилетия. В КНР литература, искусство, вся культура в целом используются маоистским руководством в его внутриполитической и внешнеполитической практике. Поэтому катаклизмы, то и дело потрясающие китайское общество, в своем подавляющем большинстве обрушиваются прежде всего на деятелей культуры и их творения. Так было при Мао Цзэдуне, то же в смысле использования культуры в спекулятивных политических целях имеет место и сейчас, при его преемниках.

Широко известны политические спекуляции Мао на протяжении всей его деятельности вокруг изречений древних китайских мыслителей и литераторов. Он весьма вольно и крайне прагматически истолковывал их и ловко использовал в борьбе со своими идейными противниками. Порочная тенденция произвольного обращения с культурным наследием прочно вошла в арсенал политических средств и приемов маоизма.

Вообще же одна из характерных особенностей политической жизни КНР — постоянное использование литературы и искусства, связанных с ними кампаний «критики» в качестве орудия внутриполитической борьбы, и в частности борьбы за власть. Вследствие этого положение в области культуры, литературные дискуссии стали своего рода барометром общей политической ситуации в маоистском Китае, индикатором открытых или подспудных процессов, происходящих в политической жизни страны.

К примеру, острая внутриполитическая борьба, развернувшаяся в Китае на рубеже 50—60-х годов в связи с провалом «большого скачка» и «народных коммун», нашла свое выражение в исторических драмах У Ханя «Хай Жуй уходит в отставку» и Тянь Ханя «Се Яохуань», герои которых, «просвещенные чиновники» — «народные заступники», пытаются в условиях деспотизма и произвола как-то защитить народ и его интересы. События, описанные особенно в первой из названных пьес, выглядели как довольно прозрачная аналогия к известному выступлению маршала Пэн Дэхуая (посмертно реабилитированного лишь в конце 1978 г.) на Лушаньском пленуме ЦК КПК в 1959 г. с критикой маоистских авантюр в области экономики. Борьба с маоизмом нашла также отражение в публицистике У Ханя, Дэн То и Ляо Моша (двое последних — крупные партийные работники), выступивших в силу обстоятельств с завуалированной и в то же время весьма острой по существу критикой маоистской теории и практики. Не удивительно, что несколько лет спустя именно они стали первыми жертвами «культурной революции». Фактически же ее началом явилось опубликование в ноябре 1965 г. инспирированной Мао Цзэдуном статьи Яо Вэньюаня (один из «четверки», арестован вскоре после смерти Мао) с критикой пьесы У Ханя «Хай Жуй уходит в отставку».

Известно, что в начале 70-х годов критика Линь Бяо сопровождалась критикой Конфуция, сторонником идей которого был якобы этот видный государственный и партийный деятель КНР. Одновременно была выдвинута антиисторическая теория извечной борьбы в истории и культуре Китая «легистов» и «конфуцианцев», олицетворявших положительное и отрицательное начала. «Конфуцианцы»— от Конфуция до Лю Шаоци и Линь Бяо включительно — предавались проклятию. С 1975 г. на борьбу с Лю Шаоци и Линь Бяо, а в 1976 г. против Дэн Сяопина в качестве «отрицательного примера» был использован роман XIV в. «Речные заводи», главный герой которого Сун Цзян, вожак

крестьянского восстания, был объявлен «капитулянтом» и «ревизионистом», духовным предшественником врагов Мао наших дней. Это была прямая попытка использовать в политической борьбе ради большей «наглядности» героя очень популярного и любимого массами литературного произведения. Не удивительно также, что в непрекращающейся уже более двух лет кампании критики поверженной «банды четырех» чисто политические обвинения постоянно сопровождаются критикой культурной политики «четверки», а также личных художественных вкусов и пристрастий каждого из ее членов.

Одним из первых внутриполитических актов нового китайского руководства был возврат с конца 1976 г. к курсу «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», впервые провозглашенного Мао Цзэдуном еще в 1956 г. и уже через год фактически полностью отмененного (хотя формально он не отменялся никогда). Вторичное провозглашение этого курса явно преследует двоякую цель. Во-первых, сведение счетов с «четверкой», деятельность которой причинила якобы огромный вред всей китайской культуре (хотя доподлинно известно, что она действовала в полном соответствии с высказываниями и прямыми указаниями Мао Цзэдуна). Во-вторых, и это главное, курс «ста цветов» — весьма удобная форма критики левацких крайностей маоизма, так сказать, изнутри, в рамках и средствами самого маоизма: на борьбу с «загибами» «культурной революции» мобилизуется маоистская политика более чем двадцатилетней давности, которая противопоставляется тенденциям крайним и разрушительным.

Сейчас в КНР наблюдается так называемая реабилитация жертв «культурной революции», деятелей культуры (правда, не всех, а по выбору), некоторых их произведений, а также целых периодов в истории развития китайской культуры. По существу, во многих выступлениях китайской печати «культурная революция» подвергается резкому осуждению, но при этом неизменно отмечается ее «великое значение». Следует подчеркнуть, что при всех переменах, наметившихся в культуре КНР после Мао Цзэдуна, ее антисоветская направленность не только полностью сохраняется, но и все больше ужесточается. Современные произведения литературы и искусства — проза, поэзия, театральные постановки — служат раздуванию антисоветских, антирусских настроений у китайского народа, неустанно призывают народ Китая готовиться к войне.

Мы постарались проследить основные тенденции китайской культуры вплоть до последнего времени. Многим поворотам и зигзагам развития культуры этой страны вплоть до 1974 г., то есть за первые четверть века существования КНР, посвящено вышедшее недавно в свет специальное исследование, подготовленное коллективом научных сотрудников сектора культуры Института Дальнего Востока АН СССР под руководством В. Ф. Сорокина[1]. В книге анализируются важнейшие процессы в развитии китайской культуры исследуемого периода: ее развитие по социалистическому пути вскоре после образования КНР; идеологические кампании 50-х годов, обращенные прежде всего против творческой интеллигенции; эволюция курса «ста цветов», механизма и самого хода так называемой «культурной революции», отбросившей культуру великого народа на десятилетия вспять, и, наконец, состояние литературы, театра, кино и изобразительного искусства во все эти годы.

Книга эта — яркое свидетельство достижений советского китаеведения, имеющего богатейшие традиции научного осмысления и обобщения процессов развития китайской культуры новейшего времени.

В рецензируемой работе в полной мере проявились характерные для отношения к Китаю советских людей, а следовательно, и советского китаеведения, огромный интерес и братская симпатия к борьбе прогрессивных сил этой страны, в том числе и на фронте культуры. Раскрывая в своем исследовании антиленинскую сущность маоцзэдуновского руководства в области культуры, ее враждебность интересам китайского народа, авторский коллектив монографии стремился по достоинству оценить усилия честных китайских интеллигентов, отстаивавших социалистические принципы развития отечественной культуры, и неизменно исходил из искреннего желания видеть революционную культуру Китая возродившейся и процветающей. В книге буквально по крупицам собраны и осмыслены многочисленные факты и данные о культуре КНР, проанализированы происходившие в ней процессы, показан поистине невосполнимый ущерб, нанесенный ей маоистами.

Весьма ценным представляется и то, что авторы книги дали объективную критическую оценку выходящей в Западной Европе и США литературы по исследуемым проблемам, четко отграничив некоторые солидные работы от тех, которые фактически являются перепевами маоистской пропаганды и никакого научного значения не имеют.

Монография состоит из введения, семи глав и заключения. В первой части (введение и главы I—III) читатель найдет материалы об общих тенденциях китайской культуры на трех основных этапах ее развития. Во второй части (главы IV—VII и заключение) весьма обстоятельно, с отличным знанием материала и специфики литературы, театра, кино и изобразительного искусства обрисованы пути движения китайской культуры на протяжении четверти века и показан ее трагический финал.

---

[1] См. Судьбы культуры КНР (1949—1974). М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1978, 382 с. Под ред. В. А. Кривцова (ответственный редактор), С. Д. Марковой, В. Ф. Сорокина.

Авторы не упрощают процесса. Они видят в пройденном пути и взлеты, и периоды спада. Фактология, крайне важная в подобного рода работах, щедрая и обильная, не заслоняет основную мысль. В монографии отчетливо показано, как на разных этапах становления и развития культуры маоизм с различной степенью откровенности или завуалированности вел свою вредоносную, разрушительную деятельность. Вместе с тем авторы всякий раз демонстрируют противоборствующие силы и в области литературы, и в области театра, кино и изобразительного искусства. Жаль только, что, правда по не зависящим от авторского коллектива обстоятельствам, книга лишена некоторых необходимых разделов, в частности раздела «Музыка». Вообще же чтение специальных глав вызывает чувство оптимизма и уверенности, что здоровые силы китайской культуры еще скажут свое слово. Специальные главы ценны также тем, что дают достаточно полное и многоаспектное представление о развитии китайской культуры на первом, социалистическом этапе, начавшемся после победы народной революции в 1949 г.

Авторы монографии считают переломной датой в развитии культуры КНР 1956 год (когда был впервые выдвинут курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»). Нам же представляется, что первый этап развития культуры КНР завершается не 1956, а 1958 годом, так как развитие китайской культуры и литературы, даже судя по фактам, приводимым в книге, свидетельствует о том, что культурное развитие с разного рода зигзагами, паузами и отклонениями продолжалось вплоть до 1958 г.

Более цельной хотелось бы видеть главу «Литература», в которой развитие китайской поэзии показано несколько упрощенно. В главе «Театр» недостаточно сказано об исторической драматургии конца 50-х годов. Очевидно, предстоит еще проанализировать, какие пагубные последствия оказала «культурная революция» на народное просвещение, высшее и среднее специальное образование в КНР.

Однако, повторяю, в целом монография оставляет чрезвычайно благоприятное впечатление. Более того, сам факт появления такой книги свидетельствует о том, что в советском китаеведении вполне сложилось и успешно развивается под руководством В. Ф. Сорокина направление комплексного изучения современной китайской культуры во всех ее аспектах, а монография «Судьбы культуры КНР (1949—1974)»— первое в отечественной и мировой науке фундаментальное исследование китайской культуры на чрезвычайно сложном этапе ее развития.

М. Е. Шнейдер,
доктор филологических наук

• • •

Судьба творческого наследия Лао Шэ

В Пекине вспомнили, заговорили о Лао Шэ, принялись его переиздавать. И это после фактически убийства писателя, проклятий в его адрес, запрещения его сочинений, широкой многолетней кампании «критики». Похоже, что из Лао Шэ задались целью изготовить заурядного маоиста. Но творчество Лао Шэ не укладывается в рамки, в которые сегодня новые пекинские руководители пытаются его втиснуть.

Лао Шэ был одним из самых популярных китайских писателей. Завоевал он признание и широкого советского читателя.

В СССР издано около двадцати его книг. Только перевод одной его фантастической повести «Записки о Кошачьем городе» был издан у нас общим тиражом около 500 тыс. экз. Недавно появилось новое, дополненное издание этой книги Лао Шэ*. Советские литературоведы посвящают творчеству китайского писателя исследования и статьи.

Лао Шэ погиб 24 августа 1966 г. Его смерть трагична. Доведенный до отчаяния бесчинствами хунвэйбинов, он, видимо, покончил жизнь самоубийством. Его труп, как рассказала недавно вдова писателя на страницах журнала «Вэньи бао», был обнаружен в пруду. Все тело «было сплошь покрыто ранами и следами побоев», которые нанесли ему хунвэйбины накануне.

Всю свою жизнь писатель был честным патриотом, мужественным защитником идеалов социализма и светлого будущего своего народа. Велики его заслуги перед китайской литературой.

Лао Шэ вошел в китайскую литературу в 1926 г., но известность пришла к нему только в 30-х годах, вместе с «Записками о Кошачьем городе» (1932—1933) и романами «Развод» (1933) и «Рикша» (1935—1939). Все эти произведения имеются в русском переводе и доступны для советского читателя. В годы антияпонской войны необычайно возросла общественная активность Лао Шэ. Он возглавил объединение деятелей литературы и театра, выступал с антияпонскими пьесами и романами. Впоследствии маоисты с лютой ненавистью отзывались именно об этом периоде его творчества. В 1946 г. писатель уехал из

* Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе. Перевод с китайского В. И. Семанова, М., 1977, Изд. 2-е, исправленное и дополненное, 260 с.

Китая в США, но после 1949 г. немедленно возвратился на родину. В отличие от многих других писателей старшего поколения Лао Шэ в эти годы, после образования КНР, писал много, его произведения всегда оказывались в центре литературной жизни страны. Так было, когда он написал пьесу «Драконов ус» (1950), за которую ему, единственному китайскому писателю, было присвоено почетное звание народного художника. Так было и в 1956 г., когда его пьеса «Этому не бывать» подверглась несправедливой критике со стороны маоистов за слишком «реалистические» сцены. Эта критика показала, что сатире нет места в маоистском Китае. Тогда писатель обратился к исторической теме — он пишет пьесы «Чайная», «Волшебный кулак», пьесы для традиционного театра музыкальной драмы. Так, в атмосфере процветания «идей Мао Цзэдуна», несмотря на враждебные творчеству условия, писатель продолжал работать, не позволял унынию овладеть собой. Однако Лао Шэ не занимал пассивной позиции, напротив, он сопротивлялся наступлению маоизма на творческую жизнь. В 1961 г. в редактируемом им журнале «Бэйцзин вэньи» была опубликована пьеса У Ханя «Разжалование Хай Жуя». Несмотря на исторический сюжет из эпохи Минской династии (XVI в.), пьеса затрагивала вопросы внутрипартийной борьбы в КПК. Она вызвала ярость маоистов, была осуждена лично Мао Цзэдуном, который увидел в образе главного героя Хай Жуя аналогию со своим политическим противником Пэн Дэхуаем. Впоследствии, в 1965 г., Яо Вэньюань написал статью об этой пьесе, после чего развернулась кампания критики У Ханя. Фактически с этого и началась «культурная революция» [1].

В 1963 г. вышло из печати отдельное издание пьесы Лао Шэ «Волшебный кулак». В ней описывались события 1900 г., восстание ихэтуаней и интервенция восьми держав в Китае.

Лао Шэ был сыном маньчжурского солдата восьмизнаменного войска, его семья в начале века проживала в императорской столице Пекине, и было известно, что в детстве писатель был травмирован мародерами из союзных войск, а его отец погиб в бою с интервентами. Неудивительно, что писателя всячески побуждали написать о «зверствах казаков». По замыслу пекинских пропагандистов, такое свидетельство известного писателя, основанное вдобавок на переживаниях собственного детства, должно было придать убедительность антисоветской националистической кампании, которая уже тогда раздувалась в Китае. Давление на Лао Шэ было очень сильным. Если бы старый писатель поступился совестью интернационалиста и исторической правдой, возглавив антисоветскую кампанию своей пьесой о подавлении народного восстания якобы только русскими казаками, как этого требовало маоистское руководство, ему простили бы все прежние «прегрешения» и, возможно, провозгласили бы «гордостью нации», как автора антисоветских басен Го Можо.

Лао Шэ пьесу написал, но не такую, которую от него ждали, а правдивую историческую драму об обманутых темных людях, сначала спровоцированных, а после преданных, о расправах над простым народом союзных войск иностранных интервентов в сговоре с китайскими богачами и маньчжурскими чиновниками. В пьесе не было «русских зверств», которых жаждала пекинская пропаганда. Единственно, что смогли сделать маоисты при постановке пьесы на сцене, — надеть на иностранного священнослужителя облачение православного священника, хотя из текста отнюдь не следует, что он был русским.

Три года спустя, в 1966 г., враждебность маоистов к Лао Шэ усилилась еще больше. Тому были серьезные основания. Главное, конечно, отказ писателя принять участие в антисоветском пропагандистском хоре. Кроме того, Лао Шэ даже в те трудные годы не порывал связей с советскими людьми и посещал посольство СССР в Пекине в качестве активного деятеля пекинского городского общества китайско-советской дружбы. Публикацией пьесы У Ханя в своем журнале Лао Шэ занял четкую антимаоцзэдуновскую позицию во внутрипартийной борьбе. Наконец, на весы лег и старый грех — «Записки о Кошачьем городе».

«Кошачий город» по-китайски звучит как «Мао-чэн» (мао—кошка, чэн—город). При произношении слова мао в другой тональности возникает значение — «город Мао». Так что достаточно изменения тона слова, чтобы придать ему иной смысл. Возможно, это случайное совпадение: ведь повесть была написана давно. В 1954 г. Лао Шэ приехал в Москву в составе китайской писательской делегации и беседовал с китаеведом А. А. Тишковым. «Записки о Кошачьем городе» сейчас переводить не следует. Переработать их невозможно, а в первоначальном виде переиздавать их тоже нельзя — кое-кому книга придется не по вкусу»,— заявил тогда Лао Шэ, причем писатель сделал ударение на слове «кое-кому» [2].

Насколько актуально это одно из лучших произведений Лао Шэ, можно представить по описанию экономического положения Кошачьего города, весьма напоминающему то, что происходит в сегодняшнем Китае: «Всякое преобразование нужно начинать с экономики и проводить его честно. А среди наших деятелей нет ни одного честного человека, и в экономике они ничего не смыслят. Власть для них — только средство угнетать да притеснять. Между тем сельское хозяйство и промышленность в полном развале. Когда находится человек... который

[1] См. В. Г. Градов. «Критика» У Ханя — канун «культурной революции». — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1.

[2] А. Тишков. «Большие скачки» в современном искусстве Китая. — «Вопросы литературы», 1970, № 5, с. 157.

хочет построить политику на научных и гуманных основах, его объявляют шарлатаном, потому что иначе деятелям пришлось бы признать собственную неправоту. Кстати, даже если бы они решились ее признать, их все равно бы не поняли... Стоит мне заговорить о человечности, как меня оплевывают с головы до ног. Любая теория, которая успешно применяется за границей, попадая к нам, становится отвратительной...» (с. 117).

«Записки о Кошачьем городе» — это сильнейший в китайской литературе протест против узколобого шовинизма и национализма. Книга эта ненавистна в Китае националистам всех мастей, как гоминьдановцам, так и маоистам.

Сейчас маоисты пытаются изобразить, будто Лао Шэ был предан «идеям Мао Цзэдуна». Вину за гибель писателя возлагают на Линь Бяо и «банду четырех», умалчивая об основном вдохновителе травли, который ненавидел писателя за «Мао-чэн», за публикацию пьесы о Хай Жуе, за отказ принять участие в антисоветской стряпне. Цинично и тщетно утверждать, будто погибший писатель был заодно с теми, кто погубил его жизнь.

В Китае решили переиздать произведения Лао Шэ — отнюдь не все, а после строгого отбора. Из двух десятков пьес — пять, из десятка повестей и романов — только один, «Рикша». Но никого этим не удастся убедить. Так же как не поможет этому и фотография в «Жэньминь жибао», на которой Мао Цзэдун с улыбкой пожимает руку Лао Шэ. Снимок этот говорит лишь о коварстве и жестокости Мао Цзэдуна, а не о его отеческой заботе о мастерах слова китайской литературы. Лао Шэ погиб от рук хунвэйбинов в годы «культурной революции», потому что стоял за светлое социалистическое будущее Китая.

А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук

* * *

Польское издание «Новейшей истории Китая»

Польское партийное издательство «Ксёнжка и ведза» («Книга и знание») выпустило в свет переведенную на польский язык известную работу советских китаеведов «Новейшая история Китая», подготовленную авторским коллективом Института Дальнего Востока АН СССР (редакционная коллегия: Г. В. Астафьев, В. Н. Никифоров, М. И. Сладковский (ответственный редактор); авторы: В. И. Глунин, А. М. Григорьев, К. В. Кукушкин, В. Н. Никифоров). Фундаментальная работа советских китаеведов заканчивалась анализом материалов IX съезда КПК, и лишь в заключение были освещены события 1969—1970 гг. В польском издании, готовившемся к выпуску в середине 70-х годов, с согласия советских авторов, опущено заключение русского издания и на его месте в качестве последней главы помещена работа видного польского синолога В. Намёткевича «Китай в первой половине 70-х годов». Эта глава охватывает семилетний период истории КНР с апреля 1969 г. по апрель 1976 г., в связи с чем интересно познакомить советских читателей с содержанием этой главы, дополняющей труд авторского коллектива Института Дальнего Востока АН СССР.

Работа В. Намёткевича состоит из следующих разделов: а) Общественно-политическое положение в стране после «культурной революции»; б) Сентябрьский кризис 1971 г; в) Эволюция внешней политики КНР; г) Начало кампании критики Конфуция; д) X съезд КПК; е) Продолжение кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»; ж) Волна дацзыбао; з) Сессия ВСНП и новая Конституция (1975); и) Кампания «изучения теории диктатуры пролетариата» и ее последствия; к) Положение в народном хозяйстве. Кроме того, В. Намёткевич написал новое заключение к работе.

Отправным моментом исследования В. Намёткевича явилась подробная характеристика разрушительного влияния «культурной революции» на все сферы жизни китайского общества. Важнейшим последствием авантюристической политики маоистов во второй половине 60-х годов, как убедительно показывает автор, явился развал всей структуры власти, установленной в результате народной революции, и особенно разгром организационно-политической системы КПК. На основе конкретных фактов доказывается, что в результате «культурной революции» в Китае установился антиконституционный военно-бюрократический режим, ядро которого составила армия.

Проведенный В. Намёткевичем анализ убедительно раскрывает и цели, которые преследовал военно-бюрократический режим маоистов. Это — удержание в жестком повиновении трудящихся масс Китая, отвлечение их внимания от коренных проблем развития страны. Анализ материальных условий жизни трудящихся позволяет автору сформулировать вывод о том, что маоистская политика террора, с одной стороны, и долговременное замораживание жизненного уровня — с другой, породили настроения стихийного недовольства в стране, нашедшее определенное отражение в борьбе внутри правящей верхушки. Далее автор всесторонне, с привлечением большого количества источников рассматривает один из

важных эпизодов этой борьбы — так называемое «дело Линь Бяо» («сентябрьский кризис» 1971 г.).

При анализе эволюции внешней политики КНР В. Намёткевич выдвинул на первый план проблему китайско-американских отношений. Анализируя материалы, связанные с визитом в КНР Р. Никсона, автор приходит к выводу, что как маоистскому режиму, так и правительству США, несомненно, присуще стремление к политическому сближению, однако подлинные намерения, которыми руководствовалась каждая из сторон, были различны и даже противоположны. Он указывает также, что политика США в отношении Китая складывалась под чрезвычайно сильным нажимом различных тенденций. На американские правящие круги оказывали и продолжают оказывать давление прежде всего крайне правые и реакционные силы, желающие разыграть так называемую «китайскую карту» против СССР. Эти империалистические круги стремятся, по существу, сделать Китай объектом своих политических махинаций и во имя собственных целей готовы содействовать антисоветской политике маоистского режима. При этом они недооценивают или вовсе игнорируют возможность весьма опасных для всего мира последствий авантюристической политики маоистов. Более детальный анализ позиции китайской стороны позволяет сделать вывод, что маоистские лидеры в процессе сближения с Вашингтоном руководствовались прежде всего стремлением обострить отношения между США и СССР. Искусственное заострение действительно существующих противоречий между капиталистической системой и социалистическим содружеством является в их глазах средством, которое должно служить усилению позиций Китая в мире. Визит Р. Никсона в КНР ясно показал, что группа Мао Цзэдуна решила вступить в политическое сотрудничество с империализмом на антисоциалистической и антисоветской основе.

В. Намёткевич анализирует также комплекс проблем, возникающих в отношениях Китая с другими капиталистическими государствами, а также с развивающимися и социалистическими странами. Подводя итоги анализу, он отмечает: «Не подлежит сомнению, что группа Мао Цзэдуна решила приступить к сотрудничеству с капитализмом уже в момент разрыва отношений, связывающих Китай с Советским Союзом и странами социалистического лагеря». Однако, указывает далее автор, «установление отношений сотрудничества с силами империализма маоисты сделали перспективной целью своей политики, а свои усилия сосредоточили прежде всего на политическом проникновении в развивающиеся страны и национально-освободительные движения... Роль гегемона и вождя развивающихся стран должна была обеспечить маоистскому Китаю наиболее выгодные условия для политических торгов с силами империализма». Но, пишет далее В. Намёткевич, этот вариант политической стратегии, осуществлявшейся на практике в 60-е годы, успехом не увенчался, и маоистская верхушка приняла другое стратегическое решение — «она приступила к установлению непосредственного сотрудничества с империализмом, выступая уже не в роли гегемона и вождя развивающихся стран, а только от собственного имени». Этот вариант, отмечает автор, был вынужденным решением, «и с самого начала он предоставлял значительно меньшие возможности для достижения намеченных выгод. Совершенно очевидно, что правящие круги империализма быстро разобрались в реальном положении Китая на международной арене и поняли мотивы, которые побудили пекинских правителей к поискам путей сотрудничества с ними. Поэтому указанные круги пытались принудить группу Мао Цзэдуна к возможно более значительным политическим уступкам, предлагая взамен как можно меньше. И уж вовсе не признали претензий Китая на мировое господство...» (см. 658—659).

В двух разделах главы подробно разбирается кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», начавшаяся первоначально как антиконфуцианская кампания. Анализируя кампанию, автор уделил большое внимание характеристике конфуцианства и его роли в истории китайского общества и убедительно показал, как организаторы кампании фальсифицировали исторический материал, раскрыл примитивность оценок и вульгаризаторский подход маоистов к историческим проблемам. Рассматривая различные аспекты кампании и ее периоды, автор справедливо характеризует ее начальный этап — атаки на Чжоу Эньлая и группировавшиеся вокруг него руководящие партийно-государственные и военные кадры старшего поколения. Далее, прослеживая ход кампании, В. Намёткевич приходит к выводу о ее двойственном характере. С одной стороны, проявлялась тенденция к расширению рамок кампании, с другой — к ограничению ее размаха, с тем чтобы свести ее тематику в русло экономических и производственных проблем. Эта ситуация, по мнению автора, отражала разногласия, существовавшие в маоистском руководстве, и свидетельствовала о том, что стремление к расширению рамок кампании, которое форсировала группа Цзян Цин, сталкивалось с противоположной тенденцией группировки Чжоу Эньлая. Автор показывает также, как кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» использовалась для разжигания в китайском обществе националистических настроений, для эскалации антисоветской клеветы.

В анализе X съезда КПК автор опирается в основном на официальные китайские документы, прежде всего доклады Чжоу Эньлая и Ван Хунвэня. Автор вскрывает маоистский характер обоих докладов, разоблачает содержащиеся в них фальсификации, остро полемизирует с их антисоциалистической и антисоветской направленностью, показывает стремление разжечь в китайском народе шовинистические настроения и великодержавные амбиции. Характеризуя персональный состав сформированных съездом руководящих органов КПК, В. Намёткевич приходит к выводу, что

«возглавляемая Чжоу Эньлаем группа смогла значительно укрепить свои позиции в структуре власти» (с. 693).

Дальнейший ход внутриполитических событий в стране анализируется в разделе, посвященном «волне дацзыбао» летом 1974 г. Нельзя не согласиться с автором, что эта «волна» носила инспирированный характер. С ее помощью, пишет В. Намёткевич, «экстремистская фракция Цзян Цин стремилась подорвать в глазах народных масс авторитет более прагматической группировки, во главе которой стоял Чжоу Эньлай. Но в результате этого неожиданно разразилась буря недовольства и критических высказываний по отношению к общественно-политической действительности. Стихийное недовольство масс направилось против политической практики маоизма. При этом подвергся критике весь маоистский режим, а не только определенная группа деятелей внутри страны, как входило в первоначальные намерения инициаторов кампании...» (с. 722—723).

Реакция народа притушила на некоторое время борьбу внутри руководящей группировки маоистов. «Публичная демонстрация народного недовольства, — пишет автор, — выявила тенденцию интеграции структуры власти. Однако многое говорит за то, что группа премьера Чжоу Эньлая сумела воспользоваться создавшейся ситуацией для усиления своих позиций в высшем руководстве» (с. 725).

Далее В. Намёткевич анализирует материалы первой сессии ВСНП IV созыва, и прежде всего Конституцию КНР 1975 г. Анализ последней привел его к следующему выводу: «В целом новая Конституция 17 января 1975 г. представляет собой документ, показывающий мрачное обличье маоистского режима. Это документ, легализующий систему произвола и бесправия, террора и попрания элементарных гражданских прав» (с. 732). При характеристике состава сформированных сессией высших государственных органов КНР автор подчеркивает, что более половины фактических их руководителей составляли деятели, выполнявшие ключевые функции в армии и аппарате общественной безопасности.

Продолжая анализ внутриполитического развития Китая, В. Намёткевич переходит к рассмотрению кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» и ее последствий. Автор убедительно доказывает, что эта пропагандистская кампания означала новый этап почти не замаскированного прямого наступления группы Цзян Цин на Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и группировавшиеся вокруг них кадры старшего поколения, которые с определенного времени постоянно расширяли свои позиции в руководстве. Автор показывает, как претворение в жизнь «лево»-маоистских установок привело к увеличению хаоса и кризисных явлений в экономике, массовым волнениям трудящихся, которые подавлялись с помощью армии.

Предпоследний раздел работы Н. Намёткевича о состоянии народного хозяйства Китая в первой половине 70-х годов является продолжением разделов книги, написанных советскими авторами и посвященных характеристике экономической структуры Китая в предшествующие периоды. Развернутую характеристику народного хозяйства КНР в указанный период автор начинает с разбора целого ряда общих данных (например, численность и состав населения, структура национального дохода и т. п.). Далее он исследует ситуацию, сложившуюся в китайской промышленности, обращая особое внимание на огромные — учтенные и неучтенные — потери, которые принесла китайской экономике «культурная революция». Множество ее негативных последствий, подчеркивает автор, не поддаются точному учету, например потери в области подготовки квалифицированных кадров для промышленности. На конкретных данных показывается катастрофическое снижение темпов роста национальной экономики. В. Намёткевич рассматривает также положение, сложившееся в сельском хозяйстве Китая в первой половине 70-х годов. Анализ имеющихся статистических данных приводит автора к выводу, что темпы развития сельского хозяйства были крайне низкими. При этом темпы роста населения значительно превышали темпы роста производства зерновых.

Большое место автор уделяет характеристике милитаристских устремлений китайского руководства и отмечает, что одной из главных причин медленных темпов экономического развития является чрезмерное отягощение народного хозяйства расходами на военную промышленность и на содержание самой большой в мире по численности армии. «Форсирование военных усилий маоистского Китая, — пишет В. Намёткевич,— предпринимаемых в условиях всеобщей отсталости и неразвитости промышленности, является тяжелым бременем для всего общества. ... По существу, милитаризация Китая тормозит и обращает вспять развитие народного хозяйства... Единственным результатом форсированной милитаризации является дальнейшее углубление хозяйственной отсталости и закрепление полуголодного существования огромных масс китайского населения» (с. 769).

В последней части раздела автор обращается к программе «четырех модернизаций», выдвинутой Чжоу Эньлаем на сессии ВСНП в январе 1975 г., и сопоставляет ее концепцию с реальным состоянием национальной экономики Китая. При этом он приходит к однозначному выводу: «Весь имеющийся на сегодняшний день опыт Китая указывает на то, что он не в состоянии достигнуть целей, выдвинутых Чжоу Эньлаем. Он не сможет добиться такого экономического уровня, чтобы провести полную модернизацию промышленности, а тем более сельского хозяйства. И хотя Китай является огромной страной с неисчерпаемыми ресурсами и возможностями, это не дает никаких шансов на то, чтобы указанные цели были осуществлены в нынешнем столетии. Порожденные великодержавными амбициями перспективные планы китайского руководства лишены всяких оснований в хозяйственной реальности современного Китая» (с. 773—774).

Весь труд В. Намёткевича завершает обширное заключение. В нем автор рассматривает внешнюю политику и внутриполитическое положение Китая в период 1975—1976 гг., вплоть до начала апреля 1976 г., включая известные события на площади Тяньаньмэнь, которые оцениваются как антимаоистское выступление масс. Подводя итоги, автор подчеркивает, что общественная система современного Китая характеризуется глубоким извращением марксизма и постепенной антисоциалистической эволюцией. Особенно глубокий ущерб был нанесен духовной жизни китайского общества. Идеологическую сферу заполнили национализм, ксенофобия и великодержавный шовинизм. Серьезнейшему искажению подверглись принципы власти. Маоистское руководство установило режим террора, бесправия и произвола, который не имеет ничего общего с идеалами социализма. В то же время маоистские руководящие круги не отрекаются открыто от терминологии и некоторых лозунгов, почерпнутых из теории марксизма-ленинизма. Они отдают себе отчет в высоком авторитете марксистской идеологии, которая является для широких народных масс символом крушения старого строя и перемены к лучшему, и стремятся паразитировать на этом авторитете.

Другая сфера, в которой со всей полнотой выражаются упомянутые извращения, — это внешняя политика маоистского Китая. «Пекинские лидеры, — пишет, в частности, В. Намёткевич, — вполне открыто стремятся сегодня к установлению союза с силами империализма на антисоветской и антисоциалистической платформе. Во имя осуществления своих великодержавных идеалов они идут на сотрудничество с крайне правыми и реакционными кругами капиталистического мира. По сути дела, маоистский Китай открыл наряду с империализмом второй фронт борьбы против подлинного социализма современного мира. Главное острие этой борьбы направлено против Советского Союза, составляющего главную силу мировой социалистической системы. В то же время деятельность маоистов наносит огромный вред всем странам социалистического лагеря» (с. 822—823).

В. Намёткевич отмечает также, что авантюристическая и волюнтаристская политика маоистов завела китайское общество в глухой тупик в области социального развития. Создавшееся ныне в Китае положение не является и не может быть стабильным.

«Новейшая история Китая» была издана в Польше большим тиражом — 16 750 экземпляров — и сразу же вызвала живейший интерес у читателей. Многие рецензенты отмечали, что удачное сочетание насыщенной фактами «Новейшей истории Китая» с обширным комментарием, характеризующим современное положение в этой стране, значительно расширило круг читателей. Польское издание «Новейшей истории Китая» являет собой хороший пример сотрудничества китаеведов социалистических стран.

Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук

* * *

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Против маоистских фальсификаций

27—29 марта в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран проходила научно-практическая конференция, посвященная актуальным проблемам борьбы против маоистских фальсификаций в области истории. Она проводилась Академией наук СССР и Академией общественных наук при ЦК КПСС. В конференции приняли участие видные советские и зарубежные ученые, партийные работники, представители общественности.

На конференции присутствовали вице-президент Академии наук СССР П. Н. Федосеев, заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС В. А. Медведев. Конференцию открыл академик Е. М. Жуков. Вступительное слово произнес секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, который от имени Центрального Комитета КПСС горячо приветствовал участников научно-практической конференции, ученых и партийных работников Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Чехословакии, Советского Союза и пожелал им успешной, плодотворной работы.

К. В. Русаков в своем выступлении отметил, что в современном мире идет, не затухая, острая идеологическая борьба вокруг ключевых событий, определивших лицо нашей эпохи. XX век — это век Октябрьской революции, век утверждения реального социализма в большой группе стран мира. И именно сейчас, когда реальный социализм все больше определяет ход мирового развития, его классовый враг усиливает попытки любыми средствами очернить эту систему, исказить процесс становления международных социалистических отношений.

В эту кампанию включены не только все виды пропаганды, но и более тяжелая артиллерия — широкая сеть научно-исследовательских учреждений. Под видом изучения прошлого отдельных стран и их отношений

друг с другом делаются попытки найти в истории аргументы для того, чтобы бросить тень на социалистический мир, вызвать и оправдать чувство оголтелой враждебности к Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Занимается этим немалое число буржуазных ученых, но с некоторых пор с особым усердием — пекинские фальсификаторы истории.

Что касается китайских лидеров, то они действуют весьма расчетливо и коварно. Извращение истории совершается чуть ли не под флагом социалистических исследований, псевдонаучная продукция камуфлируется нередко марксистско-ленинской фразеологией. Из летописи веков китайские фальсификаторы берут лишь то, что можно как-то приспособить к нынешнему курсу Пекина. Так же они используют и собственную богатую и сложную историю Китая.

Внимание китайских деятелей к историческому прошлому имеет отнюдь не академическое значение. Поднимая, с одной стороны, из небытия трубадуров давних захватнических походов, превозносивших разбой китайских богдыханов, а с другой стороны, изображая Китай как страну, «обиженную» соседями, маоистские прислужники пытаются обосновать гегемонистскую экспансионистскую политику сегодняшнего Пекина, стремятся одурманить многомиллионные массы Китая ядом великодержавного шовинизма.

На почве борьбы с реальным социализмом сколачивается своего рода единый фронт буржуазной и маоистской историографии. Направления фальсификаторской деятельности маоистов в области истории многообразны. По сути дела, пекинские клеветники отрабатывают сейчас в полном объеме тот же репертуар, на котором специализируется буржуазная антикоммунистическая историография. В этой неблаговидной деятельности маоистов особенно бросаются в глаза попытки «научно» обосновать территориальные притязания Китая к соседним странам. Китаеведам известно, что фабрикация таких «обоснований» поставлена в Пекине на конвейер. В ней участвуют сейчас многочисленные специалисты, набившие на этом руку. Становится заметно, что пухлые тома по истории, скажем, взаимоотношений Китая с Россией написаны уже не хунвэйбиновским, а, скорее, профессорским почерком. Теперь к этому делу широко привлекаются ученые люди из тех, кто наловчился искажать, фальсифицировать, передергивать и подтасовывать факты в угоду маоизму.

Убедительно разоблачать такую фальсификацию необходимо. Это требует больших специальных знаний и своего рода искусства. Значительно усложняются поэтому, становятся более ответственными задачи научного и пропагандистского аппарата, всего идеологического фронта по противодействию пекинской пропаганде. При этом научная добротность должна сочетаться с принципиальным политическим классовым подходом.

История, отметил К. В. Русаков, изобилует примерами того, что каждый агрессор обычно начинает подготовку к агрессии с так называемой картографической войны, с исторического, географического и иного, иногда завуалированного, оправдания своих притязаний на чужие земли. Этот образ действий, как показывает практика, взят на вооружение Пекином. Правда, пекинские милитаристы от карт и псевдоисторических обоснований своих претензий уже переходили к военным акциям и прямым захватам чужих территорий. Не единственный тому пример — агрессия против Индии в конце 50-х — начале 60-х годов.

Недавнее вооруженное нападение Китая на Вьетнам обозначило новый поворот в китайской политике: речь идет уже о крупномасштабном применении Пекином военной силы против соседнего социалистического государства для реализации своих захватнических целей.

Китайская агрессия — особенно в результате скрытой, но несомненной причастности империалистических сил к этой преступной акции — создала ситуацию, в которой прочность всеобщего мира подверглась серьезному испытанию. Пекин и теперь не отказывается от нагнетания напряженности и вооруженных провокаций. Об этом говорят и захват китайской военщиной так называемых спорных районов на вьетнамо-китайской границе, и непрекращающиеся провокации Китая против Лаоса и Кампучии.

Мы можем констатировать сегодня, что агрессия против Вьетнама не достигла своих целей. Победили стойкость и мужество вьетнамского народа, победила действенная солидарность с Вьетнамом Советского Союза, стран социалистического содружества, широкое осуждение захватчиков международной общественностью. Словом, между великодержавными амбициями пекинских гегемонистов и их реальными возможностями дистанция значительная.

Вместе с тем нападение на Вьетнам проливает беспощадный свет на назначение пекинских исторических изысканий. Этими изысканиями хотят вымостить путь для самой широкой экспансии маоистского Китая. Так что данная конференция, ее тематика имеют, без всяких оговорок, насущное политическое значение.

Важная цель китайских упражнений на поприще истории — поставить под сомнение принцип пролетарского, социалистического интернационализма, лежащий в основе отношений братских государств, посеять между ними семена отчуждения. И здесь на вооружение берется фальсификаторский подход к истории. Прошлые взаимоотношения стран, где ныне утвердился социалистический строй, маоистские фальсификаторы представляют как цепь сплошных конфликтов. Связи между прогрессивными, демократическими силами России и других государств сознательно замалчиваются. Полностью игнорируются такие моменты в истории, к примеру, как освобождение балканских народов от турецкого ига, когда Россия объективно играла позитивную роль. Для чего это делается? Ответ один: для того, чтобы по крайней мере омрачить сегодняшний день социалистического содружества с его действительно равноправными, действительно дру-

жескими, братскими отношениями наших партий, стран и народов.

А чего стоят злобные китайские измышления по поводу Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи! Мимо этой лжи, рассчитанной на большие массы еще плохо осведомленных людей, пройти нельзя. Ее следует разоблачать, показывая подлинное обличье авторов, враждебных делу мира и социализма.

И еще об одном. Агрессия Пекина против социалистического Вьетнама дала буржуазной пропаганде повод для широкой кампании, цель которой — доказать, что войны порождаются не только империализмом, но и социализмом. Этой идеологической диверсии должен быть дан решительный отпор.

В действительности социализм ни как учение, ни как система не несет и, конечно, не может нести никакой ответственности за нападение китайских войск на Вьетнам. Это разбойничье нападение подготовлено и продиктовано не социалистическими идеями, а маонизмом — идеологией шовинизма, великодержавия и гегемонизма. Это нападение еще раз подтверждает наш вывод, что маонизм означает войну. Характерно, что сам метод разбойничьей агрессии против Вьетнама заимствован Пекином из арсенала империалистической политики. Даже слова, которыми пользуются китайские лидеры для обоснования своей агрессивной войны против Вьетнама, — «наказать и проучить», — и те взяты из лексикона империалистической, а отнюдь не социалистической политики.

Действия Китая в Юго-Восточной Азии показывают, что нынешняя внешняя политика пекинского руководства — это не социалистическая, а откровенно антисоциалистическая политика. Агрессия не имеет ничего общего с социализмом.

В заключение К. В. Русаков еще раз подчеркнул актуальность борьбы против маоистских фальсификаций в области истории, актуальность разоблачения шовинистических «изысканий», которые ведутся сейчас в Пекине, то есть особо отметил значение и важность той работы, которая уже проводится в Советском Союзе, других братских странах и получит, как можно надеяться, новое плодотворное развитие на нынешней конференции.

Борьба наших партий против маоистской идеологии и практики, проводимая в соответствии с решениями XXV съезда КПСС и съездов других братских партий, представленных на этой конференции, преследует благородные цели и по отношению к китайскому народу. Она продиктована искренним желанием помочь Китаю, китайским революционерам, подлинным китайским патриотам покончить с таким антикитайским, антинародным явлением, каким является маоизм с его агрессивной внешней политикой. Антимаонизм — это лозунг настоящих друзей китайского народа, друзей Китайской Народной Республики.

Как указывал товарищ Л. И. Брежнев, мы хотели бы видеть Китай процветающей социалистической страной. «Мы глубоко убеждены, — подчеркнул Леонид Ильич, — что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие».

Но пока это время не наступило, необходимо твердо следовать указаниям съездов наших партий о принципиальной, непримиримой борьбе с маонизмом — одним из самых опасных источников шовинизма, насилия и войны.

С докладом «Маоистские фальсификации основных этапов истории СССР» выступил академик А. Л. Нарочницкий. Он напомнил, что современную гегемонистскую и экспансионистскую политику Китая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев оценил как «самую серьезную угрозу миру во всем мире и источник международной напряженности». Докладчик подверг глубокому анализу современную китайскую литературу по истории СССР, применяемые маоистами методы фальсификации истории. Он остановился прежде всего на маоистских фальсификациях советского периода истории, подверг критике несостоятельные маоистские теории, обвиняющие Советский Союз в перерождении, в реставрации капитализма, при этом указал на тенденцию использовать клеветнические версии западной троцкистской и социал-демократической советологии. Он всесторонне показал несостоятельность пропагандистской шумихи, поднятой Пекином с целью обвинить Советский Союз в том, что он якобы борется за мировое господство и продолжает колониальную политику царской России.

В последнее время, отметил А. Л. Нарочницкий, китайские фальсификаторы истории выдвинули в журнале Академии общественных наук КНР «Шицзе лиши» («Мировая история») концепцию трех периодов новейшей истории, представляющую в извращенном виде место нашей страны в современном всемирно-историческом процессе. 1917—1949 годы объявлены первым этапом новейшей истории — периодом, с которого начинается противостояние между социализмом и капитализмом. При этом делается попытка умалить роль Великой Октябрьской социалистической революции и раздувается значение победы революции в Китае. Успехи СССР и других стран социализма замалчиваются, и выдвигается тезис о том, что с 1949 до начала 60-х годов имел место второй этап новейшей истории, когда обозначился перевес сил социализма над силами империализма. Третий этап — после начала 60-х годов — рассматривается как период существования и борьбы трех миров, якобы сменивший период существования и борьбы двух лагерей, социалистического и империалистического, после «перерождения СССР». Этот тезис, подчеркнул докладчик, явно имеет своей целью замаскировать превращение современного Китая в резерв, а затем и в союзника империализма, в опасный очаг новой войны. Данная концепция связана прежде всего с отрицанием существования

в современную эпоху мировой социалистической системы.

Касаясь вопросов, связанных с извращением маоистами истории разграничения России и Китая и советско-китайских отношений, он показал, что маоистские фальсификаторы полностью отвергают ленинское учение о самоопределении наций как главную основу для решения территориальных вопросов в современную эпоху, извращают историю пограничных районов, искажают ленинскую трактовку неравноправных договоров капиталистических стран с Китаем, объявляя все территориальные статьи в русско-китайских договорах неравноправными и якобы отвергнутыми в свое время Лениным. Излюбленные приемы маоистских фальсификаторов истории, ставящие их за пределы исторической науки, — это антинаучность, площадная грубость, бесцеремонное извращение фактов и смысла источников.

Академик А. П. Окладников в своем докладе «Археология и маоизм (на примере синантропа и палеолита)» убедительно показал политическую направленность трудов китайских археологов, неизбежно приводящую к различного рода фальсификациям. Положительный сдвиг в китайской исторической науке и археологии — в сторону от архаических традиций — произошел лишь в первые годы после образования КНР под влиянием марксизма-ленинизма, под воздействием советской археологии. Однако с захватом власти маоистами прогрессивным влияниям был поставлен заслон. Археология стала средством агрессивной политики Пекина, направленной прежде всего против Советского Союза, против ленинской концепции всемирной истории.

А. П. Окладников на конкретных фактах убедительно показал, что гегемонистское мировоззрение маоистских археологов, их великодержавные политические тенденции и аппетиты выражаются во всемирно-историческом плане не только в оценке синантропа. Они имеют и другие проявления.

Член-корреспондент Академии наук СССР М. И. Сладковский в своем выступлении «Основные направления маоистских фальсификаций истории» на богатом фактическом материале разоблачил попытки маоистских историков и пропагандистов, преследующих шовинистические цели, фальсифицировать всемирную историю и историю самого Китая. Он вскрыл антимарксистскую, антинаучную сущность «корректировок истории», осуществляемых маоистами в спекулятивных политических целях.

Значительное место в докладе было уделено разоблачению лжетеории «единой китайской нации», к которой прибегают маоисты в последнее время, пытаясь доказать, что ханьские народы и народности, населяющие территорию современного Китая или соседние территории, являются всего лишь «ветвями» одного дерева — «единой китайской нации», основу которой составляют ханьцы. Эта истрепанная теория, пропагандировавшаяся еще чанкайшистами, вытащена на свет для обоснования территориальных притязаний нынешних китайских гегемонистов, с целью перечеркнуть самобытную историю и культуру многих народов Дальнего Востока, их многовековую борьбу за сохранение независимости. Фальсификация истории маоистами, отметил М. И. Сладковский, является продолжением политической борьбы маоистов против теории и практики научного социализма.

Член-корреспондент Академии наук СССР С. Л. Тихвинский отметил, что борьба с апологетикой великоханьского гегемонизма — важная задача исторической науки. В его докладе показан «поворот» китайского руководства в сторону гегемонизма, сползание на позиции социал-шовинистической идеологии, получившее отражение в оценке исторических фактов и трактовке всемирной истории, подчиненной китаецентризму. На большом фактическом материале исторических «аргументов» маоистов С. Л. Тихвинский показал, что они отбрасывают принцип историзма и выдвигают нелепое требование восстановления былых границ прошлых империй (Александра Македонского, Чингисхана, Великих Моголов, Османов и т. д.).

В трудах китайских историков великоханьский гегемонизм проявился в безудержном восхвалении традиций китайской культуры и пренебрежительном отношении ко всему иностранному. Маоисты, объявляющие Китай центром всей мировой истории, ведущей силой всемирной борьбы за освобождение человечества, являются прямыми продолжателями тысячелетних китаецентристских представлений феодального Китая о превосходстве китайской культуры, цивилизации, системы политического управления культурой, цивилизацией всех других народов, которых они по-прежнему считают «варварами».

На конференции выступили также члены-корреспонденты АН СССР А. И. Крушанов, П. А. Жилин, академики АН союзных республик М. К. Нурмухамедов, Б. И. Искандеров и др. В ней приняли участие ученые братских социалистических стран: Дао Зуй Тунг (СРВ), Д. Косев (НРБ), Ф. Тёкеи (ВНР), Р. Фелбер (ГДР), Ш. Бира (МНР), Р. Славинский (НРП), Я. Цесар (ЧССР) и др.

Вьетнамский ученый Дао Зуй Тунг подчеркнул, что Советский Союз на протяжении более полувека неизменно оказывал поддержку революционному делу вьетнамского народа и что ныне своевременные и эффективные действия страны Ленина прозвучали грозным предупреждением китайским захватчикам и их империалистическим союзникам. Аннексия территории Вьетнама — это давняя мечта китайских реакционеров. Уже много лет, отметил Дао Зуй Тунг, они используют коварные методы, чтобы толкнуть Вьетнам на избранный лидерами Пекина путь антисоветизма, борьбы против трех революционных потоков современности, и дошли до предательства интересов трудящихся всего мира и самого китайского народа ради осуществления своих экспансионистских замыслов.

50-миллионный народ Вьетнама закалился в длительной войне против империализма, сплочен с народами Лаоса и Кампучии,

пользуется горячей поддержкой и помощью народов мира, прежде всего Советского Союза, других братских социалистических стран. Такой народ даст достойный отпор любым агрессивным поползновениям китайской реакционной военщины.

Академик Академии наук МНР Ш. Бира в докладе «Маоистская фальсификация истории МНР и историческая действительность» вскрыл исторические корни и характер притязаний Пекина к МНР, унаследованных нынешними правителями Китая от китайских милитаристов и чанкайшистов. Он разоблачал спекуляцию маоистов на исторических фактах, подгонку истории под синоцентристскую модель. Докладчик привел факты искажения истории для обоснования современной гегемонистской политики в отношении МНР. Ш. Бира показал идеализацию захватнических войн современными китайскими историками, их стремление представить дело таким образом, будто эти войны сыграли прогрессивную роль, будто Чингисхан «сломал границы между национальностями и восстановил вновь великое многонациональное государство, которого не было со времен династий Хань и Тан». Таким образом, сказал Ш. Бира, китайские историки пытаются доказывать, что огромные территории, завоеванные Чингисханом, принадлежали Китаю и, следовательно, ныне он может на них претендовать. Докладчик отметил, что в марксистской историографии уже дана научная оценка деятельности Чингисхана и других завоевателей. Он показал ненаучность и других «теорий», привел факты борьбы народов за свою независимость против ига чужеземных завоевателей.

Извращая исторические факты, сказал Ш. Бира, маоисты грубо извращают и новейшую историю Монголии. Они развернули оголтелую шовинистическую кампанию против МНР и, прикрываясь ею, форсируют военные приготовления против МНР.

Ш. Бира внес ряд предложений, направленных на дальнейшее расширение борьбы против маоистской фальсификации истории.

В докладах и выступлениях участники конференции убедительно показали, что нынешние китайские руководители проводят в широких масштабах фальсификацию истории Китая, его взаимоотношений с соседними государствами в прошлом и настоящем, извращают всемирно-исторический процесс. Особенно злобно очерняют они историю стран социалистического содружества, и в первую очередь СССР. Цель этого вторжения маоизма в историческую науку — отравить китайский народ ядом великоханьского шовинизма, псевдоисторическими построениями оправдать сегодняшний экспансионистский курс Пекина на международной арене. Разрыв с марксизмом-ленинизмом, смыкание с буржуазно-националистической идеологией, использование «методологии» крайне реакционной империалистической пропаганды — таков «теоретический» арсенал пекинских фальсификаторов истории.

Советская историческая наука, ученые братских социалистических стран давно уже ведут настойчивую, принципиальную борьбу против маоистских фальсификаций в области истории. Они вскрыли полную научную несостоятельность маоистской интерпретации всей суммы исторических знаний, начиная от археологии и кончая современными теориями международных отношений. Ныне в КНР в массовых масштабах выпускается псевдонаучная продукция, создатели которой беззастенчиво извращают историю международного коммунистического и рабочего движения, искажают и принижают роль Октябрьской социалистической революции в мировом историческом процессе и помощь международного рабочего и коммунистического движения китайской революции, представляют в ложном свете историю КПК, историю освободительной борьбы китайского народа. С целью оправдать смыкание Китая с империализмом и одновременно спровоцировать антисоциалистические, антисоветские настроения в китайском народе фальсифицируется история империалистической агрессии в Китае, замалчивается история ограбления Китая империалистическими державами: США, Японией, Англией, Францией, Германией. Произвольно перекачивая историю, в Пекине пытаются изобразить Россию «извечным врагом» Китая, переносят негативные оценки политики дореволюционной России на политику СССР.

Маоистские идеологи «увязывают» свои исторические публикации с деятельностью пекинской дипломатии. Особенно опасный характер приобретает перекройка истории соседей Китая — Монголии, Вьетнама, Индии, Лаоса, Бирмы, Советского Союза и других государств Азии — в связи с территориальными претензиями китайских лидеров к сопредельным странам. Сегодня на страницах китайских газет помещаются даже «исторические» очерки, обеляющие разбойничье нападение китайской военщины на Вьетнам путем экскурсов в историю древности и средневековья. Но в Пекине не учитывают, что история жестоко наказывает как тех, кто забывает ее уроки, так и тех, кто пытается производить с ней действия, чуждые ее духу и законам.

Как показала конференция, советские историки, ученые-китаеведы Москвы, Ленинграда, Сибирского отделения АН СССР, Дальневосточного научного центра, Академий наук Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана в тесном содружестве с учеными братских социалистических стран успешно дают отпор китайской фальсификаторской экспансии на поприще истории, ведут мощное наступление на маоистскую идеологию в целом.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

3 апреля 1979 г. правительство КНР объявило, что оно не намерено продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, заключенный в 1950 году, тридцатилетний срок действия которого истекает в апреле 1980 года, хотя в самом договоре предусматривается, что он может быть продлен по согласию обеих сторон. В попытке оправдать эту свою враждебную акцию китайская сторона прибегает к грубым измышлениям, что делает необходимым напомнить о действительном положении вещей.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР был подписан в то время, когда китайский народ остро нуждался в помощи и поддержке для защиты революционных завоеваний и решения вставших перед ним задач экономического и культурного строительства.

Верный своему интернациональному долгу, добросовестно выполняя обязательства, вытекающие из договора, СССР с самого начала твердо и последовательно выступал в защиту интересов КНР на мировой арене, эффективно помогал молодой народной республике давать отпор попыткам вмешательства в ее дела со стороны империалистических сил. Советские военные соединения, посланные в КНР по ее просьбе, надежно защитили страну от налетов вражеской авиации. Наличие советско-китайского договора 1950 г. сыграло решающую роль и в предотвращении прямой империалистической агрессии против КНР в период войны 1950—1953 гг. в Корее, а также во время так называемого «тайваньского кризиса» в 1958 году.

Содействие в создании новых и реконструкции старых отраслей индустрии в Китайской Народной Республике, в разведке и разработке полезных ископаемых, развитие связей в области науки и культуры и многое другое явилось тоже результатом претворения в жизнь положений договора 1950 года и заключенных на его основе соглашений о сотрудничестве между СССР и КНР в различных областях. Об этом известно всему миру. Все это вызывало глубокую признательность и получало высокую оценку китайской стороны.

Нынешняя односторонняя акция Пекина, заявившего о прекращении действия договора 1950 года, никак не увязывается с его неоднократными декларациями о готовности поддерживать с Советским Союзом нормальные межгосударственные отношения. Отклоняя в 1971 году предложение Советского Союза о заключении договора о неприменении силы, а в 1973 году его предложение насчет подписания договора о ненападении, китайское правительство ссылалось на то, будто в таких договорах нет необходимости, поскольку между СССР и КНР существует Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Теперь же по китайской инициативе прекращает свое действие и указанный договор. Все это в совокупности с другими шагами китайского руководства ясно говорит о планомерно проводимой им линии на дальнейшее осложнение и подрыв советско-китайских отношений.

Трансформация отношения Пекина к Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР — от полного одобрения и активного его использования до прекращения действия договора — тесно связана с перерождением политического курса китайских руководителей, который постепенно стал все больше определяться великодержавными, гегемонистскими устремлениями, пренебрежительным отношением к другим странам и народам, враждебностью ко всему тому, что ведет к укреплению мира и международной безопасности, идет вразрез с их планами установления мирового господства. Насколько авантюристической стала политика правящих кругов Пекина, насколько низ-

ко пали они, предав интересы социализма, показала позорная агрессия Китая против Социалистической Республики Вьетнам.

Что касается Советского Союза, то его отношение к Договору с КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи всегда было ясным и последовательным. Оно вытекает из принципиальной позиции СССР в отношении заключаемых им договоров и взятых на себя обязательств, которые он неукоснительно соблюдает.

Сила и действенность советско-китайского договора 1950 года заключалась в том, что в нем выражена непреклонная воля двух великих народов жить в мире и дружбе. И не может быть сомнений, что акция по прекращению действия этого договора предпринята Пекином вопреки воле и интересам китайского народа.

В Советском Союзе неизменно сохраняется глубокое уважение к китайскому народу, к его истории и культуре. Не существует объективных причин для отчуждения, а тем более противоборства народов наших двух стран. Никакие старания противников советско-китайской дружбы, никакие попытки вытравить из памяти народной, перечеркнуть все то позитивное, что было накоплено за годы братского сотрудничества между двумя странами, построить стену вражды между народами Советского Союза и Китая не принесут им желаемых результатов.

Советская сторона заявляет, что вся ответственность за прекращение действия Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР ложится на китайскую сторону. Советский союз, разумеется, сделает соответствующие выводы из указанных действий китайской стороны.

Памяти ВСЕВОЛОДА СЕРГЕЕВИЧА КОЛОКОЛОВА (1896—1979)

Тяжелую утрату понесло советское востоковедение. 18 января 1979 г. после долгой и тяжелой болезни скончался Всеволод Сергеевич Колоколов — непревзойденный знаток языка, духовной и материальной культуры Китая, автор многочисленных научных трудов и учебных пособий, талантливый педагог, неутомимый труженик, горячо любивший свою Родину.

Всеволод Сергеевич Колоколов прошел большой и непростой жизненный путь. Он родился 16 (28) февраля 1896 г. в Кашгаре (Синьцзян), где служил его отец, русский дипломат. В Китае прошли его детские годы, там он получил традиционное китайское образование и на всю жизнь органически освоил и китайскую классическую словесность в ее различных жанрах, и живой язык в его многообразных проявлениях. Затем последовала учеба в одном из наиболее солидных учебных заведений тогдашней России — Царскосельском лицее, где будущий ученый, в частности, усовершенствовал свое знание основных западных языков.

После победы Октябрьской революции В. С. Колоколов служит в рядах Красной Армии, деятельно участвует в строительстве новой жизни, в том числе в создании одной из первых сельскохозяйственных коммун в бывшей Тверской губернии. Но все сильнее ощущалось желание поставить свои знания на службу молодому Советскому государству, начинавшему налаживать отношения со странами Азии и оказывать помощь революционному движению на Дальнем Востоке. В 1920 г. Всеволод Сергеевич поступает на восточное отделение Военной академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии и, закончив его через два года, остается там работать преподавателем. Одновременно он начинает преподавательскую деятельность в Московском институте востоковедения, которая продолжалась более пятнадцати лет. Вскоре он приступает к работе в Коммунистическом университете трудящихся Китая и Университете им. Сунь Ятсена, где помогает молодым китайским революционерам овладевать теорией марксизма-ленинизма. В эти же годы начинается и научная работа В. С. Колоколова. Он публикует (совместно с И. Мамаевым) книгу «Китай. Страна, люди, история», составляет «Краткий китайско-русский лексикон» (1927), пишет работу по фонетике китайского языка.

В 1935 г. кипучая и плодотворная научно-преподавательская деятельность Всеволода Сергеевича Колоколова увенчивается присуждением ему звания профессора. Целые поколения советских китаеведов получали знания Китая, его языка и культуры от самого В. С. Колоколова или его ближайших учеников; для каждого из нас огромным подспорьем в работе был составленный им и опубликованный в 1936 г. китайско-русский словарь.

Когда началась Великая Отечественная война, Всеволод Сергеевич уходит добровольцем на фронт, становится водителем автомашины, под бомбежками и артобстрелом доставляет на передовую боеприпасы и продовольствие. Однако надвигалась война с империалистической Японией, и В. С. Колоколов был откомандирован в распоряжение командования советских войск на Дальнем Востоке. Он участвовал в освобождении Северо-Востока Китая от японских захватчиков, где он с волнением увидел знакомые с детства места, встретился с близким его сердцу трудовым народом Китая.

После окончания войны В. С. Колоколов вновь преподает в различных учебных заведениях, включая Московский государственный университет, а с 1949 г. начинает научную работу в Институте востоковедения АН СССР и его Ленинградском отделении, длившуюся около двух десятилетий. В этот период особенно интенсивной была его деятельность в качестве переводчика, комментатора и редактора. В числе важнейших работ, выполненных им самостоятельно или в содружестве с другими китаеведами, — перевод классических романов «Путешествие на Запад» и «Троецарствие», книга «Китайская классика в тангутском переводе», еще ждущие издания переводы конфуцианского канона «Лунь юй» и «Мэнцзы». В. С. Колоколов познакомил также советского читателя с рассказами Лу Синя и произведениями других представителей новейшей китайской литературы.

Редкостное трудолюбие было свойственно ученому до последних дней его жизни. Сделанные им в последние годы переводы исторических документов и сочинений китайских авторов эпохи Цин сыграли свою роль в разоблачении маоистских фальсификаций истории русско-китайских отношений. В. С. Колоколов, пронесший через всю жизнь любовь и уважение к великому китайскому народу, его истории и культуре, неизменно верил, что коренные интересы народов-соседей в конечном счете восторжествуют над происками врагов советско-китайской дружбы.

Всеволода Сергеевича Колоколова нет более среди нас. Но светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах его учеников и товарищей по работе, в сердцах всех советских китаеведов.

Коллектив Института Дальнего Востока АН СССР

Сдано в набор 30.III. 1979 г. Подписано в печать 17.V. 1979 г.
Формат 70×108¹/₁₆ Бум. л. 6,5 Печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 20,15
Изд. № 28490 А-12133 Заказ 843 Цена 50 коп. Тираж 18387 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области